Зеляк Виталий Григорьевич

Пять металлов Дальстроя:

История горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30-х – 50-х гг. XX в.

МАГАДАН – 2004

Министерство образования и науки РФ
Магаданский филиал Института управления и экономики (г. С.-Петербург)

Научный редактор: кандидат исторических наук, доцент А. И. Широков

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Магаданского филиала Института управления и экономики (г. С.- Петербург).

В монографии рассматривается история горнодобывающей промышленности Дальстроя за весь период существования данной организации в 30-50 г. XX в. Основное внимание автор уделяет социально-экономическому аспекту истории горнодобывающей промышленности. Рассматриваются такие важные проблемы истории Северо-Востока XX в. как геологическое изучение региона, развитие организационной структуры горнодобывающей промышленности, динамика добычи золота, олова, вольфрама, кобальта и урана, широкомасштабное использование труда заключенных. В тесной связи с развитием производственной инфраструктуры Дальстроя рассмотрены такие проблемы социальной сферы как положение основных социальных групп, т.е. вольнонаемных и заключенных работников, развитие социальной инфраструктуры.

Для историков, обществоведов, преподавателей и студентов высших учебных заведений, всех интересующихся историей Северо-Востока России XX в.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Северо – Востока России XX столетия самым тесным образом связана с развитием на его территории горнодобывающей промышленности, с течением времени ставшей ядром народнохозяйственного комплекса далекой окраины нашей страны.

Горстками старателей, на свой страх и риск пробиравшимися от морского побережья вглубь колымской тайги в первой четверти прошлого века здесь было обнаружено наличие золотых россыпей. На рубеже 20 – 30-х годов судьбоносными для нашей территории стали результаты экспедиций под руководством С. В. Обручева, Ю. А. Билибина, В. А. Цареградского, И. И. Молодых и др., доказавших, что в недрах Северо – Востока находятся огромные запасы ценных видов минерального сырья и что возможна их промышленная добыча.

Политика форсированной индустриализации, проводившаяся в СССР в 30-е годы, определила специфику форм и методов освоения месторождений природных ископаемых не только на Северо – Востоке, но и на территории всего российского Севера. Для этого был выбран путь создания чрезвычайных и экстерриториальных организаций, имевших на территории своей деятельности колоссальные властные полномочия. На Колыме и с 1939 года на Чукотке такой организацией стал государственный трест «Дальстрой», в марте 1938 г. реорганизованный в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР.

Результаты работ, выполненных «Дальстроем» на Северо – Востоке в 1932 – 1957 годах прежде всего руками заключенных, не могут не поражать своими масштабами. Именно они стали основой экономики Магаданской области, созданной в 1953 году. Но вплоть до сего времени на ее развитие влияют факторы, заложенные еще деятельностью «Дальстроя». Народное хозяйство области имеет ярко выраженный моноотраслевой перекос, связанный с явно недостаточным развитием иных, нежели горная промышленность, отраслей экономики; слабое развитие социальной инфраструктуры, со времен «Дальстроя» финансировавшейся по так называемому «остаточному» принципу, не способствует динамичному развитию и закреплению трудовых ресурсов в регионе; разрушение природной среды поставило на грань этнической катастрофы коренное население Северо - Востока, чье промысловое хозяйство всецело зависит от эффективного функционирования экосистем.

Поэтому выбор автором предлагаемой книги для изучения именно периода истории нашего региона, связанного с деятельностью «Дальстроя», является абсолютно правильным и важным. В поле зрения В. Г. Зеляка оказались не только процессы развития собственно горнодобывающей промышленности, добычи «пяти металлов», о которых он пишет. Несомненно интересным является и то, что В. Г. Зеляк анализирует динамику горного производства на нашей территории в тесной связи с развитием ее социальной инфраструктуры. Это

обстоятельство выводит книгу В. Г. Зеляка в ряд наиболее значимых исторических исследований по истории Северо – Востока, ибо его результаты позволяют более адекватно оценить исторический путь, пройденный Магаданской областью, да и Северо – Востоком в целом, в XX столетии, а значит более реально намечать пути ее дальнейшего развития.

В течение нескольких последних лет Виталий Григорьевич целенаправленно занимался изучением истории горнодобывающей промышленности нашего региона. Написано много статей, в его научном багаже участие в нескольких научных конференциях самого различного уровня, защищена диссертация. Теперь В. Г. Зеляк предлагает вниманию читателя свою первую большую самостоятельную работу. Надеюсь, что она станет полезной не только профессиональным историкам, но и всем, кому интересна полная драм и противоречий история Северо – Востока XX века. Особенно эту надежду хотелось бы адресовать тем, от чьих сегодняшних решений зависит судьба нашего сурового края, который все мы хотели бы видеть действительно освоенным и процветающим.

доцент, кандидат исторических наук А. И. Широков

ВВЕДЕНИЕ

В начале XXI в. золотодобывающая промышленность остается ведущей отраслью экономики Магаданской области. Недра Колымы и Чукотки дали стране тысячи тонн золота, а также значительное количество других металлов: олова, серебра, вольфрама, кобальта, урана и др.

Потребности развивавшейся золотодобычи и горнодобывающей промышленности в целом предопределили складывание производственной, а во многом и социальной инфраструктуры региона, обусловили быстрые темпы его заселения. В XX в. Северо-Восток стал достаточно развитым в экономическом плане районом.

С 1930-х гг., с начала интенсивного развития золотодобычи, в производственной инфраструктуре Северо-Востока стал складываться, и в дальнейшем не был скорректирован, моноотраслевой перекос в сторону преимущественного развития горнодобывающей промышленности (с ведущей ролью золотодобычи). Данный моноотраслевой перекос своей обратной стороной имел следующую прямую зависимость: кризисы золотодобычи приводили к социально-экономическому кризису всего региона в целом (обратное, тоже в принципе, верно). В советский период наиболее острые ситуации удавалось сгладить посредством вмешательства государства (главным образом увеличением дотаций, усилением геологических исследований), однако в 1990-е годы, социально-экономический кризис с резким падением уровня добычи золота, оказался очень тяжелым для Магаданской области: предприятия закрывались, многие десятки тысяч человек покинули регион, поскольку в народнохозяйственном комплексе государства он оставался исключительно сырьевым. Перерабатывающие и производящие отрасли промышленности на Северо-Востоке практически не развивались (так аффинажный завод на Колыме был введен в эксплуатацию только в 1998 г.), хотя все необходимые предпосылки для этого имелись; высокого уровня развития достигли отрасли, обеспечивавшие нормальную работу горнодобывающей промышленности - ремонтно-механическое обслуживание, топливно-энергетический комплекс, транспорт и некоторые другие.

В этой связи весьма актуальным является обращение к истории становления и развития горнодобывающей промышленности и особенно золотодобычи на Северо-Востоке. В данном исследовании основное внимание уделено истории развития горнодобывающей промышленности Северо-Востока в период деятельности Дальстроя (организационно Дальстрой просуществовал с 1931 по 1957 гг.)[1]. В промышленном развитии региона Дальстрой интенсивно

[1] В монографии под горнодобывающей промышленностью Дальстроя рассматривается прежде всего добыча металлов: золота, олова, вольфрама, кобальта, урана. Вместе с тем в содержание термина «горнодобывающая промышленность» входит и добыча угля, которая имела место и на Северо-Востоке. Для эксплуатации угольных месторождений в начале 1939 г. было создано особое управление - Дальстройуголь, и эти виды работ: до-

и в широких масштабах использовал труд заключенных, и в период его деятельности сложились многие характерные черты производственной и социальной инфраструктуры Северо-Востока. Исторический ретроспективный анализ позволит реконструировать в указанное время основные этапы геологического исследования региона, динамику развития металлодобычи, организационную структуру управления горнодобывающей промышленностью, специфику использования трудовых ресурсов (заключенных и вольнонаемных работников), определить роль и место Дальстроя в золотодобывающем комплексе СССР и т.д. Это внешняя, описательная сторона предлагаемой работы, хотя и самая объемная. Важнее для нас сделанная в монографии попытка найти и обозначить причинно-следственные связи, определившие характер развития горнодобывающей промышленности Дальстроя и его влияние на историческую судьбу региона в целом.

В этой связи с нашей точки зрения необходимо рассматривать историю Дальстроя и его горнодобывающей промышленности в контексте исторического развития всей страны в целом, сравнивать с развитием других регионов и структур и т.д. На современном этапе уже недостаточно изучать Дальстрой изолированно, как «вещь в себе» (к сожалению, подобная тенденция прослеживается в работах ряда региональных историков). Основное внимание в монографии уделено преимущественно социально-экономическому аспекту истории развития горнодобывающей промышленности Дальстроя, хотя обязательно учитывалась и динамика производственно-технологического развития.

История горнодобывающей промышленности Дальстроя являлась актуальной темой для многих исследователей. Однако, степень ее изученности в исторической науке долгое время определялась чрезвычайной секретностью производившихся на Северо-Востоке СССР работ (добыча стратегических минеральных ресурсов), а также спецификой использовавшейся рабочей силы (заключенные). В этой связи в историографии Дальстроя и его горнодобывающей промышленности можно выделить советский период и современный период. В советский период (1950-е – середина 1980-х гг.) данные по объемам металлодобычи, количеству, использовавшихся заключенных и режиму их содержания, чрезвычайным методам интенсификации добычных работ и многие другие данные были засекречены. Содержание исторических исследований определялось идеологическими установками коммунистической партии. Со второй половины 1980-х гг. начался новый этап в историографии (в рабочем порядке можно обозначить его как современный), который охарактеризовался прежде всего

быча металлов и добыча угля никогда не смешивались. Также угледобычу более целесообразно рассматривать в контексте развития топливно-энергетического комплекса Дальстроя, что в принципе и утвердилось в региональной историографии данного вопроса (см.: Глазунов И.Л. Зарождение угледобычи на Колыме и Чукотке (1917-1938 гг.) // Краеведческие записки – Магадан, 1986. – Вып. 14. – С. 17-27 и др.).

рассекречиванием тех данных, которые были не доступны исследователям в предыдущее время, возможностью введения их широкий научный оборот и всестороннего обсуждения.

Рассмотрим основные работы советского периода. Необходимо отметить, не возникло обобщающих фундаментальных трудов по истории золотодобывающей промышленности СССР (по крайней мере, в открытом доступе их нет). В общесоюзных работах, касавшихся успехов социалистического строительства и индустриализации на Дальнем Востоке, Дальстрой и золотодобыча на Северо-Востоке едва упоминались.

Несколько больше внимания Дальстрою было уделено дальневосточными исследователями. В 1972 г. вышла монография Г. А. Унпелева «Социалистическая индустриализация Дальнего Востока»[1], в которой был предложен панорамный взгляд на процессы промышленного развития Дальнего Востока в целом. Весьма важным является то, что Дальстрой в данной работе рассматривался не изолированно, а в контексте истории развития всего Дальнего Востока. Г. А. Унпелев одним из первых в советской историографии указал на такую специфичную черту системы управления Дальстроем, как сосредоточение всей партийной, административно-советской, хозяйственной и культурно-просветительской деятельности в руках руководства Дальстроя. Подразумевая жесткую централизацию и широкомасштабное использование труда заключенных, Г. А. Унпелев акцентировал внимание на эффективности «нового способа» решения проблем управления промышленным развитием в Дальстрое. Хотя данный способ и носил чрезвычайный, не вытекающий, по его мнению, из действовавшей конституции, ограничивающий обычные демократические нормы характер.

Более продуктивной в изучении истории горнопромышленного освоения Северо-Востока в 1930-е – 1950-е гг. была региональная историография. Первые региональные исследования вышли в свет в связи с 25-летием данной организации и имели полумемуарный характер. Непосредственные участники событий описывали развитие технологических циклов золото- и оловодобычи, начало геологоразведочных работ на Северо-Востоке, создание отраслей хозяйства, обеспечивавших преимущественное развитие горнодобывающей промышленности (строительство, топливно-энергетический комплекс, сельское хозяйство и т.п.). Указанные проблемы были отражены в сборнике статей «Дальстрой. К 25-летию»[2] и в книге заместителя начальника Дальстроя М. В. Груши «25 лет Дальстрою»[3], изданных в Магадане в 1956 г.

Начало 1960-х гг. было отмечено появлением исследований, которые основывались преимущественно на документальных материалах, позволявших более адекватно оценивать

---

[1] Унпелев Г.А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1972.
[2] Дальстрой. К 25-летию. – Магадан: Кн. изд-во, 1956.
[3] Груша М. В. 25 лет Дальстроя. – Магадан: Кн. изд-во, 1956.

процессы промышленного развития региона. Н. А. Жихарев в «Очерках истории Северо-Востока РСФСР (1917-1953 гг.)»[1] (1961 г.) на основе широкого использования доступных в то время материалов партийного архива Магаданской области (ПАМО), рассмотрел общие вопросы развития региона сквозь призму особого влияния местных и центральных партийных органов на динамичное промышленное развитие региона. Описывая процесс освоения Северо-Востока в 1930-е гг., автор важное внимание уделил развитию горнодобывающей промышленности Дальстроя, иллюстрируя на ее примере успехи «социалистического строительства» на Колыме. Несмотря на характерную для того времени идеологическую заданность исследований, Н. А. Жихарев сумел системно изложить сведения об основных этапах формирования организационной структуры горнодобывающей промышленности Дальстроя, освоении новых видов техники и технологий (в т.ч. дражной золотодобычи), привел примеры трудового энтузиазма трудящихся, а также упоминул, что на Северо-Востоке работали не только по вольному найму, но и заключенные лагерей.

Геологическому исследованию Северо-Востока в 1930-1940-е гг. была посвящена работа С. В. Левченко и Д. Л. Мозесона «Золотая Колыма. Из истории открытия и освоения Северо-Востока СССР», опубликованная в 1963 г.[2] Особое внимание авторы уделили основным этапам геологоразведочных работ по поиску и началу эксплуатации месторождений золота, олова, кобальта и других видов полезных ископаемых; весьма ценными являются сведения авторов о жизни и деятельности геологов-первооткрывателей.

Большинство исследователей в тот период преимущественно концентрировали свое внимание на изучении истории промышленного освоения центрального Колымского района. Вместе с тем уже тогда стали актуальными и вопросы промышленного освоения Чукотки. Еще в 1956 г. В. А. Васильев и Э. Е. Селитренник, указали на значительную роль Дальстроя в изучении и освоении ископаемых богатств Чукотки[3]. Однако более комплексно к изучению развития горнодобывающей промышленности Чукотки подошел Г. Г. Рощупкин. На рубеже 60-70-х гг. XX в. были опубликованы его работы, в которых исследовались вопросы становления и развития добычи олова и угля на Чукотке в 1917-1953 гг. Исключительная роль в руководстве работой и достижениях Чаун-Чукотского горнопромышленного управления Дальстроя признавалась за партийно-политическими органами[4]. Вместе с тем Г. Г. Рощупкин

---

[1] Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917-1953 гг.). – Магадан: Кн. изд-во, 1961.
[2] Левченко С. В, Мозесон Д. Л. Золотая Колыма. Из истории открытия и освоения Северо-Востока СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
[3] Васильев В. А., Селитренник Э. Е. Промышленность Чукотки. // Преображенный край. – Магадан, 1956. – С. 138 - 144.
[4] Рощупкин Г. Г. Роль Чаунской районной партийной организации в промышленном освоении Чукотки. // История и культура народов Севера Дальнего Востока. - М.: Наука, 1967. - С.150-159. Он же. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917-1953 гг.). // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. - Магадан: Кн. изд-во, 1971. - С. 5-80 и др.

указывал, что функции Дальстроя далеко выходили за пределы его непосредственной производственно-хозяйственной деятельности, являлись специфическими, не свойственными обычным формам управления народным хозяйством в центральных районах страны. Исследования Г. Г. Рощупкина основывались на широком привлечении документов архивов Магаданской области (с Чукоткой) и Хабаровского края, и во многом сохраняют свою актуальность по настоящее время.

Б. И. Мухачев во вступительной статье к сборнику «Время. События. Люди. Исторические очерки об освоении Колымы и Чукотки (1928-1940 гг.)» (1968 г.)[1], вновь подчеркнув, ведущую роль коммунистической партии в деле промышленного освоения Северо-Востока, основное внимание сосредоточил на анализе развития геологического изучения края в предвоенный период. Ему удалось обосновать важную роль добычи золота на Колыме как одного из способов накопления средств на проведение индустриализации в СССР.

В другой своей статье «Начало промышленного освоения Колымы (1928-1937)»[2] (1970 г.) Б. И. Мухачев во многом продолжил разработку указанных проблем. Автор справедливо указал на то, что горнодобывающая промышленность являлась ведущим компонентом в экономике региона, и уже для обеспечения ее потребностей развивались строительный, топливно-энергетический комплекс, ремонтно-механическая база и т.д. В своих исследованиях Б. И. Мухачев опирался не только на доступные материалы партийного архива Магаданской области, но и на документы Государственного архива Магаданской области (ГАМО), что позволило более комплексно исследовать историю промышленного развития Северо-Востока.

Дальнейшему исследованию развития промышленности и культурному строительству Чукотки была посвящена коллективная работа сотрудников лаборатории истории, археологии и этнографии СВКНИИ ДВО АН СССР «Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней»[3] (1974 г.). Основное внимание авторов было сосредоточено на вопросах развития оловодобычи, топливно-энергетического комплекса, социальной инфраструктуры. Как во многих предыдущих исследованиях, исключительное значение в промышленном и культурном строительстве Чукотки придавалось деятельности партийно-государственных органов.

В середине 1970-х появилась «Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917-1972 гг.»[1] - работа, содержащая обширный фактический материал по истории региона. В данной работе много внимания уделено событиям, связанным с горнодобывающей промышленностью Дальстроя (образование горнопромышленных управлений, начало

[1] Время. События. Люди. Исторические очерки об освоении Колымы и Чукотки. - Магадан, 1968. - С. 5-15.
[2] Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928-1937). // Краеведческие записки. - Магадан, 1970. - Вып.8. - С. 69-79.
[3] Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. – Новосибирск: Наука, 1974.

строительства поселков, приисков). Однако, отбор сведений производился с целью иллюстрации процесса превращения Северо-Востока из малоизвестной окраины в промышленно развитый регион, решающей роли при этом коммунистической партии и т.д. Также специфика данного вида работы не предполагала анализа излагаемых событий.

Большое внимание истории развития геологических исследований, добыче металлов уделялось на страницах журнала «Колыма»[2] (первый номер данного периодического издания вышел в 1936 г.). Долгое время «Колыма» издавалась как производственно-технический бюллетень, а затем как производственно-технический журнал и в своей сфере является наиболее авторитетным периодическим изданием в регионе.

В целом историография советского периода, несмотря на большую работу, вследствие ограниченного доступа к закрытым архивным фондам смогла лишь частично и односторонне осветить интересующий нас комплекс региональной исторической проблематики. Неисследованными оказались вопросы, связанные с широкомасштабным использованием труда заключенных и режимом их содержания на различных этапах деятельности Дальстроя, не достаточно освещенными оказались роль и место Дальстроя в золотодобывающем комплексе СССР и проблемы экологических последствий деятельности горнодобывающих предприятий и т.д.

Со второй половины 1980-х гг. начался новый этап изучения истории промышленного освоения Северо-Востока, связанный, прежде всего с либерализацией общественно-политической жизни страны, постепенным рассекречиванием многих архивных фондов, что позволило значительно расширить тематику исследований по истории региона.

Представители центральных вузов и научно-исследовательских учреждений обратились, прежде всего, к изучению пенитенциарной системы СССР, массовых репрессий, режима содержания и практики трудового использования заключенных. Свое отражение в работах общесоюзного (общероссийского) масштаба В. Н. Земскова, О. В. Хлевнюка, В. В. Цаплина и других имелась информация о заключенных и лагерях Дальстроя[3].

В контексте изучения массовых репрессий в общероссийском масштабе особенно можно выделить труды, посвященные геологам, которые подверглись необоснованным репрессиям. В 1995 г. вышел коллективный труд «Репрессированные геологи. Биографические ма-

---

[1] Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917-1972 гг. - Магадан, 1975.

[2] См. например: Нефедова С. П., Бубнис Г. К. Хроника геологического изучения Северо-Востока СССР. // Колыма. - 1978. - № 7-8; Цопанов О. Х. Геологическая служба Северо-Востока СССР // Там же; Мацуев Л. П. Олово Северо-Востока. // Колыма. – 1981. - №1. и мн. др.

[3] Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // СОЦИС. – 1991. - №6. – С. 10-27 и др.; Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 годы // Свободная мысль. – 1992. - №13. – С. 73-84 и др.; Цаплин В.В. Архивные данные о числе заключенных в конце 30-х годов // Вопросы истории. – 1991. - №4-5. – С. 157-163 и др.

териалы»[1], в котором содержатся биографические сведения о многих советских геологах, арестованных в 1930-х -1950-х гг. В 1999 г. данная работа была переиздана и существенно дополнена[2].

Более подробно в исследованиях общероссийского масштаба, проблемы режима содержания и трудового использования заключенных в горнодобывающей промышленности Дальстроя были рассмотрены Г. М. Ивановой в 1997 г.[3] На основе документальных материалов центральных архивов и воспоминаний бывших незаконно репрессированных Г. М. Ивановой удалось определить роль и место Дальстроя в системе лагерной экономики МВД в послевоенный период. Особое внимание автора было акцентировано на том, что еще в 1930-е гг. в лагерной экономике сложилась традиция, по которой почти все стройки возникали и существовали без проектов, и смет, а финансировались по фактическим затратам. Иногда изыскательные и строительные работы начинались одновременно. Несмотря на основательность работы Г. М. Ивановой в отношении горнодобывающей промышленности Дальстроя в ее работе имеется ряд положений, которые требуют уточнения на основе использования документальных материалов прежде всего региональных архивов.

Несомненным событием в историографии проблем золотодобычи в России стала яркая работа В. А. Ламина «Золотой след Сибири», вышедшая в 1997 г.[4] Исследователь, не ограничиваясь хронологическим изложением основных этапов истории золотодобычи, ставит весьма важные вопросы концептуального плана. В частности В. А. Ламин для XIX в. указывает, что как это не прискорбно, но сибирская золотодобыча, за несколько лет затмившая вековую славу уральской сокровищницы драгоценного металла, не принесла Сибири ни процветания, ни благополучия. Так называемый всеобщий эквивалент, добывавшийся в Сибири, не обретал в пределах ее территории конкретную товарную форму. Катализирующее воздействие золота на экономические процессы в Сибири было близким к нулю. То же самое верно и отношении Северо-Востока в XX в. Многие сотни тонн золота и других металлов, добытых на Колыме, Чукотке, Индигирке не принесли ни процветания, ни благополучия, и практически никогда не работали непосредственно на развитие региона. Вместе с тем обобщая зарубежный опыт В. А. Ламин подчеркивает, что в странах Запада золото, явившееся из земных недр, на пути в хранилища государственного запаса «гальванизировало своим блеском» в первую очередь региональные экономические структуры.

---

[1] Репрессированные геологи. Биографические материалы. – М.-СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 1995. – 210 с.
[2] Репрессированные геологи. – М., СПб: М-во прир. ресурсов РФ, ВСЕГЕИ, росс. геол. об-во.
[3] Иванова Г.М. ГУЛАГ: государство в государстве // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М.: РГГУ, 1997. – Т. 2. Апогей и крах сталинизма. – С. 209-279. Она же. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. – М., 1997.
[4] Ламин В.А. Золотой след Сибири. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 144 с.

На рубеже XX-XXI вв. появились обобщающие труды по истории золотодобывающей промышленности в России, которые можно охарактеризовать и как энциклопедические, поскольку они охватывают и геологические работы, и внедрение новой техники и технологий на добычных работах, достаточно подробно рассмотрена законодательная база ведения горных промыслов, хронологически эти работы охватывают период XVII-XX вв., территориально – все золотодобывающие регионы России. Так в коллективной монографии В. Г. Лешкова, Е. Л. Бельченко и В. В. Гузмана «Золото российских недр»[1] (2000 г.) важное внимание уделено золотодобыче на Дальнем Востоке, в Дальстрое, а в последствии и Магаданской области. Исследователи приводят данные по динамике золотодобычи на Северо-Востоке. К сожалению, эти данные иллюстрируют только отдельные периоды, но общая тенденция видна достаточно четко. Северо-Восток как золотодобывающая провинция рассматривается авторами в контексте развития всей золотодобывающей промышленности СССР и России, определяется удельный вес в общегосударственной золотодобыче, что является несомненным преимуществом данной работы. Обоснованным является сделанный исследователями вывод о том, что в России нет ни одного региона, кроме Колымско-Чукотского края, жизнедеятельность которого в такой степени зависела бы от золотодобывающей отрасли.

Дальневосточные историки также преимущественно обратились к изучению проблем массовых репрессий[2]. В 2001 г. В. И. Ремизовский опубликовал работу «Репрессированные геологи Дальнего Востока»[3]. Автор собрал около полутора сотен биографий репрессированных геологов. Анализ работы дает представление о серьезном уроне, нанесенном геологии Дальнего Востока в 1937-1938 гг., годы «большого террора». Важно, что судьбы репрессированных геологов Дальстроя рассматрены не изолированно, а в контексте политических процессов, происходивших на Дальнем Востоке и в СССР в целом.

В 2002 г. была защищена кандидатская диссертация Е. Д. Кочегаровой «Золотопромышленность Дальнего Востока (1922-1940 гг.). Исторический опыт»[1]. Следует отметить, что диссертации подобного рода довольно редки. В работе Е. Д. Кочегаровой (и в ряде предшествующих диссертации статей) на основе привлечения значительного массива архивных документов, материалов периодической печати и других исторических источников проведена историческая реконструкция развития золотодобычи на Дальнем Востоке в годы нэпа и в предвоенное десятилетие. Особое внимание Е. Д. Кочегарова акцентировала на проблемах текучести кадров, слабой механизации горных работ, поиск оптимальных для того вре-

---

[1] Лешков В.Г., Бельченко Е.Л., Гузман В.В. Золото российских недр. – М.: АО «ЭКОС», 2000. – 628 с.
[2] См. например: Политические репрессии на Дальнем Востоке 1920-1950-е годы: М-лы первой Дальневосточной науч.-практ. конф. – Владивосток: изд-во ДВГУ, 1997. – 320 с. и мн. др.
[3] Ремизовский В.И. Репрессированные геологи Дальнего Востока (краткие биографические сведения с указанием первоисточников). – Хабаровск: Дальнев. народная академия наук, 2001. – 53 с.

мени организационных форм золотодобычных работ, заработной платы, снабжения и др. Деятельность Дальстроя рассмотрена в контексте истории развития золотодобывающей промышленности Дальнего Востока, определен удельный вес наиболее крупных золотодобывающих структур в общей золотодобыче Дальнего Востока. Особый внимание автора уделено широкомасштабному использованию труда раскулаченных спецпоселенцев (трудпоселенцев) в Приморье и Приамурье и заключенных в Дальстрое. Е. Д. Кочегарова приходит к выводу, что обеспечение предприятий рабочей силой в золотопромышленности Дальнего Востока осуществлялось преимущественно за счет сектора принудительного труда, основу которого составили спецпоселенцы и заключенные. Государственная политика в отношении этих групп населения, по ее мнению, была направлена на полное трудовое использование, при обеспечении минимума жизненных потребностей, и обеспечивала насильственную колонизацию региона. В диссертации имеются весьма информативные таблицы и приложения, отражающие технико-экономические показатели развития золотодобывающей промышленности на Дальнем Востоке. Вместе с тем в работе Е. Д. Кочегаровой практически не рассматривается геологическое исследование Дальнего Востока в 1920-1930-е гг., тогда как между геологоразведкой и эксплуатацией месторождений полезных ископаемых существует самая прямая зависимость.

Значительно большее количество работ по истории развития горнодобывающей промышленности Дальстроя дала региональная историография.

В 1989 г. была опубликована более полная (по сравнению с изданием 1974 г.) «История Чукотки с древнейших времен до наших дней»[2]. В данной работе особенно акцентировалось, что успешное развитие оловодобычи на Чукотке было во многом обеспечено масштабным использованием принудительного труда заключенных, указывалось на неблагоприятные экологические последствия промышленного освоения региона и т.д.

Одним из первых на основе рассекреченных архивных данных к неизученным вопросам деятельности Дальстроя и его золотодобывающей отрасли в частности обратился К. Б. Николаев в статье «Тяжелый металл или Как родился, жил и умирал Дальстрой»[1]. Основным лейтмотивом данной работы является утверждение об односторонности развития Дальстроя исключительно как производственно-карательной структуры. К преимуществам данного исследования необходимо отнести более полные по сравнению с советским периодом развития региональной историографии сведения об оформлении организационной структуры золотодобывающей отрасли, использовании принудительного труда заключенных на горных рабо-

---

[1] Кочегарова Е.Д. Золотопромышленность Дальнего Востока (1922-1940 гг.). Исторический опыт. Канд. диссерт. на соискание уч. степени канд. истор. наук. – Благовещенск, 2002.
[2] История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М.: Мысль, 1989.

тах. Тем не менее, развитие динамики золотодобычи и формирования в связи с ней производственной инфраструктуры региона освещены по нашему мнению поверхностно. Недостаточно аргументированным представляется основной вывод автора о том, что Дальстрой как «комбинат особого типа» «изжил себя с первых шагов», т.е. с самого начала. В таком же духе написана и другая статья К. Б. Николаева – «Чудная планета Колыма» (1990 г.)[2].

Результатом дальнейших исследований К. Б. Николаева стали две работы, изданные 1996 г. Статья «Создание горнодобывающей промышленности»[3], посвящена преимущественно описанию истории геологического изучения Северо-Востока в 1930-е гг. и началу промышленного освоения региона. В работе «К вопросу изучения истории Дальстроя»[4] К. Б. Николаев акцентирует внимание на «производственно-карательном» характере деятельности Дальстроя, и приходит к выводу, что Сталин, создав эту организацию стремился к быстрому и дешевому наращиванию добычи золота и олова посредством принудительного труда заключенных. В целом динамика развития горнодобывающей промышленности Дальстроя в работах К. Б. Николаева рассматривается очень сжато, и главным образом, в предвоенный период (1930-е – начало 1940-х гг.).

В 1993 г. была опубликована статья С. М. Мельникова «Дальстрой: страницы истории (историко-социологический аспект)»[5], в которых автор на основе нескольких архивных дел отчетного характера привел сведения о динамике золотодобычи Дальстроя в 1944-1953 гг. и других достижениях горнодобывающей промышленности до 1953 г. Исследователь особенно выделил централизацию управления всеми сферами жизни населения и комплексное развитие территории, как наиболее важные особенности деятельности Дальстроя. Вместе с тем, вопросы использования принудительного труда заключенных в предвоенный и военный периоды не получили должного освещения. С. М. Мельников только констатировал их количественное преобладание над вольнонаемными работниками в послевоенный период. Этап 1953-1957 гг., когда происходила выработка новых подходов к промышленному освоению Северо-Востока, вообще оказался за пределами внимания автора, что существенно ослабляет некоторые его теоретические рассуждения.

---

[1] Николаев К. Б. Тяжелый металл или Как родился, жил и умирал Дальстрой. // На Севере Дальнем. -1989. - №2. - С. 54-83.

[2] Николаев К. Б. Чудная планета Колыма. // Наука и жизнь. - 1990. - №1 - С. 48-54, - №2. - С. 45-52.

[3] Николаев К. Б. Создание горнодобывающей промышленности. // Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсы в историю. - Магадан, 1996. - С. 58-60.

[4] Николаев К. Б. К вопросу изучения истории Дальстроя. // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. - Магадан, 1996. - С. 29-46.

[5] Мельников С. М. Дальстрой: страницы истории (историко-социологический аспект). // Колыма. – 1993. - № 10. – С. 44-47.

Другая работа С. М. Мельникова (1994 г.) была посвящена вопросам добычи урана на Северо-Востоке[1]. В статье «Добыча урана – одно из направлений деятельности Дальстроя» автор одним из первых затронул деятельность Первого управления Дальстроя, занимавшегося добычей урана на месторождениях «Бутугычаг» (Тенькинский район), «Сугун» (ЯАССР) и «Северное» (Чукотка). С. М. Мельников не без основания связывает начало работ по добыче урана на Северо-Востоке с созданием в СССР урановой промышленности, необходимой, прежде всего, для создания советского ядерного оружия. По оценке автора, за 1948-1956 гг. Дальстроем было добыто около 150 т уранового сырья. Данная работа не потеряла своей актуальности и в настоящее время, хотя проблематика, связанная с добычей урана на Северо-Востоке требует более тщательного изучения. Так, С. М. Мельников не приводит конкретных ссылок на использованные документальные источники, ограничившись оговоркой, что статья была написана на основе материалов Государственного архива Магаданской области. В 2002 г. С. М. Мельников защитил кандидатскую диссертацию «Дальстрой как репрессивно-производственная структура НКВД - МВД СССР (1932–1953 годы)»[2], в которой частично затронул и проблемы золотодобычи в указанные годы. Исследователь придерживается следующей периодизации деятельности Дальстроя: первый период 1932-1938 гг., второй – 1938-1948 гг. и третий – 1938-1953 гг., однако принцип (критерий) выделения таких этапов не вполне понятен и не достаточно аргументирован. Также автор не использовал и не указал на значительный массив исторических работ, посвященных различным аспектам функционирования Дальстроя, изданных в 1997-2002 гг., тогда как ссылки на эту литературы в ходе рассуждений С. М. Мельникова были необходимы и обязательны. Многие выводы и положения автора по нашему мнению должны быть скорректированы.

Определенный вклад в изучение истории золотодобывающей отрасли Дальстроя внес С. П. Ефимов. В течение 1991-1993 гг. в журнале «Колыма» издавалась его «Хроника золотодобывающей промышленности Магаданской области», составленная на базе несекретных приказов по Дальстрою и материалов газет «Советская Колыма» и «Магаданская правда». В 2002 г. «Хроника горнодобывающей промышленности Магаданской области» была опубликована отдельным изданием[3]. Однако специфика данного вида работ, как уже было отмечено, не предполагает анализа сообщаемых фактов. В другой своей работе «Деятельность Дальстроя в годы Великой Отечественной войны»[4] (1993 г.) С. П. Ефимов ограничился вос-

[1] Мельников С. М. Добыча урана – одно из направлений деятельности Дальстроя. // Колыма. – 1994. - № 4. – С. 32-33.

[2] Мельников С.М. Дальстрой как репрессивно-производственная структура НКВД - МВД СССР (1932–1953 годы). Дисс. на соиск. уч. степени канд. истор. наук. – Томск: Томский гос. унив., 2002.

[3] Хроника горнодобывающей промышленности Магаданской области: Часть 1: Горнодобывающая промышленность Дальстроя (1931-1957) / Сост. С.П. Ефимов. – Магадан: Кордис, 2002. – 183 с.

[4] Ефимов С. П. Деятельность Дальстроя в годы Великой Отечественной войны // Колыма. – 1993. - № 7. – С. 30-34.

произведением материалов отчета о деятельности Дальстроя за четыре года войны (1941-1944 гг.).

В 1996 г. вышел в свет труд, посвященный 50-летию победы в Великой Отечественной войне - «Вспомним всех поименно. Память»[1]. Во второй книге данной работы один из авторов - А. Г. Козлов сжато рассмотрел работу горнодобывающей промышленности Дальстроя в военный период. Основное внимание автора было направлено на описание массового трудового подъема работников золото- и оловодобычи, социальной активности северян в годы войны, значительном вкладе дальстроевцев в оборону страны.

Основным направлением исследовательской работы А. Г. Козлова преимущественно является история лагерной Колымы и Чукотки, где неизбежно затрагиваются вопросы трудового использования заключенных на горных работах. Вместе с тем у А. Г. Козлова имеется ряд публикаций, в которых прежде всего рассматриваются вопросы истории развития горнодобывающей промышленности и геологического изучения Северо-Востока. Так в 2002 были опубликованы статьи «Реорганизация горнодобывающей промышленности Дальстроя в 1931-1957 гг.» и «Геологоразведочные работы Дальстроя в первое десятилетие его деятельности (1932-1942 гг.)»[2]. Факты изложенные в данных работах не вызывают никаких сомнений, однако при внимательном рассмотрении следует, что приводимые сведения уже публиковались и анализировались ранее другими исследователями (в т.ч. и в советский период), на что А. Г. Козлова не указывает. В частности динамика развития организационной структуры горнодобывающей промышленности на отдельных этапах истории Дальстроя рассматривалась ранее Н. А. Жихаревым, Б. И. Мухачевым, К. Б. Николаевым, А. И. Широковым, И. Д. Бацаевым, а за 1932-1957 гг. в целом - В. Г. Зеляком (2000 г.).

Необходимо отметить, что в рассматриваемых публикациях (как, впрочем, в большинстве своих работ) А. Г. Козлов ограничивает источниковую базу исследований исключительно делопроизводственной документацией Дальстроя или других органов партийно-государственной власти и хозяйственного управления. При этом исследователь практически не обращается к документам центральных архивных хранилищ, опубликованным материалам коммунистической партии и советского правительства по вопросам хозяйственного развития страны, мемуарам вольнонаемных работников и бывших заключенных лагерей. В несколько лучшую сторону отличается его статья «Геологоразведочные работы на Колыме и

[1] Вспомним всех поименно. Память. – Магадан: Кн. изд-во, 1996. - Кн. 2.

[2] Козлов А.Г. Реорганизация горнодобывающей промышленности Дальстроя в 1931-1957 гг. // II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. - С. 41-46; Он же. Геологоразведочные работы Дальстроя в первое десятилетие его деятельности (1932-1942 гг.) // Там же. – С. 144-148;

становление геологической службы Дальстроя (1931-1939)» [1] опубликованная в 2004 г., т.к. в ней содержатся ссылки на воспоминания и работы геологов, непосредственно участвовавших в открытиях месторождений полезных ископаемых Северо-Востока в рассмотренный период.

Во второй половине 1990-х гг. региональными исследователями по истории Дальстроя был накоплен значительный научный материал, позволивший выйти на новый, более высокий уровень аналитических обобщений. Так в 1997 г. А.И. Широковым была защищена кандидатская диссертация по истории первого десятилетия деятельности Дальстроя и истории предшествующего началу деятельности Дальстроя на Северо-Востоке периода. В 2000 г. вышла монография А. И. Широкова «Дальстрой: предыстория и первое десятилетие» - первая комплексная монография, посвященная истории Дальстроя в 1931-1941 гг.[2] Источниковую базу данного исследования составили как уже введенные в научный оборот, так и малоизвестные и впервые анализируемые документы центральных архивов (ГАРФ, РЦХИДНИ), Государственного архива Магаданской области, мемуары и материалы периодической печати и др.

Форсированный характер индустриализации в СССР и необходимость валютных средств на ее проведение обусловили, по мнению автора, исключительное положение Дальстроя в системе политических и экономических отношений внутри страны, широкомасштабное использование принудительного труда заключенных, чрезвычайный режим управления территорией. А. И. Широков, проанализировав широкий спектр вопросов, связанных с формированием производственной инфраструктуры региона, пришел к обоснованному выводу о складывании уже в обозначенный период моноотраслевого характера промышленности региона, слабом развитии обслуживающих отраслей и социальной инфраструктуры в Дальстрое.

В 2000 г. А.И. Широковым была опубликована статья «История золотого промысла на востоке России»[3], в которой изложены основные вехи развития золотодобычи в России с XVIII по первую половину XX вв. К несомненным преимуществам данной работы следует отнести, что Дальстрой (и Северо-восточный регион в целом) рассматривается не изолированно, а в контексте развития золотодобывающей промышленности России-СССР.
В другой своей работе «Государственные монополии как форма колонизационной политики на Севере России в XX в.» (2001 г.) А. И. Широков рассмотрел специфику освоения

[1] Козлов А. Г. Геологоразведочные работы на Колыме и становление геологической службы Дальстроя (1931-1939) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. - С. 84-106.
[2] Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. – Магадан: Кордис, 2000.
[3] Широков А.И. История золотого промысла на востоке России // Колыма. – 2000. - № 3. – С. 2-8.

государством северных территорий СССР, роль и значение Дальстроя в данном процессе[1]. Он отметил, что на европейском Севере (Инта, Воркута), Севере Сибири (Норильск) и Северо-Востоке ведущей формой освоения природных ресурсов стали чрезвычайные организации, имевшие монопольные властные полномочия на территории своей деятельности и подчинявшиеся непосредственно высшему государственному руководству: Ухто-Печерский трест, норильское строительство и Дальстрой соответственно. Себестоимость добываемых НКВД металлов долгое время была значительно ниже, чем в других ведомствах. Важнейшим удешевляющим фактором, по мнению автора, являлся труд заключенных, для которых властям не требовалось создания развитой социальной инфраструктуры в колонизируемых районах. А. И. Широков приходит к выводу, что российский Север в результате чрезвычайной модели колонизации стал фактически полуколонией и именно данное обстоятельство стало серьезным препятствием для реализации возможностей самостоятельного развития северных регионов России на современном этапе. Вместе с тем вопросы развития горнодобывающей промышленности Дальстроя у А. И. Широкова являются одним из направлений его исследований, и поэтому требуют более комплексного изучения.

К исследованиям истории золотодобычи в Дальстрое приступил И. Д. Бацаев, ранее занимавшийся историей развития сельского хозяйства на Северо-Востоке, проблемами лагерной Колымы и т.д. В работе «Динамика кризиса основного производства Дальстроя (1946-1953)»[2], вышедшей в 2001 г., И. Д. Бацаев сосредоточил внимание главным образом на кризисе золотодобычи в Дальстрое во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. Главными причинами финансового и экономического кризиса, спада золотодобычи в указанные годы, как считает И. Д. Бацаев, стала потеря Дальстроем своего исключительного статуса в системе МВД СССР. Этому, по его мнению, способствовал и полный крах созданной репрессивно-карательной системы ГУЛАГа в целом и принудительных методов освоения Северо-Востока России в частности. Однако, рассматривая деятельность золотодобывающей отрасли через призму лагерной системы и использования в широких масштабах принудительного труда заключенных (что, конечно, очень важно, и чем, вероятно, объясняется дата окончания исследования – 1953 г.), автор упускает из вида ряд важных фактов. Так, если продолжить внимательное изучение динамики золотодобычи до 1956 г. (последний год, в который добычей металлов полностью занимался Дальстрой), то станет очевидно, что объемы переработанной горной массы на золотоносных месторождениях и объемы промывки золотоносных

[1] Широков А. И. Государственные монополии как форма колонизационной политики на Севере России в XX в. // Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. - С. 247-253.

[2] Бацаев И. Д. Динамика кризиса основного производства Дальстроя (1946-1953). // Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н. Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. - С. 234-241.

песков, не только не уменьшались, но и возрастали до 1955 г. включительно. Таким образом, прежде всего факторы объективного порядка: недостаточная обеспеченность разведанными запасами, истощение длительно эксплуатируемых россыпных месторождений, сокращение численности работников (особенно заключенных), значительная текучесть вольнонаемных кадров, слаборазвитая социальная инфраструктура - являлись основными причинами кризиса горнодобывающей промышленности Дальстроя и спада объемов золотодобычи. Как только часть указанных проблем была решена, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. начался новый подъем золотодобывающей отрасли Северо-Востока.

Названная работа И. Д. Бацаева основывается преимущественно на отчетных материалах фонда Р-23сс Государственного архива Магаданской области, в этой связи некоторые вопросы вызывает степень полноты, используемых автором исторических источников.

Вскоре И. Д. Бацаев опубликовал монографию «Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932-1953). Дальстрой»[1] (2002 г.). К сожалению и в данной работе автор не стал расширять вполне уже доступную источниковую базу, ограничившись делопроизводственной документацией. Несомненно, при исследовании истории Дальстроя, его делопроизводственная документация является наиболее важным источником, вместе с тем материалы периодической печати, мемуары заключенных и вольнонаемных работников и т.д., материалы центральных архивных хранилищ делают историческое исследование более репрезентативным и научным. Монография И. Д. Бацаева содержит обширный фактический материал по истории горнодобывающей промышленности Дальстроя. Вместе с тем анализ излагаемого фактического материала минимален, большинство таблиц и приводимые в них количественные показатели не прокомментированы, и таким образом, носят больше информационный, а не аналитический характер.

Некоторого уточнения требуют отдельные положения И.Д. Бацаева. Так, например, нельзя согласиться с тем, что дражная добыча золота в 1950-1955 гг., возросшая с 388 кг до 3082 кг «составляла ничтожный процент от общего объема». Вряд ли 7%, а именно столько в 1955 г. составила дражная добыча золота, от общих объемов золотодобычи этого года можно назвать «ничтожным процентом». В 1956 г. (почему этот год исключен из рассуждений автора - непонятно) удельный вес дражной добычи увеличился уже до 10% от всего добытого Дальстроем золота. Однако в целом работы И. Д. Бацаева весьма основательны и являются важным вкладом в историографию горнодобывающей промышленности Дальстроя.

---

[1] Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932-1953). Дальстрой. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 217 с.

Также в 2002 г. И. Д. Бацаев и А. Г. Козлов опубликовали работу «Дальсрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах» (в 2-х частях)[1]. По общепринятой научной классификации эта работа ни что иное, как сборник опубликованных документов. Естественно ни И. Д. Бацаев, ни А. Г. Козлов не являются авторами ни одного из сотен опубликованных документов, тем не менее, в названии работы они представлены как авторы, что очень не корректно и не принято в научном сообществе. Конечно, указанные исследователи являются авторами-составителями (составительская работа и подготовка исторических документов к публикации очень важный, ценный и скрупулезный труд).

Проблемы истории развития золотодобывающей промышленности на Северо-Востоке неизбежно связанны с вопросами использования принудительного труда заключенных. История формирования системы лагерных подразделений, специфика режима содержания, условия трудовой деятельности заключенных и их бытовое положение - вот круг проблем, решению которых также посвящен ряд работ А. Г. Козлова[2], И. Д. Бацаева[3], С. А. Шулубиной[4] и др.

Заметный вклад в изучение истории Дальстроя вносят магаданские публицисты и краеведы А. Бирюков, С. Ефимов, Д. Райзман, Т. Смолина, И. Паникаров и др. Публикации указанных авторов посвящены самому широкому спектру вопросов лагерной системы, культурной жизни региона, и, что очень важно, - исследованию жизни и деятельности конкретных личностей, их роли в историческом развитии Северо-Востока.

Из зарубежной историографии, посвященной проблемам развития Северо-Востока России, необходимо выделить работу профессора истории Гавайского университета в Маноа (США) Дж. Стефана «The Russian Far East: a history»[5] (1994 г.). Данная монография издана

[1] Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальсрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах: В 2-х ч. Ч. 1 (1931-1941), Ч. 2 (1941-1945). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002.
[2] Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей (1932-1937 гг.). // Краеведческие записки. - Магадан, 1991. - Вып. 17.- С. 61-91. Он же: Во времена колымских лагерей // Колыма. - № 10-11. – С. 31-36. Он же: У истоков колымских лагерей. // Там же. - № 12. – С. 27-32. Он же: Из истории колымских лагерей (конец 1937-1938 гг.). // Там же. - Магадан, 1993. - Вып. 19. - С. 117-143. Он же: За колючей проволокой Севвостлага. // Колыма. – 1993. - № 1. – С. 33-37. Он же. Севвостлаг НКВД СССР (1937-1941). // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. - Магадан, 2000. - С. 77-102; Он же Лагерная система Дальстроя в период послевоенной реорганизации и последующего распада (1945-1957) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. - С. 151-182 и мн. др.
[3] См., например: Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные). // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. - Магадан, 1996. - С. 46-72; Он же Обострение криминальной обстановки в ИТЛ Дальстроя (середина 40-х – начало 50-х гг.) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. - С. 183-197; Он же. Амнистия 1953 г. и ее влияние на промышленный комплекс Дальстроя // Там же. С. 198-208 и др.
[4] Шулубина С.А. Из истории «большого террора на Колыме // Колыма. Дальстрой. ГУЛАГ. Скорбь и судьбы: м-лы науч.-практ. конф. – Магадан: Изд. Северного междунар. унив., 1998. – С. 42-45; Она же. К вопросу об организационной структуре УСВИТЛ (1932-1940 гг.) // Идеи, гипотезы, поиск...: Сб. статей. – Магадан: Изд. Северного междунар. унив., 2001. – С. 78-80; Она же. Система Севвостлага (1932-1957 гг.). Дисс. на соиск. уч. степени канд. истор. наук. – Томск: Томский гос. унив., 2003.
[5] John J. Stephan The Russian Far East: a history. – Stanford University Press, Stanford, California, 1994.

одним из ведущих университетов США - Стэнфордским. Наряду с использованием работ зарубежных исследователей (Конквеста, Латимора, Венделя), автор, главным образом, опирается на опубликованные работы российских ученых и публицистов, а также на материалы советской (российской) периодической печати. Работу Дж. Стефана выгодно отличает взвешенный подход к проблемам использования принудительного труда заключенных в Дальстрое. Вслед за российскими исследователями Джон Стефан считает период руководства Дальстроем Э. П. Берзина сравнительно мягким для заключенных; с переходом Дальстроя непосредственно в ведение НКВД ситуация серьезно изменилась в сторону ужесточения режима.

Таким образом, несмотря на значительный массив исторической информации, накопленный при изучении истории Дальстроя, в историографии не достаточно полно освещена история развития его горнодобывающей промышленности на протяжении всего периода существования этой организации (1932-1957 гг.). В этой связи вопросы динамики развития горнодобывающей промышленности Дальстроя, расширения ассортимента извлекаемых металлов (золота, олова, вольфрама, кобальта и урана), специфики складывания производственной и социальной инфраструктур на Северо-Востоке, социально-экономических и экологических последствий промышленного освоения региона в 30-50-е гг. XX в. требуют особого рассмотрения. Не менее актуальной задачей является тщательный анализ имеющихся данных и продолжение создания системных работ, способных дать целостное представление по новейшей истории северо-восточных регионов Российской Федерации.

Источниковая база нашего исследования состоит из делопроизводственнй документации Дальстроя и высших партийно-государственных органов СССР, содержащихся в Государственном архиве Магаданской области, Государственном архиве Российской Федерации, Российском центре хранения документации по новейшей истории (в настоящее время - Российский государственный архиве социально-политической истории), статистических данных, законодательных источников, материалов региональной периодической печати, широкого круга мемуарной литературы. В целом комплекс изученных исторических источников достаточно репрезентативен, позволяет достоверно и полно анализировать историю развития горнодобывающей промышленности Дальстроя в 30-50-е гг. XX в.

Вместе с тем многоплановость процессов промышленного развития Северо-Востока сделала необходимым привлечение специализированной литературы по геологии, экономической географии, демографии, экологии Северо-Востока. В связи с наличием значительного массива работ данного характера, автором была отобрана и изучена только та их часть, которая имеет прямое отношение к предмету исследования и содержит сведения исторического характера. Весьма ценная информация, отражающая результаты и перспективы геологиче-

ских исследований Северо-Востока в 1930-1950-е гг., имеется в работах Ю. А. Билибина, С. Д. Раковского, Б. И. Вронского, Е. Т. Шаталова, С. М. Абаева, Н. П. Аникеева, Л. П. Мацуева, О. Х. Цопанова и др. (многие материалы содержатся в периодически издаваемом сборнике «Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Востока СССР» и ведущем научном журнале Северо-Востока - «Колыме»).

Довольно информативными являются такие справочные издания по золоту, как например, Г. В. Фосс «Золото» (1963 г.)[1], А. С. Марфунин «История золота» (1987 г.)[2], С. В. Потемкин «Благородный 79-й. Очерк о золоте»[3] (1988 г.), «Драгоценные и цветные металлы Северо-Востока России»[4] (1995 г.) и многие другие.

Анализ деятельности горнодобывающей промышленности Дальстроя не был бы полным без использования трудов представителей экономико-географической отрасли научного знания. Среди многих работ указанной тематики наиболее актуальными являются исследования С. В. Славина и А. Н. Пилясова[5]. Ученые акцентируют внимание на особых формах освоения северных территорий, для чего создавались специализированные государственные институты, которые С. В. Славин определил как «интегральные комбинаты», А. Н. Пилясов - как «суперорганизации». А. Н. Пилясов также провел сопоставительный анализ процессов промышленного освоения всех северных территорий планеты, в том числе и зарубежного Севера, выделил общие и специфические черты.

Демографические проблемы Дальнего Востока (и Северо-Востока в том числе) в связи с его промышленным освоением изучали такие специалисты в этой области как П. Е. Терлецкий и Л. Л. Рыбаковский[6]. Особенно актуальными в этой связи остаются работы Л. Л. Рыбаковского, который на большом фактическом материале анализирует особенности формирования и состава трудовых ресурсов, динамики населения Дальнего Востока, факторы роста населения Дальнего Востока, влияние переселений на состав населения региона, роль организованных переселений в формировании трудовых ресурсов, половозрастной состав населения Дальневосточного региона.

---

[1] Фосс Г.В. Золото. – М.: Госгеолтехиздат, 1963. – 174 с.
[2] Марфунин А.С. История золота. - М.: Наука, 1987. - 244 с.
[3] Потемкин С.В. Благородный 79-й. Очерк о золоте. – М.: Недра, 1988. – 174 с.
[4] Драгоценные и цветные металлы Северо-Востока России. – Магадан: ОАО «Северовостокзолото», 1995.
[5] Славин С. В. Северо-Восток Советского Союза как новый формирующийся экономический район. – М., 1958; Он же. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. – М.: Экономиздат, 1961; Пилясов А.Н. Трест «Дальстрой» как суперорганизация // Колыма. – 1993. - №8. – С. 34-37; № 9-10. – С. 37-41; № 11. – С. 28-33; Он же. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива прогноз). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996.
[6] Терлецкий П. Е. Проблема заселения Крайнего Севера. – М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1945 г. Рыбаковский ский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. – М.: Наука, 1990 и др.

Проблемы природопользования и экологических последствий горных работ изучались в работах Г. Ф. Старикова, П. Н. Дьяконова, Б. Ф. Шапалина, Ю. Н. Ягодина [1]и др. В настоящее время значительная работа в данном направлении проводится Институтом биологических проблем Севера (г. Магадан).

Хронологические рамки исследования ограничиваются в основном периодом 1932-1957 гг. Именно в 1932 г. руководство государственного треста Дальстрой прибыло на Колыму, добыча золота в верховьях р. Колымы перешла в ведение Дальстроя. В 1957 г. Главное управление Строительства Дальнего Севера МВД СССР Дальстрой было упразднено, а на его месте был организован Магаданский Совет народного хозяйства (совнархоз).

Территориальные рамки исследования охватывают Магаданскую область, Чукотский национальный округ и восточные районы республики Саха-Якутия согласно современному административно - территориальному делению. К началу 1950-х гг. территория деятельности Дальстроя составляла 2,8 млн. км ^{2}.

Общими методологическими принципами, на которых базируется настоящее исследование, являются принципы историзма, научности и объективности. Частные методы исследования определяются основами применяемого автором принципа историзма. Ведущими частными методами при разработке темы являлись историко-сравнительный и историко-генетический методы. При обработке архивного материала использовались источниковедческий, структурно-типологический и аналитико-тематический методы.

Предлагаемая монография написана преимущественно на материалах диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, защищенной автором в 2001 г. в Томском государственном университете.

Автор выражает благодарность за многолетнее и плодотворное сотрудничество А. И. Широкову, а также коллективам Государственного архива Магаданской области и Магаданской областной универсальной научной библиотеки им. Пушкина.

[1] Стариков Г. Ф., Дьяконов П. Н. Леса Чукотки. – Магадан: Кн. изд-во, 1955. Стариков Г. Ф. Леса Магаданской области. – Магадан: Кн. изд-во, 1958.

ГЛАВА I ГОРНОДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДАЛЬСТРОЯ в 1932-1941 гг.

§1 Геологические исследования на Северо-Востоке в 1932 -1941 гг.

В 30-е годы XX в. в СССР окончательно сложилась административно-командная система управления экономикой. Оперативное руководство процессами экономического планирования, развития производства и реализации продуктов стало осуществляться из центра директивными методами. Промышленность оказалась «поделенной» между специализированными государственными ведомствами. Характерным стало заметное участие в народном хозяйстве репрессивных органов государства, которые, во многом, обеспечивали подконвойной и дешевой рабочей силой грандиозные проекты промышленного строительства.

Одной из главных государственных задач конца 1920-х - начала 1930-х гг. являлся поиск средств для создания индустриальной базы советской экономики, что было не возможно без закупок технологий и промышленного оборудования за рубежом. Основными источниками валютных поступлений вновь становился экспорт сырьевых ресурсов и хлеба. В этой связи государству требовалось значительное увеличение добычи золота и платины[1].

Советская золотоплатиновая промышленность к этому времени уже почти восстановилась после разрухи, вызванной событиями революции и граждансокй войны. В целом это можно оценивать как результат целенаправленной государственной политики. Еще в апреле 1920 г. СНК РСФСР специальным декретом «О недрах» жестко регламентировал порядок добычи золота. Поиск, разведка и добыча золота были объявлены исключительной привилегией государству. Однако коренное изменение экономической политики Советского государства в 1921 г. (НЭП) отразилось и на регулировании золтодобычи. Декрет СНК от 31 октября 1921 г. сохранил государственной монополию на золото. Но при этом правительство разрешило вести поиск, разведку и добычу золота всем гражданам, кооперативам, артелям и т.д. Этот декрет послужил толчком к значительному увеличению добываемого золота: к концу восстановительного периода (1928/1929 гг.) добыча золота в СССР возросла в 5 раз по сравнению с 1921/1922 гг.[2]

Дальнейший рост добычи золота мог быть обеспечен только за счет комплексной модернизации полукустарного и технически отсталого хозяйства предприятий золотодобывающего комплекса на основе широкого внедрения механизации горных работ. Восстановление, а главное техническая модернизация, золотодобывающих предприятий СССР, осложнялись тем обстоятельством, что горное оборудование приисков и рудников, было преимущественно иностранного производства. Закупка за рубежом новой техники и запасных час-

---

[1] РЦХДНИ, Ф. 17, Оп. 3, Д. 847, Л. 3. См. также: Золотые месторождения Урала и Казахстана. - М., 1947. - С. 3.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 3425, Л. 32.

тей серьезно осложнялись внешнеполитическими проблемами Советского государства. Единичные примеры иностранного участия в разработке золотоносных месторождений не дали желаемого результата. Так, например, в Ленском районе, где имелись английские концессии с 1926 г. началось заметное падение золотодобычи, а в 1929 г. эти концессии были вовсе ликвидированы[1].

Взяв курс на свертывание нэпа и ликвидацию иностранных концессий, руководство СССР стремилось усилить роль государства и в золотодобывающей промышленности. В этой связи в конце 1920-х гг. было создано государственное акционерное общество «Союззолото», в состав которого вошли все золотодобывающие тресты и ликвидированные концессии. В итоге за короткий период времени государство (в лице «Союззолота») вновь монополизировало добычу золота в СССР. С 1928 г. уже в централизованном порядке стали решаться вопросы организационно-технического характера, геологоразведочной службы, снабжения и транспорта.

С начала 1930-х гг. акцент был сделан на развитии государственной золотодобычи. Государственные золотодобывающие предприятия в перспективе должны были вытеснить старательские артели. И действительно удельный вес старательской золотодобычи стал постепенно снижаться с 40% в 1930 г. до 32,2% в 1932 г.[2]

Однако в 1930-х гг. без участия старателей нельзя было достаточно быстро освоить даже учтенные месторождения золота, поэтому вскоре был проведен ряд законодательных мероприятий по переустройству организационных форм старательской золотодобычи, а также по стимулированию естественного притока населения на старательские работы. В частности для старателей был отменен гарантийный заработок и пайковое снабжение, взамен которых было введено неограниченное отоваривание сдаваемого старателями золота. Старателям также был предоставлен ряд социальных льгот[3].

Вместе с тем с 1930 г. в золотодобывающей промышленности СССР, в т.ч. в Сибири, Дальневосточном крае, на Алдане началось масштабное использование труда раскулаченных спецпереселенцев. К июлю 1931 г. в золотодобывающей промышленности страны было занято более 25 тыс. семей (123660 чел.) спецпереселенцев. На 1 апреля 1934 г. только в ДВК проживало 12226 семей спецпоселенцев (48 тыс. чел.), из которых в «Амурзолото» было занято 20519, в «Приморзолото» – 6723 чел. Спецпоселенцы использовались в качестве воль-

---

[1] Д. 3425, Л. 32.
[2] Д. 3425, Л. 32.
[3] Д. 3425, Л. 32

ных старателей, к тому же они были знакомы с тяжелым крестьянским трудом, что заметно облегчало их адаптацию к новым условиям жизни и труда[1].

Наращиванию темпов развития советской золотодобывающей промышленности в значительной степени способствовали открытия новых богатых золотоносных месторождений во многих районах СССР. Так в 1927 г. в Селемджинском районе Амурской области было открыто золоторудное месторождение Ворошиловское[2]. В 1929 г. в Читинской области было разведано Балейское золоторудное месторождение[3]. В 1929-1931 гг. были найдены крупные золоторудные месторождения в Казахстане – Сталинское (1929 г.), Бес-Тюбе (1931 г.), Джеламбет (1932 г.)[4]. В 1932 г. были открыты первые россыпные месторождения Джугджурского района[5]. Важное место среди этих открытий занимала и Колыма, где с 1928 г. геологи открывали крупные месторождения россыпного золота.

В этой связи на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и Казахстане наряду с уже работавшими стали возникать новые золотодобывающие государственные тресты. В 1932 г. был организован трест «Миассзолото»[6], на Алдане в самостоятельный трест был выделен трест «Джугджурзолото»[7]. Восточно-Сибирский трест был реорганизован в Забайкальский («Забайкалзолото») и Енисейский («Енисейзолото») тресты, трест «Дальзолото» – в тресты «Амурзолото» и «Приморзолото»[8].

К началу 1930-х гг. были получены достоверные данные о наличии значительных запасов золота на Северо-Востоке СССР (РСФСР). Главными экспедициями, изучавшими Северо-Восток до 1932 г. были две экспедиции С. В. Обручева (1926 г. и 1929-1930 гг.), Первая Колымская геологоразведочная экспедиция Геолкома ВСНХ СССР под руководством Ю. А. Билибина (1928-1929 гг.), Вторая Колымская геологоразведочная экспедиция Геолкома под руководством В.А. Цареградского (1930-1932 гг.). Геологоразведочные работы также велись Охотско-Колымской базой Главного геологоразведочного управления (ГГРУ) под руководством Ю. А. Билибина и старательских предприятий государственного треста «Союззолото»[9].

---

[1] Кочегарова Е.Д. Золотопромышленность Дальнего Востока (1922-1940 гг.). Исторический опыт. Канд. диссерт. на соискание уч. степени канд. истор. наук. – Благовещенск, 2002. – С.217-218, 225, 230.
[2] Д. 3425, Л. 82об.
[3] Д. 3425, Л. 70об.
[4] Д. 3425, Л. 51-52.
[5] Д. 3425, Л. 79.
[6] Золотые месторождения Урала и Казахстана. - М., 1947. - С. 93.
[7] Логинов В. П. Пути повышения эффективности горной промышленности Северо-Востока СССР. - М., 1962. - С. 38. 38.
[8] Кочегарова Е.Д. Золотопромышленность Дальнего Востока (1922-1940 гг.). Исторический опыт. Канд. диссерт. на соискание уч. степени канд. истор. наук. – Благовещенск, 2002. – С. 143.
[9] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 4об. О деятельности первых старателей и геологических экспедиций на Колыме до Дальстроя см.: Анерт Э.Э. Богатства недр Дальнего Востока. – Хабаровск-Владивосток: Акц. об-во «Книжное дело», 1928; Билибин Ю. А. К истории колымских приисков. // Билибин Ю.А. Избр. тр.: в 3 т. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - т. 3. - С. 195-206; Раковский С. Д. Богатства недр на службу Родине. // Дальстрой. К

Для промышленного освоения Северо-Востока был создан государственный трест Дальстрой, организованный постановлениями ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931г.[1] и СТО от 13 ноября того же года[2]. Директором Дальстроя стал Э. П. Берзин, уже обладавший опытом строительства промышленных комплексов в необжитых районах страны с использованием подневольного труда заключенных. Постановление ЦК ВКП(б) обязывало руководство Дальстроя «...использовать все возможности, способы и средства для немедленной и максимальной добычи золота в нынешнем и последующих годах, одновременно подготовляя базу для развертывания капитальных работ по нормальной эксплуатации районов»[3]. К концу 1931 г. Дальстрою необходимо было добыть 2 т золота, в 1932 г. - 10, в 1933 г. уже 25 т.[4] Для осуществления подобных грандиозных замыслов в совершенно необжитом крае государство делегировало Дальстрою монопольное право на промышленные и геологоразведочные работы, предоставило ряд налоговых льгот и привилегий (в т.ч. выполнение всех заявок треста соответствующими учреждениями и организациями СССР «вне всякой очереди»)[5]. Кроме экономических причин, создание подобного рода организации на Северо-Востоке способствовало решению актуальных проблем геополитического плана[6]. Э.П. Берзин и первые работники Дальстроя прибыли в бухту Нагаева 4 февраля 1932 г.[7]

Создание Дальстроя находилось в общем контексте восстановления золотодобывающей промышленности СССР и наращивания объемов добычи валютного металла. К тому же в начале 1930-х гг. благоприятно складывалась мировая конъюнктура цен на золото. С 1931-1932 гг. на мировых рынках началось повышение цены на этот металл. Например, в США с 31 января 1934 г. Монетный Двор стал платить 35 долларов за 1 унцию вместо 20,67 долла-

---

25-летию. – Магадан, 1956. – С. 15-26; Васьковский А. П. История геологического исследования Северо-Востока СССР (Дореволюционный период). // Краеведчесие записки. - Магадан, 1959. - вып. 2. - С. 5-19; Вронский Б. И. На Золотой Колыме. Воспоминания геолога. - М., 1965. - С. 4-21; Вронский Б. И., Тупицын Н. В. Юрий Александрович Билибин. // Время. События. Люди. Очерки об освоении Колымы и Чукотки. 1928-1940 гг. - Магадан, 1968.- С. 16-19; Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928-1937) // Краеведческие записки. - Магадан, 1970. - Вып. 7. - С.70-72; Навасардов А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта в начальный период освоения района Верхней Колымы (1928-1931 гг.). // Краеведческие записки. - Магадан, 1993. - Вып. 19. - С. 93-106; Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. - Магадан, 2000. - С. 48-50; Козлов А.Г. Геологоразведочные работы и старательская золотодобыча на Колыме (1908-1933) // Диковские чтения... – Магадан, 2001. - С. 182-190 и др.

[1] РЦХДНИ, Ф. 17, Оп. 162, Д. 11, Л. 57.

[2] ГАРФ, Ф. Р-5674, Оп. 1, Д. 47, Л. 129.

[3] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 5, Л. 2.

[4] РЦХДНИ, Ф. 17, Оп. 162, Д. 11, Л. 57.

[5] ГАРФ, Ф. Р-5674, Оп.1, Д. 47, Л. 130; Д. 64, Л. 100.

[6] На геополитическое значение организации Дальстроя указывали Пилясов А.Н. («Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз)». - Магадан, 1996. - С. 71) Широков А. И. («Дальстрой: предыстория и первое десятилетие». - Магадан, 2000. - С. 55, 83), и др.

[7] Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928-1937). // Краеведческие записки. - Магадан, 1970. - вып. 7. - С. 73.

ров, как это было ранее. Таким образом, повышение стоимости золота одномоментно составило 69%[1].

Первоначально Дальстрой имел организационно-правовой статус треста. Однако он серьезно отличался от других золотодобывающих трестов страны: «Уралзолота», «Лензолота», «Енисейзолота» и других. Прежде всего, Дальстрой не входил в систему Главного управления золотоплатиновой промышленности (Главзолото), а подчинялся прямо партийно-государственному руководству СССР, имел существенные льготы и чрезвычайные полномочия на территории своей деятельности. И, наконец, в основе деятельности Дальстроя лежало широкомасштабное использование принудительного труда заключенных.

На момент начала эксплуатационных работ Дальстроя по добыче золота (лето 1932 г.) уже были открыты россыпи р. Среднекан и р. Утиная, дана высокая оценка золотым запасам бассейна верховья р. Колымы, составлена новая геолого-геоморфологическая схема строения Северо-Востока СССР, легшая в основу научных представлений 1930-х годов о геологии края[2].

Для дальнейшего планомерного геологического изучения территории в сотни тысяч квадратных километров требовались значительные финансовые вложения, привлечение значительного количества трудовых ресурсов и квалифицированных специалистов геологоразведки. Поэтому с лета 1932 г. все геологоразведочные работы были переданы Дальстрою, который обладал необходимыми для этого финансовыми, материальными, техническими и людскими ресурсами. Площадь его деятельности в верхнем и среднем течении р. Колымы с притоками составила около 400 тыс. км^2. Постепенно стала определяться и территория основного внимания треста - так называемый «Колымский золотоносный район», - под которым понималась площадь бассейнов р. Колымы в 100 тыс. км^2, ограниченная с севера водоразделами левых ее притоков - рек Ясачной, Поповой, Бурхалы и правого притока - р. Сугой. С востока и юга этот район ограничивался Яблоневым/Становым водоразделом, с запада - группой возвышенностей, разделяющих бассейны рек Колымы и Индигирки[3].

На поиски и разведку полезных ископаемых в 1932 г. было направлено 17 геологических партий (хотя первоначально планировалось 96)[4]. Тем не менее, были исследованы бассейны рек Утиной, Бюченнах, Мандычан, Дебин и Гербы, изучалось Охотское побережье, район р. Гижиги и верховья р. Омолон[1]. Итоги геологоразведочных работ 1932 г. на практике ке подтвердили исключительно высокую перспективность Колымского золотоносного района. Были открыты золотоносные россыпи на реках Утиная и Оротукан, в долине р. Ат-Урях

[1] Д. 3425, Л. 10об.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 14 об.
[3] Там же. Л. 6.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 401, Л. 57.

(Л. А. Снятков). По общим результатам разведок происходило дальнейшее определение особенностей геологического строения Северо-Востока СССР.

В 1933 г. в Дальстрое работало уже 30 геологических партий, значительную часть которых составляли геолого-рекогносцировочные и геолого-поисковые[2]. Незаконченное строительство автодороги до приисков существенно сдерживало темпы геологоразведочных работ. Тем не менее в 1933 г. съемочными работами было охвачено 19980 км^2, против 9140 км^2 в 1932 г. В результате были обследованы значительные территории Колымы от устья р. Теньки до устья р. Буюнды, верховья Среднекана и район Охотско-Колымского водораздела, открыты золотоносные россыпи р. Малый Ат-Урях (которые исследовал геолог С. С. Лапин), р. Утиной и первое на Колыме оловорудное месторождение ключа Туманный (приток р. Оротукан)[3]. В это же время начала свою работу Верхне-Колымская геологоразведочная экспедиция под руководством В. А. Цареградского по изучению средней части бассейна р. Колымы[4]. Она интенсивно исследвоала среднюю часть бассейна реки Колымы до 1935 г. включительно[5].

В последующие годы основным направлением геологического изучения стали районы «Заколымья» (т.е. территории, находящиеся за левобережьем р. Колымы). Геологи здесь изучали золотоносную полосу, уходящую к северо-западу, как предполагал Ю. А. Билибин. Интенсивными исследовательскими работами были охвачены бассейны рек Ат-Урях, Мылга, Нерега, Буюнда. Заколымская группа партий в 1934 г. сделала ряд исключительно важных открытий: золотые россыпи р. Хатыннах (партия геолога К. А. Шахворстовой) и ручья Штурмового (партия Ф. К. Рабинович)[6]. Вместе с тем, геолого-съемочные работы в верховьях р. Таскан и р. Сеймчан показали их бесперспективность в отношении золота, обусловленную совершенно иным геологическим строением по сравнению с верхним течением р. Колымы. Летом этого же года в бассейне р. Оротукан на ключе Приискатель было найдено второе оловоносное месторождение, оказавшееся, как следует из отчетных документов, непромышленным[7].

---

[1] Так же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 15.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч. Оп. 1, Д. 401, Л. 21. Гелогические партии могли быть нескольких видов. Геолого-рекогносцировочные партии направлялись в неизученные ранее районы и являлись первой стадией изучения его с точки зрения геологии. Геолого-поисковые партии ставились, как правило, на участках, выделенных при геолого-рекогносцировочных работах для детального их изучения. Геологоразведочные партии организовывались для обследования наиболее перспективных участков, на которых по данным работ предыдущих партий имелись все основания для поисков месторождений полезных ископаемых. Детально-опробовательские партии исследовали районы, где при геологопоисковых работах получились недостаточно четкие результаты, требующие корректировки. Тематические партии организовывались в достаточно исследованных местах для разрешения отдельных вопросов научного характера и работали там по специальным заданиям.
[3] Там же. Ф. Р-23сч. Оп. 1, Д. 402, Л. 4.
[4] Там же. Ф. Р-23сс. Оп. 1, Д. 7, Л. 15об.
[5] Там же. Ф. Р-23сс. Оп. 1, д. 7, л. 15 об.
[6] Цопанов О.Х. Геологическая служба Северо-Востока СССР // Колыма. - 1978. - № 7-8. - С. 12.
[7] ГАМО, ф. Р-23сс, оп. 1, д. 7, л. 15 об.

Вместе с тем между Ю. А. Билибиным и Э. П. Берзиным уже в первые годы работы Дальстроя обнаружились серьезные противоречия. Ю. А. Билибин настаивал на организации разведочных работ в отдаленных районах (что позже и было сделано), тогда как руководство Дальстроя основоное внимание уделяло развитию Среднеканского приискового района. Большие надежды возлагались на эксплуатацию Среднеканской дайки, которая была открыта сотрудником Первой Колымской геологоразведочной экспедиции С. Д. Раковским в 1929 г. и в докладных записках Ю. А. Билибина в свое время она оценивалась как весьма перспективная. Однако последующие исследования И. Н. Ендовина в 1930-1931 г. указали на непромышленный характер Среднеканской дайки[1]. В результате Ю. А. Билибин большие перспективы видел в разведке и эксплуатации россыпных месторождений золота, а Э. П. Берзин все же настаивал на организации рудной золотодобычи. В результате этого конфликта в 1933 г. Ю. А. Билибин был отстранен от должности главного геолога и вскоре вынужден был уволиться из системы Дальстроя.

В 1934 г. Дальстрой посетила специальная комиссия в составе Д. Я. Одинцова (председатель), профессоров И. Ф. Григорьева и Н. И. Трушкова, инженера В. Н. Зверева. Предложение об организации этой комиссии внесло ОГПУ. Политбюро ЦК ВКП(б) его поддержало. По мнению А. И. Широкова одной из причин отправки специальной комиссии на Колыму как раз и стали противоречия по вопросам развития золотодобычи в регионе[2]. Эксперты оценили Верхне-Колымский район «как один из крупнейших золотопромышленных районов Союза» и рекомендовали ассигновать на его освоение значительные капитальные вложения[3]. Выводы комиссии были приняты к сведению, и капиталовложения на разведку золота в Дальстрое в том же 1934 г. возросли вдвое против аналогичного показателя за 1933 г. (и составили 10 млн. руб.[4]).

К 1935 г. в Охотско-Колымском районе проработало уже свыше 75 геологических, геолого-поисковых и рудно-поисковых партий, которые провели геологическую съемку около 100 тыс. км^2 территории[1]. В целом же вместе со средним и нижним течением р. Колымы, Верхней Индигиркой, Омолонско-Гижигинским и другими разведочными районами была покрыта мелкомасштабной съемкой территория около 230 тыс. км^2.

1935 год стал временм распространения геологических исследований на бассейны рек Берелех, Аян-Юрях, Кулу, дальстроевские геологи достигли р. Неры (Якутия). В октябре

---

[1] АльшевскийА.В. Колымские золотоносные дайки: их значение в истории геологического изучения и хозяйственного освоения Верхне-Колымского региона // II Диковские чтения... – Магадан, 2002. - С. 196-198.
[2] Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. – Магадан, 2000. – С. 101.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7 Л. 5.
[4] Там же. Л. 10.

1935 г. была организована Ороекская геологоразведочная экспедиция, начальником которой стал выдающийся геолог и исследователь Северо-Востока - С. Д. Раковский[2]. В результате геологических изысканий в 1935 г. была установлена золотоносность ключей Верхне-Берелехского участка (в том числе ключа Мальдяк), открыты россыпи р. Арга-Юрях, Штурмовское месторождение золота, крупное месторождение каменного угля на Аркагале[3].

Верхне-Колымская экспедиция В. А. Цареградского, изучив верховья р. Омулевки, р. Рассоху (ниже цепи Арга-Тас), левые притоки р. Зырянки, встретила мелкие россыпи золота, выявила ценные данные о нахождении в этом районе исландского шпата, серы, гипса и медной руды и завершила свою работу[4].

В ноябре 1935 г. для камеральной обработки материалов в Московское представительство Дальстроя были направлены начальник геологопоисковый партии по р. Кулу К. Д. Соколов и начальник Верхне-Колымской экспедиции В. А. Цареградский[5].

Работа геологоразведчиков на Северо-Востоке была чрезвычайно сложна и опасна. Труднопроходимые и заболоченные пространства, дикие животные, частое отсутствие нормального снабжения геологических партий составляли только одну часть проблемы. Не менее серьезную опасность представляли беглые заключенные и особенно те, кто был вооружен. Так, летом 1935 г. руководство Дальстроя было серьезно озабочено появлением в районах горных разработок и разведок «вооруженных шаек из лагерных беглецов». В июле 1935 г. заключенные, сбежавшие из Тасканского горнопромышленного района, напали на поисковую партию, убили ее руководителя инженера-геолога Зверева, ограбили продовольственную базу партии и ушли в тайгу. Э. П. Берзин в данной связи указывал, что подобные случаи «наводят террор на работников наших разведочных партий и срывают наши производственные планы». Только в результате длительного преследования с привлечением лучших кадров ВОХР, при активной помощи местного населения и применения авиации беглецы были обнаружены, а «главари банды в перестрелке убиты»[6].

В соответствии с постановлением СНК СССР № 1160-200сс от 29 июня 1936 г. геологоразведочные работы Дальстроя к 1940 г. должны были охватить бассейн р. Колымы и все ее притоки, бассейн р. Индигирки между устьями рек Эльги и Момы[7]. Таким образом, территория деятельности треста увеличивалась до 700 тыс. км^2. В этой связи геологические партии были направлены в районы р. Неры, верховья р. Кулу и бассейн р. Аян-Юрях. Одновременно

---

[1] Нефедова С. П., Бубнис Г. К. Хроника геологического изучения Северо-Востока СССР. // Колыма. - 1978. - № 7-8.- С.17.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 14, Л. 99.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 5об.
[4] Там же. счД. 455, л. 3.
[5] Там же. Р-23сч, Оп. 1, Д. 14, Л. 169, 176.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 14, Л. 69-70, 82.
[7] Там же. ссД. 5, Л. 6.

продолжалось более детальное изучение ранее разведанных районов по рекам Сеймчан, Армань и Тенька. На полевые работы отправились Ороекская и Омолонская экспедиции[1]. В составе «Омолонской Аэро-Геолого-Разведочной Экспедиции» находился авиаотряд, из чего следует, что для геологического изучения Северо-Востока Дальстроем уже использовалась авиация[2]. Применение авиации было весьма эффективным: аэрофотосъемочные работы одного летного экипажа могли заменить работу 50 топографических партий[3]. Именно с середины 1930-х гг. авиацию стали довольно широко применять для заброски геологоразведочных партий в намеченные для исследований районы, доставке для них различных грузов[4].

Основными открытиями 1936 г. стали золотоносные россыпи р. Чай-Урья (В. А. Лисовский, З. А. Арабей), оловянные месторождения «Бутугычаг» (Б. Л. Флеров) и «Кинжал» (В. Т. Матвиенко), полиметаллический узел в верховьях р. Армань (А. С. Красильников, Г. А. Топунова, И. И. Тучков)[5].

В 1936 г. для проверки основного производства Дальстрой вновь посетила комиссия экспертов[6]. В ее состав вошли профессоры С. С. Смирнов, Н. И. Трушков и геолог И. И. Чупилин. Наделенные правительством большими полномочиями, эти специалисты дали высокую оценку перспективам россыпной и рудной золотодобычи на Северо-Востока. Проведенный экспертами анализ дал им основания считать актуальными на тот период времени расширение разведок оловоносных месторождений. Одновременно С. С. Смирнов, Н. И. Трушков и И. И. Чупилин сделали вывод о необходимости механизации горных работ в Дальстрое.

Для подведения результатов геологических работ Дальстроя в ноябре 1936 г. в пос. Оротукан была организована первая Колымская геологоразведочная конференция[7]. Таким образом, геологи Дальстроя получили возможность коллективного общения, обмена опытом, обсуждения насущных проблем и т.д.

Основными открытиями 1937 г. стали оловорудное месторождение им. Лазо (В. А. Титов) и оловоносная россыпь по р. Дерас-Юрега[8].

---

[1] Там же. ссД. 7, Л. 16.
[2] По некоторым данным аэрофотосъемка приисковых разведываемых районов была начата еще в 1935 г. Однако ввиду новизны специфических условий изучаемого района (рр. Балыгычан, Коркодон и бухта Наяхан), она была ограничена маршрутной аэрофотосъемкой и постановкой воздушно-визуальных работ (см.: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 15, Л. 28).
[3] Алтунин Е. В. Первый автограф в Колымском небе. // Время. События. Люди. Исторические очерки об освоении Колымы и Чукотки. 1928-1940 гг. - Магадан: Кн. изд-во, 1968. - С. 326.
[4] Алтунин Е. В. Крылья Севера. Из истории гражданской авиации Северо-Востока СССР. – Магадан. Кн. изд-во, 1970. – С. 31, 34-35, 53-54 и др.
[5] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 16.
[6] Там же. Д. 7, Л. 16; Д. 21.
[7] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 20, Л. 391.
[8] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 16.

Серьезные успехи в разведках на олово стали возможны вследствие увеличения капиталовложений по данной статье в 1936-1937 гг. почти в 2 раза. Однако инвестирование средств на геологоразведку, геолого-съемочные и геолого-поисковые работы по золоту сократились. Снизилось и количество геологических партий - с 60 в 1936 г. до 51 в 1937 г.[1] Замедление темпов геологического исследования, по всей видимости, было связано с уходом в отпуск Э. П. Берзина и, как следствие, некоторым ослаблением общего контроля за деятельностью различных подразделений Дальстроя. Также подошло время отпусков и у многих специалистов-геологов, проработавших несколько лет безвыездно. В этой связи для вновь организованных геологических партий не хватало квалифицированных руководителей. Для административно-командной системы, а Дальстрой являлся своеобразным ее эталоном, было весьма характерно понижение интенсивности функционирования и актуализация различных кризисных явлений в отсутствии «твердой руки».

Проведение широкомасштабных геологоразведочных работ на Северо-Востоке требовало значительных финансовых затрат и в 1932-1936 гг. они ежегодно возрастали (см. таблицу 1).

Таблица 1

Капитальные вложения в геологоразведку по видам полезных ископаемых в Дальстрое в 1932-1937 гг. (тыс. руб.)[1]

	золото	олово	другие металлы	всего по Дальстрою
1932	3366	16	-	3553
1933	4519	-	-	5257
1934	10022	67	555	11013
1935	11615	1273	190	13497
1936	20233	2842	1459	25475
1937	20059	5348	1982	29707

Из приведенных данных следует, что распределение финансовых средств шло главным образом на разведку золота, затем - олова и другие цветные и редкоземельные металлы, неметаллические полезные ископаемые. За 1932-1937 гг. в среднем удельный вес капитальных вложений в разведку золота составил 79%, на разведку олова - 11, других цветных и редкоземельных металлов - 5, на все остальные виды полезных ископаемых - тоже 5%.

В целом уже за 1932-1937 гг. были сделаны многие основные открытия месторождений золота и олова на Северо-Востоке СССР, что в значительной мере способствовало изменению экономической жизни региона. Прежде всего, был создан фундамент для стремительно набирающей темпы золотодобывающей промышленности, началась пробная добыча олова, были получены данные о наличии многих редкоземельных и цветных металлов, созданы геолого-геоморфологическая и металлогеническая карты, охватывающие громадные территории Северо-Востока. Основными подразделениями, ведущими геологическое изучение,

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 6, Л. 4.

были разведочные районы и экспедиции. Кроме этого в составе каждого горнопромышленного управления действовали свои геологоразведочные отделы (ГРО).

Волна репрессий 1937-1938 гг. коснулась и геологоразведки Дальстроя. Многие ведущие специалисты Северо-Востока, в том числе и первооткрыватели крупных месторождений золота были арестованы. Среди них П. В. Грунвальд, Д. В. Вознесенский, С. В. Новиков, И. М. Рабинович, Ф. К. Рабинович, И. Л. Соловейчик, Д. Н. Казанли, В. И. Серков[2]. Однако многие из них были позже освобождены, и им было разрешено покинуь Дальстрой. Геологоразведочные подразделениямя Сахалина, Приморья и Приамурья подверглись более суровым репрессиям, в результате которых физически было истреблено большое количество специалистов с дореволюционным стажем[3].

В конце 1930-х - начале 1940-х гг. продолжалось увеличение территории деятельности Дальстроя и, следовательно, распространение геологических работ на новые районы. С 1 сентября 1938 г. в состав предприятий Дальстроя были включены со всем имуществом и личным составом Чукотская и Чаунская геологоразведочные экспедиции Главсевморпути (ГУСМП)[4]. Геологическое изучение минеральных ресурсов Чукотки в 1930-е гг. до Дальстроя проводилось экспедициями Всесоюзного Арктического института Главсевморпути под руководством С. В. Обручева, В. Г. Дитмара, В. А. Вакара, В. И. Серпухова, Д. Ф. Бойкова, Б. Н. Елисеева, Н. И. Сафонова, Ю. В. Одинца и др. Данными экспедициями были изучены обширные территории, открыты рудопроявления и месторождения олова, в том числе Валькумейское (М. И. Рохлин), Иультинское (В. Н. Миляев), Пыркакайский оловоносный район (Б. Н. Ерофеев)[5].

В 1939 г. в состав Дальстроя вошли Чаунский и Чукотский районы[6], Оймяконский район (ЯАССР)[7].

В начале 1940-х расширение деятельности Дальстроя продолжилось. В 1940 г. в его ведении был передан бассейн р. Анадырь, а в марте 1941 г. - побережье Охотского моря от Пенжинской губы на северо-востоке до Удской губы на юго-западе, а также полностью бассейн р. Яны (ЯАССР). Таким образом, к началу 1940-х гг. площадь территорий, подлежавших освоению Дальстроем, увеличилась до 2266 тыс. км^2 (10% площади СССР по состоянию на 1940 г.)[8].

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 10.
[2] Козлов А. Г. Геологоразведочные работы на Колыме и становление геологической службы Дальстроя (1931-1939) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. - С. 99.
[3] См.: Ремизовский В.И. Репрессированные геологи Дальнего Востока (краткие биографические сведения с указанием первоисточников). – Хабаровск: Дальнев. народная академия наук, 2001.
[4] Там же. Д. 37, Л. 191.
[5] Цопанов О. Х. Геологическая служба Северо-Востока СССР. // Колыма. - 1978. - № 7-8. - С. 12.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 5, Л. 6.
[7] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 44, Л. 79.
[8] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 5, Л. 6.

В 1937-1938 гг. для изучения территорий между приисками Северного горнопромышленного управления и золотоносных проявлений в бассейне р. Индигирки была организована база дальних разведок[1]. В октябре 1938 г. она была реорганизована в геологоразведочный отдел Западного горнопромышленного управления с пятью разведочными районами[2]. В Тенькинском районе продолжилось изучение месторождения Бутугычаг и бассейна р. Кулу[3].
лу[3].

Основными итогами геологического изучения Северо-Востока в 1938 г. стало выявление богатой золотоносной россыпи в долине р. Чай-Урья и установление наличия золотоносных месторождений по р. Нере[4].

В 1938 г. в Дальстрой и его эксплуатационные и геологоразведочные работы проинспектирвоала очередная экспертная комисси. В ее составе находились профессор В. Н. Зверев и геолог Ю. А. Билибин[5]. Известно также о пребывании на Колыме в 1938 г. профессора С. С. Смирнова[6]. В задачу комиссии входила проверка работы геологоразведочных подразделений Дальстроя. В целях ознакомления с объектами и состоянием дел на местах члены комиссии побывали в приисковых районах Южного и Северного горнопромышленных управлений. По результатам произведенной проверки были составлены «Заключение о состоянии геологоразведочных работ Дальстроя по россыпному и рудному золоту»[7], «Оценка сырьевой базы Индигирско-Колымского края по россыпному и рудному золоту»[8], «Записка о о геологоразведочных работах Дальстроя экспедиции геолога Билибина Ю. А. и профессора Зверева В. Н.»[9].

Эксперты вновь подтвердили, что геологическое изучение Колымского края выдвинуло его «на степень одного из крупнейших горнопромышленных районов Союза»[10]. По их мнению, колымские россыпи были благоприятны для мускульной отработки. Согласно отчетным данным комиссии положительными качествами россыпных меторождений золота на Северо-Востоке являлись небольшая глубина залегания, легкость грунта для добычи, промывистость песков, богатое содержание металла. Даже вечная мерзлота при правильном ведении работ не представляла собой больших трудностей, так как если зимой убирался покры-

---

[1] Раковский С. Д. Богатства недр – на службу Родине. // Дальстрой. К 25-летию. – Магадан, 1956. - С. 24.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 40, Л. 76.
[3] Там же. Д. 41, Л. 47.
[4] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 30, Л. 83.
[5] Там же. Ф. Р-23сч Д. 35, Л. 142.
[6] А. Г. Козлов считает, что С. С. Смирнов также входил в состав данной экспертной комиссии, но прибыл в Дальстрой отдельно от Билибина и Зверева (см.: Козлов А.Г. Геологоразведочные работы на Колыме и становление геологической службы Дальстроя (1931-1939) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан, 2004. - С. 100.
[7] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 38, Л. 1-103, Д. 41.
[8] Там же. Д. 38, Л. 104-149; Д. 40.
[9] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 38, Л. 150-218; Д. 39.
[10] Там же. Д. 39, Л. 3.

вающий их слой торфов, то летом пески очень быстро оттаивали,. Размеры колымских россыпей золота по своим запасам были очень разнообразны: большинство из них содержало около 2-5 т золота, реже от 5 до 15 т, и как исключение - свыше 15 т. Но именно последние и давали главную массу добываемого золота.

Касаясь проблемы обеспеченности геологоразведки кадрами, Билибин и Зверев констатировали острый недостаток специалистов, невнимательность руководящих работников к профессиональному росту и совершенствованию знаний геологов, к снабжению их научно-технической литературой. Культурно-бытовые условия жизни геологоразведчиков на большинстве приисков были признаны плохими: теснота помещений в «барачного типа флигелях», обилие мух, клопов и тараканов, зияющие общественные уборные, плохо обслуживаемые санитарией - вся эта обстановка на членов комиссии произвела самое тяжелое впечатление[1].

Под давлением политической обстановки, сложившейся в Дальстрое после ареста Э. П. Берзина и активного раскручивания органами НКВД его «дела», В. Н. Зверев и Ю. А. Билибин одной из главных причин неудовлетворительного состояния геологоразведочной службы Дальстроя указали на вредительство старого руководства. В частности они отметили, что при «старом, вредительском руководстве», т.е. до конца 1937 г. вся работа Дальстроя строилась таким образом, чтобы создать минимум возможностей для контроля этой работы как сверху, со стороны центра, так и снизу, внутри самого Дальстроя. Геологоразведочные работы находились «как бы вне общегосударственного контроля». Общегосударственные положения, инструкции и другие документы по вопросам охраны недр, правильности отработки месторождений, маркшейдерского контроля, учета разведанных запасов полезных ископаемых, производства съемочных работ и так далее «считались для Дальстроя необязательными». Маркшейдерского контроля вообще не существовало, месторождения отрабатывались хищнически, разведанные запасы полезных ископаемых по Дальстрою за его пределы не выходили и на общегосударственном балансе запасов не состояли. По мнению экспертов все было направлено к тому, чтобы превратить Дальстрой «в какую-то замкнутую систему, изолированную от всего Советского Союза»[2].

Вместе с тем членами комиссии был разработан ряд практических мероприятий по улучшению геологоразведочных работ (всего было предложено около 60 практических рекомендаций)[1]. Незамедлительно предлагалось кроме золота заняться разведкой ряда других полезных ископаемых, создать энергетическую базу для разведочных и эксплуатационных работ, выделить в системе Дальстроя специализированное Геологоразведочное управление

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 39, Л. 28.
[2] ссД. 38, Л. 1-3; Д. 39, Л. 39-40.

(ГРУ) для того, чтобы возглавить разрозненные геологоразведочные отделы, вновь ввести в практику научные командировки геологов, с целью ознакомления с наиболее крупными месторождениями Советского Союза. При Геологоразведочном управлении рекомендовалось организовать периодический печатный орган, чтобы повысить заинтересованность геологов в своей работе, при геологоразведочных отделах управлений учредить технические библиотеки и т.д.[2]

Анализируя дальнейшие события, видно, что почти все рекомендации Ю. А. Билибина и В. Н. Зверева были приняты руководством Дальстроя к исполнению и действительно способствовали улучшению качества работы геологоразведочной службы. Уже в конце 1938 г. целой группе геологов были предоставлены научные командировки[3]. Летом 1939 г. Московскому управлению Дальстроя приказывалось предоставить научную командировку геологу П. И. Скорнякову для ознакомления с золоторудными месторождениями Забайкалья, Урала и Алтая[4]. В целом принятые мероприятия оказались эффективными.

В марте 1939 г. геологоразведочные отделы горнопромышленных управлений были реорганизованные в районные геологоразведочные управления (райГРУ) и переподчинены специализированному Геологоразведочному управлению (ГРУ) Дальстроя[5] (как видно и данная рекомендация Ю. А. Билибина и В. Н. Зверева была выполнена). На Геологоразведочное управление были возложены задачи по руководству геолого-поисковыми, геологоразведочными, геофизическими, геодезическими, гидрогеологическими, инженерно-геологическими, а также астрономическими и топографическими работами. Первоочередной задачей геологоразведочной службы оставалась разведка рудных и россыпных месторождений золота и олова, определенное внимание уделялось разведке других видов полезных ископаемых. Начальником ГРУ Дальстроя был назначен В. А. Цареградский. Как сообщалось позже в местной печати – «организацию районных ГРУ разведчики встретили с большим удовлетворением, поскольку теперь они получили хозяйственную самостоятельность»[6]. Однако к концу 1940 г. от практики существования горнопромышленных управлений без подразделений геологоразведки пришлось отказаться. В составе Западного, Южного, Северного, Юго-Западного и Тенькинского горнопромышленных управлений вновь были организованы «полноценные геологоразведочные отделы». Начальники этих управлений стали нести равную ответственность за выполнение и плана металлодобычи, и плана разведок. ГРУ Дальстроя стало непосредственно руководить только периферийными разведочными подразделе-

---

[1] Там же. Д. 38, Л. 87-103.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 39, Л. 41- 49.
[3] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 42, Л. 88, 91, 94-95.
[4] Там же. Д. 41, Л. 232.
[5] Там же. Д. 46, Л. 80, 81.
[6] Советская Колыма. - 1940. - .№ 238. - С. 3.

ниями: Омсукчанским, Индигирским, Чаун-Чукотским районными геолого-разведывательными управлениями, а также Ададырьской экспедицией[1].

Руководство Дальстроя тщательно следило за ходом геологоразведочных работ, жестко требуя выполнения плановых заданий, повышения производительность труда, полного освоения выделенных средств и т.д.[2] Для усиления возможностей различных подразделений ГРУ довольно часто практиковалась выделение дополнительной рабочей силы (в том числе и заключенных) из других подразделений Дальстроя[3].

В ходе разведочных работ 1938-1939 гг. были открыты оловоносные месторождения в бассейнах рек Омсукчан и Хета, продолжались разведки на Чукотке и в районе Чаунской губы. В отношении золота продолжалось интенсивное и успешное геологическое изучение долины р. Чай-Урья, начались разведки золота на р. Челбанья[4].

Во второй половине 1940 г. в соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР, и по указанию наркома внутренних дел Л. П. Берия, перед геологоразведочной службой Дальстроя была поставлена чрезвычайная задача по обеспечению горнопромышленных предприятий разведанными запасами россыпного золота на три года вперед, рудного на пять, что диктовалось необходимостью «дальнейшего повышения хозяйственной и военной мощи нашей социалистической Родины»[5]. В связи с этим IV квартал 1940 г. был объявлен периодом развернутого социалистического соревнования. За перевыполнение плановых заданий лучшие работники геологоразведки поощрялись ценными подарками[6], отличившихся на полевых работах заключенных премировали набором продуктов (стоимостью от 25 до 50 руб.), на «самых лучших» заключенных разрешалось представлять ходатайства для досрочного освобождения[7].

К 1940 г. геологоразведочные подразделения Дальстроя накопили большой массив полевых образцов, отчетных данных, картографического материала и т.д. Для их лучшей сохранности и использования в центрах всех районных ГРУ (т.е. в поселках Оротукан, Берелех, Хатыннах, Усть-Утиная и Усть-Нера) руководством Дальстроя приказывалось выделить приспособленные помещения, в которых сосредоточить геофонд, геосправбюро и геокамеры. В Магадан требовалось направлять первые экземпляры всех геологических отчетов, оригиналы всех карт и маркшейдерских планов, оставляя на местах копии[8]. В самом Магадане на-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 68, Л. 117.
[2] Там же. Д. 46, Л. 107.
[3] Там же. Д. 60, Л. 194; Д. 64, Л. 176; Д. 75, Л. 84-85, 158-160.
[4] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 31-31об. Также см.: Нефедова С. П., Бубнис Г. К. Хроника геологического изучения Северо-Востока СССР. // Колыма. - 1978. - № 7-8. - С. 18.
[5] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 66, Л. 261-263.
[6] Там же. Д. 68, Л. 119-120; Д. 76, Л. 17-18.
[7] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 38, Д. 68, Л. 121.
[8] Там же. Д. 45, Л. 282.

ходились центральное геосправбюро и геофонд[1]. Также в 1940 г. при Главном управлнии Дальстроя была организована Центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ)[2], (ЦНИЛ)[2], а при Геологоразведочном управлении - научно-исследовательский отдел[3], что несомненно способствовало активизации научно-исследовательской деятельности на Северо-Востоке.

Включение в состав Дальстроя Янского, Чаун-Чукотского районов потребовало проведения ежегодных мероприятий по обеспечению дальних разведок всем необходимым для ведения работ. Зимой для этого, кроме автомобильного, привлекался олений транспорт[4]. В мае 1940 г. в целях снабжения Индигирского и Чаун-Чукотского райГРУ северным морским путем на р. Колыме в Нижних Крестах была создана «Полярная база»[5].

Проведение широкомасштабных геологоразведочных работ на Северо-Востоке требовало значительных финансовых затрат и в целом 1932-1940 гг. они ежегодно возрастали (кроме 1937 г.) (см. таблицу 2).

Таблица 2

Капитальные вложения в геологоразведку Дальстроя в 1932-1940 гг. (тыс. руб.)[6]

	золото	олово	другие металлы	всего по Дальстрою
1932	3366	16	-	3553
1933	4519	-	-	5257
1934	10022	67	555	11013
1935	11615	1273	190	13497
1936	20233	2842	1459	25475
1937	20059	5348	1982	29707
1938	28695	8848	40	41542
1939	54332	19922	-	83234
1940	74480	38487	424	123120

Из приведенных данных следует, что в 1932-1937 гг. как уже указывалось капитальные вложения на разведку золота составили 79%, на разведку олова – 11%, другие цветные и редкоземельные металлы – 5%, на все остальные виды полезных ископаемых - 5%. В 1938-1940 гг. в среднем на разведку золота в Дальстрое расходовалось 63,5% всех средств, олова - 27%, других металлов – 0,2%, неметаллических полезных ископаемых - 9,3%. То есть в 1938-1940 гг., по сравнению с периодом 1932-1937 гг., удельный вес затрат на разведку олова возрос в 2,5 раза, на разведку золота - снизился на 15,5%. Все это несомненно свидетельствует об исключительной важности олова для государства в предвоенные годы. Одновременно почти в 2 раза вырос удельный вес затрат на неметаллические полезные ископаемые (прежде всего уголь) и до ничтожных показателей (0,2%) упали затраты на разведку других металлов.

1 Там же. Д. 52, Л. 90.
2 Там же. Д. 59, Л. 64.
3 Там же. Д. 68, Л. 126.
4 ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 45, Л. 284.
5 Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 62, Л. 181.
6 Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 10.

В целом из общего анализа развития горнодобывающей промышленности Дальстроя в предвоенный период следует, что устойчивый рост добычи золота, позволил геологоразведочной службе Дальстроя перераспределить силы и активизировать разведки олова и угля.

С 1934 г. началось устойчивое ежегодное увеличение всех основных технико-экономических показателей геологоразведочной службы Дальстроя (таблица 3).

Таблица 3

Основные технико-экономические показатели геологоразведочной службы Дальстроя в 1932-1940 гг.[1]

	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
геологических партий	29	41	70	38	71	54	64	96	102
количество рабочих*	-	-	747	1071	791	805	1653	3030	4092
численность персонала партий	-	-	-	137	646	383	756	1066	1236
россыпная разведка (шурфовка) тыс. м	10,5	6,8	30,2	47,3	72,9	82,5	178,4	253,2	388,0
в том числе на олово	-	-	-	-	-	5,0	10,9	23,1	47,6
рудная разведка (подземные выработки) тыс. $м^3$	0,5	0,6	2,3	4,3	5,3	3,4	5,3	6,0	12,2
в том числе на олово	-	-	-	0,9	1,2	2,0	5,0	5,2	9,5
поверхностные выработки тыс. $м^3$	4,0	7,7	14,7	14,8	20,7	42,2	53,8	95,4	282,0
в том числе на олово	-	-	-	10,6	14,9	42,0	50,8	81,6	210,2
буровых станков	2	2	4	4	6	6	6	12	14

*) на разведке россыпных месторождений

Как видно из приведенных данных, объем шурфовочных работ на золото в 1940 г. увеличился до 340,4 тыс. м., и по сравнению с 1934 г. возрос более чем в 11 раз. Объемы шурфововочных работ на олово, начиная с 1937 г., ежегодно увеличивались более чем в 2 раза. Механизация геологоразведочных работ Дальстроя в предвоенный период находилась на довольно низком уровне. Так в 1932-1933 гг. на геологоразведочных работах Дальстроя было только 2 буровых станка, в 1940 г. их количество число увеличилось до 14. Однако для территории в сотни тысяч квадратных километров, на которой велись интенсивные разведки полезных ископаемых этого было совершенно недостаточно. Также на геологоразведочных работах в Дальстрое начинает применяться ударно-канатное (постоянно с 1936 г.) и колонковое бурение (с 1933 г.)[1]. Объемы ударно-канатного бурения в 1940 г. составили 19,2 тыс. м, колонкового - 12,2 тыс. $м^3$.

За 1932-1940 гг. геологоразведочной службой Дальстроя были открыты и исследованы золото- и оловоносные месторождения Колымы, Теньки и Индигирки, оловоносные месторождения Верхоянского района (согласно «Докладу комиссии НКВД по обследованию оловянного месторождения бассейна реки Яна» запасы олова в данном районе на 1 января 1941 г. оценивались в 200 млн. т, т.е. это было одно из крупнейших месторождений в стра-

[1] Таблица составлена нами по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 1-1об; Д. 6, Л. 4; Д. 8, Л. 2-5

не)[2], оловянно-вольфрамовые месторождения Чукотки и полиметаллические руды Арманского района (содержащие такие редкие металлы, как кадмий, индий, селен и германий)[3].

Таким образом, в предвоенные годы на Северо-Востоке СССР получил новый, динамично развивающийся экономический район с весьма значительными запасами стратегического минерального сырья. Все основные достижения в поиске и разведке цветных металлов на Северо-Востоке связаны, прежде всего, с именами таких геологов-первооткрывателей как Ю. А. Билибин, Д. В. Вознесенский, Б. И. Вронский, И. Д. Гаврилов, С. Е. Захаренко, М. Г. Котов, П. Н. Кропоткин, А. Л. Лисовский, С. В. Новиков, Ф. К. Рабинович, С. Д. Раковский, П. И. Скорняков, Л. А. Снятков, К. Д. Соколов, Б. Л. Флеров, В. А. Цареградский, Е. Т. Шаталов, К. А. Шахворостова и др.[4]

§2. Формирование и развитие горнодобывающей промышленности Дальстроя в 1932-1941 гг.

1. Организационная структура горнодобывающей промышленности

Одновременно с геологическим изучением и добычей металла происходило формирование организационной структуры Дальстроя в целом и его золотодобывающей промышленности в частности. В системе организации Дальстроя нашли свое выражение основные черты административно-командной системы. На вершине управленческой пирамиды находился директор (или его заместитель), который осуществлял руководство всеми делами треста либо непосредственно, либо через своих помощников. возглавляющих соответствующие Секторы Дирекции[5].

В оргструктуру Дальстроя первоначально вошли планово-финансовый сектор, материальный, технический, строительных работ, труда и рационализации, управление делами и особое бюро. Золотодобывающая отрасль с марта 1932 г. вошла в технический сектор. В задачи названного сектора входило руководство всей работой по разведке и эксплуатации месторождений полезных ископаемых, проектирование нового производства и осуществление этих проектов на практике[6]. Начальник техсектора через двух своих помощников и главного механика, руководствуясь приказами директора Дальстроя, осуществлял оперативное управление всей деятельностью золотодобывающей (горной) отраслью. Эта структура оказалась

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 1-1об.
[2]ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп.1, Д. 159, Л. 113.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 160, Л. 27.
[4] Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928-1937). // Краеведческие записки. - Магадан, 1970. - Вып. 8. - С. 77. См. также: Галченко И. И. Геологи идут на Север. - М., 1958. Щербинин Б. Г., Леонтьев В. В. Там, где геологи прошли. - Магадан, 1980 и др.
[5] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 1, л. 72.
[6] Там же. Л. 77. Подробнее о структуре техсектора см.: Приложение 2.

временной, так как в первые месяцы существования треста происходило ознакомление с делами на местах, становлением и совершенствованием оргструктуры всего Дальстроя в целом.

5 декабря 1932 г. техсектор был реорганизован в Управление по добыче полезных ископаемых (УДПИ) с центром в Усть-Среднекане. В состав УДПИ вошли три групповых управления: Среднеканское, Оротуканское и Утинское[1] и 10 приисков («р. Утиная», «Оротукан», «Геологический», «Борискин», «Юбилейный», «Таежник», «Холодный», «Первомайский», «Бюганнах» и «Три Медведя») непосредственно вели добычу золота на Колыме в 1932 г. и структурно входили в УДПИ[2]. В следующем, 1933 г. было открыто еще несколько золотодобывающих приисков: «Пятилетка», «Загадка», «Хищник»[3].

В марте 1934 г. на основе УДПИ было образовано Горное управление с задачами организации поисков и разведок полезных ископаемых на территории деятельности Дальстроя, эксплуатации промышленных месторождений, капитального строительства в производственных районах, а также методического руководства сетью метеостанций и постов[4].

Начальник Горного управления одновременно являлся и помощником директора Дальстроя. Структура Горного управления включала в себя центральный аппарат, горнопромышленные районы (Среднеканский, Утинский, Оротуканский и Неригинский,[5] немного позднее Тасканский[6]), золотодобывающие прииски и вспомогательные предприятия. Центр Горного управления находился в Усть-Среднекане, что существенно затрудняло оперативное руководство приисками и разведками, так как основные районы золотодобычи все более отдалялась на запад и северо-запад. Наличие в структуре Горного управления отделения Севвостлага (Северо-Восточного исправительно-трудового лагеря)[7] свидетельствовало о возрастающей роли принудительного труда заключенных на горных работах. Строительные подразделения должны были обеспечить скорейшее закрепление на объектах золотодобычи и более широкое развертывание эксплуатационных работ. Согласно положению Горное управление находилось на хозрасчете и имело самостоятельную законченную отчетность. Однако, в организационной структуре Горного управления имелось дублирующее звено, - горнопромышленные районы, - что обстоятельство приводило к разрастанию управленческого аппарата.

В сентябре 1935 г. Горное управления было разделено на Управление горнопромышленного строительства (УГПС), Южное горнопромышленное управление (ЮГПУ) с центром

---

[1] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 2, л. 171.
[2] Там же. Ф. Р-23сс, оп. 1, д. 6, л. 13-14.
[3] Там же. Ф. Р-23сс, оп. 1, д. 6, л. 13-14.
[4] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 7, Л. 242-246.
[5] Там же. Д. 8, Л. 13.
[6] Там же. Д. 12, Л. 19.
[7] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 243.

в Оротукане и Северное горнопромышленное управление (СГПУ) центром в Ханыннахе[1]. В состав ЮГПУ вошло 10 золотодобывающих приисков, распределенных по Оротуканскому, Утинскому и Среднеканскому горнопромышленным районам. В СГПУ было три прииска и три горнопромышленных района (Хатыннахский, Ат-Уряхский и Мылгинский)[2]. Решение о создании двух центров по территориально-производственному принципу в полной мере оправдало себя в дальнейшем. Создание специализированной организации по строительству горнопромышленных объектов позволило управлениям, ведущим добычу и разведку золота, полностью сосредоточиться на своей главной задаче.

В середине 1930-х гг. организационная структура горнопромышленных управлений кроме центрального аппарата управления и золотодобывающих приисков, включала в себя геологоразведочные подразделения, совхозы, лесничества, ремонтные мастерские, электростанции, гужевой и механический транспорт, пекарни, столовые, магазины, жилищно-коммунальное хозяйство, гидрометеослужбу, приисковое строительство, целый ряд подсобных хозяйств[3]. Горнопромышленные управления помогали своими плотниками строить мосты[4], обеспечивали пайком, лошадьми и рабочими экспедиции смежных отраслей[5], вели строительство поселков[6] и т.д. Подобная практика с одной стороны способствовала развитию на Северо-Востоке обеспечивающих и вспомогательных отрслей, но с другой стороны – серьезно отягощала горные управления.

21 февраля 1936 г. было ликвидировано дублирующее звено по оперативному руководству приисками - горнопромышленные районы. Прииски стали непосредственно подчиняться своим горнопромышленным управлениям[7]. Сложившаяся после этого организационная структура горнодобывающей промышленности Дальстроя, в своих основных чертах сохранилась вплоть до его ликвидации в 1957 г.

В 1938 г. Дальстрой был официально включен состав НКВД в качестве одного из Главных управлений народного комиссариата (наряду с ГУЛАГом, ГУЛГМП и пр.) и стал официально именоваться Главным управлением строительства Дальнего Севера НКВД (Дальстрой)[8].

Успехи геологоразведки во второй половине 1930-х гг. предопределили появление в организационной структуре Дальстроя новых горнопромышленных управлений. 1 сентября

---

[1] Там же. Р-23сч, Оп. 1, Д. 13, Л. 144.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 6, Л. 13-14; Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 13, Л. 144.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 17, Л. 159-165, 168-172 и др.
[4] Там же. Ф. Р-23сч, оп. 1, д. 11, л. 176.
[5] Например, экспедицию агрономов, ботаников и землемеров в Тасканскую долину (ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 12, л. 23, л. 178).
[6] См.: Паникаров И. А. История поселков центральной Колымы. - Магадан, 1995.
[7] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 17, Л. 140.
[8] ГАРФ, Ф. 9401, Оп. 1а, Д. 22, Л. 246.

1938 г. «в целях приближения руководства к производству» разукрупняется СГПУ, из которого было выделено самостоятельное Западное горнопромышленное управление (ЗГПУ)[1] для освоения бассейна р. Берелех, с центром в пос. Сусуман. Основной специализацией ЗГПУ являлась добыча золота, в его состав вошли прииски: «Стахановец», «Мальдяк», «Ударник», «Линковый», «Контрадья», «Еврашкалах» и «Куранах»[2].

Центр СГПУ оставался на Хатыннахе, в составе этого управления после реорганизаци действовали остались прииски «им. Водопьянова», «Штурмовой», «Партизан», «Верхний Ат-Урях», «Нижний Ат-Урях», «Туманный» и «Одинокий»[3]. Разделение управлений шло постепенно. На первое время из СГПУ для укомплектования нового Западного управления выделялось 22 квалифицированных работника, 5 грузовых и 3 легковых автомашины, 5 лошадей[4].

8 октября 1938 г. аналогичная реструктуризация произошла с Южным управлением. В связи с необходимостью серьезного увеличения оловодобычи из него было выделено Юго-Западное горнопромышленное управление (ЮЗГПУ) с центром в пос. Усть-Утиная. В состав ЮЗГПУ вошли рудники «Бутугычаг» и «Кинжал», прииски «Таежник», «Лазо», «Золотистая», а также Усть-Утинское обогатительная фабрика и разведочные объекты Суксукан, Тахта, Армань[5]. В географическом отношении производственные предприятия ЮЗГПУ были ли очень сильно рассредоточены.

В составе ЮГПУ в 1938 г. находилось прииски «р. Утиная», «Нечаянный», «Разведчик», «Пятилетка», «Верхний Оротукан», «Журба», «Нерига», «Экспедиционный», «Хатыннах Колымский», «Майорыч», «Бюченнах», «Утесный», «Средний Оротукан», «Радужный», «Геологический», «Борискин» и «Дусканья»[6].

Развитие на Колыме сети золотодобывающих подразделений привело к необходимости их классификации, что впервые было отражено в делопроизводстенной документации Дальстроя за 1938 г. Величина перерабатываемой тем или иным прииском горной массы и, как следствие, количество добываемого металла, являлась главным критерием определения его категорийности. Ведущие прииски Дальстроя – «Верхний Ат-Урях», «Нижний Ат-Урях», «Штурмовой», «Мальдяк» и некоторые другие были отнесены к I категории. Прииски средних размеров, например, «Туманный», «р. Утиная», «Таежник», «Пятилетка» - ко II категории. Сравнительно небольшие прииски были отнесены к III категории (например, «Экспеди-

[1] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 37, л. 34.
[2] Там же. Ф. Р-23сс, оп. 1, д. 6, л. 13-14.
[3] Там же. Ф. Р-23сс, оп. 1, д. 6, л. 13-14.
[4] Там же. Ф. Р-23сч, оп. 1, д. 37, л. 117-118.
[5] Там же. Д. 38, л. 172-173.
[6] Там же. Л. 173.

ционный», «Загадка», «Нерига», «Журба»)[1]. В дальнейшем в начале каждого года происходило утверждение штатных расписаний горнопромышленных управлений и категорийности горнопромышленных объектов (приисков и рудников).

Успехи геологоразведочных работ в Тенькинском районе предопределили создание 11 сентября 1939 г. Тенькинского горнопромышленного управления[2]. Аналгично этому 3 ноября 1940 г. для разработки месторождений Чай-Урьинской долины из состава ЗГПУ было выделено Чай-Уринское горнопромышленное управление (ЧУГПУ). Начальником ЗГПУ при этом стал М. А. Гагкаев, начальником ЧУГПУ Г. Л. Жаров[3]. 24 мая 1941 г. уже на территории Якутской АССР было организовано Янское горнопромышленное управление (ЯГПУ). Начальником ЯГПУ был назначен Халеев, заместителем начальника по геологоразведочным работам - С. Д. Раковский, главным геологом - Б. И. Вронский[4].

Неотъемлемой частью работы приисков и рудников Дальстроя являлось использование многих тысяч заключенных, находившихся в многочисленных лагерных подразделениях. В 1939-1940 гг. произошла окончательная интеграция производственных подразделений Дальстроя с подразделениями Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей. Для обслуживания горнопромышленных управлений были организованы соответствующие лагерные подразделения. Так, Юглаг обслуживал Южное управление, Севлаг - Северное, Заплаг - Западное, Юзлаг – Юго-Западное и Теньлаг - Тенькинское[5].

В течение 1932-1940 гг. количество горнодобывающих предприятий Дальстроя заметно увеличилось (см. таблицу 4).

Таблица 4

Предприятия горнодобывающей промышленности Дальстроя в 1932-1940 гг.[6]

	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
горнопромышленные управления	1	1	1	2	2	2	4	5	6
золотодобывающие прииски	10	12	11	13	16	17	29	37	38
оловодобывающие прииски	-	-	-	-	-	1	2	3	5
рудники	-	-	-	-	-	2	2	3	5
обогатительные фабрики	-	-	-	-	-	-	1	1	4
всего горнодобывающих предприятий по Дальстрою	10	12	11	13	16	20	34	44	52

Из приведенных данных видно, что в 1940 г. добычу золота вели 38 приисков, т.е. почти в 4 раза больше, чем было в 1932 г. Это было напрямую связано с введнеим в эксплуатацию новых крупных золотоносных месторождений. Количество оловодобывающих пред-

1 ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 34, Л. 33.
2 Там же. Д. 51, Л. 155-156.
3 Там же. Д. 68, Л. 45-47.
4 Там же. Д. 77, Л. 118-119.
5 Подробнее см.: Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. - Магадан, 2000. - С. 77-78.
6 ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 17; Д. 11, Л. 32-32об.

приятий Дальстроя утроилось за 1937-1940 гг., что произошло в основном за счет ввода в строй новых рудников и приисков Колымы и Чукотки.

2. Динамика развития золотодобычи в 1932-1940 гг.

Летом 1932 г. Дальстрой начал свой первый сезон золотодобычи. На 10 приисках: «Борискин», «Первомайский», «Геологический» (в составе Среднеканского группового управления), «Юбилейный», «Холодный», «р. Утиная», «Бюганнах», «Три Медведя» (в составе Утинского группового управления), «Таежник» и «Оротукан» (в составе Оротуканского группового управления)[1] работы велись исключительно мускульным трудом вольных старателей[2].

Прежде чем добраться до золотоносного слоя породы (так называемые «пески»), приходилось снимать значительный пласт почвенного слоя, покрывающего пески (так называемых «торфов»)[3]. Вскрыша и перевалка торфов, добыча и транспортировка песков до промывающего устройства составляли самую тяжелую часть физической работы на золотодобывающих объектах. Совокупность данных операций объединялось термином «основное производство», в отличие от горно-подготовительных, ремонтных, вспомогательных и т.п. вида работ, которые велись на горных объектах.

Списочный состав работников золотодобывающих предприятий в 1932 г. составил 1014 чел., однако, на основном производстве было занято только 196 чел. - чуть более 19%[4].

Естественно при таком положении рассчитывать на резкое увеличение золотодобычи не приходилось. Итоги эксплуатационных работ 1932 г. составили 511 кг золота в пересчете на химически чистый металл. При среднем содержании золота 30,2 г/м^3 это было сравнительно скромным достижением, особенно если плановое задание для Дальстроя на 1932 г. в 10 тонн, установленное постановлением ЦК ВКП(б) от 11 ноября 1931 г.[5] Для значительного го увеличения добычи металла требовалось стабильное и своевременное снабжение приисков всеми необходимыми видами промышленных и продовольственных товаров, строительными материалами, вовлечение в золотодобычу тысяч рабочих и квалифицированных специалистов. Однако в первые годы Дальстрой объективно вынужден был большую часть своих ресурсов тратить на строительство трассы, складов, перевалочных баз, морского порта, линий связи и т.д.

Указанные выше задачи не были решены и в 1933 г. Незавершенное строительство трассы не позволяло «сколько-нибудь значительно развернуть работы по разведкам и добыче

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 401, Л. 38.
[2] Там же. Л. 37.
[3] Фирсов Л. В. Рассказы о золоте. - Магадан, 1957. - С. 65.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 8, Л. 6, Л. 8.
[5] РЦХДНИ, Ф. 17, Оп. 162, Д. 11, Л. 57.

металла», как отмечалось в отчетных документах Дальстроя за 1933 г.[1] Проблемы со снабжением и нехваткой рабочих рук на золотодобыче сопровождались текучестью кадров[2]. Грузоперевозки в приисковый район в первом полугодии 1933 г. происходили в исключительно тяжелых условиях. Летний тракт был пригоден лишь для вьючных перевозок, а зимний не имел ни конюшен для отдыха лошадей, ни зимних бараков для возчиков. Стабильному снабжению препятствовали очень снежная зима, сильные ветра, заносы на дорогах, что создавало «необычайные трудности в перевозках»[3].

Списочный состав работников золотодобычи в 1933 г. незначительно увеличился и в среднем составил 1350 чел., а непосредственно на основном производстве - 210 чел. (т.е. увеличение в среднем составило по сравнению с предыдущим годом всего 14 работников)[4].

В это же время геологоразведочные работы не подтвердили больших перспектив Среднеканской дайки, на эксплуатацию которой в основном и выделялись значительные финансовые средства (хотя отдельные небольшие участки этой дайки оказались исключительно богатыми). Данные геолого-поисковых партий подтверждали предположение Ю. А. Билибина о наличии богатейшего золотоносного пояса, уходящего к северо-западу от Среднекана. Это обстоятельство серьезно осложняло задачи, стоящие перед руководством Дальстроя, поскольку вместо того, чтобы вести дорогу к одному месторождению, сосредоточив на нем необходимые силы и средства, приходилось охватывать дорожными и строительными работами громадную, все расширяющуюся площадь[5].

Важной особенностью 1933 г. стало эсперементальное использование на добыче золота труда заключенных. В документах начала 1930-х гг. заключенные обозначались как «организованные рабочие», а их трудовая деятельность – «хозяйскими работами»[6]. Среднеканский ский приисковый район, как самый близкий к Магадану, стал своеобразным полигоном для использования «трудовых резервов» Севвостлага на золотодобыче. В 1933 г. из 791 кг химически чистого золота[7], «организованными рабочими» (т.е. заключенными) было получено около 10% от общего количества металла[8]. В отличие от старателей, заключенные трудились лись на участках менее богатых золотом, тогда как работа старателей в значительной степени была направлена на поиск и разработку наиболее богатых участков золотоносных месторождений, т.к. за «подъемный металл» (самородки – В.З.) старатели получали денежное воз-

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 402, Л. 1.
[2] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 402, Л. 73.
[3] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 402, Л. 143.
[4] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 8, Л. 8.
[5] Вронский Б. И., Тупицын Н. В. Юрий Александрович Билибин. // Время. События. Люди. Исторические очерки об освоении Колымы и Чукотки. 1928-1940 гг. – Магадан, 1968. - С. 25.
[6] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 402, Л. 76.
[7] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 5, Л. 14.
[8] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 402, Л. 99.

награждение. В итоге руководство Дальстроя во главе с Э. П. Берзиным сделало для себя важный вывод о том, что «использование исключительно организованного труда заключенных на золотодобычных работах, без сомнения, будет содействовать дальнейшему удешевлению производства» и более полной отработки месторождений»[1]. Подобный вывод был вполне логичным для политико-экономических реалий начала 1930-х гг.

За два года практической работы на Колыме руководством Дальстроя были подведены некоторые итоги. Район деятельности Дальстроя имел ряд особенностей в своем географическом положении: оторванность от промышленно развитых центров, наличие навигационной связи с «материком» только в течение 5-6 месяцев, огромная территория в 400 тыс. км^2, труднодоступность районов месторождений золота, отдаленность их от побережья, суровый климат. Специфика также заключалась в том, что наряду с основной задачей разведки и добычи золота приходилось одновременно решать и транспортную проблему географически сразу в двух направлениях: с юга сухопутным путем, с севера - водным[2]. Период проведения ния необходимых работ был лимитирован природными условиями - 120 дней в году. Природа края создала и второй фактор, сдерживавший объем и темпы работ: в районе деятельности Дальстроя отсутствовала собственная строительная и, на ближайшие годы, - энергетическая базы.

В этой связи Э. П. Берзин пришел к выводу о том, что ни о каком увеличении рабочей силы на приисках в течение зимы и лета 1933 г. не могло быть и речи: «одновременное разрешение двух задач - промышленной эксплуатации и транспортной проблемы - немыслимы, что до тех пор, пока район приисков не станет доступным для регулярного и нормального (по количеству) снабжения, промышленная эксплуатация золота на может иметь места, что всякая попытка преждевременного решения эксплуатационной задачи обречена на неудачу»[3].

Таким образом, директивные задания, поставленные перед Дальстроем на 1932-1933 гг. не были выполнены (по плану 10 и 25 т золота, а фактически 511 кг и 791 кг соответственно). По мнению руководства Дальстроя эти задания определялись «не по возможностям, а по потребностям, без сколько-нибудь обоснованных расчетов в условиях, когда край еще совершенно не был исследован»[4].

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 402, Л. 103.

[2] Большой вклад в изучении Колымы как водной артерии дали экспедиции И. Ф. Молодых. Подробнее см.: Ро-Родин Е.Д. Из истории освоения Северо-Востока (к 30-летию Колымской экспедиции И.Ф. Молодых 1928-1929 гг.) // Колыма. – 1958. - №5. – С. 43-45; Гунько С.В. Из истории речного транспорта на Колыме // Краеведческие записки. – Магадан, 1972. – Вып. 9. – С. 76-82; Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. – Магадан, 2000; Навасардов А.С. Бродкин М.С. Снабжение Дальстроя по р. Колыма в 1932-1937 гг. // II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 62-66 и др.

[3] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 402, л. 3.

[4] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 402, л. 3.

Колымская автотрасса, имевшая решающее значение для обеспечения полноценной работы приисков и разведок, в 1934-1935 гг. достигла основных приисковых районов[1]. Количество работников, занятых на золотодобыче, с этого времени, стало ежегодно увеличиваться в основном за счет новых этапов заключенных. Именно подневольные работники с 1934 г. стали основной рабочей силой на добыче золота (см. таблицу 5)[2].

Таблица 5

Численность работников золотодобывающей отрасли Дальстроя в1932-1937 гг.[3]

	1932	1933	1934	1935	1936	1937
общее количество работающих в Дальстрое (тыс. чел.)*	13,1	30,8	36,0	50,3	73,2	92,3
в том числе на золотодобыче*	1,0	1,4	6,1	11,2	20,4	23,9
то же по составу: вольнонаемные	1,0	1,4	1,0	2,0	1,9	1,3
заключенные	-	-	5,1	9,2	18,5	22,6

*) и заключенных и вольнонаемных

Из приведенных данных видно, что в 1934 г. удельный вес заключенных на золотодобыче сразу превысил 80%, а в 1937 г. достиг 94,6%. Значительная часть вольнонаемных работников была занята прежде всего на всех уровнях административно-технического управления. Вместе с тем удельный вес работников, занятых в горнодобывающей промышленности, по отношению к общему количеству работников Дальстроя в 1932-1937 гг., колебался в пределах 4,5-28%% и не являлся решающим. Это определялось прежде всего острой необходимостью решения задач по строительству автотрассы, морского порта, складов и т.п, что являлось основой для развертывания масштабной добычи минеральных ресурсов.

Успехи геологоразведки, форсированное строительство автотрассы, способствовали тому, что в течение 1935 г. в эксплуатацию был вовлечен новый золотоносный район на левом берегу р. Колымы[4]. Помимо прииска «Партизан» там появились новые крупные прииски «Штурмовой» и «им. Водопьянова»[5].

На горнодобывающих предприятиях Колымы постепенно стало возрастать значение использования механизмов. Так, в 1935 г. на приисках «Борискин», «Скрытый» и «им. Водопьянова» работало по одному экскаватору, на «Пятилетке» - два. В основном машины были иностранного производства («Везерхютте», «Рансом-Рэпир»). Экскаваторы (особенно летом) могли существенно увеличить объемы вскрыши торфов и перевалки песков[6]. Однако, заметное увеличение количества экскаваторов на золотодобыче произошло только в 1937 г.,

[1] Подробнее о строительстве Колымской трассы см.: Хлыпалов В. М. Из истории строительства Колымской трассы. // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. - Магадан, 1976. - С. 115-120; Навасардов А. С. Из истории строительства Колымской трассы (1928-1940 гг.). // Краеведческие записки. - 1991,. - Вып. 17. - С. 14-25; Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. - Магадан, 2000. - С. 89-94.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 11, Л. 5.
[3] Подсчитано нами по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 52; Д. 11, Л. 5.
[4] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 455, Л. 1.
[5] ГАМО, ф. Р-23сс, оп. 1, д. 6, л. 13-14.
[6] Там же. Л. 18об.

хотя ими было вскрыто только 6,4% всех торфов, а на перевалке торфов их доля составила более 57% от всех выполненных объемов[1]. Продолжавшаяся нехватка техники на горных работах по-прежнему компенсировалась увеличением объемов мускульного труда работников, в большинстве своем отбывавших наказания в лагерных подразделениях УСВИТЛа. Именно в этих целях в 1935 г. на Среднекан прибыло 453 «лагерника», на Оротукан - 5951, в Утинский горпромрайон - 1426 и в Тасканский – 3363 чел.[2]

В 1935 г. впервые в истории отечественной золотодобывающей промышленности Дальстрой применил зимнюю вскрышу торфов. Общий объем этих работ составил свыше 600 тыс. м^3, причем грунт не оттаивали пожогами, а взрывали. Руководство Дальстроя оценивало зимнюю вскрышу как значительное достижение, как «пример ликвидации сезонности в крупных разработках золотоносных россыпей»[3]. В дальнейшем данный опыт будет учтен и использован другими золотодобывающими организациями СССР.

С 1935 г. в систему вошло проведение комплекса мероприятий по заблаговременной подготовке приисков к летнему промывочному сезону (осушение эксплуатационных площадей, строительство новых промывочных приборов, обеспечение приисков водоснабжением, разного рода ремонтные работы и т.д.).

Массовые промывочные работы в 1935 г. было приказано начать 1 июня. Заместитель директора гостреста Алмазов и начальник УСВИТЛ НКВД Филиппов потребовали от всех работников Дальстроя (вольнонаемных, заключенных, сотрудников администрации) предельного напряжения всех сил и энергии. В их приказе указывалось, что колымармейцы Горного управления «на слете ударников постановили: учитывая всю важность выполнения плана 1935 г., наличие краткости летнего сезона, работать без выходных дней...». Развивая данную инициативу, руководство Дальстроя приказало трудиться без выходных дней практически везде: на сельскохозяйственных работах, дорожном строительстве, золотодобывающих предприятиях. Использование рабочей силы на основном производстве в достаточном количестве лично контролировали начальники управлений, отдельных лагпунктов[4].

Между горнопромышленными районами Дальстроя в 1935 г. было организовано социалистическое соревнование[1] - один из методов повышения производительности труда в условиях социалистической модели народного хозяйства. Дальстрой как и СССР в целом располагал массой малоквалифицированных рабочих, обучение которых требовало времени, а экономический эффект был необходим немедленно. Ударничество и соцсоревнования явились методами интенсификации труда, не требовавшими особых затрат на профессиональ-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 5, Л. 16.
[2] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, д. 455, Л. 17.
[3] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 455, Л. 17об., 23об.
[4] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 12, л. 86.

ную подготовку работников. А. И. Широков указывает, что руководство Дальстроя, исповедовавшее утопические идеи «перековки» заключенных трудом использовало целую сеть партийно-политических и культурно-воспитательных подразделений для стимулирвоания роста стахановского движения и ударничества[2].

Символом 1930-х гг. стал рекорд Алексея Стаханова, по всей стране началась широкая кампания с целью вызвать аналогичные начинания и в других отраслях промышленности. Широко развернулось стахановское движение и в Дальстрое. В конце 1936 г. был произведен учет рабочих-стахановцев, показавших производительность свыше 200%. В СГПУ таких стахановцев оказалось 168, в ЮГПУ – 187 чел.[3] Местная печать из номера в номер освещала примеры и опыт стахановской работы на горнопромышленных предприятиях Дальстроя, пропагандировалась организация стахановских декадников[4].

Ударничество, соцсоревнования и стахановское движение получили массовое развитие по всему Советскому Союзу и его золотодобывающей промышленности в частности. В 1935 г. коллективы золотодобывающих предприятий Главзолота участвовали во Всесоюзном «Золотом походе» имени М. И. Калинина и в соцсоревновании за достойную встречу 18-й годовщины Октябрьской революции[5]. В декабре 1935 г. Президиум ЦИК СССР для награждения передовиков производства учредил нагрудный знак «Стахановец золотоплатиновой промышленности»[6].

Сопоставление Дальстроя с другими золотодобывающими трестами СССР, свидетельствует о том, что уровень механизации основных горных работ на Колыме был одним из самых низких, хотя в 1935 г. Дальстрой стал лидером добыче золота среди всех золотодобывающих трестов страны. Добыв в 1935 г. 14,5 т золота, Дальстрой значительно опередил ведущие тресты Главзолота как «Якутзолото» (8 т), «Лензолото» (4,9 т), «Балейзолото» (4,8 т) и в последующие годы он своего лидерства не упускал[7]. За большие достижения в геологоразведке и золотодобычи постановлением ЦИК СССР от 22 марта 1935 г. большую группу работников Дальстроя во главе с Э. П. Берзиным наградили орденами и почетными грамотами[8].

[1] Там же. Д. 14, Л. 123.
[2] Широков А.И. Дальстрой: предытория и первое десятилетие. – Магадан, 2000. – С. 90.
[3] Там же. Д. 476, Л. 134.
[4] См. например: Советская Колыма. - 1936. - 20 января, 30 января, 26 марта, 28 июня, 14 ноября и многие др. В средствах массовой информации Дальстроя в этой связи делался вывод о том, что на Колыме «стахановское движение растет и крепнет, захватывая целые бригады и звенья».
[5] Хатыллаев М.М. Рабочие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири. 1921-1937 гг. – Новосибирск: «Наука», 1986. – С. 33-35, 39.
[6] Хатыллаев М.М. Рабочие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири. 1921-1937 гг. – Новосибирск: «Наука», 1986. – С. 48.
[7] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4 и Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 3425, Л. 111.
[8] Правда. – 1935. – 23 марта.

Добыча и разведка золота и в 1936 г. развивались ускоренными темпами, намечалось новое перевыполнение плана. В июле 1936 г. руководство Дальстроя приказало провести в золотодобывающих управлениях мероприятия по пересмотру и внедрению новых повышенных норм выработки[1], однако все было представлена как инициатива снизу, высказанная на производственных конференциях управлений. Трудовые нормы увеличились в среднем на 30%. Так в ЮГПУ 8-часовая норма вскрыши растительного слоя «на лопату» с его погрузкой на тачку составляла 13 $м^3$, тогда как ранее была только 10. Разработка более тяжелых грунтов: речников с глиной крупной гальки, скальной породы также увеличивались на 20-30%[2]. В целом видно, что производственные нормы в Дальстрое были увеличены за счет интенсификации мускульного труда (прежде всего заключенных), а не за счет внедрения новой техники и технологий.

Еще ранее нормы выработки были повышены в системе Главзолота (в целом по стране это движение было инициировано пленумом ЦК ВКП(б) в декабре 1935 г.)[3]. В немалой степени этому способствовало стахановское движение, которое показало, что рабочие могут выполнять и 200 и 300% плана. В среднем, после широкого общественного обсуждения, увеличение норм выработки составило 22%, в системе Главзолота их было рекомендовано ввести с 1 мая 1936 г.[4]

В течение 1936 г. прииски продолжали пополняться новыми этапами заключенных. В СГПУ их прибыло 9239, а в ЮГПУ 4860 чел.[5] В целом списочный состав работников золотодобывающих управлений в среднем составил в 1936 г. 20,4 тыс. чел. (и вольнонаемных, и заключенных), на основном производстве работало 7511 чел. (45,6%)[6].

Уже в сентябре 1936 г. план по добыче золота был выполнен и Дальстрой в связи с этим получил телеграмму от руководителей СССР: «Нагаево - Берзину. Поздравляем с достигнутыми успехами. Просим передать наш привет работникам Дальстроя. Уверены в дальнейших успехах по добыче золота. Сталин – Молотов»[7]. Результатам золотодобычи этого года было 33,4 т химически чистого золота[8].

Основным устройством для промывки золотоносных песков на приисках Дальстроя к середине 1930-х гг. стали большие деревянные промывочные приборы. Промприборы об-

---

[1] Там же. счД. 19, Л. 25.
[2] Там же. счД. 19, Л. 40-45.
[3] Решения партии и правительства по хозяйственым впросам. В 5 т. – Т. 2. 1929-1940 годы. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1967. – С. 558-563.
[4] Хатыллаев М.М. Рабочие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири. 1921-1937 гг. – Новосибирск: «Наука», 1986. – С. 51-52.
[5] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 476, л. 1. 255.
[6] ГАМО, ф. Р-23сс, оп. 1, д. 8, л. 6.
[7] счД. 19, Л. 321.
[8] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4.

служивались сотнями рабочих, вооруженных тачками, ломами, лопатами и кайлами[1]. Добычей горной массы в забоях, погрузкой и транспортировкой ее тачками до промприбора и разгрузкой занимались в основном заключенные[2].

При залегании золотоносных песков и мощных наносов до 11 м вскрышные работы проводились преимущественно наклонными шахтами, больше 11 м – вертикальными шахтами, т.е. подземным способом.[3] Впервые на Колыме добыча подземных песков была начата в 1935 г. на прииске «Штурмовой», в 1936 г. к нему добавились прииски «Утиный» и «Скрытый»[4]. Впоследствии добыча подземных песков получила широкое распространение на многих приисках Дальстроя. На подземных работах также господствовал ручной труд с крайне низкой производительностью. В качестве двигателей на первых механических устройствах по транспортировке песков применялся конный ворот, а позднее - нефтяные двигатели мощностью всего в 12-18 лошадиных сил[5]. Аналогичное положение с преимущественным использованием мускульного труда заключенных сохранялось и на дорожном строительстве[6].

В 1937 г. в Дальстрое золото добывали 18 приисков. Северное горнопромышленное управление включало в себя прииски «Полярный», «Штурмовой», «Партизан», «Ат-Урях», «им. 8 марта», «им. Водопьянова». Южное управление – «р. Утиная», «Нечаянный», «Разведчик», «Пятилетка», «Загадка», «Верхний Оротукан», «Журба», «Нерига», «Таежник», «Торопливый», «Утесный» и «Перспективный»[7].

Передовым прииском Дальстроя в этом году стал «Торопливый», который досрочно выполнил годовой план по вскрыше торфов, добыче песков и как следствие, извлечения металла. В соответствие со сложившейся практикой тех лет, прииску было вручено переходящее Красное Знамя, а по Дальстрою объявлено, что «этих значительных успехов в деле выполнения производственной программы и повышения производительности труда прииск «Торопливый» добился на основе широкого развертывания социалистического соревнования и стахановского движения»[8].

16 октября 1937 г. Дальстрой вновь получил телеграмму от Сталина, Молотова и Ежова: «Поздравляем работников треста Дальстрой и его руководителей с выполнением про-

---

[1] Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928-1937 гг.). // Краеведческие записки. - Магадан, 1970. - Вып. 8. - С. 76.
[2] Алексахин И. П. Колымские этапы. // Краеведческие записки. - Магадан, 1989. - Вып. 16. - С. 108-117; Кусургашев Г. Д. Колымские записки и зарисовки. // Колыма. - 1992. - №2. - С. 34-36, №4 - С. 33-35; он же. Призраки колымского золота. - Воронеж, 1995; Ротфорт М. С. Колыма - круги ада. - Екатеринбург, 1991.
[3] Кузнецов И. К. Техника на горных предприятиях Магаданской области. – Магадан, 1955. – С. 16.
[4] Кубиков К. В., Потапенко В. В. Комплексная механизация подземной добычи песков. - Магадан, 1960. - С. 5.
[5] Логинов В. П. Пути повышения эффективности горнодобывающей промышленности Северо-Востока СССР. - М., 1962. - С. 43.
[6] См.: Навасардов А. С. Из истории строительства Колымской трассы (1928-1940 гг.). // Краеведческие записки. - Магадан, 1991. - Вып. 17. - С. 17.
[7] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 529, л. 2.
[8] Там же. Д. 23, л. 111.

граммы по добыче золота. Посылаем большевистский привет»[1]. Результатам этого года стало получение 51,4 тонн химически чистого золота[2].

В 1936 г. Дальстрой добыл золота значительно больше, чем вся Восточная Сибирь, предприятия которой в 1936 г добыли 25,4 т золота. В следующем 1937 г. отрыв стал еще более заметным – 51,4 т по Дальстрою и 24,2 т в Восточной Сибири. Удельный вес Дальстроя в общей золотодобыче СССР в 1936 и 1937 гг. составил 20,6 и 29,2% соответственно[3].

С 1935 г. прииски Дальстроя стали регулярно получать электроэнергию, появились локомобильные Усть-Утинская (источник энергии - дрова) и Среднеканская (дрова) электростанции[4]. В 1937 г. к приискам были проведены первые километры районных линий электропередач. В мае 1937 г. было завершено строительство важнейшего для экономического развития региона моста через р. Колыму. Насущной стала проблема создания межприисковой сети дорог.

В конце 1937 г. в Дальстрое произошла характерная для того времени смена руководства. Начальником Дальстроя был назначен старший майор государственной безопасности К. А. Павлов, его заместителем - комбриг А. А. Ходырев[5]. Новые руководители Дальстроя незамедлительно приступили к проверке деятельности предыдущего руководства. Уже 19 декабря 1937 г. был арестован Э. П. Берзин[6], вскоре последовали репрессии в отношении многих соратников первого руководителя Дальстроя[7].

Из архивных документов следует, что золотодобывающую отрасль Дальстроя, созданную под непосредственным руководством Э. П. Берзина, новое руководство нашло в неудовлетворительном состоянии. Без объективного анализа ситуации был сделан вывод о «вредительской», «подрывной» деятельности бывшего руководства на данном направлении.

В частности бывшее руководство Дальстроя было обвинено в том, что оно «само организовало отставание и неправильность работы геологоразведки»: геологи давали заниженные данные, чтобы предприятия быстрей смогли выполнить план. Проверкой нового руководства было установлено, что среднее содержание золота в породе, выведенное разведкой было занижено против реальных показателей в 1935 г. на 181,8%, в 1936 г. на 198,0% и в 1937 г.

---

[1] Там же. Ф. Р-23сч, оп. 1, д. 26, л. 27.
[2] Там же. Ф. Р-23сс, оп. 1, д. 8, л. 6.
[3] Подсчитано по ссД. 4, Л. 4 и счД. 3425, Л. 31, 90. А. Н. Пилясов говорил о том, что "Дальстрой" в 1937 г. стал лидером добычи золота в СССР. Однако, к сожалению, автор не приводит свой источник информации.(см.: Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). – Магадан, 1996. – С. 72).
[4] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 6, л 25.
[5] Там же. Д. 31. Л. 1.
[6] Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917 - 1953 гг.). - Магадан, 1961. - С. 209; Смолина Т. Т. Последние дни Эдуарда Берзина. // Колыма. - 1988. - N 6. - С. 37-40 и др.
[7] Магадан. Конспект прошлого. - Магадан, 1989. - С. 80.

на 206,8%[1]. Законом золотодобычных работ, по их мнению, при бывшем руководстве являлась не нормальная отработка россыпей, а «хищническое, граничащее с порчей месторождений, выхватывание наиболее богатых участков»[2]. Наблюдение и контроль за выполнением плана золотодобычи были построены «на порочной основе». Золотодобывающие управления, прииски и даже участки имели два плана: «один поменьше для вышестоящей организации и другой, более высокий, для нижестоящей организации»[3]. В ходе проверки «обнаружились» неправильная расстановка рабочей силы в забоях, недостаточное использование механизмов (в том числе и экскаваторов) и ценного оборудования («замороженного на складах в Нагаево»)[4].

Выявленная диспропорция между «потребным для приисков энергоснабжением» и той энергетической мощностью, которой обладали электростанции обслуживающие золотодобывающую отрасль, была квалифицирована как срыв энергоснабжение приисков, и также признано «крупнейшим вредительским актом», осуществленным бывшим руководством Дальстроя[5].

Зимний ремонт экскаваторов признавался неудовлетворительным, сооружение мехдорожек неграмотным, вследствие чего случались их частые поломки и остановки, а мускульная откатка обходилась в таком случае дешевле. В местах заключения обнаружилось «нарушение минимальных основ лагерного режима, установление одинаковой оплаты з/к з/к и вольнонаемных и целый ряд других вопиющих нарушений», которые привели к разложению лагеря, срыву трудовых навыков[6].

В целом комбриг А. А. Ходырев, который и проводил проверку на местах, указывал, что состояние золотодобывающей промышленности плачевно, и произошло это вследствие вредительства бывшего руководства, полнейшей бесхозяйственности, развала дисциплины в лагерях.

В отношении новой специализации Дальстроя, - добычи олова, – заместитель начальника Дальстроя был также категоричен. В частности он пришел к выводу, что развитие оловодобычи на Колыме шло искусственно замедленными темпами. Самостоятельные поиски специально на олово «намеренно затянулись до 1937 г.», хотя первые его месторождения

---

[1] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 529, л. 2 об.

[2] Приводился пример работы прииска “Партизан”, который при срыве плана вскрытия торфов и добычи песков, сумел перевыполнить программу золотодобычи, дав 247,08% своего годового задания (ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 529, л. 3).

[3] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 529, л. 3 об.

[4] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 529, л. 4-5.

[5] Там же. д. 529, Л. 4.

[6] Там же. Д. 529, Л. 5.

были открыты в течение поисковых работ 1933-1934 гг. Поэтому ряд лет работы в данном направлении, по мнению А. А. Ходырева, «был потерян совершенно бесполезно»[1].

Для более комплексной проверки состояния дел в Дальстрое в 1938 г. Народным комиссариатом Внутренних дел была организована работа специальной экспертной комиссии. Геологоразведочную службу Дальстроя проверяли Ю. А. Билибин, профессор В. Н. Зверев[2] и профессор С. С. Смирнов[3], эксплуатационные объекты - горные инженеры А. П. Бахвалов и Ф. И. Кондратов[4]. Члены экспертной комиссии в основном подтвердили, сделанные ранее выводы нового руководства Дальстроя.

Приведенные негативные факты состояния горнодобывающей промышленности в той или иной степени, несомненно, имели место. Вместе с тем тенденциозность однозначно обвинительного подхода нового руководства была весьма далека от объективности. Все обнаруженные упущения и недостатки не были результатом злого умысла, а возникали как следствие специфики выбранной модели промышленного освоения региона. Золотодобывающая промышленность Дальстроя находилась далеко не в идеальном состоянии. Тем не менее, обращает на себя тенденциозность и однобокость подхода новых руководителей, поскольку даже безусловно успешный результат 1937 г. - 51,4 т химически чистого золота, был затушеван фразой о том, что Дальстрой мог бы добыть и больше. Критическое осмысление общественно-политической ситуации в целом в стране и на Северо-Востоке в частности, позволяет сделать вывод о преднамеренном создании в лице Э. П. Берзина и других бывших руководящих работников, образа внутреннего врага.

Относительно развития оловодобычи следует отметить, что с получением точных геологических данных относительно наличия промышленных запасов олова на территории деятельности Дальстроя и особенно после положительного заключения по данному вопросу экспертной комиссии в 1936 г., данному направлению со стороны руководства стало уделяться значительно больше внимания. Поэтому если и допустимо говорить о некотором замедлении темпов развития оловодобычи, то оно было связано исключительно с решением более неотложных задач - строительством Колымской трассы и добычей золота.

Э. П. Берзин – первый руководитель Дальстроя был расстрелян в 1938 г., дальнейшая судьба многих его соратников также сложилась весьма трагично.

Репрессии обрушились и на руководящих работников Дальневосточного края, в т.ч. и на работников золотодобывающей промышленности Приморья и Приамурья. Е.Д. Кочегарова выделяет две основных волны репрессий 1929 и 1934-1938 гг., в результате которых «ста-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д.529, Л. 2-10.
[2] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 38-41.
[3] Там же. Д. 42-43.
[4] Там же. Д. 46.

рый» командный состав золотодобывающей промышленности был заменен на «новый», способный безоговорочно принимать абсолютную власть и авторитарно-деспотическую систему управления. В конечном итоге это привело к тому, что степень послушания в государственном хозяйственном аппарате возрастала, тогда как профессиональные качества его работников и общая способность аппарата решать объективные задачи, встававшие перед страной, на определенное время снижались. Но никакой экономической или политической целесообразностью нельзя объяснить массовое уничтожение десятков тысяч невинных людей[1].

В целом за 1932-1937 гг. золотодобывающая отрасль Дальстроя выросла в значительный производственно-технический комплекс, добившись с 1935 г. лидерства по добыче золота в СССР вначале среди трестов, а с 1936 г. – среди регионов. Увеличение золотодобычи в указанный период позволило государству расплатиться по полученным ранее кредитам, не вывозить за границу зерно и одновременно иметь средства для оплаты разного рода, в том числе и военных, закупок[2]. Вклад Дальстроя в данной связи был весьма значительным. Главной основой экономического роста отрасли (и всего Дальстроя) уже в этот период стало использование принудительного труда тысяч заключенных, причем вся система социальных и хозяйственных отношений в регионе «идеологически обеспечивалась утопическими представлении об «исправительном» и классовом характере труда»[3].

В монографии, посвященной предыстории и первому десятилетию Дальстроя, А. И. Широков убедительно показал, что предвоенный период деятельности Дальстроя подразделяется на два основных этапа: 1932-1937 гг. и 1938-1940 гг. В течение первого этапа проводилось создание «толчкового» транспортно-производственного каркаса колонизации региона с приоритетным сосредоточением на металлодобыче лишь к концу данного этапа; постепенно оформлялись организационные формы освоения региона посредством лагерно-производственных структур; в отношении заключенных действовал относительно мягкий режим содержания. На втором этапе (1938-1940 гг.) происходило дальнейшее увеличение территории деятельности Дальстроя, расширение ассортимента добываемых металлов, более широким стало применение техники на горном производстве и дорожном строительстве, Колыма превратилась во всесоюзную политическую каторгу[1]. В этой связи целесообразно подробнее рассмотреть динамику развития золотодобычи в предвоенные годы.

В 1930-е гг. на золотодобыче по-прежнему шло последовательное наращивание количества используемых заключенных (см. таблицу 6).

---

[1] Кочегарова Е.Д. Золотопромышленность Дальнего Востока (1922-1940 гг.). Исторический опыт. Канд. диссерт. на соискание уч. степени канд. истор. наук. – Благовещенск, 2002. – С. 173-174.
[2] Боффа Д. История Советского Союза. - М., 1994. - Т.1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин, 1917-1941. - С. 472.
[3] Широков А. И., Этлис М. М Советский период истории Северо-Востока России (историография и новые архивные данные). - Магадан, 1993. - С. 11.

Таблица 6

Численность работников золотодобывающей отрасли Дальстроя в 1938-1940 гг.[2]

	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
численность работников Дальстроя (в тыс. чел.)*	13,1	30,8	36,0	50,3	73,2	92,3	113,4	189,8	216,4
в том числе на золотодобыче*	1,0	1,4	6,1	11,2	20,4	23,9	50,6	71,0	92,1
вольнонаемные	1,0	1,4	1,0	2,0	1,9	1,3	2,2	2,4	2,9
заключенные	-	-	5,1	9,2	18,5	22,6	48,4	68,6	89,2

*) и заключенных и вольнонаемных

Из приведенных данных следует, что в 1938-1940 гг. численность заключенных работников на золотодобыче увеличивалась более чем на 20 тыс. чел. ежегодно. В 1940 г. их использовалось в 4 раза больше, чем в 1937 г. Количество вольнонаемных работников по сравнению с потребностью в них увеличивалось весьма медленно и в 1940 г. на золотодобыче их было занято всего лишь на 1600 чел. больше, чем в 1937 г. (тогда как заключенных на 66,6 тыс. чел.). Удельный вес работников, занятых на золотодобыче по отношению к общему количеству работающих в Дальстрое по сравнению с предыдущим этапом увеличился более чем вдвое, в среднем за 1938-1940 гг. этот показатель составил 41,5% (тогда как в 1932-37 г. - только 17,6%). В 1940 г. вместе с максимумом добычи золота (80 т)[3], удельный вес заключенных от общей численности работников золотодобычи также достиг своеобразного максимума - 96,8% (89,2 тыс. чел.). Для сравнения - численность работников системы Главзолота в 1940 г. составляла почти 157 тыс. чел. (в т.ч. старателей - 83840 чел. и государственных рабочих – 72909 чел.)[4].

В 1938-1939 гг. новый руководитель Дальстроя (точнее – начальник Главного управления стротельства Дальнего Севера) К. А. Павлов фактически перевел Дальстрой на полувоенный режим деятельности, что позволяло наиболее полно реализовывать все мобилизационные возможности «комбината особого типа» (по выражению И. В. Сталина[5]). Все основные вопросы управления горнодобывающей промышленностью регулировались главным образом посредством «оперативных приказов» начальника Дальстроя. Горнопромышленным управлениям по всем видам горных и горно-подготовительных работ устанавливались объемы и обязательные сроки выполнения, при отставании от утвержденного графика выполнения плана устанавливалось время работы приисков с максимальной нагрузкой (так называемые декадники и месячники ударной работы). Все требования и указания, изложенные в

[1] См.: Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. - Магадан, 2000. - С. 81-82.
[2] Подсчитано нами по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, 52; Д. 11, Л. 5.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4.
[4] Д. 3425, Л. 157.
[5] Советская Колыма. - 1940. - 23 февраля.

оперативных приказах, были обязательны к исполнению, в противном случае виновные подвергались взысканиям вплоть до уголовной ответственности[1].

С самого начала 1938 г. К. А. Павлов своими приказами и распоряжениями задал ускоренный темп ведения золотодобычных работ. В целях обеспечения «полноты и своевременности разворота промывочных работ» были проведены соответствующие подготовительные мероприятия. От начальников управлений и приисков жестко требовалось тщательное выполнение плана вскрыши торфов[2]. По существу, трудовая деятельность была переведена на режим функионирования военного времени. К. А. Павлов рассматривал золотодобычу как своеобразный фронт. В практику управления деятельностью горнопромышленных управлений были введены оперативные приказы начальника Дальстроя (военная терминология!), в них кратко анализировалась ситуация на каком-либо прииске, управлении (или нескольких управлений), часто приводились фактические данные степени выполнения программы и определялся порядок первоочередных мероприятий, направленных на позитивные сдвиги в работе. Невыполнение оперативного приказа влекло за собой самые серьезные последствия (в т.ч. несколько суток ареста, снятие с работы, уголовное преследование). Отказ заключенных выходить на работу, намеренное членовредительство и тому подобное квалифицировалось как контрреволюционный саботаж. В отношение «наиболее злостных саботажников» в 1938-1939 гг. активно применялась высшая мера социальной защиты – расстрел[3].

С 1 марта 1938 г. на открытых горных работах был устанавлен 11-часовой рабочий день (для заключенных, задействованных на перспективных участках золотодобычи – 12-часовой)[4]. Одним из средств контроля выполнения основных производственных операций на золотодобыче стала строгая отчетность[5]. В местных мастерских срочно изготавливались электропаробуры инженера Маркова[6]. На март-апрель месяцы из разных управлений Дальстроя изымалось 405 плотников с инструментом (в целях усиления строительных работ на приисках)[7], а так же 1500 человек рабочей силы первой категории (для вскрыши торфов, строительства промприборов и т.д.)[8]. В конце апреля 1938 г., кроме уже оказанной помощи,

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 30, Д. 43 и мн. др.
[2] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 31, л. 161. Причем в своих приказах Павлов широко опирается на статистические данные по степени выполнения того или иного вида работ, демонстрируя тем самым свою полную осведомленность состояния дел на каждом предприятии.
[3] Подробнее см.: Мета В.И., Диденко В. В. Жертвы Колымы. Магадан. – Магадан: ОАО «МАОБТИ», 2000. – С. 81-121 и др.
[4] Там же Л. 171.
[5] Там же. Д. 33, л. 30.
[6] Там же. Д. 32, л. 174. Данное оборудование предназначалось для бурения местных торфов и песков.
[7] Там же. Д. 31, л. 172.
[8] Там же. Д. 31, Л. 173.

на отстающие прииски «Туманный» и «Нижний Ат-Урях» были отправлены все курсанты Учебного комбината УСВИТЛ вместе с преподавательским составом (250 человек)[1].

В целях подготовки к летнему промывочному сезону и обеспечения бесперебойных работ отдаленных предприятий на период бездорожья (март - 15 мая) был утвержден сводный план перевозок в объеме 43,7 тыс. т[2]. Несколько позже он был уменьшен на 3,3 тыс. т[3].

Начало массового промывочного сезона 1938 г. было назначено на 15 мая. За день до этого события К. А. Павлов в своем приказе указывал: «Мы имеем короткий промежуток времени 120 дней для выполнения и перевыполнения программы плана», а добиться успеха «... мы можем только при условии укрепления дисциплины, укрепления единоначалия и решительного разгрома фашисткой агентуры, троцкистко-бухаринских шпионов, вредителей диверсантов и их последышей, которые своей диверсионной вредительской работой будут делать все для того, чтобы сорвать программу золотодобычи нашей социалистической родины...»[4].

Результатами начала летнего промывочного сезона 1938 г., не смотря на все предпринятые меры К. А. Павлов был не доволен. Он приказал в срочном порядке выставлять на основное производство 60% рабочей силы от списочного состава (прииска, управления)[5], затем тем 70%[6], промывку требовал вести «день и ночь»[7].

Высшей точкой эксплуатации заключенных стало разрешение начальникам приисков задерживать их на производстве до 16 часов[8]. Эти дополнительные (от 11-часового рабочего дня) 5 часов оплачивались «путем вознаграждения», по нормам выработки выдавалось добавочное питание[9], однако, такие ежедневные физические нагрузки серьезно подрывали здоровье и неизбежно вели к повышенной смертности людей на приисках. К тому же ужесточилась система контроля над соответствием норм питания нормам выработки. Правильность отнесения заключенных к той или иной категории питания периодически проверяли и пересматривали[10].

Бывший узник Колымских лагерей Г. Д. Кусургашев вспоминал о том, что в августе 1938 г. рабочий день заключенного был 14-часовым. У человека, по его словам, не было такого органа, на который бы не воздействовала с предельной нагрузкой груженая тачка. В ногах тяжесть сжатия, в руках - растяжение. Шейные мышцы напряжены, зрение сосредоточе-

---

[1] Там же. Д. 33, л. 222.
[2] Там же. Д. 32, л. 141.
[3] счД. 32, Л. 180.
[4] Там же. Д. 34, л. 56.
[5] Там же. Д. 34, Л. 111.
[6] Там же. Д. 34, Л. 117.
[7] Там же. Д. 34, Л. 111.
[8] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 31, л. 149.
[9] Там же. д. 31, л. 149.
[10] Там же. Д. 34, л. 4.

но на узкой полосе трапа, позвоночник испытывает вибрацию. Любая задержка квалифицировалась как вредительство. Напряженный ритм изматывал до такой степени, что после смены люди едва добирались до лагеря. Задолго до окончания промывочного сезона молодые парни при такой работе становились стариками[1].

Вместе с тем возможности приисков были объективно ниже уровня притязаний руководства Дальстроя и основные производственные показатели на промывке и получении металла в сентябре 1938 г. начинали снижаться[2]. На приисках начались приписки выполненных ных объемов[3], стихийное невыполнение своих обязанностей со стороны вольнонаемных работников, вслед за которыми бездействовали и заключенные. Так, на прииске «Партизан», оставшись без руководства в ночную смену заключенные целыми бригадами простаивали у костров. На одном из самых крупных приисков Дальстроя - «Мальдяке» заключенные в забой принесли даже матрацы, чтобы спать в ночную смену[4]. Заметно участились случаи аварий на основном производстве (К. А. Павлов считал, что «каждая авария - это поражение в бою»)[5]. Некоторая стабилизация наметилась только с прибытием очередного пополнения заключенных, так как это позволило отменить обязательные сверхурочные работы[6]. Также были несколько увеличены нормы питания заключенных, занятых на горных и дорожно-строительных работах[7]. Впрочем количество получаемого заключенными продовольствия по-прежнему напрямую зависело от степени выполнения плана. Однако, как следует из отчетных документов, в 1938 г. более 70% лагерников не выполняли задаваемых норм, и около половины из этого числа выполняли их не более чем на 30% [8].

Промывочные работы не прекратились и осенью 1938 г., как это было ранее. Более того, в Дальстрое началась так называемая осенне-зимняя промывка, которая должна была стать опытной подготовкой «к развернутой организации круглогодовой золотодобычи на Колыме»[9]. Приискам был дан дополнительный план, но вследствие закономерной усталости людей его выполнение сильно затруднялось[1]. В отношении вольнонаемных работников руководство Дальстроя широко использовало и систему вознаграждений: единовременные и ежемесячные премии за перевыполнение плана, снятие ранее наложенных взысканий. Также широко использовались лозунги типа: «Задача - выполнить план безоговорочно!», «Выпол-

[1] Кусургашев Г. Д. Призраки колымского золота. - Воронеж, 1995. - С. 28. См. также: Алексахин И. П. Колымские этапы. // Краеведческие записки. - Магадан, 1989. - Вып. 16. - С. 108-117; Сандлер А., Этлис М. Современники ГУЛАГа: Книга воспоминаний и размышлений. - Магадан, 1991.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 37, Л. 49.
[3] Там же. Д. 36, Л. 26.
[4] Там же. Д. 37, Л. 119.
[5] Там же. Д. 38, Л. 177.
[6] Там же. Д. 37, Л. 41.
[7] Там же. Д. 41, л. 103-104.
[8] Там же. Д. 642, л. 12.
[9] Там же. Д. 37, Л. 93.

нить план золотодобычи дело чести всех горняков Дальсроя!», «Вперед, товарищи, за работу! За ежедневное увеличение плана золотодобычи!»[2] и т.п.

Об осенне-зимнем промывочном сезоне в 1938-1939 гг. говорят в своих воспоминаниях и бывшие заключенные. Так, М. Б. Миндлин писал, что с прекращением летней промывки песков стали строить зимние небольшие приборы-«тепляки», куда на тачках завозили мерзлые пески и производили промывку. Взорванные торфа, заключенные вывозили на себе заполненные грунтом короба в специально отведенные отвалы на расстояние 100-150 м. Тяжелее всего при усиливающихся ночью морозах и частых густых туманах переносились ночные смены, когда, несмотря на обилие прожекторов, не было видно напарника, стоящего по другую сторону от короба, не видно было и грунта в коробе, работали скорее на ощупь[3]. В дальнейшем, несмотря на смену руководства Дальстроя, работа золотодобывающих предприятий Дальстроя строилась, главным образом, на основе схем, выработанных К. А. Павловым в 1938 г.

В 1939 г. стиль командного (почти военного) управления хозяйственной деятельностью Дальстроя со стороны его руководства не менялся. Усиливая ответственность управлений за использование на добычных работах механизмов, Павлов обязал ЗГПУ, ЮГПУ, ЗГПУ и ЮЗГПУ каждые пять дней отчитываться за работу экскаваторов, компрессоров, локомобилей, транспортеров, пневматических молотков, а также за аварии и простои и указанием их причин[4].

Для более полного укомплектования приисков рабочей силой с различных подразделений Дальстроя (Управлений дорожного и капитального строительства, Карантинного пункта и др.) было приказано перебросить почти 13 тыс. чел. (по всей видимости – заключенных). При этом 6735 чел. (53%) направлялось в Западное управление, 2076 чел. (16%) в Южное, 1254 чел. (10%) в Северное и 2685 чел. (21%) в Юго-Западное[5]. Также на золотодобывающих предприятиях внедрялись и технические новинки: тракторы и компрессоры «на дешевом топливе - керосине»[6], тракторы «с мотором – дизель»[7] (вместе с тем был введен строгий учет прихода и расхода горючего)[8].

В достижении поставленных задач руководство Дальстроя использовало преимущественно жесткие командно-административные методы. Необходимым условием четкого выполнения приказов вышестоящей инстанции являлось сплоченность руководящего звена

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 37, Л. 183-186, 195; Д. 38, Л. 28, 30-33; Д. 39, Л. 25-26, 63-65.
[2] Там же. счД. 30, Л. 25, 28-30, 36 и др..
[3] Миндлин М. Б. Первая зима на Колыме. // Краеведческие записки. - Магадан, 1992. - Вып. 18. - С. 47-48.
[4] счД. 44, Л. 126.
[5] Там же. счД. 44, Л. 23-24.
[6] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 46, л. 158.
[7] Там же. Д. 47, л. 156.
[8] Там же. Д. 47, Л. 11-13.

среднего уровня. Однако к весне 1939 г. в Дальстрое заметно обострились противоречия между руководителями хозяйственных объектов и лагерных подразделений по вопросам взаимной субординации. В этой связи начальник Дальстроя К. А. Павлов 3 марта 1939 г. подписал приказ «О подчинении работников УСВИТЛ и единоначалии»[1], согласно которому сотрудники отдельных лагерных пунктов (ОЛПов) во всех отношениях должны были подчиняться «хозяйственному руководителю» (т.е. начальнику управления, прииска, совхоза, автобазы и т.д.). Понимание работниками лагеря подчиненности только своей вышестоящей инстанции, т.е. отдельным лагерным пунктам и Управлению Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей, приказывалось считать неправильным. Данное решение несомненно способствовало упорядочению взаимоотношений внутри руководящего звена среднего уровня, тем более что многие начальники приисков, рудников и других производственных (не говоря уже о лагерных) объектов Дальстроя были кадровыми офицерами государственной безопасности.

Тем временем началась интенсивная подготовка к летнему промывочному сезону. Март и апрель были обявлены месяцами ударной стахановской работы по вскрыше торфов[2]. С 5 марта 1939 г. на вскрышу торфов и подготовительные работы было приказано выставлять «не менее 60% рабочей силы и 40% лошадей», и, пересмотрев весь наличный состав лагерных подразделений, направить годных к тяжелому физическому труду в забой, увеличить рабочий день заключенным до 10 - 11 часов, добиваясь одновременно с этим «железной трудовой дисциплины в лагере», жестко наказывать всех лодырей, симулянтов, саботажников. За «стахановские показатели» заключенных приказывалось поощрять улучшением бытовых условий (в этих целях предусматривалось утепление палаток, установка столов и скамеек, выдача занавесок, шашек, шахмат, газет, книг)[3]. Как и в предыдущем году для снабжения приисковых районов весной 1939 г. из различных подразделений Дальстроя изымались автомашины и тремя колоннами отправлялись на трассу[4].

Промывочные работы в 1939 г. Павлов приказал начать «с первым же появлением воды, не дожидаясь общего таяния и вскрытия рек... как только появится вода от таяния снега даже в лужах начинать промывку, борясь за каждый грамм добытого металла»[5]. Дальстрой во что бы то ни стало должен был исполнить обещание, данное «вождю нашей партии любимому СТАЛИНУ» о полном выполнении государственного плана золотодобычи[6].

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 45, Л. 79.
[2] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 45, л. 89.
[3] Там же. ф. Р-23сч, оп. 1, д. 45, Л. 93-95.
[4] Там же. Д. 45, л. 287-288.
[5] Там же. Д. 46, л. 276.
[6] счД. 46, л. 276Там же.

Массовые промывочные работы 1939 г. начались с ударника 15 мая. Трудиться приказывалось «и день, и ночь» всем составом лагеря и администрации. Рабочий день заключенных достигал 16 часов (включая сверхурочные)[1]. Вследствие недостатка рабочей силы на золотодобыче с дорожностроительных работ было приказано изъять 2081 заключенных и 223 вольнонаемных, они направлялись в ЗГПУ и ЮГПУ[2]. К горным работам в свободное «от основных обязанностей» время разрешалось привлекать даже стрелков военизированной охраны[3].

Руководство Дальстроя стремилось задействовать все имеющиеся резервы для выполнения плана золотодобычи 1939 г., в том числе и за счет сокращения объемов работ на других направлениях[4]. Даже заключенным 26 мая 1939 г. было приказано в течение 2-3 недель выдавать усиленное питание «для приведения их в полноценную рабочую силу»[5]. Вольнонаемным работникам в конце мая 1939 г. повысили оклады[6].

В июне 1939 г. всех отказчиков от работы и злостно не выполняющие нормы работы заключенные было приказано перевести на штрафное питание[7], на всех приисках создавались карцеры, в которые предполагалось помещать «злостных отказчиков», «нарушителей лагдисциплины» сроком на 10 дней, выдавая в сутки 400 г хлеба и кипяток[8]. За отставание в выполнении плановых показателей наказывались и ответственные вольнонаемные работники. Был инициироан очередной виток борьбы с «угрожающем характером» простоев экскаваторов, с «антимеханизаторской практикой работы» (аварий компрессоров, шахт)[9]. Так, за не использование трех экскаваторов в течении месяца был отдан под суд главный инженер прииска «Чай-Урья», за неиспользование «на полную мощность» механизмов прииска «Ударник» с работы был снят главный механик [10].

Однако, несмотря на все предпринимаемые жесткие меры, в Москве не были удовлетворены ходом золотодобычных работ в Дальстрое. Так 1 августа 1939 г. по ГУСДС сообщалось, что народный комиссар Внутренних Дел СССР Л. П. Берия отметил «нашу плохую работу по металлодобыче» и поставил задачу «в августе принятием решительных мер

---

[1] Там же. Д. 43, д. 77.
[2] Там же. Л. 64-65.
[3] Там же. Л. 40.
[4] Так было несколько сокращено дорожное строительство (ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 43, л. 64-65). СГПУ, ЗГПУ ЗГПУ и ЮЗГПУ вынуждены были отказаться от строительства нескольких важных линий электропередач (ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 47, л. 214-217) и др.
[5] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 47, л. 204.
[6] Там же. Д. 48, л. 34-35.
[7] Там же. Д. 49, л. 114. Под штрафным питанием понималось: 400 г хлеба, 10 г муки подболточной, 33 г крупы, 100 г консервов, 5 г растительного масла, 20 г соли, 3 г чая, 17 г томатов, 100 г рыбы в сутки.
[8] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 49, л. 114.
[9] Там же. Д. 43, л. 50-54., д. 50, л. 59.
[10] Там же. Д. 46, л. 262-263.

обеспечить выполнение утвержденного... плана»[1]. В этой связи каждый промывочный прибор, участок, прииск был обязан ежедневно выполнять план. Не выполняющий план как указывал К. А. Павлов, «делает преступление, тот позорит коллектив Дальстроевцев перед партией правительством и страной, тот творит антигосударственное дело». Горным управлениям директивно устанавливалось количество рабочей силы, которую необходимо было выставлять на основное производство (СГПУ - 18233 чел., ЗГПУ - 20295, ЮГПУ – 9632)[2].

На борьбу за выполнение плана были мобилизованы партийные, комсомольские и профсоюзные организации, которые направляли своих работников на прииска, для «шефства» над промприбором, участком и т.д. Для поощрения ударников и стахановцев в СГПУ отправлялось 10 машин «премиального фонда», в ЗГПУ тоже 10, в ЮГПУ - 8, в ЮЗГПУ - 2 машины [3].

Темпы золотодобычи стали нарастать в III квартале 1939 г., когда в Дальстрой и на прииски стали прибывать новые этапы заключенных[4]. Однако, срыв выполнения плана на отдельных предприятиях отрасли продолжался. В этой связи был снят с работы начальник прииска «Топкий»[5]. За неполное выставление рабочей силы на основное производство приказом от 4 августа 1939 г. 8 начальников приисков были арестованы на трое суток в административном порядке, начальники еще 17 приисков получили строгий выговор с занесением в личное дело и т.д. Начальники тех приисков, которые полностью исполняли приказы К. А. Павлова, поощрялись (так, например, начальникам приисков «Пятилетка», «Геологический», «Средний Оротукан», «Дусканья» была объявлена благодарность)[6].

В августе 1939 г. ход летнего промывочного сезона в Дальстрое был нарушен чрезвычайными обстоятельствами: 22-24 августа на трассе прошли сильные ливневые дожди. Мощные ливни охватили территорию современных Сусуманского, Тенькинского и Ягоднинского районов Магаданской области[1]. Горизонт воды в створе моста через р. Колыму поднялся по отношению к нормальному уровню на 11,5 м. Все поселки, расположенные на побережье р. Колымы и ее притоков, были затоплены. Создалась реальная угроза срыва пролетных строений моста, потеря которого грозила катастрофическими последствиями. На левом берегу р. Колымы находились объекты двух крупнейших золотодобывающих управлений Дальстроя (СГПУ и ЗГПУ). Люди на приисках, разведках и других предприятиях могли на долго оказаться без продовольствия и связи. Положение могло чрезвычайно усложниться

[1] Там же. Д. 50, л. 131.
[2] Там же. Д. 50, Л. 132.
[3] Там же. Д. 50, Л. 132.
[4] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 724, л. 84.
[5] Там же. Д. 50, л. 135.
[6] Там же. Л. 155-156.

в связи с наличием в Северном и Западном горнопромышленных управлениях многих тысяч заключенных.

Начальник Дальстроя К. А. Павлов, срочно прибыв на место стихийного бедствия, взял руководство в свои руки. По всей длине моста через р. Колыму были поставлены тяжело нагруженные машины, которые своей тяжестью помогли выстоять деревянным конструкциям под напором потока воды. Заключенные и вольнонаемные были переброшены на борьбу с наводнением и на восстановление движения по трассе.

Ущерб, нанесенный стихией, был огромен. Целый ряд ведущих приисков СГПУ: «им. Водопьянова», «Верхний Ат-Урях», «Партизан», «Ударник», «Оротукан» были затоплены. Подготовленные к отработке площади были занесены потоками грязи, промывочные приборы подмыты в своих основаниях и частично разрушены. Из общей суммы убытков в 37,127 млн. руб. по всем предприятиям Дальстроя 63% пришлось на долю горнопромышленных управлений[2]. Вместе с тем, чтобы не допустить значительного снижения темпов золотодобычи, К. А. Павлов призвал коллектив Дальстроя к «напряжению всех сил, большевистской организованности», для того, чтобы в оставшиеся 4 месяца выполнить годовой план[3].

Здоровье самого начальника Дальстроя оказалось подорвано, так как он два дня находился на мосту через р. Колыму под проливным дождем и в начале сентября К. А. Павлов уехал «по болезни на лечение в г. Москву»[4], но на Колыму он больше не вернется.

Временно исполняющий обязанности начальника Дальстроя комбриг А. А. Ходырев, предпринимал все меры к наращиванию добычи золота, выполнению суточных и декадных планов[5], но это удавалось не многим приискам[6]. К тому же в снабжении золотодобывающих управлений и геологоразведочных районов продовольствием и взрывчаткой, после такого катастрофического наводнения, начались перебои[7].

В целом осенне-зимняя промывка продвигалась с отставанием приисков от выполнения установленного плана. В конце октября 1939 г. А. А. Ходырев, оценивая результаты работы золотодобывающих предприятий, говорил о «позорном провале государственного плана металлодобычи». Он объяснил его, главным образом, не объективными обстоятельствами, а «моральной разоруженностью», упадничеством, отпускными настроениями и самоуспокоенностью ряда ответственных работников[8].

---

[1] См.: Паникаров И. А. История поселков центральной Колымы. - Магадан, 1995. - С. 66.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 724, Л. 84.
[3] Там же. Д. 51, Л. 80.
[4] Там же. Д. 51, Л. 110.
[5] Там же. Д. 53, Л. 28-29, 67-72; Д. 54, Л. 16-20 и т.д.
[6] Д. 52, л. 89, 184.
[7] Там же. Д. 51 Л. 160-161; Д. 53, л. 123-128.
[8] Д. 54, Л. 17-18.

В такой непростой обстановке 19 ноября 1939 г. вступил в должность новый начальник Дальстроя комиссар государственной безопасности III ранга И. Ф. Никишов. Его первым заместителем был назначен старший майор государственной безопасности С. Е. Егоров, вторым заместителем – комбриг А. А. Ходырев, начальником политического управления – дивизионный комиссар И. К. Сидоров[1]. Согласно вновь утвержденному списку номенклатурных должностей руководящего звена горнодобывающей промышленности Северное управление возглавил В. А. Флоров, Западное – М. С. Краснов, Южное – А. Д. Батов, Юго-Западное – И. А. Ткачев[2].

Новый начальник Дальстроя назначил комиссию по проверке «во всех Горных Управлениях и Колымснабе наличия имеющегося оборудования на складах»[3], а затем потребовал годовые отчеты с докладными записками о деятельности всех подразделений ГУСДС[4]. В целом И. Ф. Никишов практически с первых шагов принял на вооружение ту практику руководства Дальстроя, которая сложилась при его предшественнике К. А. Павлове, только в несколько смягченном варианте.

В период с декабря 1939 г. по апрель 1940 г. новым руководством Дальстроя для заключенных на открытых и подземных работах был установлен 10-часовой рабочий день (с обязательным перерывом на обед в 1 час). Для так называемых «злостных заключенных», систематически не выполнявших суточные нормы, устанавливался 12-часовой рабочий день (без учета перерыва на обед). Выходные дни были определены 12, 24 и 30 числа каждого месяца. Температурное ограничение работ на открытом воздухе составило -50^0С, но с обязательной отработкой таких периодов в выходные дни[5].

В итоге в 1939 г. Дальстой добыл 66,314 т химически чистого золота[6]. Согласно данным «Сводного отчета по основному производству за 1939 г.», можно выявить вклад в золотодобычу практически каждого прииска[7]. Например, прииск «им. Водопьянова» добыл за 1939 г. 5807,7 кг химически чистого золота (8,75%), «Штурмовой» - 7752,8 кг (11,7% - лидер золотодобычи Дальстроя в 1939 г.), «Партизан» - 3143,9 кг (4,7%), «Верхний Ат-Урях» - 6751,9 кг (10,2%), «Нижний Ат-Урях» - 5385,6 кг (8,1%), «Туманный» - 3027,9 кг (4,6%), «Одинокий» - 1030,4 кг (1,55%) и т.д.[8] При этом для сравнения списочный состав прииска «им. Водопьянова» составлял 5863 чел., «Штурмового» - 5262, «Партизана» - 2983, «Верхнего Ат-Уряха» - 3882, «Нижнего Ат-Уряха» - 4520, «Туманного» - 3014, «Одинокого» - 1552

[1] Там же. Д. 54, л. 177.
[2] Там же. Д. 54, Л. 193-196.
[3] Там же. Д. 54, Л. 197.
[4] Д. 55, Л. 177-180.
[5] Там же. Д. 55, л. 45.
[6] Там же. Ф. Р-23сс, оп. 1, д. 8, л. 6.
[7] Там же. Ф. Р-23сч, оп. 1, д. 724, л. 21 об - 36 об.
[8] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 724, л. 34.

чел. и т.д.[1] На каждого работника золотодобывающих приисков Северного управления в среднем в 1939 г. пришлось 1,2 кг химически чистого золота. В целом на основном производстве золотодобывающей промышленности Дальстроя в 1939 г. было занято 35535 человек или 56,6 % от всего списочного состава приисков[2], 64 экскаватора вскрыли 16 % всех торфов фов и переместили 69,1 % грунта[3], 478 промприбора осуществляли промывку золотоносных песков[4].

В начале 1940 г. в Дальстрое руководство традиционно развернуло социалистическое соревнование, для лучших рудников, приисков и обогатительных фабрик были учреждены соответствующие премии. Так как золотодобывающая промышленность Дальстроя была переведена на круглогодовой цикл золотодобычи, в зимний период прииски продолжали напряженную работу по вскрыше торфов. Однако, вновь не все предприятия могли выдерживать заданный темп. К руководству таких приисков применялись жесткие санкции. Так в начале 1940 г. за «саботаж в выполнении приказа...» о выставлении указанного «сверху» количества рабочей силы и за срыв плана из системы Дальстроя был уволен начальник прииска Одинокий[5]. Вслед за этим был приказано расторгнуть трудовой договор и отправить во Владивосток с первым отходящим пароходом начальника прииска «Линковый» (за «беспробудное пьянство, развал и без того низкой трудовой дисциплины среди работников прииска»). Данный приказ должен был быть объявлен всему вольнонаемному составу работников Дальстроя[6].

Продолжала распространяться система тотального планирования и учета. Так, согласно «Инструкции и по планированию и учету вскрыши торфов, перевалки, добычи и промывки песков и горноподготовительных работ на приисках горных Управлений ГУСДС», на каждую из вышеперечисленных операций необходимо было заполнять данные по движению кубажа, заносить их в специальную книгу, подводить баланс и т.д.[7] Горнопромышленные управления должны были ежемесячно отчитываться об объемах вскрыши и перевалки торфов, о добыче песков, о работе экскаваторов, мехдорожек, транспортеров, компрессоров, бурильных молотков, насосных и канавных гидравлик, промприборов[8].

В целях упорядочения вольнонаемных кадров, во всех подразделениях Дальстроя в 1940 г. было приказано организовать единовременный учет специалистов[9]. Согласно «Инст-

[1] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 724, л. 54.
[2] Там же. Ф. Р-23сс, оп. 1, д. 8, л. 8.
[3] Там же. ссД. 5, л. 16.
[4] Там же. ссД. 8, л. 14.
[5] Там же. Д. 58, Л. 231.
[6] Там же. Д. 58, Л. 242.
[7] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 58, л. 62-68.
[8] Там же. Д. 60, л. 74-74[а].
[9] Там же. Д. 58, л. 131.

рукции по проведению единовременного учета специалистов» на всех вольнонаемных и бывших заключенных, работавших по договорам, соглашениям и без них должны были заполняться карточки с указанием пола, основной и «узкой» специальностей[1], фамилии, имени, отчества, года рождения, партийной принадлежности, общего и специального образования, трудового стажа, времени прибытия в Дальстой, специальности, указанной в договоре, оклада, перемещений по службе и т.д.[2]

Прииски Дальстроя в 1940 г. заблаговременно начали подготовительные работы к летнему промывочному сезону. Строились промприборы, производительностью 500, 250 и 100 $м^3$ в сутки[3], проводились испытания собственной новинки Дальстроя – промывочного прибора системы инженера Шлендикова, более производительного по сравнению с предыдущими образцами[4]. Большое внимание уделялось ремонту экскаваторов[5].

Предприятия, выполнявшие месячные и квартальные планы, периодически премировались[6]. При этом в систему вошло поощрение и вольнонаемных (деньгами, промышленными и продовольственными товарами), и заключенных (улучшением питания, на которое специально выделялись деньги). Тем не менее, руководство Дальстроя не было довольно общим ходом выполнения программы вскрыши торфов, и поэтому продолжало требовать от начальников приисков под их личную ответственность посылать 60% списочного состава прииска на основное производство[7].

В преддверии начала промывочного сезона для заключенных, занятых на горных работах, с мая 1940 г. был установлен 12-часовой рабочий день. Выходные дни в течение промывочного сезона отменялись, для отдыха разрешалось использовать ненастные дни, когда нельзя было работать на основном производстве. Смена одних бригад другими должна была быть организована так, чтобы не допускать прекращения работ. Также категорически было запрещено посылать заключенных, выполнявших суточные нормы выработки на сверхурочные работы, а не выполнявших нормы заключенных разрешалось дополнительно задерживать еще на 2 часа. Питание заключенных предполагалось осуществлять «непосредственно на производстве»[8].

За несколько дней до начала «массовой промывки», назначенной на 18 мая 1940 г. всем руководителям приисков напоминалось, что план металлодобычи решается в течение 110-

---

[1] В документе приведен следующий пример: основная специальность - горный инженер, узкая - эксплуатация открытых россыпных месторождений.
[2] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 58, л. 192-194.
[3] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 59, л. 34-36.
[4] Там же. Д. 58, л. 26-27.
[5] Там же. Д. 59, л. 53-55, л.56-58.
[6] Там же. Д. 58, л. 227, Д. 60, л. 9.
[7] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 60, л. 104-105.
[8] Там же. Д. 62, л. 31.

120 летних дней. В этой связи ставилась задача как можно раньше начать промывку, максимально уплотнить рабочий день. Директивно было установлено количество эстакадных промприборов, которые горным управлениям необходимо было пустить к 25 мая (по СГПУ - 103, по ЗГПУ - 92 и ЮГПУ - 102). И, наконец, начальник Дальстроя указал на то, что «дело чести всех горняков, всего коллектива Дальстроя, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций досрочно выполнить государственный план металлодобычи» и оправдать обещания, данные партии, правительству и лично товарищу Сталину[1].

Работа горнопромышленных управлений в мае-июне 1940 г. не вполне удовлетворяла руководство Дальстроя из-за «скверной организации труда», «неправильной расстановки рабочей силы», «низкого использования техники», «отсутствия развернутой борьбы за выполнение государственного плана металлодобычи». В отношении тех руководителей, которые не вполне справлялись со своей работой, по-прежнему принимались жесткие меры. По этой причине в начале июня 1940 г. был снят с работы начальник прииска «Мальдяк»[2], на 5 суток арестован начальник прииска «Ударник»[3] и т.д. Остальные «командиры производства» предупреждались, что за невыполнение суточных заданий по всему комплексу золотодобычных работ, будут приниматься жесткие меры взыскания вплоть до предания суду[4].

В соответствии с постановлением Верховного Совета СССР с 27 июня 1940 г. Дальстой перешел на 7-дневную рабочую неделю при сохранении 8-часовой рабочего дня. Под угрозой увольнения и привлечения к уголовной ответственности запрещался самовольный уход с рабочего места[5]. К данному постановлению начальник Дальстроя добавил приказ об отмене выходных дней на золотодобыче до 1 октября 1940 г., с последующей компенсацией «отгулом день за день»[6]. Вместе с тем работникам горной промышленности и электростанций Дальстроя в среднем на 10% была повышена зарплата. Так, например, начальник прииска I категории стал получать 3000 руб., геолог прииска - 1800-2000, начальник участка - 1700-2200, горный мастер (десятник) - 1000-1400 руб. в месяц)[7].

В середине июня 1940 г., для помощи приискам в выполнении плана, вольнонаемному составу (за исключением горнадзора) в нерабочее время разрешили промывать золото лотками с «оплатой за данный металл»[8]. Заключенным, кроме премиального вознаграждения

[1] Там же. Д. 62, Л. 97.
[2] Там же. Д. 63, л. 84.
[3] Там же. Д. 63, Л. 83.
[4] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 63, л. 100.
[5] Там же. Д. 64, л. 22-23.
[6] Там же. Д. 64, Л. 32.
[7] Там же. Д. 64, Л. 57.
[8] Там же. Д. 63, Л. 145. В данном случае за 1 г шлихового золота выплачивалось 3 рубля.

за перевыполнения норм выработки, разрешили переводить зарплату своим семьям[1]. Одновременно для стимулирования труда заключенных предусматривались такие льготы как досрочное освобождение «лучших производственников», сокращение срока наказания, перевод на положение вольнонаемных с колонизацией на Колыме и предоставлением работы по специальности[2].

В течение 1940 г. Дальстой, как указывал И. Ф. Никишов, получил от ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР большую помощь техникой, оборудованием, продовольствием и «кадрами специалистов»[3]. Чтобы максимально использовать сложившуюся благоприятную для золотодобычи обстановку, август 1940 г. был объявлен «решающим ударным месяцем»[4]. Обслуживающий персонал лагеря и 50% вольнонаемного состава отделов управлений и приисков в срочном порядке было приказано немедленно направить «непосредственно на производство». Одновременно с этим усиливалась охрана и наблюдение за заключенными в забоях шахтах, на промприборах и особенно за теми, кто работал на различных механизмах[5].

В целях поощрения вольнонаемных, в дополнение ко всему, был учрежден значок «Отличнику Дальстроевцу»[6]. И уже в конце июля 1940 г. некоторые начальники приисков, промприборов, участков получили первые награды подобного рода[7].

2 сентября 1940 г., выполняя обязательство, данное тем заключенным, которые в «борьбе за выполнение государственного плана металлодобычи» добьются высоких показателей производительности труда и дисциплины на производстве и в лагере, от дальнейшего отбывания наказания по СГПУ освобождалось 8 человек, по ЗГПУ - 5, по ЮГПУ - 8, по ЮЗГПУ - 4, по ТГПУ - 4 человека и т.д.[8] Затем 5 и 7 сентября 1940 г. из лагерей горнопромышленных управлений досрочно было приказано освободить еще более 50 чел[9]. Конечно, это была лишь малая толика от десятков тысяч заключенных, находившихся в дальстроевских лагерях, тем не менее, подобные факты имели место. Вместе с тем подобная практика была призавана стимулировать заключенных на все более высокопроизводительный труд.

К завершению промывочного сезона становилось все очевиднее, что Дальстрой справляется с годовым планом золотодобычи. Кроме напряженной работы людей, на целом ряде

---

[1] Там же. Д. 64, Л. 56.
[2] Там же. Д. 64, Л. 56.
[3] Там же. Д. 64, Л. 131.
[4] Там же. Д. 64, Л. 131.
[5] ГАМО, ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 64, Д. 131.
[6] Там же. Д. 63, Л. 7. См. также: Советская Колыма. – 1940 г. - 24 июня.
[7] Там же. Д. 64, Л. 167-169. Было награждено 47 работников золото(олово)добывающей отрасли, а в сентябре этого же года еще 88 (ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 66, л. 191-194).
[8] Там же. Д. 66, Л. 27-29. Данные мероприятия проводилось по ходатайству ГУСДС НКВД и в соответствии с решением народного комиссара Внутренних Дел от 13 августа 1940 года.
[9] Там же. Л. 66-68, л. 72-74.

приисков среднее содержание золота в породе оказалось выше рассчитанного («Верхний Ат-Урях», «Ударник», «Чай-Урья», «им. Чкалова, «Большевик» и др.)[1].

Несмотря на ливневые дожди, прошедшие в конце августа, и проблемы с выполнением производственных показателей на некоторых приисках позитивные тенденции в ходе золотодобычи 1940 г. позволяли надеяться на хороший результат. Действительно уже 3 октября 1940 г. Южное управление досрочно выполнило годовой план золотодобычи и получило главный символ победы в соцсоревновании – «переходящее Красное Знамя», а в месте с ним 15 грузовых и 1 легковую автомашины, 1 «Пикап», 50 тыс. руб. для премирования «лучших ударников и стахановцев производства»[2].

20 ноября 1940 г. государственный план золотодобычи Дальстроем был выполнен, и массовую промывка была прекращена. И. Ф. Никишов отмечал, что горняки «многих приисков показали образцы высокой сознательности, умелой организации, мобилизации всех сил и средств». Всем лагерям, обслуживавшим золотодобычу 23 и 24 ноября был установлен отдых, в эти дни заключенным выдавалось улучшенное питание и по 50 г спирта (кроме «лодырей и дезорганизаторов производства»)[3]. В этой связи интересно отметить, что в ряде случаев заключенным выдавали не по 50 г спирта, а до 500 г каждому, что видимо объясняется неправильным пониманием приказа начальника ГУСДС. Это повло за собой пьянки и нарушение лагерной дисциплины. Спирт по 50 г стали выдавать в присутствии дежурного коменданта военизированной охраны[4].

В течение всего 1940 г. параллельно приказам и распоряжениям начальника Дальстроя через местную печать проводилась самая активная агитация по мобилизации всех сил и средств на выполнение плана. Коллективы предприятий брали на себя повышенные обязательства перед государством, повсеместно организовывались социалистические соревнования. Со страниц печати подвергались критике «отдельные» негативные явления в работе приисков и рудников (особенно отставание от выполнения планов по вскрыше торфов и промывки песков, простои экскаваторов и неэффективное использование других механизмов)[5]. Наиболее типичными были призывы к активизации деятельности «партийных и непартийных большевиков» по мобилизации трудящихся на перевыполнение плановых заданий, а также призывы «выжать из техники все, что она может дать»[6].

В самые решающие месяцы выполнения плана золотодобычи (в августе и сентябре) в газете «Советская Колыма» - главном печатном органе Политического управления Дальстроя

[1] Там же. Д. 65, Л. 6.
[2] Там же. Д. 67, л. 36-37.
[3] Там же. Д. 68, л. 101-102.
[4] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 68, л. 116-118.
[5] См.: Советская Колыма за 1940 г.
[6] Советская Колыма. - 1940. - 5 июня.

- практически в каждом номере на первой полосе приводился перечень приисков и рудников, успешно выполняющих свои производственные задания (с процентными показателями выполнения суточных планов). Из номера в номер печатались фотографии лучших ударников производства, немного реже приводились списки наиболее отстающих предприятий[1]. Большую роль в пропаганде ударного труда, социалистических соревнований, опыта работы предприятий играли районные отраслевые газеты Колымы и Чукотки («Металл – Родине», «Красный горняк», «Стахановец» и т.д.)[2].

Таким образом, средства массовой информации способствовали мобилизации всего производственного потенциала горнодобывающих (а также автотранспортных и вспомогательных) подразделений для выполнения государственного плана и внеэкономической интенсификации труда вольнонаемных.

Большое внимание стало уделяться научным исследованиям в области геологоразведки и эксплуатации месторождений полезных ископаемых. В 1940 г. в Дальстрое действовала Центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ) ГУСДС, которая должна была обеспечить дальнейшее развитие обогатительного и дражного дела на Северо-Востоке. В составе ЦНИЛ имелись оловянная секция, секция россыпей, лаборатория исследования состава полезных ископаемых, минералогический кабинет и шлифовальная мастерская, секция опробования, химическая лаборатория, дополнительно в ней была организована дражная группа[3].

Продолжалось в 1940 г. и дальнейшее строительство межприисковой сети дорог. Так, например, соединились Берелех и Чай-Урья, Чай-Урья и Кадыкчан, Ягодный и Берелех, Нижний Сеймчан и Лазо и т.д.[4] Как и в 1939 г. на летнее время для охраны от пожаров в 1940 1940 г. за горнопромышленными управлениями закреплялись прилежащие к ним лесные зоны[5]. В решении проблемы энегетического обеспечения горнодобывающей промышленности наметился переход к использованию торфа[6] и угля[7] вместо дерева. В 1940 г. появились Оро-Оротуканская, Бутугычагская и Мальдякская дизельные электростанции, Дебинская (дрова) и Аркагалинская (уголь) - локомобильные электростанции[8].

В целом в 1940 г. Дальстой добыл максимальное количество золота за всю историю его существования - 80 т химически чистого металла. При этом 80% всего металла было получено от промывки песков на промприборах, 18% - намыто лотками и 2% - получено прочими способами (попутная добыча, конфискация, гидравлическая промывка, при ведении

[1] См.: Советская Колыма. - 1940. - август-сентябрь (№№ 183-234).
[2] См.: Златина Н. Периодическая печать Магаданской области. – Магадан, 1956.
[3] Д. 62, Л. 60-63.
[4] Там же. Д. 67, л. 121-122.
[5] Там же. Д. 62, л. 104-118.
[6] Там же. Д. 58, л. 228-229.
[7] Там же. Д. 58, Л. 60.
[8] Там же. Ф. Р-23сс, оп. 1, д. 6, л. 25.

разведочных работ)[1]. Затраты на золотодобычу, включая эксплуатационную разведку, горно-подготовительные работы, вскрышу торфов, добычу песков, расходы на административно-управленческий аппарат, зарплату вольнонаемным, этапирование, премвознаграждение и расходы на содержание заключенных и прочее, составили 551,8 млн. руб.[2] В целом следует отметить на весьма значительный удельный вес лотошной промыки в общей золотодобыче Дальстроя в предвоенный период и последующее время. Суть его заключалась в том, что население (в основном вольнонаемные и члены их семей) в свободное время привлекались к намыву золота лотками (вручную) на специально отведенных площадях. Сданный металл оплачивался.

В 1940 г. Дальстрой добыл золота больше, чем все тресты Главзолота Народного комиссариата цветной металлургии вместе взятые (их результат составил 79,3 т золота[3]), а удельный вес Дальстроя в общей золотодобыче СССР по отчетным данным составил 46,3%[4].
46,3%[4].

Работа золотодобывающих предприятий в начале 1941 г. разворачивалась несколько замедленными темпами. Одной из причин была «полная самоуспокоенность и благодушие» хозяйственных и партийных работников, которые вместо выполнения плана на деле, занимались «болтовней и пустой трескотней». Политотделы и редакция газеты «Советская Колыма» получили от И. Ф. Никишова выговор за то, что «проявляют либеральное отношение» к людям, не выполняющим государственный план[5].

Кроме традиционных методов ускорения производства (мобилизации 50-60% списочного состава прииска на работы по вскрытию торфов, поощрения передовиков и наказания «дезорганизаторов») продолжал внедряться циклический метод работы. С 1 февраля 1941 года предполагалось перевести на циклический метод работы не менее 50% мехдорожек и 40% всех шахт[6]. Для скорейшего снабжения приисков март и апрель 1941 г. были объявлены ны месяцами стахановской работы автотранспорта Дальстроя[7].

В апреле 1941 г. за активное участие в выполнение плана прошлого года, «высоко производительную работу и за дисциплинированность» значком «Отличнику Дальстроевцу» были награждены бывшие заключенные, которые по окончании срока остались работать в Дальстрое в качестве вольнонаемных (всего 25 чел., в основном забойщики бурильщики и т.д.)[8]. За систематическое перевыполнение норм выработки, высокие показатели производи-

---

[1] Там же. Д. 4095, Л. 7.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4095, Л. 1-6.
[3] Д. 3425, Л. 31.
[4] Д. 3425, Л. 31.
[5] Там же. Д. 75, Л. 27.
[6] Там же. Д. 75, Л. 50-51.
[7] Там же. Д. 76, л. 14.
[8] Там же. Д. 76, Л. 114-115.

тельности труда и дисциплины по решению Особого Совещания НКВД СССР от 7 апреля 1941 г. от дальнейшего отбывания наказания в лагере было приказано освободить несколько десятков заключенных (только из горнопромышленных управлений освобождалось около 71 чел.)[1]. Каждому освобождаемому таким образом заключенному приказывалось выдавать единовременное пособие в 300 руб., предоставить жилье, работу по специальности, обеспечить завоз на Колыму их семей. В целях пропаганды подобные приказы объявлялись в лагерях на разводах и проверках, вывешивались на видных местах и в бараках[2]. Кроме этого еще 61 заключенному горных управлений сокращался срок наказания (в среднем от 1 года до 3 лет)[3].

Массовую промывку 1941 г. было приказано начать с 14 мая. Перед этим были проведены испытания промприборов на предмет их готовности к эксплуатации, составлены и утверждены списки начальников промприборов, причем перемещения их не допускались[4]. Особое внимание уделялось своевременному снабжению горнопромышленных управления, для чего, как и прошлые годы мобилизовывался автотранспорт Магадана. На всех приисках, рудниках и обогатительных фабриках Дальстроя на период с 1 июня по 30 сентября 1941 г. вновь был устанавлена работа без выходных дней[5].

В первой половине 1941 г. был открыт ряд новых золотодобывающих приисков («Джелгала», «им. М. Горького», «им. Дзержинского», «Верхний Дебин», «им. Фрунзе», «Омчак»)[6], к эксплуатации подготавливались некоторые золоторудные объекты, - все это оз-означало наличие весьма хороших перспектив для дальнейшего развития золотодобычи.

Вместе с тем по технической оснащенности Дальстрой в целом отставал от других зо-лодобывающих районов страны. На золотодобывающих предприятиях Урала, Сибири, Казахстана и Приморья бурение, подъем руды, откатка подземная и поверхностная выполнялась главным образом с помощью машин, мощными лебедками, компрессорами, электровозами, скрепперными лебедками, телескопными перфораторами. Значительное распространение получило применение пневматических отбойных молотков, мощных колонковых перфораторов, электрических рудоподъемных машин, электрических драг, экскаваторов и гидравлики. В трестах «Енисейзолото», «Приморзолото» и «Амурзолото» большое развитие получил дражный флот[1]. Основное производство Дальстроя главным образом пополнялось все новыми этапами заключенных, технику берегли, поскольку на ее закупку и доставку в приисковые районы тратились весьма значительные суммы

---

[1] Там же. Д. 76, Л. 256-259, л.260-262, л. 263-266.
[2] ГАМО, ф. Р-23сч, оп. 1, д. 76, л. 256-259, л.260-262, л. 263-266.
[3] Там же. Д. 76, Л. 310-312., д. 77, л. 93-96, л. 88-91, л. 84-87, л. 80-83.
[4] Там же. Л. 195-197.
[5] Там же. Д. 77, Л. 76.
[6] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 77, Л. 127-128.

В 1932-1940 гг. золотодобывающими предприятиями Дальстроя были проведены значительные масштабы горных работ (см. таблицу 7).

Таблица 7

Основные технико-экономические показатели золотодобчи Дальстроя в 1932-1940 гг.[2]

	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
объем переработки горной массы россыпных месторождений (млн. м^3)	0,06	0,07	0,89	3,32	5,66	7,84	11,45	18,43	21,07
общий объем экскаваторных работ (млн. м^3)	-	-	-	0,20	0,40	0,70	1,68	3,39	4,35
общий объем промывки песков промприборами (млн. м^3)	0,02	0,02	0,36	0,68	1,35	2,09	3,40	5,33	5,86
среднее содержание золота на промывке промприборами (г/м^3)	27,8	36,0	15,2	21,4	24,7	24,6	17,7	12,3	11,1
коммерческая себестоимость 1 г (руб.).	5,17	7,32	5,13	3,87	4,06	4,99	4,62	6,71	6,55
получено золота (т)*	0,5	0,8	5,5	14,5	33,3	51,4	61,9	66,3	80,0

*) данные приведены по химически чистому металлу

Из приведенных данных видно, что в 1932-1937 гг. чтобы получить 1кг химически чистого золота, золотодобывающим предприятиям Дальстроя в среднем требовалось переработать 168,3 м^3 горной массы и промыть 42,6 м^3 золотоносных песков. В 1937 г. на золотодобыче было переработано уже 7,84 млн. м^3 горной массы, при этом удельный вес экскаваторных работ едва достигал 9%, следовательно, 91% горных работ производился за счет мускульной силы. Себестоимость колымского золота была значительно ниже мировой цены на данный металл, что еще раз свидетельствует об исключительной роли использования подневольного труда тысяч заключенных и богатстве россыпей центрального Колымского района.

Далее из материалов таблицы 7 следует, что в 1938-1940 гг. золотодобывающими предприятиями Дальстроя было переработано 50,95 млн. м^3 горной массы, т.е. в 2,8 раза больше, чем за 1932-1937 гг. Удельный вес объемов открытых работ, выполненных экскаваторами, в 1940 г. достиг 22%. Однако значительный рост объемов основных технико-экономических показателей на золотодобыче в 1938-1940 гг. достигался, главным образом, за счет увеличения числа заключенных на основном производстве. Технику старались беречь, поскольку ее приобретение и доставка на Колыму обходились Дальстрою недешево, а новые этапы заключенных казались неисчерпаемыми. Для получения 1 кг химически чистого золота в 1938-1940 гг. в среднем приходилось переработать 244,7 м^3 горной массы и промывать на промприборах 70 м^3 песков. Это означало, что среднее содержание золота в россыпях снижалось и для получения 1 кг химически чистого золота приходилось перерабатывать на

[1] Ванеев Н. И. Золото. – М., 1941. – С. 130-132.
[2] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 17; Д. 8, Л. 6-14.

31% горной массы больше, чем в 1932-1937 гг. Периодическое повышение норм выработки было призвано компенсирвоать увеличивавшуюся трудоемкость золотодобычных работ.

Коммерческая себестоимость золота, добывавшегося в Дальстрое в рассматриваемый период была значительно ниже, чем в системе Главзолота. Так в 1933-1936 гг. средняя коммерческая себестоимость 1 г химически чистого золота по Дальстрою составила 5,1 руб., по Главзолоту – 9,75 руб. Причем, если в системе Главзолота себестоимость 1 г золота ежегодно возрастала, то в Дальстрое она с 7,32 руб. в 1933 г снизилась до 3,87 руб. в 1935 г. и затем начала медленно расти. В 1938-1940 гг. себестоимость 1 г химически чистого золота в Дальстрое в среднем составила 5,96 руб., в системе Главзолота – 16,67 руб. (т.е. в 2,8 раза больше)[1].

Золотоносные россыпные месторождения Северо-Востока были значительно богаче по среднему содержанию россыпные месторождения Главзолота. По имеющимся данным в 1938-1940 гг. среднее содержание золота в песках по Главзолоту НКЦМ составило 0,68 г/м^3, а в песках Дальстроя за этот же период – 13,7 г/м^3, т.е. в 20 раз больше (в 1932-1937 гг. среднее содержание золота в песках Дальстроя составляло 24,95 г/м^3)[2]. Вместе с тем в системе Главзолота важную роль играла рудная золотодобыча, которая в 1932-1940 гг. составляла от 38,3 до 47,3% от общей золотодобычи Главзолота[3]. В Дальстрое в этот период рудное золото не добывалось. Среднее содержание золота в руде по Главзолоту в 1933-1940 гг. составило 10,4 г/т, т.е. было довольно значительным[4].

Себестоимость Колымского золота была меньше не только из-за богатого среднего содержания металла. Десятки тысяч заключенных, насильно привезенных в лагеря Дальстроя, выполняли самую тяжелую физическую работу в забоях и своим трудом фактически оплачивали затраты на свое содержание в зоне. Для заключенных не требовалось создавать развитую сеть объектов социального назначения, не требовалось для них принимать и дополнительных льгот, в то время их труд стимулировался главным образом улучшением питания, сокращением сроков наказания и реже - возможностью досрочного освобождения.

Золото Дальстроя, по данным на 1938 г., перевозилось морским путем по маршруту Нагаево-Владивосток через Татарский пролив. Размер партий должен был составлять от 3 до 5 т. Во Владивостоке приказывалось не допускать накопления металла и отправлять его в Москву с первым уходящим курьерским поездом в отдельном вагоне[1].

3. Динамика развития оловодобычи в 1937-1940 гг.

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4 и Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 3425, Л. 31, 163.
[2] Д. 3425, Л. 106 и ссД. 4, Л. 4.
[3] Д. 3425, Л. 89, 91.
[4] Д. 3425, Л. 148.

Во второй половине 1930-х гг. возникла новая специализация горнодобывающей промышленности Дальстроя - оловодобыча. Олово, или как его называли в то время - «малый», «второй» металл Колымы, было важным сырьем для народного хозяйства страны. Создание собственной оловодобывающей базы позволяло СССР полностью отказаться от закупок его за рубежом (в Англии[2]).

К середине 1930-х гг. в СССР уже были известны оловоносные местрождения – Хапчерагинское, Ононское, Шерловогорское в Читинской области, ряд залежей в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, в Якутии, Казахстане. Уже в 1934 г. вступила в строй первая очередь Хапчерагинского рудника и обогатительной фабрики. До конца второй пятилетки (1937 г.) производственная база оловодобывающей промышленности СССР пополнилась такими предприятиями как Ононское рудоуправлением, Шерловогорский комбинат и комбинат «Востоксиболово» (Восточная Сибирь), «Колбаолово» и «Нарымолово» в Казахстане, Подольский оловянный завод и др. Было начато строительство новых крупных комбинатов[3]. Вскоре в число оловодобывающих предприятий вошел и Дальстрой.

Принципиальная оловоносность ряда ключей бассейна р. Колымы была установлена еще второй Колымской геологоразведочной экспедицией. Первое оловорудное месторождение на Колыме было открыто в ходе поисковых работ 1933 г. в районе ключа Туманный (приток р. Оротукан)[4]. В 1936-1937 гг. были разведаны и подготовлены к эксплуатации такие крупные оловоносные месторождения Верхне-Колымского района, как «Бутугычаг», «Кинжал», «им. Лазо»[5].

В 1937 г. оловодобычные работы в Дальстрое развернулись в более значительных масштабах, и Дальстроем было получено 40,7 т оловянного концентрата[6].

По собственной инициативе дальстроевцев на Магаданском авторемонтном заводе в 1937 г. была произведена опытная выплавка олова, в результате которой получили 24,396 кг металла (18,652 кг отправили в Московское представительство, а остальное оставили «на покрытие местных нужд»)[7]. Однако в 1938 г. из Москвы за подписью заместителя народного комиссара внутренних дел старшего майора государственной безопасности Жуковского по-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 34, Л. 3-5.
[2] Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и погноз). – Магадан, 1996. – С. 72.
[3] Ломако П.Ф. Цветная металлургия в годы Великой Отечествегнной войны. – М.: Металлургия, 1985. – 256 с.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 14об-15об.
[5] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 7, Л. 16.
[6] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 6.
[7] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 529, Л. 9об.

следовала жесткая и однозначная команда: «Выплавку олова на Колыме не производить»[1]. Оловянный концентрат, полученный Дальстроем, отправлялся на Подольский завод[2].

Характерно, что данным указанием из Москвы перечеркивались перспективы более комплексного развития северо-восточного региона, т.е. его возможность быть не только добывающим, но и перерабатывающим сырьевые ресурсы. Вряд ли было и с экономической точки зрения целесообразно расходовать значительные средства на транспортировку десятков, а затем сотен и тысяч тонн оловянного концентрата за тысячи километров от места его добычи.

Вместе с тем, вследствие необходимости срочного создания отечественной сырьевой оловянной базы руководство НКВД приказывало Дальстрою вести поисковые и разведочные работы на олово самыми форсированными темпами. Геологоразведочные работы по олову в конце 1930-х - начале 1940-х гг. сосредотачивались главным образом на исследовании Тенькинского, Кулинского, Суксуканского, Дерас-Юригинского Верхне-Оротуканского, Чаунского, Чукотского, Омсукчанского и Янского районов[3].

В 1938 г. в Дальстрое было организовано, занимавшееся преимущественно добычей олова, Юго-Западное горнопромышленное управление[4]. 61% олова в концентрате в 1938 г. было получено на руднике «Бутугычаг»[5]. В дальнейшем на «Бутугычаге» планировалось построить оловорудный комплекс с обогатительной фабрикой[6]. В 1939 г. рудник «Бутугычаг» был передан в ведение вновь образованного Тенькинского горнопромышленного управления[7].

Добыча олова Дальстроем в 1939 г. проходила довольно ровно и успешно, что и выразилось в досрочном выполнении плана 2 декабря[8]. Серьезной проблемой являлась доставка оловянного концентрата в Магадан. Некоторые водители отказывались загружать концентрат в свои машины. Задержка же отправки оловянного концентрата на «материк» грозила выплатой Дальстроем неустойки заводу-покупателю[9]. В этой связи водителей обязали «безоговорочно» принимать концентрат и доставлять его прямым рейсом в Магадан. Для форсирования отгрузочных работ в Юго-Западное управление был послан начальник спецотдела ГУСДС лейтенант государственной безопасности Воробьев[10].

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 29, Л. 6 (приказ народного комиссара внутренних дел Союза ССР №18 от 21 мая 1938 г.).
[2] Там же. Д. 29, Л. 6; Д. 4095, Л. 32.
[3] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 5, 6, 39-43, 160.
[4] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 38, Л. 172-173.
[5] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 3943, Л. 27.
[6] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 36, Л. 88; Д. 40, Л. 20-22.
[7] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 55, Л. 47-48.
[8] Там же. Д. 55, Л. 245.
[9] Там же. Д. 51, л. 120-121, д. 54. Л. 10-11.
[10] Д. 51, Л. 120-121.

Программа оловодобычи 1940 г. в 6 раз превышала программу прошлого года. Причем эту задачу Дальстрою поставил народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия.[1]. Основными проблемами этого на оловодобыче стали отправка низкокачественной (некондиционной) руды на обогатительные фабрики[2] и трудности с вывозом оловянного концентрата с Тенькинской трассы. Первая проблема решалась путем административного воздействия на начальников приисков с предупреждением их о персональной ответственности. Для решения вопроса отправки концентрата с «Бутугычага» на 184 км Тенькинской трассы был выставлен специальный пост, и все порожние автомашины, следующие в направлении пос. Палатки, загружались оловянным концентратом (в Палатке была создана перевалочная база для последующей отправки оловянного концентрата в Магадан)[3].

Борьба за выполнение плана по олову длилась до последних дней года и лишь 30 декабря 1940 г. руководство Дальстроя официально объявило об успешном завершении программы оловодобычи[4]. Всего в 1940 г. Дальстрой добыл 1917 т оловянного концентрата[5].

Открытие в первой половине 1941 г. нескольких новых оловодобывающих предприятий - прииск «Дарпир» (ЗГПУ)[6], рудник «Индустриальный» (Омсукчанское райГРУ)[7], прииск «Пыркакай» и рудник «Валькумей» (Чаун-Чукотское райГРУ)[8], свидетельствовало о дальнейшем наращивании усилий Дальстроя на данном направлении.

Особенно перспективными были отдаленные от Верхней Колымы Чаун-Чукотский и Янский районы. Однако исследователи, занимавшиеся развитием оловодобычи на Чукотке, в принципе сходятся в том, что техническая оснащенность предприятий в данном районе была чрезвычайно низкой, преобладал мускульный труд, основным инструментом были лопата и кайло, горная масса транспортировалась тачками и грабарками[9]. Одновременно с геологоразведочными работами на Чукотке велась попутная добыча металла. Основной рабочей силой эксплуатационных объектов Чукотки в 1940 г. являлись заключенные[10]. Условия работы были самыми экстремальными, бытовые условия - минимальными. Г. Г. Рощупкин приводит воспоминания вольнонаемных работников, свидетельствующие, что например Пыркакайский разведрайон в сентябре 1940 г. представлял собой один домик, в котором одновременно

---

[1] Там же. Ф. Р-23сч, оп. 1, д. 55, л. 169.
[2] Там же. Д. 69, л. 30.
[3] Там же. Д. 64, л. 143.
[4] Там же. Д. 69, л. 102.
[5] Там же. Ф. Р-23сс, оп. 1, д. 8, л. 9.
[6] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 76, Л. 20.
[7] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 76, Л. 42.
[8] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 76, Л. 88, 228.
[9] См.: Рощупкин Г. Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917-1953 гг.). // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. - Магадан, 1971. - С. 5-80; Рохлин М. И. Чукотское олово. - Магадан, 1959; Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. - Магадан, 2000. - С. 123-126.
[10] Широков А. И. Дальстрой: предытория и первое десятилетие. - С. 124-125.

размещались рация, амбулатория, контора, общежитие и две семьи. Было так тесно, что нары стояли в три яруса[1].

В связи с ежегодным увеличением объемов добычи оловянных концентратов большое внимание уделялось развитию оловообогатительных фабрик, предполагалось как строительство новых (на Ларюковой, Бутугычаге), так и модернизация уже имевшихся. В 1940 г. в Дальстрое работало уже 4 оловообогатительных фабрики[2].

В целом в 1937-1940 гг. оловодобывающая отрасль Дальстроя за счет последовательного вовлечения в эксплуатацию новых площадей развивалась весьма динамичными темпами (см. таблицу 8).

Таблица 8

Основные технико-экономические показатели оловодобычи Дальстроя 1937-1940 гг.[1]

	1937	1938	1939	1940
списочный состав на оловодобыче (тыс. чел.)*	-	-	7,4	16,2
объем переработки горной массы россыпных месторождений (млн. $м^3$)	0,05	0,29	0,96	1,28
общий объем экскаваторных работ (млн. $м^3$)	-	-	0,17	0,18
общий объем промывки песков промприборами (млн. $м^3$)	0,05	0,12	0,31	0,37
добыто олова в концентрате (в тыс. т)	0,04	0,2	0,5	1,9
в том числе: рудного	0,01	0,05	0,4	1,5
россыпного	0,03	0,15	0,1	0,4

*) и вольнонаемных, и заключеных вместе

Из приведенных данных следует, что увеличение объемов перерабатываемой и промываемой горной массы при высоком среднем содержании позволили Дальстрою добыть в 1937-1940 гг. 2,64 тыс. т оловянного концентрата (причем 1900 т или 72% было добыто только за один 1940 г.). С 1939 г. удельный вес рудного олова стал преобладать в общей оловодобыче. На оловодобывающих и оловообогатительных объектах Дальстроя широко использовался принудительный труд заключенных. Удельный вес работников занятых на оловодобыче (и заключенных и вольнонаемных) в 1939 и 1940 гг. составлял соответственно 3,9 и 7,5% от общего количества работников Дальстроя.

Необходимо обратить особое внимание, что оловодобывающая промышленность Северо-Востока полностью вышла из золотодобывающей промышленности и в своем дальнейшем развитии испытывала ее сильное воздействие. Рабочие кадры для оловодобывающего комплекса Дальстроя в основном формировались из работников золотодобывающих предприятий. При разработке оловянных россыпных месторождений применялся метод раздельной добычи, т.е. последовательные операции по вскрыше торфов, промывке песков, харак-

[1] Рощупкин Г. Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917-1953 гг.). // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. - Магадан, 1971. - С. 33.
[2] Там же. Д. 4, Л. 17.

терные для отработки россыпных месторождений золота[2]. Вместе с тем дополнительная специализация на добыче других важных для государства металлов являлась характерной чертой всей золотодобывающей промышленности СССР. Так предприятия треста «Уралзолото» кроме золота добывали платину (и промышленность в целом долгое время так и называлась - золотоплатиновая), в составе трестов «Лензолото» и «Верхамурзолото» действовали молибденовые рудники и т.д. [3]

При стремительном развитии золото- и оловодобыче в 1930-х гг. в Дальстое внимательно следили за новейшими достижениями и передовым опытом работы угольной, железорудной и золотоплатиновой отраслей народного хозяйства страны и пытались внедрять некоторые из них у себя. Так в 1939 г. оловодобывающий рудник «Кинжал» и частично золотодобывающий прииск «Нижний Ат-Урях» на практике доказали возможность внедрения на Колыме современного циклического метода отработки месторождений полезных ископаемых. В этой связи руководство Дальстроя приказало перевести на циклический метод ведения горных работ в 1940 г. все ведущие предприятия Северного, Южного, Юго-Западного и Тенькинского горнопромышленных управлений[4].

Среди других важных нововведений было опытное внедрение на приисках промывочного прибора механического типа (дезгрохбенд)[5] и электрического бурения электросверлами на подземных работах[6]. Значительную поддержку горнодобывающим предприятиям Дальстроя оказывали ремонтно-механические подразделения. Ремонтные заводы г. Магадана выполняли различные заказы горнодобывающей промышленности (арматура для бойлеров, лебедки, котлы)[7]. На Колыме планировалось создать и свой завод горного оборудования по образцу завода «Труд» в г. Новосибирске. В этой связи в г. Новосибирск был командирован старший инженер проектного отдела Главного управления Д. М. Хусидов (1939 г.)[8]. Однако к концу 1930-х гг. дело ограничилось только созданием при Авторемонтном заводе г. Магадана цеха по ремонту горнорудного оборудования [9].

4. Административная и кадровая политика

[1] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 6, 12-14; Д. 8, Л. 15.
[2] Логинов В. П. Пути повышения эффективности горной промышленности Северо-Востока. - М., 1962. - С. 47.
[3] Д. 3425, Л. 36-44, Л. 65об, 74об.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 61, Л. 28-30.
[5] Там же. Д. 67, Л. 42-43. Промприбор «Дезгрохбенд» был сконструирован при отделе главного механика Северного горнопромышленного управления, его испытания показали, что он имел значительные преимущества перед другими известными приборами шлюзового типа. «Дезгрохбенд» был компактен, легко передвигался, для его изготовления не требовалось лесоматериалов (по сравнению с распространенными деревянными промприборами), также он потреблял вдвое меньше воды, электроэнергии и т.д.
[6] Там же. Д. 68, Л. 73-74.
[7] Там же. Д. 52, Л. 104, л. 162, л. 166 и т.д.
[8] Там же. Д. 52, Л. 187.
[9] Там же. Д. 54, Л. 38.

Отношение руководства Дальстроя к административно-управленческому аппарату горнодобывающей промышленности до 1938 г. было в целом достаточно бережным и взвешенным. С назначением К. А. Павлова ситуация коренным образом изменилась. Выговоры, строгие выговоры, аресты[1], увольнения[2] и даже уголовное преследование за неисполнение требований руководителя Дальстроя стали обычной практикой[3]. Те руководители подразделений, которые полностью выполняли приказы К. А. Павлова, поощрялись[4]. Следующий начальник Дальстроя - комиссар государственной безопасности III ранга И. Ф. Никишов всецело использовал опыт своего предшественника[5].

Одной из наиболее острых проблем для советской золотодобывающей промышленности являлась недостаточная обеспеченность основного производства квалифицированными кадрами. На предприятиях системы Главзолото основными формами подготовки специалистов являлись горнопромышленные училища с трехгодичным сроком обучения, сеть фабрично-заводских училищ (ФЗУ), профессионально-технические курсы, индвидиуальное ученичество. При этом практиковались вербовка рабочих из различных районов страны и общественные призывы молодежи. С 31 января 1935 г. по Главзолоту вышел приказ об обязательном введении государственного экзамена для изучавших техминимум[6]. Незадолго до начала Великой Отечественной войны 2 октября 1940 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ «О государственных трудовых резервах СССР»[7]. В соотвествии с пунктом 10 все лица окончившие школы фабрично-заводского обучения считались мобилизованными и были обязаны проработать 4 года подряд на государственных предприятиях, что также должно было в рамках административно-командной системы способствовать решению кадровой проблемы.

Для отдаленных районов деятельности Дальстроя проблема обеспеченности горнодобывающей промышленности квалифицированными кадрами была также весьма актуальна с самых первых лет промышленного освоения Северо-Востока. Для Дальстроя основным способом увеличения количества необходимых специалистов была их вербовка в центральных районах страны и в определенной степени общественные призывы. Однако, этот путь не мог удовлетворить возраставшие потребности Дальстроя. Выход был найден в организации обучения вольнонаемных и заключенных работников непосредственно на Колыме. Так, уже в

---

1 ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 50 Л. 155-156 и мн. др.
2 Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 50, Л. 135; Д. 58, Л. 231, 242 и мн. др.
3 Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 46, Л. 262-263 и др.
4 Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 50 Л. 156 и мн. др.
5 Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 63, Л. 83, Л. 84, Л. 100 и др.
6 Хатыллаев М.М. Рабочие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири. 1921-1937 гг. – Новосибирск: «Наука», 1986. – С.65-66, 71.
7 Решения партии и правительства по хозяйственым впросам. В 5 т. – Т. 2. 1929-1940 годы. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1967. – С. 774-775.

течение 1933 г. на курсах и посредством индивидуального обучения было подготовлено не менее 640 шоферов, дорожных десятников, прорабов геологов, коллекторов[1]. В 1934 г. в Дальстрое был организован Учебный комбинат, переданный в ведение управления Севвостлага[2]. По отчетным данным в 1935 г. учебным комбинатом Дальстроя было выпущено 1079 курсантов[3].

Для дальнейшего обеспечения горнодобывающей промышленности Дальстроя квалифицированными кадрами 28 сентября 1938 г. при Главном управлении строительства Дальнего Севера в Магадане был организован горный техникум. Первоначально обучение в нем велось на двух отделениях: геологоразведочном и эксплуатации россыпных месторождений[4]. ний[4]. В июле 1939 г. 18 чел. второго курса эксплуатационного отделения Магаданского горного техникума были направлены в ЮГПУ для прохождения производственной практики[5]. Планировался новый набор на 1939/1940 учебный год[6]. Однако в октябре 1940 г. Магаданский горный техникум был ликвидирован[7]. Начальник Дальстроя И. Ф. Никишов в этой связи указывал, что вследствие ограниченной базы для компектования учащимися, техникум «не может ощутимо удовлетворить производство Дальстроя необходимым количеством специалистов». С 27 октября 1940 г. Магаданский горный техникум приказывалось считать закрытым, его курсанты, подходившие по возрасту направлялись в Магаданскую среднюю школу. Специальная комиссия должна была проверить степень подготовки старшекурсников техникума и решить вопрос об использовании их «на практической работе».

В целом в предвоенный период проблему обеспеченности горнодобывающей промышленности Дальстроя квалифицированными специалистами и закрепления их на производстве удовлетворительно решить не удалось (см. таблицу 9), хотя вербовка и организация курсов на местах способствовали некоторому улучшению ситуации.

Таблица 9

Количество квалифицированных специалистов в Дальстрое в 1937-1940 гг. [8]

	1937	1938	1939	1940
горные работы (эксплуатация) (чел.)	38	107	387	398
геологоразведочные и топографические работы (чел.)	30	113	240	381
списочный состав работающих на золотодобыче (чел.)*	23900	50600	71000	92100

*) и заключенных и вольнонаемных

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 402, Л. 164; сч Д. 5, Л. 218.
[2] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 9, Л. 157.
[3] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 455, Л. 74об.
[4] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 38, Л. 71.
[5] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 49, Л, 128-129.
[6] Там же. Л. 192.
[7] Там же. Д. 68, Л. 13.
[8] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 6, Л. 58; Д. 11, Л. 5.

Из приведенных данных следует, что в 1937-1940 гг. количество квалифицированных специалистов в горнодобывающей промышленности Дальстроя, включая геологоразведку, не превышало и 1% по сравнению с общим списочным составом работавших на золотодобыче (на горных работах имеются ввиду такие специалисты как горные инженеры эксплуатации, горные техники, горные маркшейдеры, горные инженеры-обогатители и т.д.; на геологоразведочных и топографических работах - инженеры-геологи, геологи-разведчики, инженеры гидрогеологии, инженеры геодезисты, астрономы, картографы и т.д.) В этой связи на горнопромышленных предприятиях должности административно-технического звена в массовом порядке занимались так называемыми «практиками», т.е. лицами без высшего или средне-специального инженерно-технического образования в лучшем случае, прошедшими курсы по специальности, но с определенным стажем работы на данном направлении.

§ 3 Специфика формирования социальной сферы Дальстроя в 1932-1941 гг.

1. Вольнонаемные работники

Развитие социальной сферы Северо-Востока было напрямую обусловлено потребностями системообразующей отрасли экономики региона - золотодобычи. В историографии советского периода социальное развитие региона трактовалось в однозначно положительном ракурсе, доказывалась «руководящая и направляющая роль» коммунистической партии в промышленном освоении и социальном строительстве в регионе[1]. На современном этапе исследователями истории Северо-Востока России, главным образом, разрабатывается комплекс проблем, связанный с лагерной системой Колымы, развитием различных отраслей народного хозяйства и т.д. Развитию социальной сферы в новейшей региональной историографии уделено лишь незначительное внимание. В этой связи представляется целесообразным, на основе использования новых архивных документов, мемуарной литературы и периодической печати подробнее рассмотреть проблемы складывания основных социальных групп и социальных взаимоотношений в Дальстрое, специфику развития его социальной инфраструктуры.

Условия жизни в Дальстрое для вольнонаемных работников были трудными. Чтобы уменьшить объемы капиталовложений дома вольнонаемных строились преимущественно временного типа и зачастую не утеплялись. Уже в первые годы деятельности Дальстроя на Колыме остро не хватало жилья. Люди вынуждены были жить в землянках, немногочисленных бараках и стандартных домах. Небольшая площадь этих жилых помещений создавала чрезвычайную скученность жильцов.

---

[1] См. например Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917-1953 гг.). – Магадан: Кн. изд-во, 1961. – С. 194, 203, 215.

Социально-бытовое обслуживание вольнонаемного населения в Дальстрое было весьма затруднено. Согласно отчетным данным капитальные вложения в коммунальное хозяйство за 1932-1933 гг. составили 1,97 млн. руб., в культурно-просветительскую деятельность – 464,7 тыс., на медико-санитарное обслуживание – 380 тыс. руб., т.е. всего чуть более 2,8 млн. руб.[1] В тоже время капитальные вложения в строительные работы, геологоразведку, и приобретение немонтируемого оборудования только за 1932 г. составили 23 млн. руб., а за 1933 г. – 71 млн. руб.[2]

Неудивительно после этого, что важной проблемой для Дальстроя являлась большая текучесть кадров вольнонаемных работников. Так в 1933 г. в Дальстрой прибыло 1360 вольнонаемных, завербованных на материке, а убыло 2914 чел., т.е. более чем в 2 раза больше. На местах было принято 1418 вольнонаемных, включая бывших лагерников. В целом в 1933 г. в Дальстрой прибыло 24718 чел. (из них 87,9% - заключенные), выбыло на материк – 5200 чел. Отъезд почти 3 тыс. вольнонаемных работников руководство Дальстроя объясняло окончанием сроков их трудовых договоров, причинами личного порядка, либо они были вынуждены уехать «как социально ненадежный элемент»[3]. Таким образом, видно, что в первые годы своего существования Дальстрой без постоянного пополнения новыми этапами заключенных вообще мог бы лишиться рабочей силы.

В этой связи руководство Дальстроя считало большим успехом, что третья часть освобожденных в 1933 г. лагерников (1015 чел.) осталась на работе в Дальстрое в качестве вольнонаемных. Также был сделан весьма оптимистичный вывод о том, что для этой категории работников были созданы все условия для продолжения их работы в Охотско-Колымском крае[4]. В 1933 г. в Дальстрое появилась новая группа населения – колонизованные лагерники, на 1 января 1934 г. их насчитывалось 403 чел.[5]

Среднемесячный заработок в 1933 г. для вольнонаемных административно-технических работников составлял 802 руб., служащих - 439-610 руб., рабочих – 310 руб., младший обслуживающий персонал в среднем зарабатывал 194 руб. (у заключенных по тем же категориям 621, 337-391, 205 и 168 руб. соответственно)[6].

Рацион питания вольнонаемных работников в первые годы деятельности Дальстроя был однообразен, постоянно ощущался дефицит свежих, натуральных продуктов. В 1935 г. в Дальстрой мяса было завезено только 30% от потребности - 477 т против необходимых 1600

[1] Д. 402, С. 168.
[2] ссД 12, Л. 8об.
[3] Д. 402, С. 154-155.
[4] Д. 402, С. 154-155.
[5] Д. 402, С. 154.
[6] Д. 402, С. 161.

т, при этом за счет собственной продукции удалось покрыть 256 т[1]. Недостаточным было обеспечение растительными жирами и сухофруктами. Только консервы и животные жиры (преимущественно смалец) были завезены в 1935 г. сверх плановых показателей. Снабжение населения вещевым довольствием и промтоварами (сапоги, валенки, брюки, постельное и нательное белье, ватные телогрейки) в 1935 г. также было признано неудовлетворительным и составляло 44-85%% от потребности[2]. Все это самым отрицательным образом сказывалось на бытовых условиях работников и членов их семей.

В течение 1935 г. по Колымскому району несколько увеличилась численность вольнонаемных работников. Так на 1 января 1935 г. их насчитывалось 3190 чел., а на 1 января 1936 г. уже 4961 чел., т.е. на 1771 чел. больше. Однако заключенных работников за тот же период стало больше на 11731 чел., т.е. темпы прироста количества вольнонаемных работников Дальстроя и в середине 1930-х гг. оставались довольно низкими. В целом на начало 1936 г. удельный вес вольнонаемных работников по Колымскому району составил 9,8%, лагерного населения – 88,6%, 1,6% составляли колонисты[3].

В отчетных документах Дальстроя указывалось, что несмотря на тяжелые условия работы, значительные затраты времени на приобретение навыков в работе и т.д., заработок рабочего без учета надбавок за отдаленность повысился по тресту в целом на 3%, а по Колымскому району на 4,8%[4]. В итоге в 1935 г. фактические среднемесячные заработки по Дальстрою (с надбавкой за отдаленность) инженерно-технических работников и служащих составили 558 руб., младшего обслуживающего персонала 209 руб., среднедневные заработки рабочих составляли 10,26 руб., учеников – 6,45 руб.[5] По Колымскому приисковому району заработки были несколько выше.

К середине 1930-х гг. увеличивались расходы на социально-бытовое обслуживание населения Дальстроя. Так расходы на медико-санитарное обслуживание в 1934 г. составили почти 5 млн. руб., а в 1935 г. – 7,6 млн. Расходы на коммунальное хозяйство в 1934 г. составили 3,9 млн., в 1935 г. - 5,1 млн. руб., на культурно-воспитательные нужды 968 тыс. руб. и 2,1 млн. руб. соответственно[6]. Особенно обращает на себя внимание более чем двукратное увеличение расходов за 1934-1935 гг. на культурно-воспитательные нужды.

Увеличивалась сеть медико-санитарных учреждений и количество медперсонала. Так на начало 1933 г. в Дальстрое имелось 25 медико-санитарных точек с медперсоналом в 35 чел., на начало 1934 г. – 133 точки и 174 чел. медперсонала, на начало 1935 г. – 170 точек и

[1] Д. 455, Л. 64.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д.455, Л. 64.
[3] Д. 455, Л. 69об.
[4] Д. 455, Л. 72об.
[5] Д. 455, Л. 73.
[6] Д. 455, Л. 74 об.

268 чел., на начало 1936 г. – 198 точек и 359 чел. медперсонала[1]. Если произвести средний расчет количества медперсонала, обслуживавшего 1 медико-санитарную точку, то на начало 1933 г. этот показатель составит 1,4 чел., на начало 1934 – 1,3 чел., на начало 1935 г. – 1,57 чел., на начало 1936 г. – 1,8 чел. Таким образом, в первой половине 1930-х гг. 1 медико-санитарную точку в среднем обслуживало 1,6 чел. медперсонала, что конечно же не могло удовлетворить потребности населения Дальстроя в медицинском обслуживании особенно в отдаленных приисковых районах.

На формирование группы вольнонаемных работников Дальстроя значительное влияние оказывали бывшие заключенные, остававшиеся для дальнейшей работы на Колыме. На конец 1936 г. вольнонаемный персонал Дальстроя насчитывал 9398 чел., из них завербованных и «прибывших по приказу из-за пределов Охотско-Колымского района» было 47% (4410 чел.), бывших лагерников - 43,3% (4072 чел.), членов семей вольнонаемных, вовлеченных в производство - 7,8% (735 чел.) и местного населения - 1,9% (181 чел.)[2]. Следовательно, уже в середине 1930-х гг. удельный вес бывших заключенных был вполне сопоставим с удельным весом собственно вольнонаемных, прибывших на Северо-Восток. (К началу 1940-х гг. этот показатель увеличится, и в 1942 г. в Дальстрое из 67,9 тыс. чел. вольнонаемных, не считая личного состава военизированной охраны лагерей, около 72% являлись бывшими заключенными[3]).

Проблема текучести рабочей силы продолжала оставаться одной из наиболее острых. В 1936 г. руководство Дальстроя вынуждено было констатировать следующий факт: по сравнению с 1935 г. текучесть работников в целом по тресту, и по Колымскому району, значительно возросла. В 1936 г. по договорам было завезено 2451 чел. специалистов и высококвалифицированных рабочих. Вместе с тем за пределы Охотско-Колымского района в 1936 г. убыло 1643 вольнонаемных работника[4]. Из освобожденных лагерников для работы в Дальстрое в 1936 г. осталось 2397 чел.[5]

В итоге обеспеченность основного производства инженерно-техническими работниками и служащими в 1936 г. по сравнению с предыдущим годом снизилась. Среднесписочная численность инженерно-технических работников и служащих в 1936 г. в Северном управлении составляла 961 чел. (13,7% от численности работников управления), в Южном – 1216 чел. (18% от численности работников управления), на горнопромышленном строительстве – 517 чел. (25,5%)[6].

---

[1] Там же. Д. 455, Л. 74об.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 476, Л. 246.
[3] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 5, Л. 51.
[4] Д. 476, Л. 126, 127.
[5] Д. 476, Л. 127об.
[6] Д. 476, Л. 128об.

Среднемесячный заработок инженерно-технических работников и служащих в целом по Дальстрою в 1936 г. составил 689 руб. В Омолонской экспедиции среднемесячный заработок за 1936 г. достигал 938 руб.[1] Повышение среднего заработка инженерно-технических работников и служащих произошло за счет проведенного с 1 ноября 1935 г. повышения окладов (от 50 до 95 руб.), выплаты 20-процентной надбавки инженерно-техническим работникам и 10-процентной прочим служащим, произведенной с 1 июня 1936 г., и за счет повышения квалификационного состава специалистов и служащих[2].

Для сравнения в таблице 10 приведена среднемесячная зарплата по восьми трестам и комбинатам Главзолота в 1933-1936 гг.:

Таблица 10

Среднемесячная зарплата по трестам и комбинатам Главзолота в 1933-1936 гг.[3]

Предприятие	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.
Запсибзолото	118	155	206	252
Минусазолото	100	150	221	230
Енисейзолото	-	173	263	323
Забайкалзолото	152	192	253	325
Балейзолото	155	193	344	408
Дарасунзолото	130	224	299	405
Лензлото	258	288	345	397
Якутзолото	323	367	397	484

На Северо-Восток, несмотря на значительные трудности с бытом, вольнонаемных работников привлекали повышенная заработная плата и ряд важных льгот. Уже в начале 1933 г. по Дальстрою была издана инструкция по установлению процентных надбавок за выслугу лет. В соответствии с законом от 12 августа 1930 г. и с постановлением Совета Труда и Обороны о льготах для работников Дальстроя в зависимости от группы вольнонаемным работникам полагалась 10 или 20-процентная надбавка по истечении 1 года работы в Колымском районе[4].

В апреле 1934 г. вопрос о льготах был рассмотрен более детально. Все нанимаемые в Дальстрой вольнонаемные работники делились на три группы. К первой группе относился высший административный и хозяйственный персонал, к третьей - весь младший обслуживающий персонал, шоферы, экскаваторщики, трактористы, машинисты и квалифицированные рабочие, ко второй группе относились все остальные. Работникам всех групп с 1 октября 1930 г. выплачивалась 10-процентная надбавка по истечении каждого года работы. С 1 января 1932 г. северная надбавка работникам первой и второй групп была увеличена до 20%, у третьей так и оставалась 10-процентная надбавка (общий размер надбавок не мог превышать

[1] Д. 476, Л. 141об.
[2] Д. 476, Л. 142.
[3] Хатыллаев М.М. Рабочие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири. 1921-1937 гг. – Новосибирск, 1986. – С.103.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4, Л. 84-87.

100%). Для работников первой группы был установлен отпуск в 2 месяца, для работников второй и третьей групп в зависимости от нормированного или ненормированного рабочего дня 1-2 месяца. Кроме этого, при найме в Дальстрой для вольнонаемных гарантировалась выплата так называемых «подъемных», суточных, и с особого разрешения - оплата проезда семьи. Дети работников Дальстроя при поступлении в учебные заведения приравнивались к детям «индустриальных рабочих»[1].

В соседних с Дальстроем Приамурье и Приморье имели место аналогичные процессы. Так заработок старателей на Дальнем Востоке в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 27 мая 1934 г. был освобожден от обложения какими бы то ни было общегосударственными и местными налогами и сборами, а хозяйства старателей освобождались от сельскохозяйственного налога и «трудгужповинности». Также старателям наравне с государственными рабочими гарантировалось медико-санитарное и и социально-бытовое обслуживание[2].

В дальнейшем в Дальстрое в практику вошло заключение договоров между профсоюзными организациями и Главным управлением Строительства Дальнего Севера. Так в 1939 г. между Колымским райкомом Союза рабочих золота и платины и Главным управлением строительства Дальнего Севера НКВД СССР было заключено соглашение об условиях труда и порядке оплаты работников[3]. С 10 мая по 10 октября (1939 г.) работа на всех приисках и рудниках должна была производиться без выходных дней. За этот период по окончании промывочного сезона работникам должен был предоставляться отгул в количестве 25 дней (из расчета день за день), с оплатой отгула по тарифной ставке (должностному окладу). В исключительных случаях, когда отгул предоставить было невозможно, работа в дни отдыха должна была компенсироваться деньгами в полуторном размере, а работа в дни революционных праздников – в двойном. Работники с ненормированным рабочим днем, которые обслуживали рабочие смены с удлиненным рабочим днем, получали доплату к своему окладу. При обслуживании 10-часовой рабочей смены доплата составляла 20% основного оклада, 11-часовой – 30%, 12-часовой – 40%.

К концу 1930-х гг. проблемы с нормальным обеспечением вольнонаемных работников продовольствием и промтоварами так и не были решены. В начале 1938 г. известный геолог Дальстроя, первооткрывательница ряда месторождений полезных ископаемых К. А. Шахворостова вынуждена была написать в газету о том, что на один из крупнейших приисков За-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 8, Л. 85-90.
[2] Кочегарова Е.Д. Золотопромышленность Дальнего Востока (1922-1940 гг.). Исторический опыт. Канд. диссерт. на соискание уч. степени канд. истор. наук. – Благовещенск, 2002. – С. 147-148.
[3] Там же. Д. 46, Л. 258-261.

падного управления, - «Мальдяк», давно не завозили свежего мяса и других продуктов, что отдел снабжения управления упорно не хотел заботиться о нуждах людей[1].

Жилье по-прежнему строилось преимущественного временного типа, с сокращенным сроком амортизации. В суровых природно-климатических условиях Северо-Востока стены жилых домов быстро покрывались трещинами, на что жильцы вынуждены были часто жаловаться[2].

2. Заключенные работники

Основной рабочей силой Дальстроя в рассматриваемый период являлись заключенные (на добыче золота - с 1934 г.). Заключенные стали прибывать в Дальстрой уже в течение 1932 г. и первые несколько лет использовались преимущественно на строительных работах (автотрассы, порта, Нагаево-Магадана) и т.д. Так, в 1934 г. горнопромышленные подразделения Дальстроя располагали 5638 заключенными, а на дорожном строительстве их было 8060. В 1935 г. ситуация изменилась: 11716 на добыче золота и 8163 на строительстве дорог[3].

Непосредственно на горных работах заключенные впервые были использованы в 1933 г. в наиболее близком к строящейся трассе Среднеканском горнопромышленном районе. Среднегодовые нормы продовольственного снабжения вольнонаемных и заключенных в 1933 г. существенно не отличались[4]. За свою работу заключенные получали заработную плату. В соответствии с приказом по Дальстрою № 347 от 15 мая 1933 г. при полной выработке, установленной нормы, заключенные должны были получать на руки 10% от заработанной суммы. При выработке сверх нормы на руки им дополнительно полагалось 90% от приработка[5].

С 1 января 1936 г. в Дальстрое была введена система удержания 85% заработка рабочих-лагерников на их содержание (280 руб. с рабочих и 500 руб. с инженерно-технических работников и служащих). Остальная часть заработка полностью выдавалась на руки. Например, если забойщик 7 разряда (тарифная ставка 427 руб.) выработал норму на 150%, то его общий заработок составлял 640 руб. 50 коп. Из этой суммы удерживалось 280 руб., на руки выдавалось 360 руб. 50 коп.[6] Кроме этого за высокие производственные показатели, заключенные могли быть досрочно освобождены или переведены в разряд колонистов[1].

Для сравнения в золотодобывающей промышленности ДВК месячный заработок спецпоселенцев на основном производстве составлял 115-120 руб., дневной – 5 руб. 10 коп.

---

[1] Советская Колыма. - 1938. - 4 января.
[2] См. : Советская Колыма. - 1938. - 5 февраля и др.
[3] Там же. Д. 455, Л. 70об.
[4] Там же. Д. 402, Л. 148.
[5] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4, Л. 3.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 476, Л. 132-133.

В северных приисковых районах, где был установлен повышенный прожиточный минимум, зарплата доходила до 135-145 руб. в месяц и 5,5-6 руб. в день. В дальнейшем заработная плата увеличивалась, но одновременно происходило и повышение стоимости жизни[2].

Режим содержания заключенных в лагерях Дальстроя в 1932-1937 гг. многие исследователи называют относительно «либеральным», «мягким»[3]. Хотя бытовые условия содержания заключенных и в этот период были крайне тяжелыми. В конце 1934 г. по результатам проверки лагерей руководство Дальстроя констатировало, что питание, снабжение и размещение заключенных находится в плохом состоянии, вследствие чего среди заключенных на почве недоедания и недоброкачественной пищи распространялись различные заболевания. Палатки, где жили заключенные, не были утеплены, печи не были исправны, отсутствовали полы. Постельные принадлежности большей частью также отсутствовали, пищу готовили в перерезанных бочках и котлах, индивидуальных мисок и ложек у заключенных не было, в большинстве своем они ели из банок, или по несколько человек из одной бочки. Хлеб выпекался сырой[4].

Количество и качество питания заключенных напрямую зависело от их производственных показателей, т.е. нормирование количества и качества пищи зависело от процента выработки производственной нормы. Таким образом, труд заключенных стимулировался дополнительным и улучшенным питанием. Трудовые зачеты, от которых зависели нормы питания, получала вся бригада, что дополнительно стимулировало работу каждого в отдельности. Директивно устанавливаемые нормы выработки зависели от нескольких условий: температуры, продолжительности рабочего дня, вида земляных работ, степени сложности отрабатываемых грунтов и т.д.[5] Питание в лагере осуществлялось двумя путями: через общий для всех заключенных «котел» и через «ларек», где можно было приобрести те или иные продукты за лично заработанные деньги.

В сентябре 1938 г. руководство Дальстроя для заключенных горнодобывающей промышленности и дорожного строительства были установлены особая (110% и более процентов плана), повышенная (до 110%), улучшенная (до 100%), производственная (до 90%), общая (до 75%), штрафная (до 59%)[6] категории питания. При этом “из числа лагерников” более

---

[1] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 7, Л. 159-161.

[2] Кочегарова Е.Д. Золотопромышленность Дальнего Востока (1922-1940 гг.). Исторический опыт. Канд. диссерт. на соискание уч. степени канд. истор. наук. – Благовещенск, 2002. – С. 285.

[3] См.: Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные). // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. - Магадан, 1996. - С. 49. Козлов А. Г. Севвостлаг НКВД СССР (1937-1941). // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. - Магадан, 2000. - С. 81. Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). – Магадан, 1996. – С. 72. Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. - Магадан, 2000. - С. 81.

[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 9, Л. 212-214.

[5] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 20, Л. 3-16.

[6] Там же. Д. 41, Л. 103-104.

70% не выполняли установленных норм, и около половины из этого числа выполнили их не более чем на 30%[1]. А. Н. Пилясов утверждает, что в конце 1930-х гг. средняя дневная производственная норма продовольствия заключенного составляла 2100 ккал на одного человека. При сопоставлении продовольственной нормы и потребления энергии на горных немеханизированных работах, по мнению ученого, обнаруживается 20-40%-й дефицит калорий[2]. По всей вероятности, данный показатель должен быть еще более увеличен, поскольку в своих воспоминаниях бывшие заключенные единодушны в том, что в результате хищений до заключенных доходило значительно меньше и без того строго лимитированного количества продовольствия[3].

Периодически повышавшиеся нормы выработки ложились на заключенных тяжелым бременем. Как свидетельствуют многие бывшие узники, отбывавшие наказание на приисках Дальстроя, и в частности М. С. Ротфорт, что даже «самые крепкие мужики не в силах были выработать норму»[4].

В 1938-1941 гг. режим содержания и трудового использования заключенных был серьезно ужесточен, внутри лагеря начался новый виток репрессий против так называемого контрреволюционного элемента. Более жестким стал контроль за соответствием норм питания нормам выработки[5].

Высшей точкой эксплуатации заключенных в горнодобывающей промышленности Дальстроя можно считать 1938-1939 гг. Кроме того, что их разрешалось задерживать на производстве до 16 часов в сутки[6], режим содержания отличался особой суровостью. «Отказчики от работы и злостно не выполняющие нормы работы» переводились на штрафное питание, на приисках были организованы особые карцеры для водворения в них самых “злостных отказчиков” и “нарушителей лагдисциплины”[7].

Ежедневные физические сверхнагрузки серьезно подрывали здоровье и неизбежно вели к повышенной смертности среди заключенных. М. Б. Миндлин вспоминал, что в 5 часов утра был подъем, затем прием «пищи-баланды», уборка, поверка, построение на работу. С 6 утра до 6 вечера тяжелый труд в забое с тачкой и кайлом, коротким перерывом на обед, который дневальный приносил в забой. На работу заключенный шел как пьяный, шатаясь от

---

[1] Там же. Д. 642, Л. 12.
[2] Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). – Магадан, 1996. - С. 74.
[3] См. наприме, Владимирова Е. Л. Письмо в ЦК КПСС // Краеведческие записки. – Магадан, 1992. – Вып. 18. - С. 122.
[4] Ротфорт М. С. Колыма - круги ада. - Екатеринбург, 1991 г. - С. 34.
[5] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 34, Л. 4.
[6] Там же. Д.34, Л. 149; Д. 43, Л. 77.
[7] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 49, Л. 114. Норма штрафного питания составляла 400 г хлеба, 10 г муки подболточной, 33 г крупы, 100 г консервов, 5 г растительного масла, 20 г соли, 3 г чая, 17 г томатов, 100 г рыбы в сутки. В карцере в сутки выдавалось только 400 г хлеба и кипяток.

голода, нервного напряжения, от издевательств со стороны лагерных «придурков» и бригадиров из числа заключенных[1].

О бытовых условиях заключенных при таком к ним отношении лагерная администрация почти не заботилась. Так, другой бывший узник колымских лагерей И. П. Алексахин писал о том, что первые две зимы они ночевали в брезентовых палатках, для отопления служили две железных бочки (с наступлением холодов заключенные сами после работы собирали дрова), но тепла не хватало и часто за ночь волосы примерзали так, что по утрам их приходилось отрывать от обледенелого брезента. Спутниками заключенных были смертельная усталость и чувство постоянного голода[2].

Кроме ограниченного количества и однообразного рациона питания, заключенные страдали еще и от процветавшего в лагерях воровства. В частности в феврале 1938 г. было установлено, что на прииске «Верхний Ат-Урях» СГПУ из 800 положенных кг картофеля в «котел» не доложили 200 кг, на соседнем прииске «Нижний Ат-Урях» не доложили 150 кг картофеля[3]. На подлагпункте «Разведчик» при проверке его А. А. Ходыревым было установлено значительное хищение хлеба и спирта[4]. Кроме этого заключенные находились почти ти в полной информационной изоляции от окружающего мира, что психологически очень тягостно воздействовало на них[5].

Заключенные пытались сопротивляться лагерному режиму, который усугублялся произволом уголовников внутри самой зоны[6]. Основными формами сопротивления были попобеги[7], неповиновение лагерной администрации и отказ от работы, специальное нанесение себе разного рода увечий (чаще всего отрубалась кисть руки, пальцы) с целью перевода на менее тяжелую работу. Одновременно большое количество увечий и смертей становилось следствием отсутствия заботы о технике безопасности и при притупленном чувстве самосохранения, у истощенных людей. Нередким явлением в лагерях и на приисках был суицид[8].

---

[1] Миндлин М.Б. Первая зима на Колыме. // Краеведческие записки. - Магадан, 1992. - Вып. 18. - С. 44, 46-47. Алексахин И.П. также пишет, что «наш быт, всю нашу лагерную жизнь отравляли бытовики, а точнее уголовники, урки, ибо они являлись опорой лагерной администрации и занимали привилегированное положение, будучи завхозами, старостами, поварами, нарядчиками и даже заведующими складами» (см.: Алексахин И.П. Колымские этапы. // Краеведческие записки. - Магадан, 1989.- Вып. 16. - С. 110

[2] Алексахин И.П. Колымские этапы. // Краеведческие записки. - Магадан, 1989. - Вып. 16. - С. 109-110.

[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 31, Л. 167.

[4] Там же. Д. 34, Л. 93.

[5] Миндлин М.Б. Первая зима на Колыме // Краеведческие записки. - Магадан, 1992. - Вып. 18. - С. 47.

[6] См. например, Миндлин М.Б. Первая зима на Колыме // Краеведческие записки. - Магадан, 1992. - Вып. 18. - С. 42-52 и др.

[7] Подробнее о бегстве в рассматриваемый период, как основной форме сопротивления заключенных подробнее см.: Бацаев И.Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные). // Исторические аспекты Северо-Востока Росии. - Магадан, 1996. - С. 52-55; Козлов А.Г. Севвостлаг НКВД СССР (1937-1941). // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. - Магадан, 2000. - С. 81; Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. - Магадан, 2000. - С. 112-113.

[8] Владимирова Е.Л. Письмо в ЦК КПСС // Краеведческие записки. – Магадан, 1992. – Вып. 18. – С. 124. О частых случаях самоубийств заключенных в лагерях Дальстроя свидетельствуют в своих воспоминаниях И.П. Алексахин, М.Б. Миндлин, Г.Д. Кусургашев и многие другие.

Санитарное состояние подавляющего числа лагерных подразделений было крайне неудовлетворительным. В 1938 г. в ряде подразделений отдельного лагерного пункта (ОЛП) ЮГПУ отсутствовали постельные принадлежности, заключенные спали «на голых топчанах» и даже прямо на полу. Скученность в помещениях приводила к распространению вшивости, смена белья производилась несвоевременно, люди подолгу не пользовались баней. Вследствие недостатка медикаментов, например, открытые раны на ногах, образовавшиеся от потертостей, обрабатывались бензином. На приисках «Нечаянный» и «Таежник» имели место скоропостижные случаи смерти среди заключенных по не установленным причинам. В ОЛП СГПУ также почти полностью отсутствовали медикаменты, больные не изолировались и продолжали распространять инфекционные заболевания среди здоровых. На подлагпункте «Мальдяк» заключенным в течение месяца вообще не оказывалось никакой медицинской помощи[1].

Параллельно с системой прямой зависимости питания от норм выработки на горных работах и на дорожном строительстве существовала так называемая «система зачетов». В 1938 г., при выполнении заключенным производственных норм на 100% ему за месяц пребывания в лагере засчитывалось 46 дней, при выполнении норм на 105% - 92 дня, при 110% - 135 дней. В отношении тех, кто до конца промывки стабильно выполнял не менее 120% плана, К. А. Павлов обещал рассматривать вопрос о снижении срока заключения до полутора лет. Если при этом заключенный отбыл половину срока, начальник Дальстроя обещал ставить вопрос о его досрочном освобождении[2].

Постепенно сложилась система поощрения заключенных за перевыполнение плановых заданий: денежное и продуктовое премирование, досрочное освобождение, сокращение срока, перевод на положение вольнонаемных с колонизацией на Колыме и предоставление работы по специальности в отношении «лучших производственников». Так, например, за золотые самородки, сданные в золотоприемную кассу прииска, полагалась оплата наличными из расчета 50 коп. за 1 г (если самородок весил до 100 г) и 1 руб. за 1 г (если самородок весил более 100 г), 50% полагавшейся суммы разрешалось отоваривать в ларьке. Задержка сдачи самородков рассматривалась как хищение и влекла за собой уголовную ответственность[3]. Премировались также и те заключенные, которые предлагали рационализаторские предложения, усовершенствования или изобретения для внедрения на производстве[4].

На 1939 г. для заключенных, перевыполнявших установленные нормы выработки, была установлена прогрессивная доплата в процентах к сдельному заработку для десятников

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 32, Л. 10-11.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 36, Л. 2.
[3] Там же. Д. 34, Л. 92, 115.
[4] Там же. Д. 40, Л. 191.

(кроме осужденных по «контрреволюционным статьям»), заключенным, выполняющим работу административно-технического персонала, а также заключенным и их бригадирам, работающим в забое. Деньги выдавались на руки. Сдельный заработок заключенного в забое (без начислений за перевыполнение норм выработки) за месяц равнялся 210 рублям, за содержание в лагере удерживалось 104 руб., сдельный заработок бригадира составлял 158 рублей и за содержание с него не высчитывали[1].

Таким образом, в лагерной экономике сложилась своеобразная система полной «самоокупаемости». Кроме того, что заключенные были насильственно доставлены на Северо-Восток, помещены за колючую проволоку, выполняли тяжелые физические работы при удлиненном рабочем дне, они вынуждены были еще полностью оплачивать затраты на свое содержание в лагере (включая затраты на питание, вещевое довольствие, содержание военизированной охраны и лагерной администрации и т.д.).

Весьма важными формами поощрения за высокую производительность труда для заключенных являлись условно-досрочное освобождение и сокращение срока наказания. В сентябре 1940 г. за «высокие показатели производительности труда и дисциплины на производстве и в лагере» от дальнейшего отбывания наказания из лагерей горнопромышленных управлений приказами по ГУСДС НКВД СССР было освобождено не менее 79 чел.[2] В 1941г. до начала войны - еще не менее 73 чел.[3], еще 61 заключенному горнодобывающей промышленности сокращены сроки наказания (в среднем от одного года до трех лет)[4]. Всем, кто освобождался данным образом полагалось единовременное пособие в 300 руб., жилье, работа по специальности, мог быть обеспечен переезд в Дальстрой членов их семей. В целях пропаганды высокопроизводительного труда и соблюдения лагерной дисциплины приказы о досрочном освобождении ударников производства объявлялись на разводах и проверках, вывешивались на видных местах и в бараках. В апреле 1941 г. за активное участие в выполнение плана прошлого года значком “Отличнику Дальстроевцу” было награждено 25 бывших заключенных, которые по окончании срока продолжили работу в Дальстрое в качестве вольнонаемных[5].

3. Развитие социальной инфраструктуры

Руководство Дальстроя строго придерживалось генеральной установки на максимально возможное извлечение стратегически важных полезных ископаемых при минимально возможных затратах. В реализуемой модели промышленного освоения Северо-Востока дея-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 45, Л. 116, 268-272; Д. 46, Л. 177-178.
[2] Там же. Д. 66, Л. 27-29, 66-68, 72-74.
[3] Там же. Д. 76, Л. 256-259, 260-266.
[4] Там же. Д. 76, Л. 310-312; Д. 77, Л. 80-91, 93-96.
[5] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 76, Л. 214-215.

тельность отраслей хозяйства, имевших вспомогательное значение, постоянно направлялась «на обслуживание прямым или косвенным путем основного производства золото и олово добычных работ»[1]. Развитию социальной инфраструктуры на Северо-Востоке в данной модели уделялось второстепенное внимание, финансировалась она по так называемому остаточному принципу.

В 1933 г. Дальстрой уже начал капитальные строительные работы в приисковых районах с целью обеспечить прииски жильем, коммунальным обслуживанием, строениями производственного назначения и т.д. Как следует из отчетных документов Дальстроя за 1933 г. удалось построить 119 строений при среднем объеме 1 сооружения в 170 $м^3$. Все здания были деревянными из местного леса, жилые и административные были рубленные. Многие сооружения имели временный характер, хотя и учитывались как постоянные. Кирпичные печи в большинстве случаев отсутствовали, и отопление производилось железными печами времянками[2].

В целом, объем гражданского строительства в приисковых районах в 1933 г. составил 23,6 тыс. $м^3$, но при этом в большинстве своем, даже по собственному признанию руководства Дальстроя, не представлял собой законченного строительства. Многие дома не имели крыш, иногда не имели пола, и в течение года происходили постепенные доделки тех или иных объектов, в ряде случаев доделочные работы переносились на следующий год[3]. Всего в районе приисков в 1933 г. в сооружение жилищных, коммунальных, социально-бытовых, лечебных и торговых зданий было вложено 421,4 тыс. руб.[4]

В соседних с Дальстроем золотодобывающих регионах также имелись значительные проблемы в строительстве жилья. Так в 1933 г. трест «Амурзолото» не освоил и 50% уже выделенных на жилищное строительство сумм. На многих предприятиях обеспеченность жильем составляла 1-2 $м^2$ на человека. Особенно тяжелое положение наблюдалось в Зейском, Могочинском и Джалиндо-Урканском районах[5].

В 1935 г. объемы строительства в Дальстрое были расширены. В целом они составили по отчетным данным 392,8 тыс. $м^3$, а их стоимость - 18,2 млн. руб.[6] В том числе жилых помещений было построено 119,2 тыс. $м^3$ (30,3%), коммунальных – 17,3 тыс. $м^3$ (4,4%), лечебных - 9,4 тыс. $м^3$ (2,4%), культурного назначения - 6,55 тыс. $м^3$ (1,7%). На приисках было возведено 128,8 тыс. $м^3$ зданий[7], из них жилых – 56,3 тыс. $м^3$, коммунальных – 14,4 тыс. $м^3$,

[1] Там же. Д. 1062, Л. 86.
[2] Д. 402, Л. 41.
[3] Д. 402, Л. 41.
[4] Д. 402, Л. 41.
[5] Кочегарова Е.Д. Золотопромышленность Дальнего Востока (1922-1940 гг.). Исторический опыт. Канд. диссерт. на соискание уч. степени канд. истор. наук. – Благовещенск, 2002. – С. 300-301.
[6] Д. 455, Л. 25об.
[7] Д. 455, Л. 25об.

культурных - 2,6 тыс. $м^3$, лечебных – 3 тыс. $м^3$. Таким образом, на приисковые районы в 1935 г. пришлась только одна третья часть всех построенных в Дальстрое зданий, в т.ч. 47,2% всех жилых зданий, 83,2% коммунальных, 39,7% культурных и 31,9% лечебных.

Себестоимость строительства 1 $м^3$ деревянных рубленых жилых домов в 1934 г. в Дальстрое составляла 61,2 руб., в 1935 г. 53,8 руб., 1 $м^3$ коммунальных сооружений - 52,1 и 58,4 руб., 1 $м^3$ торгово-складских и общественного питания – 59,4 и 46,4 руб., 1 $м^3$ производственных – 49,8 и 50,7 руб. соответственно[1].

В 1936 г. в приисковое строительство было вложено 8,1 млн. руб., из них 7,1 млн. руб. (87,7%) предназначались на строительство зданий облегченной конструкции с сокращенным сроком амортизации. В итоге в приисковых районах в 1936 г. было возведено 225,1 тыс. $м^3$ таких построек. При этом объем жилых построек составил 101,5 тыс. $м^3$ (45,1%), коммунальных – 56,3 тыс. $м^3$ (25%)[2].

Себестоимость 1 $м^3$ зданий с сокращенным сроком амортизации составила в 1936 г. 29,5 руб., себестоимость 1 $м^3$ зданий постоянного типа - 60,6 руб. (в обоих случаях фактическая себестоимость превышала плановую)[3]. При этом само руководство Дальстроя признавало «крайнюю недостаточность наличных производственных, жилых, социально-бытовых и прочих помещений»[4]. В дальнейшем темпы и объемы строительства объектов социального назначения, так и не смогли достаточно полно удовлетворить потребности населения Северо-Востока.

Из отчетных документов Дальстроя следует, что за 1932-1940 гг. был построен г. Магадан с системой портовых и складских сооружений, проведено строительство магистральных дорог, построены автопроезды к приискам и рудникам, проведена телеграфная связь к центрам горнопромышленных управлений и приискам, осуществлено строительство гаражей и ремонтных пунктов для автотранспорта, построены авторемонтный завод и завод по ремонту горного оборудования, введены в действие малые и средние электростанции, осуществлено строительство нескольких оловообогатительных фабрик[1]. Т.е. производственная ининфраструктура Дальстроя развивалась весьма динамичными темпами.

С другой стороны, строительство жилья, больниц, школ, библиотек и других объектов социального назначения в рассматриваемый период проводилось в минимальных объемах (см. таблицу 11). Значительная часть объектов социальной инфраструктуры сосредотачивалась в г. Магадане и национальных поселках. Для сравнения на Алдане в 1932 г. насчитывалось 13, в 1937 – 20 клубов (в т.ч. на прииске «Незаметный» на 680 мест). На Ленских прис-

[1] Д. 455, Л. 27.
[2] Д. 476, Л. 31-31об.
[3] Д. 476, Л. 31об.
[4] Д. 476, Л. 111-111об.

ках к началу 1938 г. действовало 10 клубов. К началу 1938 г. на Ленских приисках действовало 10 стационарных и 55 передвижных библиотек. Неуклонно рос их книжный фонд. Если в 1935 г. в стационарных библиотеках Бодайбинского района насчитывалось 24,8 тыс. книг, то в 1937 г. – 50 тыс. На Алданских приисках книжный фонд в 1937 г. составлял более 100 тыс. экземпляров. Многие рабочие создавали домашние библиотеки[2].

Таблица 11

Объекты социальной инфраструктуры Дальстроя в 1932-1940 гг.[3]

	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
школы*	14	21	27	26	30	34	35	36	32
больницы	6	14	23	25	27	29	32	37	59
детские учреждения	-	2	2	3	5	8	27	31	39
клубы	1	2	3	5	6	9	13	25	34
избы читальни	-	-	2	6	6	11	-	13	16
библиотеки	-	1	2	8	33	70	131	-	191
театры и кинотеатры	-	-	1	2	1	1	3	3	5

*) приводится общее количество школ на конец года

Капитальные вложения в производственную сферу Дальстроя по отчетным данным в 1932-1940 гг. составили 1597 млн. руб.[4] Расходы по статье «социально-культурное строительство» по самым завышенным подсчетам составили не более 27,5 млн. руб.[5] Т.е. на развитие производственной сферы региона в 1932-1940 гг. средств вкладывалось в 58 раз больше, чем в развитие социальной, а следовательно, производственно-социальный комплекс Северо-Востока формировался отнюдь не на взаимодополняющей, гармоничной основе. Развитие социальной инфраструктуры играло в данной модели освоения второстепенную роль.

Форсированное промышленное освоение Северо-Востока в 1932-1940 гг. предопределило складывание на данной территории нового экономического района СССР с преимущественной специализацией на добыче стратегических металлов - золота и олова. Однако однозначным решением вышестоящих органов государственной власти Дальстрою в системе народного хозяйства страны была отведена роль сырьевой базы, несмотря на то, что объективно имелись все предпосылки для более комплексного развития региона. Главными особенностями нового экономического района стали моноотраслевая специализация его производственной инфраструктуры, широкомасштабное использование принудительного труда заключенных, чрезвычайный режим управления территорей.

---

[1] Там же. Ф. Р-23сс, Д. 6, Л. 65.
[2] Хатыллаев М.М. Рабочие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири. 1921-1937 гг. – Новосибирск: «Наука», 1986. – С. 90, 93.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сс, Д. 6, Л. 84-89.
[4] Там же. Ф. Р-23сс, Д. 12, Л. 8об.
[5] Подсчитано нами по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 12, Л. 15 (по капиталовложениям в здравоохранение не приводятся данные за 1935-1937 и 1939 гг., по вложениям в просвещение - за 1932, 1936, 1937 гг., в этих случаях для подсчета использовались данные впередистоящего года).

В целом за 1932-1940 гг. Дальстрой добыл 314,2 т золота, золотодобывающие тресты Главзолота – 575,1 т[1], что составило основу золотого запаса страны и ее валютных операций на внешнем рынке. За предвоенный период удельный вес Дальстроя в общей золотодобыче СССР увеличился с 0,8% в 1932 г. до 46,3% в 1940 г. На Северо-Востоке СССР была успешно начата разработка оловоносных месторождений; за 1937-1940 гг. было получено 2,64 тыс. т олова в концентрате.

В результате деятельности предприятий системы Главзолота и Дальстроя в 1930-е гг. была полностью восстановлена советская золотодобывающая промышленность, и СССР занял одно из лидирующих мест в общемировой добыче золота. Историко-сопоставительный анализ деятельности Главзолота и Дальстроя в 1930-х гг. позволяет сделать ряд важных выводов. Общими чертами работы Главзолота и Дальстроя был значительный удельный вес мускульных работ (хотя в Дальстрое он был намного больше и составлял основу золотодобычи), для привлечения вольнонаемных специалистов и работников обе организации использовали различные льготы. Также общим являлось и то, что предприятия и Главзолота и Дальстроя дополнительно специализировались на добыче других металлов кроме золота.

Основное отличие в работе этих двух организаций заключалось, прежде всего в том, что в Дальстрое с 1934 г. добыча золота велась на основе широкомасштабного использования труда десятков тысяч заключенных, по сравнению с ними количество вольнонаемных работников было незначительным и в основном это были инженерно-технические и административные работники. В системе Главзолота использовался труд раскулаченных спецпоселенцев, однако, они имели статус вольных старателей, т.е. положение их серьезно отличалось от положения заключенных на Северо-Восточных ИТЛ.

Другой отличительной чертой являлось то, что в системе Главзолота имелась более развитая производственная инфраструктура и более развитая механизация горных работ, в т.ч. широко использовалась механическая добыча металла, в т.ч. драгами, гидравлическими установками и т.д. В добыче золота трестами Главзолота важную роль играли золоторудные месторождения, удельный вес рудного золота в 1932-1940 гг. составлял в среднем 42,6% от общих объемов, тогда как в Дальстрое оно в этот период не добывалось. Россыпные месторождения Главзолота были намного беднее россыпей Дальстроя. Основой труда предприятий Главзолота являлись старатели и вольнонаемные государственные работники, Дальстрой с 1934 г. на долгие годы отказался от старательских работ, хотя в значительных объемах сохранялась лотошная промывка.

Вокруг объектов золотодобывающей отрасли возникали населенные пункты, развивались вспомогательные отрасли производства: топливно-энергетический комплекс, ремонтно-

[1] Д. 3425, Л. 31.

механическая база (мастерские и заводы), местная и пищевая промышленности, промышленность стройматериалов и т.д. Однако слабо развитая социальная инфраструктура, интенсивная трудовая деятельность при высоком уровне производственного травматизма[1], удаленное положение Дальстроя от развитых экономических районов страны и малоэффективные меры по решению социально значимых проблем, не способствовали закреплению в регионе вольнонаемных работников и обуславливали значительную текучесть кадров.

В первое десятилетие стало очевидным резко отрицательное влияние горнодобывающего комплекса на экологическую систему Северо-Востока (стремительное истощение лесов, практически полное отсутсвие рекультивационных мероприятий и мн. др.).

[1] По официальным данным на предприятиях Дальстроя в 1939 г. количество несчастных случаев на 1000 рабочих составило 84, в 1940 г. – 24 (из доклада председателя Окружкома профсоюзов тов. Строганова А.Г. на IV пленуме Окружкома профсоюзов). - Советская Колыма. - 6 марта.

ГЛАВА II ГОРНОДОБЫЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДАЛЬСТРОЯ В 1941-1945 гг.

§1. Основные направления геологических работ в 1941-1945 гг.

С началом Великой Отечественной войны роль добычи стратегических металлов на Северо-Востоке в народно-хозяйственном комплексе СССР возросла. Золото использовалось для оплаты поставок союзников, острую потребность в олове испытывал военно-промышленный комплекс страны.

Перед геологоразведочной службой Дальстроя была поставлена задача обеспечения в короткие сроки максимально возможных размеров прироста полезных ископаемых[1]. В первую очередь приказывалось разведывать и детализировать наиболее богатые месторождения для подготовки их к эксплуатации[2].

В этой связи самые интенсивные геологические исследования на золото в военный период проводились в наиболее перспективных Тенькинском[3] и Индигирком районах[4]. Причем Теньинский район до войны рассматривался преимущественно как оловорудная провинция. Месторождения «Бутугычаг», бассейна р. Армань (рудники «Светлый» и «Кандычан») и открытое в 1941 г. М. С. Венчуговой месторождение «Отечественное» (на котором начнет действовать рудник «Хениканджа») были оловоносными[5].

С 1939 по 1940 гг. в системе ТГПУ действовал только один золотодобывающий прииск «Дусканья»[6]. Но в 1940 и 1941 гг. геологоразведочные партии Д. П. Алексеева, Д. И. Курилова, В. М. Родионова открыли и разведали ряд золотоносных россыпей в долинах рек Омчак, Дегдекан, Омчуг, а также ручьев Клин и Игуменовский. Эти открытия сразу же поставили Теньку в один ряд с ведущими золотоносными районами Колымы. В 1943 г. геолог Е. П. Машко в верховьях ключа Наталка обнаружил первые признаки коренного золота. В середине лета 1944 г. Н. И. Карпенко сообщил о первых находках коренных жил с золотом на р. Омчак и в верховье ключа Наталка, и уже осенью началась пробная эксплуатация наиболее богатой рудной зоны[7].

---

[1] Нефедова С.П., Бубнис Г.К. Хроника геологического изучения Северо-Востока СССР // Колыма. - 1978. - № 7-8. - С. 18.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 100, Л. 136-137.
[3] Там же. Д. 79, Л. 173; Д. 99, Л. 87-88.
[4] Там же. Д. 89, Л. 149; Д. 99, Л. 130-130об.
[5] Евангулов Б.Б. Как была открыта Золотая Тенька // Колыма. - 1978. - № 7-8. - С. 28.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сс, Д. 6, Л. 13-14.
[7] Евангулов Б.Б. Как была открыта Золотая Тенька. // Колыма. - 1978. - № 7-8. - С. 29-30.

В системе Дальстроя на август 1941 г. было около 40 разведочных районов[1]. Однако в дальнейшем от определенной части геологоразведочных проектов пришлось отказаться. В частности в годы войны были ликвидированы Гижигинский разведрайон, рудная разведка Челбанья, Хивовчанский разведрайон ЮЗГПУ, законсервированы Арманский разведрайон и Барыллыэлахское месторождение Индигирского райГРУ[2]. В результате сокращения разведочных работ высвобождались геологи, разведчики, топографы. В целях концентрации квалифицированных кадров они должны были использоваться на приисках и рудниках в качестве работников горного надзора и маркшейдеров[3].

Вместе с тем на наиболее перспективных участках геологические исследования иногда не прекращались даже с наступлением холодов[4]. Но при этом, в соответствии с приказами руководства, необходимо было не допустить их значительного удорожания[5]. ния[5]. Заметно ужесточились требования к качеству проводимых геологоразведочной службой работ. Так летом 1942 г. геологи предупреждались о привлечении к «суду военного трибунала» в случаях завышения категорийности грунтов и тому подобных злоупотреблений[6].

Для повышения качества и эффективности проведения геологических, разведочных и топогеодезических работ при Геологоразведочном управлении Дальстроя в июне 1942 г. был организован научно-технический совет[7]. Его председателем данного совета та был назначен В. А. Цареградский, а его членами – многие выдающиеся геологи Дальстроя: Е. Т. Шаталов, Е. Я. Ляски, С. В. Левченко, В. А. Титов, П. М. Шумилов, Л. Н. Келль, В. Т. Матвиенко, М. И. Рохлин, Ю. Н. Трушков, В. Д. Алявдин, А. Б. Каминский, И. В. Демин.

В связи с резким ограничением снабжения основными видами ресурсов после начала войны Дальстрой стал испытывать острую нехватку некоторых важных материалов. К концу 1942 г. на геологоразведочных работах серьезно не хватало взрывчатки[8]. Для россыпных разведок в ноябре и декабре 1942 г. приказывалось выделить только 40% от нормативной потребности, остальные 60% шурфов должны были быть пройдены другими способами. В 1943 г. в целях экономии взрывчатых веществ, про-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 79, Л.156.
[2] Д. 79, Л. 143; Д. 97, Л. 61; Д. 101, Л. 79, 97, 186.
[3] Там же. Д. 85, Л. 33.
[4] Там же. Д. 89, Л. 41, 42-42об; Д. 90, Л. 98-99, 149-152; Д. 94, Л. 48.
[5] Там же. Д. 89, Л. 129-121.
[6] Там же. Д. 87, Л. 57.
[7] Там же. Д. 87, Л. 143.
[8] Там же. Д. 94, Л. 125.

ходку шурфов приказывалось проводить такими методами как пожоги, парооттайка и паро-огневая оттайка (для чего планировалось изготовить 290 паро-огневых печей)[1].

Однако, несмотря на все трудности с 1943 г. деятельность геологоразведочной службы Дальстроя заметно активизировалась. Геолого-поисковые работы развернулись в районах рек Урак, Охота, Кухтуй, Ульбея[2]. Геолог В. И. Скаржинский открыл рудное месторождение кобальта, названное Каньонским (отдельные рудопроявления кобальта геологи находили и ранее, но именно Каньонское оказалось промышленно перспективным)[3].

В 1944 г. расширение исследуемых площадей продолжилось. Для изучения побережья Охотского моря было организовано Охотское райГРУ[4], для проведения разведок в долине р. Омчак - Омчакский разведрайон[5]. В целях усиления разведочных работ в бассейне р. Индигирки был создан Нижне-Эльгинский разведрайон с задачей быстрейшей детализации площадей двух открываемых приисков «Маршальский» и «им. Покрышкина»[6]. В целом план разведок 1943 г. был перевыполнен и по золоту, и по олову[7].

В декабре 1944 г. состоялась вторая конференция геологов Дальстроя, посвященная преимущественно проблемам поисков и разведки золоторудных месторождений. С докладами выступили ведущие геологи Геологоразведочного управления А. К. Болдырев, П. И. Скорняков, А. П. Васьковский, В. А. Цареградский, Н. А. Шило и др.[8]

В тяжелейших условиях военного времени многие технико-экономические показатели работы геологоразведочной службы Дальстроя сократились (см. таблицу 12).

Таблица 12

Основные технико-экономические показатели геологоразведочной службы Дальстроя в 1941-1944 гг.[9]

	1941	1942	1943	1944
капитальные вложения на геологоразведочные работы (млн. руб.)	153	100	104	118
в том числе:				
на золото	62	32	43	59
на олово	69	52	45	39
геологоразведочные и геолого-поисковые партии	139	84	116	110
россыпная разведка (шурфовка) тыс. м	365,9	235,9	179,0	179,3

[1] Там же. Д. 90, Л. 102.
[2] Там же. 99, Л. 33.
[3] Левченко С. В., Мозесон Д. П. Золотая Колыма. - М., 1963. - С. 77.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 115, Л. 61.
[5] Там же. Д.116, Л. 70-70об.
[6] Там же. Д. 117, Л. 14.
[7] Д. 112, Л. 27.
[8] Цопанов О. Х. Геологическая служба Северо-Востока СССР // Колыма. – 1978. - № 7-8. – С. 14.
[9] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д.4, Л. 1-1об.

рудная разведка (подземные выработки) тыс. $м^3$	16,2	13,2	16,4	15,8
буровые станки	19	26	29	31

Из приведенных данных следует, что в 1942 и 1943 гг., заметно сократилось финансирование и объемы выполненных разведочных работ, снизилось и количество геологических партий. Особого внимания заслуживает тот факт, что в 1941-1943 гг. капитальные вложения на разведку оловянных месторождений превышали затраты на разведку золота. Объемы россыпных разведок (шурфовки) в 1943 и 1944 гг. по сравнению с 1941 г. сократились вдвое. Динамика объемов рудных разведок была более стабильна, и на данном направлении были предприняты все усилия для сохранения объемов уровня 1941 г. Это обстоятельство вновь главным образом связано с оловом, поскольку основное количество данного металла Дальстрой получал именно из рудных месторождений.

В итоге напряженной работы геологоразведочной службы Дальстроя только за за 1941-1944 гг. было выявлено не менее 150 новых россыпных месторождений золота (из них 80 сдано в эксплуатацию), 12 новых оловорудных месторождений (6 сдано в эксплуатацию), 3 вольфрамовых и 2 кобальтовых месторождения[1]. При картировании исследуемых районов в более широких масштабах стала применяться аэрофотосъемка, что существенно повышало производительность труда геологов[2]. Основными районами ми геологических исследований в 1941-1945 гг. являлись Тенькинский, Индигирский и Омсукчанский. Темпы и объемы геологических исследований таких удаленных районов, как Чаун-Чукотский и Янский, заметно сократились.

В целях поощрения самоотверженной работы, вольнонаемные и заключенные первооткрыватели Дальстроя премировались на протяжении всего военного периода[3]. Так, например, за открытие промышленных месторождений по правым притокам р. Омчак ключам Наталкин, Павлик, Глухарь и др., было выделено 200 тыс. руб. Размер премий вольнонаемных первооткрывателей составил от 15 до 35 тыс. руб. на человека, наиболее отличившихся заключенных - от 2 до 6 тыс. руб. (в отношении последних возбуждались ходатайства о досрочном освобождении)[4].

Государство высоко оценило вклад геологов Дальстроя. За годы войны семь геологов были награждены орденами Ленина, 20 геологов – орденами Трудового Крас-

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д.167, Л. 7-8.

[2] Нефедова С. П., Бубнис Г. К. Хроника геологического изучения Северо-Востока СССР // Колыма. – 1978. - № 7-8. - С. 18-19.

[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 87, Л. 58-58об; Д. 90, Л. 50-51; Д. 99, Л. 277-277об; Д. 117, Л. 67-72, 260-262, 262, 276; Д. 126, Л. 224-226.

[4] Д. 87, Л. 58-58об

ного Знамени, 26 – орденами «Знак Почета», геологи А. П. Васьковский, Б. Ш. Локшин, В. А. Цареградский, Е. Т. Шаталов были награждены орденами Красной Звезды. Необоснованно репрессированные доктор геолого-минералогических наук профессор А.К. Болдырев, научный сотрудник Е. К. Устиев (впоследствии доктор наук, профессор) были досрочно освобождены и удостоены государственных наград. Начальнику ГРУ Дальстроя В. А. Цареградскому в начале 1944 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В феврале 1946 г. 10 геологов Дальстроя стали лауреатами Сталинской премии I категории[1].

§2. Динамика добычи золота и олова в годы войны

1. Организационная структура горнодобывающей промышленности

Для организационной структуры горнодобывающей промышленности Дальстроя в военный период были характерны довольно резкие изменения, что связывалось, прежде всего, с необходимостью быстрейшего ввода в эксплуатацию новых наиболее перспективных объектов, а с другой - с ликвидацией (или консервацией) удаленных или малоэффективных предприятий и месторождений (см. таблицу 13).

Таблица 13

Горнодобывающие предприятия Дальстроя в 1941-1944 гг.[2]

	1941	1942	1943	1944
количество горнопромышленных управлений	8	9	9	8
золотодобывающие прииски	45	43	35	37
рудники	1	1	2	3
ЗИФ*	-	1	1	1
оловодобывающие прииски	9	9	1	1
рудники	8	10	10	8
обогатительные фабрики	10	11	13	11

*) ЗИФ – золотоизвлекательная фабрика

В 1941 г. на базе Чаун-Чукотского районного геологоразведочного управления был создан Чаун-Чукотский горнопромышленный комбинат (ЧЧГПК)[3], а в июле 1942 г. - Чаун-Чукотское горнопромышленное управление (ЧЧГПУ)[4].

В сентябре 1944 г. для освоения золотоносных месторождений бассейна р. Индигирки было организовано Индигирское горнопромышленное управление (ИГПУ)[5]. По данным на ноябрь 1944 г. в состав Индигирского управления входило 7 приисков

[1] Вспомним всех поименно. Память. – Магадан, 1996. - Кн. 2. - С. 34-35.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 17.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 78, Л. 86-87.
[4] Там же. Д. 88, Л. 157.
[5] Там же. Д. 116, Л. 50.

«Победа», «Индигирский», «Панфиловский», «Тирехтях» (бывший «им. Захаренко»), «Ольчан», «Маршальский» и «им. Покрышкина»[1].

Однако еще в январе 1944 г. «в связи с малыми объемами добычи металла» было ликвидировано Южное горнопромышленное управление. Часть объектов ЮГПУ была распределена по другим управлениям, а часть законсервирована[2].

Согласно изученным архивным данным, за годы войны было закрыто или законсервировано не менее 8 рудников (преимущественно оловянных), 10 приисков и 2 обогатительные фабрики. При этом только во второй половине 1942 г. в общей сложности прекратили свою работу не менее 12 объектов горнодобывающей промышленности Дальстроя[3]. Другой важной формой экономии ресурсов стало слияние горнопромышленных объектов (например, в том же 1942 г. шесть приисков было объединено в три[4]).

Вместе с тем, несмотря на сложную обстановку, в годы войны в Дальстрое открывались новые предприятия, и в первую очередь - на самых перспективных месторождениях. Создаваемым приискам и рудникам в зависимости от объемов переработки горной массы и количества получаемого при этом металла, устанавливалась соответствующая категория. В целом до мая 1945 г. было организовано не менее 7 рудников, 15 приисков и 1 золотоизвлекательная фабрика[5]. Новые объекты золотодобычи открывались, главным образом, в Тенькинском и Индигирском районах деятельности Дальстроя[6].

В организационной структуре горнопромышленных управлений в военный период сохранялась многопрофильность. В их состав, кроме собственно рудников, приисков и обогатительных фабрик, входили электростанции[7], автотранспортные базы, ремонтно-механические предприятия, подсобно-вспомогательные, сельскохозяйственные и лагерные подразделения.

2. Динамика развития золотодобычи

[1] Д. 117, Л. 113.

[2] Так же. Д. 112, Л. 83-84.

[3] Там же. Д. 79, Л. 232; Д. 87, Л. 48, 176; Д. 88, Л. 11, 35; Д. 89, Л. 77, 95, 99, 156-160; Д. 98, Л. 17; Д. 101, Л. 105; Д. 112, Л. 215; Д. 117, Л. 193; Д. 126, Л. 130.

[4] Там же. Д. 87, Л. 144; Д. 89, Л. 156-160.

[5] Д. 82, Л. 61; Д. 85, Л. 25; Д. 87, Л. 74; Д. 88, Л. 11, 19; Д. 89, Л. 19, Л. 156-160; Д. 91, Л. 123; Д. 101, Л. 23, 137-138; Д. 102, Л. 101; Д. 113, Л. 90-91; Д. 116, Л. 47, 180; Д. 117, Л. 135, 175; Д. 125, Л. 165, 192; Д. 1062, Л. 88.

[6] Согласно докладу начальника ГУСДС И. Ф. Никишова «Дальстрой за годы Великой Отечественной войны», только за три года войны (июнь 1941 г. – июнь 1944 г.) в эксплуатацию было введено 17 новых приисков (которые добыли около 90 т золота), построено 13 новых обогатительных фабрик, и вместе с тем ликвидировано 1 горнопромышленное управление и 21 прииск (См.: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 167).

[7] Так например с 26 июня 1941 г. Тасканская паротурбинная электростанция (ТЭС-3) мощностью 3 тыс. квт была включена в число действующих предприятий СГПУ (см.: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 78, Л. 50).

С первых дней Великой Отечественной войны руководство Дальстроя через средства массовой информации и приказы по ГУСДС провело максимальную мобилизацию всех сил для выполнение государственного плана добычи золота и олова. Перевыполнение плана добычи металлов имело своей целью «укрепление обороны Родины». Трудовой фронт в суровых северных условиях также был очень важен для «полного и беспощадного разгрома врага[1].

В этой связи с 22 июня по 1 августа 1941 г. по всему Дальстрою было объявлено «развернутое социалистическое соревнование»[2]. Для лучших, приисков, рудников, обогатительных фабрик, горнопромышленных управлений и лагерных пунктов были учреждены соответствующие премии. Одновременно ужесточились требования к соблюдению трудовой дисциплины. Опоздание на работу, а тем более прогул расценивались как контрреволюционный саботаж и карались весьма сурово[3].

Однако еще с предвоенных лет Дальстрой был принципиально готов к работе в экстремальных условиях при мобилизации всех сил и средств. Поэтому даже с началом боевых действий на объектах горнодобывающей промышленности эксплуатационные работы велись в интенсивном режиме, и никаких существенных сбоев заметно не было. Как и ранее, за счет внутренних резервов золотодобывающих управлений и других подразделений Дальстроя для основного производства дополнительно изыскивались тысячи рабочих[4].

Нам представляется важным особо отметить патриотический подъем, который затронул почти всех работников Дальстроя в независимости от того, по какую сторону колючей проволоки они находились. В главном печатном органе Дальстроя – «Советской Колыме» - из номера в номер публиковались сообщения о горняках, ремонтниках, бурильщиках, выполнявших свои производственные нормы более чем на 200-300%[5]. Однако необходимо контатироать и следующее положение. Многие заключенные, прежде всего – уголовники, с началом войны связывали надежды на освобождение. «Придет Гитлер и всех нас осовобит» – это суждение часто встречалось в лагерных зонах.

С началом боевых действий руководство Дальстроя вынуждено было перейти к жесткой экономии практически всех видов ресурсов, особенно продовольствия, материалов и горючего. С 23 июня 1941 г. были введены ограниченные нормы расходования бензина для грузовых машин горных управлений. Все легковые машины Дальстроя

---

[1] Д. 78, Л. 207-208.
[2] Там же. Д. 78, Л. 255.
[3] Вспомним всех поименно. Память. – Магадан, 1996. - Кн. 2. - С. 33.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 78, Л. 42-43, 238-239.
[5] См.: Вспомним всех поименно. Память. – Магадан, 1996. – Кн. 2. - С. 48-50.

было приказано поставить на консервацию[1]. Жесткий лимит был установлен на расходование взрывчатых веществ[2].

В конце июля 1941 г. всем горнопромышленным управлениям была поставлена задача снизить свои производственные затраты на 107,9 млн. руб. При этом 48,1 млн. руб. (т.е. 44,6% от всей суммы) предполагалось сэкономить по фонду заработной платы, 31,4 млн. руб. (29,1%) – за счет экономии на содержании заключенных, 28,4 млн. – за счет экономии в расходовании электроэнергии, материалов, топлива, на эксплутационную разведку и т.п.[3] Одновременно все управления и хозяйства были проинформированы о том, что нарушение финансовой дисциплины в условиях военного времени будет рассматриваться «как тяжкое преступление перед нашей Родиной»[4].

Кроме этого НКВД СССР развернуло широкомасштабную кампанию по переводу грузовых автомобилей всех своих тыловых хозяйств с жидкого на твердое топливо (т.е. преимущественно на дрова)[5]. В течение 1942-1943 гг. на газогенераторные установки было переведено около 40% всего автопарка Колымы. Опыт Дальстроя в этом направлении был использован всей страной[6].

Отсутствие в военный период возможности постоянного пополнения заключенными и заметное снижением среднего содержания золота в месторождениях (в 1941-1944 гг. оно снизилось почти на треть по сравнению с 1938-1940 гг.)[7] обуславливали необходимость более масштабной механизации горных работ. Основным орудием механизации вскрышных и перевалочных работ был признан экскаватор[8]. Экскаваторы стали широко применяться на добыче золотоносных песков, что позволило подавать пески непосредственно к промприбору и существенно увеличить производительность труда на золотодобычных работах, тогда как раньше эти машины использовались преимущетсвенно на перевалке торфов[9].

Своевременному ремонту и выполнению планов экскаваторных работ каждым прииском со стороны вышестоящих инстанций уделялось особое внимание[1]. Простои свыше двух часов расценивались как чрезвычайное происшествие, при этом должны были составляться аварийные акты с указанием виновных лиц. Часто за поломки (аварии) экскаваторов возбуждались уголовные дела, которые передавались в следственные

---

[1] Д. 78, Л. 240-245.
[2] Там же. Д. 98, Л. 123-124.
[3] Д. 78, Л. 21.
[4] Д. 78, Л. 24.
[5] Там же. Д. 96, Л. 18-19.
[6] Ушаков В. А. Газогенераторный транспорт Колымы. // Колыма. – 1981. - № 1. – С. 37.
[7] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4.
[8] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 78, Л.51.
[9] Кузнецов И. К. Техника на горных предприятиях Магаданской области. – Магадан, 1955. - С. 25.

органы[2]. Вместе с тем, передовым экскаваторщикам Дальстроя, перевыполнявшим свои нормы выработки, присваивались почетные звания[3].

Для механизации процесса добычи подземных песков довольно успешно применялись буровые станки «Кийстон» и «Эмпайр»[4], развивалось применение бурильных станков с электросверлами[5]. Руководство Дальстроя стремилось полностью перевести на электрическое бурение подземных песков целые прииски и отдельные участки[6]. Одновременно на приисках строились комплексные механизированные шахты[7], число которых в 1942 г. составило 11, а в 1943 г. увеличилось до 28.

В годы войны на период летнего промывочного сезона, как и в довоенный период, отменялись выходные дни[8]. Для вольнонаемных рабочих отрасли было разрешено вводить сверхурочные работы продолжительностью до трех часов в смену[9]. Начальник Дальстроя И. Ф. Никишов в целях усиления темпов золотодобычных работ периодически лично инспектировал наиболее важные прииски и управления[10].

В самые критические моменты промывочного сезона в горнопромышленные управления для помощи приискам командировались наделенные довольно значительными полномочиями работники Главного и Политического управлений Дальстроя[11]. Для сокращения отставания от графика выполнения государственного плана широко использовались месячники и декадники ударной работы[12]. Так, в июле 1941 г. ни одно из золотодобывающих управлений Дальстроя не справилось с месячным планом. В этой связи И. Ф. Никишов, находившийся в то время в приисковых районах, приказал увеличить объемы промывки песков на 7-15%% и объявил август 1941 г. «месячником обороны», когда «горняки Дальстроя на фронте труда на деле могут и обязаны доказать свой патриотизм, свою преданность Родине в разгроме фашистских банд, напавших на социалистическую страну Советов»[13]. Для помощи приискам в горные управления было приказано мобилизовать 9400 чел. (в основном с автобаз и предприятий г. Магадана). За вольнонаемными работниками, командированными в горные управления, со-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 84, Л. 168-169 и мн. др.
[2] Там же. Д. 113, Л. 122-123 и др.
[3] Там же. Д. 78, Л. 53 и др.
[4] Там же. Д. 90, Л. 74-75.
[5] Там же. Д. 91, Л. 223, 255-263.
[6] Там же. Д. 90, Л. 115.
[7] Вспомнить всех поименно. Память. – Магадан, 1996. - Кн. 2. - С. 36.
[8] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 78, Л.132.
[9] Там же. Л. 26.
[10] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 78, Л.120; Д. 99, Л. 98.
[11] Там же. Д. 88, Л. 121.
[12] Там же. Д. 78, Л.42; Д. 88, Л. 127; Д. 115, Л. 57-59.
[13] Д. 78, Л. 42.

хранялся средний заработок по основному месту работу, и дополнительно к этому выплачивались командировочные от 5 до 13 руб. в день[1].

С приближением холодов в 1941 г. начальникам горнопромышленных управлений было приказано, не ослабляя темпов ведения горных работ, одновременно проводить ремонтные и горно-подготовительные работы к осенне-зимней промывке. Добычу золотоносных песков планировалось вести взрывными работами, складируя все хвосты от зимней промывки в специальные отвалы. Особая роль отводилась лотошной промывке (в четвертом квартале 1941 г. от нее предполагалось получить 65% золота)[2]. В целях максимального извлечения золота руководство Дальстроя постоянно требовало промывать наиболее богатые площади месторождений[3].

К концу сентября 1941 г. первые семь золотодобывающих приисков Дальстроя добились перевыполнения своего годового задания («Геологический», «Токай», «Нечаянный», «Ударник», «Партизан», «Стахановец», «Скрытый»). Передовым коллективам этих предприятий было выделено по 25 тыс. руб. для премирования особо отличившихся работников и лучших бригад, а также в качестве премии выдавались «хорошие библиотеки политической, военной и художественной литературы» стоимостью до 10 тыс. руб.[4]

Однако ход золотодобычных работ не приостанавливался даже теми предприятиями, которые выполнили свои планы. На октябрь 1941 г. была установлена особая суточная норма намыва золота на каждого работника прииска Дальстроя «вне зависимости от занимаемой должности и выполняемой работы» (по Северному управлению – 4 г, Западному – 5, Чай-Урьинскому – 8, Южному – 3, Тенькинскому – 5 г)[5].

Результатом золотодобычных работ Дальстроя в 1941 г. стало 75,8 т золота в пересчете на химически чистый металл[6]. И хотя это было на 4,2 т (или 5,25%) золота меньше, чем в предыдущем 1940 г., учитывая все трудности в которых оказался Дальстрой, этот результат, безусловно, являлся успешным.

Следующие два военных года - 1942 и 1943, оказались наиболее трудными для Дальстроя. В соответствии с установившейся традицией в начале каждого года определялась категорийность предприятий горнодобывающей промышленности Дальстроя. Всего на 1942 г. было утверждено 50 приисков, 8 рудников и 7 фабрик (и золотодобы-

[1] Д. 78, Л. 31.
[2] Там же. Д. 79, Л. 62-63.
[3] Там же. Д. 79, Л.16 и мн. др.
[4] Д. 79, Л. 20-21.
[5] Д. 79, Л. 16.
[6] ссД. 8, Л. 6.

вающих и оловодобывающих вместе)[1]. При этом золотодобывающие прииски «Штурмовой», «Мальдяк», «им. Чкалова», «Большевик», «Чай-Урья» и оловянный рудник «Бутугычаг» определялись как внекатегорийные и являлись самыми крупными горнодобывающими предприятиями Дальстроя на то время.

Для обеспечения нормальной работы горнопромышленных предприятий особую роль играло своевременное снабжение всеми необходимыми грузами. В этой связи уже в начале января 1942 г. руководством Дальстроя был утвержден план досрочного завоза грузов в горные управления объемом в 8820 т. При этом предполагалось завезти 3520 т продовольствия, 3165 т нефтепродуктов, 1080 т фуража, 555 т взрывчатых веществ и 500 т техники[2].

Весна 1942 г. с точки зрения погодных условий оказалась неожиданно благоприятной для форсирования горных работ. В конце марта 1942 г. началась лотошная промывка[3]. Золото, добываемое лотошниками на отработанных месторождениях, из «бортов» промприборов, из отвалов галей и эфелей оплачивалось по 3 руб. за 1 г[4]. А уже во второй половине апреля 1942 г. «в связи с серьезным потеплением» во всех горнопромышленных управлениях фактически были начаты массовые работы по промывке золота[5]. Руководство Дальстроя планировало не только выполнить план золотодобычи до наступления зимы, но и избежать высокозатратной осенне-зимней промывки[6].

Таким образом, промывочный сезон 1942 г. начался фактически на месяц раньше обычного, но во всем остальном он характеризовался проведением сложившегося и отработанного в предыдущие годы комплекса мероприятий. Вновь из различных не горных подразделений Дальстроя мобилизовывались дополнительные работники, лошади и т.д.[7] Горнопромышленным управлениям устанавливались производственные задания по вскрыше торфов, добычу и промывку песков (в т.ч. экскаваторами), нормы выработки на 10-часовую рабочую смену[8].

В мае 1942 г. были утверждены предельные лимиты количества рабочих в течение одной смены для промывочного прибора и его среднесуточная производительность. Для крупных шлюзовых промприборов – 25 чел. и 400 м^3 песков, для средних шлюзовых – 21 чел. и 300 м^3, для промприбора конструкции Шлендикова – 5 чел. и 80

[1] Д. 84, Л. 69.
[2] Д. 84, Л. 12.
[3] Д. 85, Л. 112.
[4] Д. 86, Л. 73.
[5] Тем не менее официальной датой начала массовой промывки 1942 г. руководством "Дальстроя" было объявлено 29 мая 1942 г. (см.: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 86, Л. 199-201).
[6] Д. 86, Л. 29.
[7] Д. 86, Л. 39; Д. 93, Л. 243.
[8] Д. 87, Л. 14.

м^3 (в начале и в завершении промывочного сезона предусматривалось 30-процентное снижение производительности промприбора)[1].

Также на время промывочного сезона в жесткой форме было приказано закрепить все эксплуатируемые механизмы (экскаваторы, локомобили, компрессоры, двигатели, насосы и т.д.) за обслуживающим их персоналом. Официально данное мероприятие мотивировалось необходимостью борьбы с авариями, внеплановыми ремонтами, простоями и т.п.[2] Таким образом становилось намного легче контролировать работу работника и механизма, устанавливать персональную ответственность в случае аварий, поощрять при высокопроизводительной работе.

Вскоре после приказа о прикреплении работников к механизмам, была введена единая система учета работы основного оборудования предприятий (посредством регулярного заполнения специальных карт учета работы мехинизмов)[3]. Планировалось тщательно отслеживать работу экскаваторов, промывочных приборов, компрессоров, механических дорожек, транспортеров, скреперов, терриконики, конвейеров и т.д.

В военный период особое внимание уделялось развитию золотодобывающих объектов очень перспективной Омчакской долины Тенькинского горнопромышленного управления. Эту долину называли еще «долиной трех маршалов», поскольку ведущими ее объектами были прииски «им. Ворошилова», «им. Тимошенко», «им. Буденного» (вступили в эксплуатацию во второй половине 1941 г.)[4]. В июне 1942 г. на Омчаке в целях более эффективного использования техники была создана районная экскаваторная станция (РЭКС)[5]. Во время промывочного сезона периодически приказывалось форсировать работу предприятий Омчакской долины[6].

В результате самоотверженной работы и высокого среднего содержания золота прииск «им. Буденного» ТГПУ досрочно выполнил свой годовой план уже 23 июля 1942 г.[7] Администрации прииска, начальникам участков и промприборов, стахановцам и всему вольнонаемному составу прииска от руководства Дальстроя выражалась благодарность. Благодарность была объявлена и заключенным (бригадирам и «двухсотникам»), руководство Дальстроя предписало представить список из 10 чел. к досрочному освобождению и 15 чел. к сокращению сроков наказания[8]. Аналогичные поощрения получил и прииск «им. Ворошилова», который выполнил свой годовой план в начале

---

[1] Д. 86, Л. 176-177.
[2] Там же. Д. 87, Л. 5-6.
[3] Д. 87, Л. 112.
[4] Д. 82, Л. 61.
[5] Д. 87, Л. 23-24.
[6] Д. 87, Л. 31-33 и др.
[7] Д. 88, Л. 166.
[8] Д. 88, Л. 165.

августа 1942 г.[1] В целом Тенькинское управление уже на 1 сентября 1942 г. досрочно выполнило годовой государственный план золотодобычи[2].

Работа других золотодобывающих управлений была менее впечатляющей, чем Тенькинского. В этой связи август 1942 г. был объявлен (как и годом ранее) месяцем «фронтовой работы»[3]. С предприятий г. Магадана и Управления автотранспорта дополнительно было мобилизовано еще 2,5 тыс. чел.[4], для помощи и контроля в горнопромышленные управления было откомандировано 30 работников главка[5]. В сентябре 1942 г. в целях безусловного перевыполнения государственного плана приказом начальника Дальстроя все ранее мобилизованные работники были оставлены на приисках. В случае ухода или выезда с прииска без специального указания или разрешения отдела кадров Дальстроя рабочего или служащего, временно командированного на основное производство, приказывалось привлекать к ответственности по указу Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г.[6]

Темпы ведения золотодобычных работ, поддерживаемые специальными приказами и мерами руководства Дальстроя, оставались весьма напряженными и с наступлением холодов. Постоянно подстегивалась добыча песков из шахт, требовалось полное выставление планового количества рабочей силы и максимально возможная механизация горных работ[7].

19 октября 1942 г. было объявлено о выполнении годового плана золотодобычи в целом по Дальстрою. В этой связи для вольнонаемного состава восстанавливался нормальный рабочий день (только на рудниках и обогатительных фабриках он оставался 10-часовым). Добровольное желание трудящихся работать сверх установленного рабочего времени, как проявление патриотических чувств, всячески поддерживалось, но эти часы оплате не подлежали[8]. Для лагерей, обслуживавших горну промышленность, с с 10 октября 1942 г. было установлено три выходных дня в месяц[9].

После выполнения годового плана золотодобычи (в 1942 г. Дальстрой добыл 74,4 т золота[10]), массовую промывку было приказано прекратить, и направить все усилия на вскрышу торфов, добычу песков и подготовку оборудования и механизмов в

[1] Д. 88, Л. 94.
[2] Д. 88, Л. 27-29.
[3] Д. 88, Л. 127.
[4] Д. 88, Л. 122-123.
[5] Д. 88, Л. 121.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 88, Л. 30.
[7] Д. 89, Л. 109-111.
[8] Д. 89, Л. 13.
[9] Д. Д. 89, Л. 100.
[10] сс Д. 4, Л. 4)

эксплуатации в 1943 г.[1] Также в связи с заметным увеличением себестоимости добывавшегося металла, золотодобывающим управлениям было приказано провести полную годовую инвентаризацию горных работ[2].

В 1943 г. среднесписочная численность работников, занятых на золотодобыче в Дальстрое снизилась более чем на 26 тыс. чел. по сравнению с 1941 г.[3]. При этом было очевидно, что серьезного пополнения ни заключенными, ни тем более вольнонаемными работниками не будет. Однако от начальников горнопромышленных управлений и приисков категорически требовалось не только выполнить, но и перевыполнить государственный план[4].

В том случае, если в работе горнопромышленных предприятий намечались срывы, немедленно принимались специальные меры. Так в августе 1943 г. Тенькинское горнопромышленное управление не смогло выполнить план ни по золоту, ни по олову. Поэтому руководство Дальстроя запретило выпускать бригады из забоя без выполнения плана[5]. Подобные методы достижения чрезвычайных целей, когда в экстремальных ных условиях технико-технологическое решение производственных проблем заменялось сверхэксплуатацией физических и духовных сил человека, были весьма характерны для мобилизационной модели экономики и управления.

Ударная, с полной самоотдачей работа всемерно поощрялась. Так, в течение июня-августа 1943 г. в порядке помощи на прииске «им. Горького» работало подразделение капитана Давыденко и части подполковника Топчиева. Шесть промывочных приборов, на которых они работали, досрочно выполнили, установленный для них план золотодобычи. В этой связи 14 чел. премировались месячным окладом, еще 39 получили благодарность. Кроме этого в распоряжение Топчиева было выделено 25 тыс. руб. как было указано «на культурные мероприятия»[6].

Однако в целом ход золотодобычных работ в 1943 г. не удовлетворял руководство Дальстроя. Поэтому с приближением холодов и началом осенне-зимней промывки, И. Ф. Никишов требовал не допустить невыполнения годового плана золотодобычи и принять все практические меры для форсирования работ. Всех рабочих и инженерно-технических работников, мобилизованных из г. Магадана, как и годом ранее, было приказано оставит на приисках вплоть до окончательного выполнения годового плана,

---

[1] Д. 89, Л. 12, 13; Д. 0, Л. 74-75.
[2] Д. 88, Л. 20-20об.
[3] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 11, Л. 5.
[4] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 98, Л. 140-141.
[5] Там же. Д. 100, Л. 87-88.
[6] Д. 100, Л. 124-125.

утвержденного Государственным Комитетом Обороны[1]. С 1 октября 1943 г. на золотодобывающих приисках и оловянных россыпях для вольнонаемного состава был установлен 9-часовой, а для заключенных – 10-часовой рабочий день. За каждый грамм золота, добытого сверх плана, было обещано давать деньги и махорку[2]. Для каждой бригады восьми крупнейших приисков Дальстроя с 8 октября по 20 ноября были установлены особые производственные задания (это было так сказать адресное воздействие). Лучшим бригадам после выполнения плана были обещаны ценные подарки и американские пальто за наличный расчет[3].

Однако и эти меры оказались недостаточными. В целях безусловного выполнения плана по Дальстрою на всех приисках в ноябре и декабре 1943 г. были отменены выходные дни. После выполнения плана было обещано предоставить отгулы за все выходные дни, во время которых продолжалась работа[4]. Безусловное ежесуточное выполнение оперативного плана золотодобычи требовалось даже от приисков, которые уже выполнили свою годовую программу, в противном случае руководителям производства грозила «строжайшая ответственность»[5].

Только 23 декабря 1943 г. официально было объявлено о «колоссальном успехе» – выполнении годового плана золотодобычи[6]. Действительно, в очень трудных условиях (хотя уже и начали поступать грузы из США по ленд-лизу) Дальстрой добыл в 1943 г. 70,1 т золота[7]. Коллективы золотодобывающих управлений в связи с выполнением годового плана получили премии. Так для Северного управления было выделено – 30 тыс. руб., Тенькинского – 40 тыс., Чай-Урьинского – 25 тыс. руб.[8]

1 и 2 января 1944 г. на всех приисках рабочим и служащиим был предоставлены выходные дни. Начальники приисков и лагерных подразделений должны были принять меры к обеспечению людей нормальным питанием, бытовыми условиями, культурным обслуживанием. Все кинотеатры, культбригады и кружки самодеятельности на эти дни приказывалось перебросить на прииски[9].

Затем вновь начинались обычные будни горнодобывающей промышленности – вскрыша торфов, горно-подготовительные работы, добыча подземных песков и т.д.[1] С января по март 1944 г. для заключенных основного производства был установлен 9-

[1] Д. 101, Л. 27, Л. 72.
[2] Д. 101, Л. 75-76.
[3] Д. 101, Л. 108-110.
[4] Д. 102, Л. 68.
[5] Д. 102, Л. 72, Л. 106 и др.
[6] Д. 102, Л. 201.
[7] ссД. 4, Л. 4.
[8] Д. 102, Л. 163, 165, 213.
[9] Д. 102, Л. 209.

часовой рабочий день и 4 выходных дня в месяц («лодырям» и «плохо работающим» – три дня)[2], с апреля их рабочий день увеличивался до 11 часов при трех выходных в месяц[3].

Перед началом летней массовой промывки для инженерно-технических работников и рабочих, систематически перевыполнявших свои задания на основном производстве, было введено дополнительное питание (в т.ч. хлебом, рыбой, мясом и даже выдачей спирта)[4].

Массовую промывку песков 1944 г. было приказано начать с 11 мая, выставляя при этом на основное производство не менее 50% списочного состава приисков[5]. На время массового промывочного сезона на приисках, рудниках и обогатительных фабриках для вольнонаемных был установлен 10-часовой, а для заключенных – 11-часовой, отменялись все выходные дни[6].

В июле 1944 г. ведущие прииски Чай-Урьинского и Тенькинского управлений не справлялись с установленными для них заданиями. Требуя безусловного выполнения плана, И. Ф. Никишов направил на наиболее отстающие прииски уполномоченных работников Главного управления, которые «прикреплялись» к начальникам приисков и были наделены весьма широкими полномочиями[7]. К середине сентября 1944 г., учитывая благоприятные погодные условия, руководство Дальстроя вновь потребовало мобилизовать все наличные средства и людские ресурсы на добычу металла, не останавливаясь даже перед сокращением работ на всех остальных направлениях[8]. Как и ранее, прииски, успешно выполнившие свои годовые задания раньше установленного срока, были обязаны продолжать работу. В 1944 г. от таких предприятий потребовали выполнить сверх плана еще не менее 11%[9].

Напряженная работа по добыче золота продолжалась вплоть до последних дней 1944 г., и 27 декабря руководство Дальстроя объявило о том, что несколькими днями ранее годовой план золотодобычи был завершен[10]. В 1944 г. Дальстрой дал стране 70,4 т благородного металла[11].

---

[1] Д. 112, Л. 37 и др.
[2] Д. 112, Л. 60.
[3] Д. 113, Л. 26.
[4] Д. 114, Л. 6-9.
[5] Д. 114, Л. 89.
[6] Д. 114, Л. 97.
[7] Д. 115, Л. 57-59.
[8] Д. 116, Л. 83.
[9] Д. 116, Л. 138-138об.
[10] Д. 117, Л. 246.
[11] ссД. 4, Л. 4.

В 1944 г. г. Магадан, золотодобывающие и другие объекты Дальстроя посетил вице-президент США Эдгар Генри Уоллес, которого очень впечатило уведнное на Колыме[1]. Конечно, Уоллесу показали все самое лучшее, а не лагерные зоны с десятками тысяч заключенных, добывавшими золото и олово преимущественно мускульным трудом.

На военный период приходится начало эксплуатации Дальстроем ряда рудных месторождений золота. В промышленных масштабах добыча рудного золота началась в 1942 г.[2] За 1942-1944 гг. в Дальстрое было добыто около 1 т рудного золота[3]. В 1944 г. на крупнейшем золоторудном месторождении Дальстроя «им. Матросова» планировалось строительство золотоизвлекательной фабрики (ЗИФ) мощностью 100 т/сут. с последующим увеличением объема переработки руды[4].

В 1944 – начале 1945 гг. значительное внимание уделялось вновь организованному Индигирскому горнопромышленному управлению. Для его быстрейшего развития выделялись трактора, автомашины, рабочие, обмундирование, горюче-смазочные материалы и т.п.[5] Индигирский район очень быстро становился весьма важным звеном золотодобывающей промышленности Дальстроя. При этом необходимо учитывать, что горное оборудование для ИГПУ поставлялось, главным образом, из других горных управлений[6]. Аналогичным образом складывалась ситуация с укомплектованием Индигирского управления рабочей силой из числа заключенных, которые в марте 1945 г. в количестве 1700 чел. были собраны фактически со всех золотодобывающих управлений Дальстроя[7]. В апреле 1945 г. в Индигирском управлении были начаты подготовительные мероприятия по строительству вольфрамового комбината на месторождении «Аляскитовый»[8].

В 1944-1945 гг. в Дальстрое на разработке россыпных месторождений золота и транспортировке песков к промывочному прибору производились испытания бульдозеров американского производства[9]. Успешное внедрение бульдозеров на самых тяжелых лых земляных работах однозначно показало, что будущее горнодобывающей промышленности за этими машинами.

---

[1] Уоллес Г. Э. Первые дни на земле Советской Азии // Краеведческие записки. – Магадан, 1992. – Вып. 18. – с. 102-109.
[2] Там же. Д. 1806, Л. 22.
[3] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4.
[4] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 117, Л. 77. Также о работе рудника «им. Матросова» ТГПУ см.: Варава Н. А. Первое десятилетие. // Колыма. – 2000. - №2. - С. 11-13.
[5] Там же. Д. 117, Л. 204-207 и др.
[6] Там же. Д. 124, Л. 8, 148-149 и др.
[7] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 125, Л. 115.
[8] Д. 125, Л. 255.
[9] Кузнецов И. К. Техника на горных предприятиях Магаданской области. – Магадан, 1955. - С. 26.

В военный период происходило снижение общего количества работников Дальстроя в целом и работников, занятых на золотодобыче в частности (см. таблицу 14).

Таблица 14

численность работников золотодобывающей отрасли Дальстроя в 1941-1944 гг.[1]

	1941	1942	1943	1944
численность работников Дальстроя (тыс. чел.)*	210,7	202,4	183,4	176,6
в том числе на золотодобыче	95,4	79,0	69,2	72,0
то же по составу:				
вольнонаемные	9,9	21,1	28,5	33,3
заключенные	85,5	57,9	40,7	38,7

*) и заключенных и вольнонаемных

Из приведенных данных следует, что в 1944 г. в целом по Дальстрою работало на 16,2% работников меньше, чем в 1941 г. На золотодобыче уменьшение работников было еще заметнее 24,5-27,5%%. Другой особенностью динамики численности работников на золотодобыче в годы войны стало последовательное увеличение удельного веса вольнонаемных работников. В 1944 г. они составили более 46% всех работников, занятых на данном направлении. Количество вольнонаемных работников увеличивалось, главным образом, за счет бывших заключенных, которые освобождались из лагерей, но не могли покинуть Дальстрой «до особого распоряжения».

На предприятиях Главзолота в связи с войной количество рабочих резко снизилось. Мужчины были мобилизованы на фронт. Так только на Алдане численность рабочих уменьшилась в 5 раз, а на отдельных приисках – в 10. Их места занимали женщины и подростки. В свободное от основной работы время, труженики тыла с членами семей тоже выходили на добычу золота[2].

Сопоставление данных фактического расхода основных видов ресурсов, необходимых для получения 1 кг химически чистого золота, добытого на основном производстве только за 1943 и 1944 гг. свидетельствует о значительном росте почти всех показателей. (см. таблицу 15). Потребность в жидком топливе увеличилась в 3,8 раза, взрывчатки - в 2 раза, расход детонаторов, бикфордова шнура и сжатого воздуха увеличился более чем на треть, расход электроэнергии - на 21%. Таким образом, потребность в основных видах ресурсах при весьма лимитированном их завозе росла, добывать золото с каждым годом становилось все труднее и затратнее.

Таблица 15

Расходование основных видов ресурсов на 1 кг химически чистого золота, добытого на основном производстве в Дальстрое в 1943-1944 гг.[3]

[1] Подсчитано по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4, Л. 52; Д. 11, Л. 5.

[2] Ломако П.Ф. Цветная металлургия в годы Великой Отечествегнной войны. – М.: Металлургия, 1985. – С. 133-134.

[3] ГАМО, ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4247, Л. 14об; Д. 4269, Л. 19.

основные виды ресурсов	ед. изм.	1943	1944
взрывчатые вещества	кг	70,2	140
детонаторы	шт.	51,4	79
бикфордов шнур	п/м*	61,0	99
лесоматериалы	$м^3$	1,7	1,4
дрова	$м^3$	4,3	4,6
уголь каменный	кг	853,1	850
жидкое топливо	кг	23,1	88
электроэнергия	Квч	434,5	551
сжатый воздух	тыс. $м^3$	1,9	2,9
отработано	человеко-дней	147,4	145,2

*) п/м – погонные метры

Анализ динамики основных технико-экономических показателей на золотодобыче в военный период показывает, что Дальстрой в основном справился с возложенной на него задачей и не допустил значительного снижения объемов добычи золота, добывая ежегодно не менее 70 т золота (см. таблицу 16). Для сравнения: показатели Главзолота в наиболее напряженные годы войны упали весьма значительно, – с 83,3 т в 1941 г. до 37,8 т в 1943 г. (т.е. на 45,4%)[1], тогда как у Дальстроя за этот же период с 75,8 до 70,1 т (т.е. только на 7,5%).

Таблица 16

Основные технико-экономические показатели золотодобычи Дальстроя в 1941-1944 гг.[2]

	1941	1942	1943	1944
объем переработки горной массы россыпных месторождений (млн. $м^3$) общий объем экскаваторных и бульдозерных работ (млн. $м^3$)	21,33 6,76	18,93 7,58	14,05 6,66	19,04 10,87
общий объем промывки песков промприборами (млн. $м^3$)	6,22	4,92	4,57	5,41
среднее содержание золота в песках, промываемых на промприборах	9,1	10,1	9,8	8,2
коммерческая себестоимость 1 г*	8-30	8-26	8-76	10-48
получено золота (т) в том числе рудного (т)	75,8 -	74,4 0,4	70,1 0,2	70,4 0,4

*) данные приводятся по химически чистому металлу

Из приведенных данных следует, что для получения 1 кг химически чистого золота в 1941-1944 гг. в среднем перерабатывалось 252,3 $м^3$ горной массы россыпных месторождений, на промприборах промывалось 72,65 $м^3$ золотосодержащих песков. Данные показатели ненамного превышали показатели периода 1938-1940 гг. (244,7 $м^3$ и 70,07 $м^3$ соответственно). Однако среднее содержание золота в месторождениях по Дальстрою за этот же период снизилось почти на треть (на 31,6%). К концу войны стала заметно увеличиваться и коммерческая себестоимость добываемого Дальстроем зо-

[1] Д. 3425, Л. 89.
[2] Таблица составлена нами по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4, 17; Д. 8, Л. 6-14.

лота, тогда как в 1941-1943 гг. этот показатель держался примерно на одном уровне. Также в годы войны весьма значительным оставался удельный вес лотошной промывки: в 1941 г. она составила 22,7% от всего добытого золота, в 1942 г. – 27,1%, в 1943 г. – 32,6%, в 1944 г. – 31,36%[1].

В военный период в Дальстрое, после событий 1939 г. о которых мы писали выше, ежегодно проводились мероприятия по подготовке горных предприятий к весенним[2] и августовским[3] паводкам. В ситуации ограниченного снабжения всемерно поощрялась механизация горных работ и экономия остродефицитных материалов. Был установлен жесткий лимит расходования взрывчатых веществ[4], горный надзор и взрывники премировались за экономию взрывчатки[5].

Особенно важная роль в механизации земляных работ отводилась экскаваторам. По горнопромышленным управлениям ежегодно утверждались объемы экскаваторных работ по вскрыше торфов и добычи песков, мероприятия по их ремонту и т.д.[6] В начале 1944 г. при Главном управлении Дальстроя для более тщательного контроля за работой экскаваторов, которых тогда действовало в Дальстрое свыше 100 единиц, был создан специальный экскаваторный отдел[7].

Как и ранее, в военное время ежегодно проводился комплекс мероприятий по ремонту горного и обогатительного оборудования[8]. Для каждого горного управления устанавливалось количество промывочных приборов на сезон, рассматривались вопросы комплектации их электрооборудованием и запчастями[9]. Много внимания уделялось обеспечению горнопромышленных объектов электроэнергией[10]. Данный вопрос был особенно актуален, т.к. целые прииски и отдельные участки переводились на электрическое бурение подземных песков[11]. Имели место случаи, когда аварии электролиний приводили к довольно длительным простоям приисков, как это было, например, в июне 1944 г. в Омчакской долине[12].

В целях интенсификации труда на горных работах были повышены нормы выработки на добыче подземных песков[13], вскрышу торфов в зимний период[1], на разра-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4194, Л. 8; Д. 4228, Л. 9; 4247, Л. 7; Д. 4269, Л. 9.
[2] Д. 97, Л. 158 и др.
[3] Д. 78, Л. 205 и др.
[4] Д. 98, Л. 123-124.
[5] Д. 89, Л. 30.
[6] Д. 102, Л. 122-128; Д. 116, Л. 103-112 и др.
[7] Д. 112, Д. 92.
[8] Д. 113, Л. 52-53 и др.
[9] Д. 113, Л. 48-49 и др.
[10] Д. 113, Л. 37-38 и др.
[11] Д. 90, Л. 115.
[12] Д. 114, Л. 213-214.
[13] Д. 101, Л. 155-171.

ботку россыпных месторождений открытыми работами в летних условиях[2] и т.д. Также весьма характерными чертами для работы горнодобывающей промышленности Дальстроя в военный период стало более раннее начало промывочного сезона (чему благоприятствовали погодные условия) и значительная роль лотошной промывки в общих объемах золотодобычи.

В целях экономии финансовых затрат периодически проводились мероприятия по сокращению расходов. Так, например, в четвертом квартале 1943 г. расходы лагеря было приказано сократить на 240 тыс. руб., цеховые и общезаводские расходы – на 8,2 млн. руб., административно-управленческие расходы отраслевых управлений Дальстроя – на 0,5 млн. руб., транспортно-складские расходы гостреста «Колымснаб» – на 2,0 млн. руб.[3]

3. Динамика развития оловодобычи

Другим, помимо извлечения золота, важнейшим направлением деятельности горнодобывающей промышленности Дальстроя являлась оловодобыча. В 1942 г., как было указано, было организовано новое Чаун-Чукотское оловодобывающее управление. Велись интенсивные работы по освоению и эксплуатации месторождений Омсукчанского района[4], предпринимались активные мероприятия по быстрейшему завершению строительства нескольких оловообогатительных фабрик[5], т.е. все возможные меры к увеличению добычи «второго металла». За работой оловодобывающих предприятий был установлен не менее жесткий контроль, чем за работой золотодобывающих[6].

Особенно успешно в военный период добыча олова развивалась на Чукотке. Еще в начале 1941 г. там заработали первые две шахты на Пыркакайском россыпном месторождении олова. В Иультинском разведочном районе одновременно с геологоразведочными работами велась попутная добыча металла[7]. В навигацию 1941 г. в Певек привезли большую группу заключенных, и вскоре для тех из них, кому предстояло работать на руднике «Валькумей», был построен лагерь. Затем был организован лагерный пункт на прииске «Пыркакай»[8].

---

[1] Д. 112, Л. 1-19.
[2] Д. 114, Л. 19-38.
[3] Д. 102, Л. 28-29.
[4] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 90, Л. 174.
[5] Там же. Д. 86, Л. 50; Д. 89, Л. 43.
[6] Там же. Д. 84, Л. 10-11; Д. 85, Л. 18, 23-24; Д. 90, Л. 63-64; Д. 99, Л. 144.
[7] Рощупкин Г. Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917 –1953 гг.). // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. – Магадан, 1971. - С. 33.
[8] История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М., 1989. – С. 204.

Согласно воспоминаниям Я. М. Терентьева, заключенные строившие прииск «Красноармейский» больше года вынуждены были жить в палатках, в том числе и в полярную ночь. Палатка была рассчитана на 25 спальных мест, тогда как жило в ней человек 50. Рабочий день был по 12 часов (с 7 утра до 7 вечера и с 7 вечера до 7 утра), поэтому одни спали, другие работали. В суровых природно-климатических условиях Чукотки все строительные работы - нарезка шахт с деревянными креплениями, транспортировка грунта на тачках производились заключенными вручную[1]. В 1941 г. Дальстрой добыл 3,2 тыс. т олова в концентрате, в т.ч. 2,4 тыс. т было получено из руд и 0,8 тыс. т из россыпей[2].

Важное значение для эффективной работы оловодобывающего комплекса Дальстроя имели оловообогатительные фабрики, на которых добытая порода доводилась до кондиционного состояния. В течение всего 1942 г. предпринимались самые активные меры по быстрейшему завершению строительства Днепровской, Куранах-Салинской и Кулинской оловообогатительных фабрик[3]. От строительства еще одной - Дарпирской фабрики пришлось отказаться «в связи с недостаточностью изыскательских данных»[4].

Работа оловодобывающей промышленности Дальстроя за счет трудовых усилий заключенных и вольнонаемных работников и богатого содержания на вновь открытых площадях, была высокоэффективна. Многие оловодобывающие предприятия выполняли годовые планы досрочно. Так по данным на 1 сентября 1942 г. Янское и Чаун-Чукотское управления уже выполнили свою годовую программу[5] и дальше работали уже на перевыполнение плана. Тогда же со своим заданием по оловодобычи справилось и Южное управление, хотя олово оно добывало попутно.

Передовые предприятия оловодобывающего комплекса Дальстроя поощрялись. Лучшим управлением в 1942 г. было признано Янское, которое и получило переходящее Красное Знамя и 30 тыс. руб. для премирования своих работников. Из отдельных предприятий в 1942 г. лучшим был признан рудник «Днепровский» Южного управления[6]. В 1942 г. Дальстрой добыл 3,6 тыс. т олова в концентрате (в т.ч. 2,4 тыс. т рудного го и 1,2 тыс. т россыпного)[7].

С 1943 г. ЧЧГПУ уверенно заняло ведущее место среди оловодобывающих управлений Дальстроя и намного их опередило. С каждым годом на Чукотке увеличи-

[1] Терентьев Я. М. Рождение прииска. // Краеведческие записки. – Магадан, 1992. – Вып. 18. – С. 88-91.
[2] ссД. 4, Л. 6.
[3] Д. 86, Л. 50; Д. 89, Л. 43 и др.
[4] Д. 86, Л. 178.
[5] Д. 88, Л. 27-29.
[6] Д. 91, Л. 19-20.
[7] ссД. 4, Л. 6.

валась добыча наиболее экономически выгодного россыпного олова, и к концу войны 99% всего россыпного олова Дальстроя добывалось в ЧЧГПУ[1].

В течение 1943 г. руководство Дальстроя периодически приказывало форсировать темпы добычи «второго металла» Колымы, улучшать условия транспортировки и хранения, добытых концентратов[2].

В июле 1943 г. в целях форсирования работы Хениканджинского оловодобывающего комбината Тенькинского управления его начальником и одновременно руководителем строительства был назначен майор государственной безопасности И. С. Тарасов[3]. Здесь мы вновь сталкиваемся с одним из интереснейших феноменов организации работ горнодобывающей промышленности Северо-Востока. Подобные назначения в целях жесткого административно-командного и почти военного управления производственными подразделениями имели место в Дальстрое и ранее. Причем часто получалось, что полуаремейская дисциплина, безоговорочное исполнение приказов начальства очень часто подменяли профессионализм квалифицированных специалистов.

В целом за 1943 г. Дальстрой добыл 3,9 тыс. т оловянного концентрата (в т.ч. 2,8 тыс. т из руд и 1,1 тыс. т из россыпей) [4]. Этот результат стал максимальным за все годы ды войны. При этом многие оловодобывающие предприятия и управления Дальстроя вновь выполняли свои годовые задания досрочно (например, Чаун-Чукотское управление выполнило годовой план еще в октябре 1943 г.) [5].

В 1944 г. количество добытого олова несколько снизилось и составило 3,7 тыс. т (в т.ч. рудного - 2,5 тыс. т и россыпного - 1,2 тыс. т)[6], хотя отдельные предприятия показали весьма выские результаты. Так на руднике «Валькумей». в 1944 г. было добыто 1200 т олова в концентрате - треть всего олова Дальстроя за этот год[7].

Кроме новых оловоносных месторождений Чукотки, Омсукчанского района и уже известных объектов Янского управления, в годы войны начались эксплуатационные работы на одном из крупнейших в СССР Эге-Хайском оловоносном месторождении Верхоянского района ЯАССР[1].

Сопоставление данных фактического расходования основных видов ресурсов для добычи 1 т олова в концентрате свидетельствует о заметном снижении их расходо-

---

[1] Рощупкин Г. Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917 –1953 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. – Магадан, 1971. - С. 47.
[2] Д. 101, Л. 147-149 и др.
[3] Д. 99, Л. 144.
[4] ссД. 4, Л. 6.
[5] Д. 101, Л. 181-182; Д. 102, Л. 163 и др.
[6] ссД. 4, Л. 6.
[7] Лугов С. Ф. Моя работа на Колыме и Чукотке. // Краеведческие записки. – Магадан, 1992. – Вып. 18. - С. 10.

вания в 1944 г. по сравнению с 1943 г. (см. таблицу 17). В частности в 1944 г. на 29% сократилось количество затраченных человеко-дней, на 26% - потребность в сжатом воздухе и электроэнергии, на 18% - в лесоматериалах, на 17% - в детонаторах, потребность во взрывчатых веществах осталась примерно на одном уровне. Таким образом, в отличие от золотодобычи, затраты на 1 т олова в концентрате в Дальстрое в конце войны не только не увеличивались, но даже снижались. Вероятнее всего данное обстоятельство было связано с высоким содержанием олова на разрабатывавшихся месторождениях.

Таблица 17

Расходование основных видов ресурсов на 1 т олова в концентрате в Дальстрое 1943-1944 г.[2]

основные виды ресурсов	ед. изм.	1943	1944
взрывчатые вещества	кг	134,7	134
детонаторы	шт.	226,2	187
бикфордов шнур	п/м	287,8	257
лесоматериалы	$м^3$	4,8	3,93
дрова	$м^3$	-	3,48
уголь каменный	т	-	0,32
жидкое топливо		-	118
электроэнергия	Квч	5069,0	3731
сжатый воздух	тыс. $м^3$	35,3	26,0
отработано	человеко-дней	563,0	398

Анализ оснонвных технико-экономических показателей оловодобычи в Дальстрое в 1941-1944 г., свидетельствует о том, что несмотря на заметное снижение объемов переработки горной массы - добыча олова Дальстроем в военный период поддерживалась на весьма высоком уровне и возрастала вплоть до 1943 г. (см. таблицу 18).

Таблица 18

Основные технико-экономические показатели оловодобычи Дальстроя в 1941-1944 гг.[1]

	1941	1942	1943	1944
списочный состав оловодобывающих управлений (чел.)*	34980	35672	32179	25490
объем переработки горной массы россыпных месторождений (млн. $м^3$)	1,95	1,09	0,48	1,03
общий объем экскаваторных и бульдозерных работ (млн. $м^3$)	0,43	0,23	0,28	0,83
объем работ на добыче рудного олова (млн. т)	0,34	0,42	0,48	0,34
общий объем промывки песков промприборами (млн. $м^3$)	0,73	0,45	0,17	0,23
добыто олова в концентрате (тыс. т)	3,2	3,6	3,9	3,7
в том числе рудного	2,4	2,4	2,8	2,5

*) и вольнонаемных и заключенных

[1] Мацуев Л. П. Олово Северо-Востока. // Колыма. – 1981. - № 1. – С. 30.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4247, Л. 21об; Д. 4269, Л. 35.

Из приведенных данных видно, что за 1941-1944 гг. было добыто 14,4 тыс. т олова в концентрате, т.е. в 5,45 раз больше, чем за предвоенные 1937-1940 гг. Такие высокие показатели добычи олова Дальстроем в военный период объясняются, прежде всего, отработкой наиболее богатых площадей оловоносных месторождений. На 1942-1944 гг. приходится максимум среднего содержания россыпного олова в горной массе. Так, в 1943 г. данный показатель составил 6581 г/м^3 на промывке открытых песков и 7275 г/м^3 на промывке подземных песков[2]. В 1941-1944 гг. в среднем 70% всего оловянного концентрата поступало от добычи рудного олова; чтобы получить 1 кг рудного олова в указанные годы, требовалось в среднем переработать 156 т руды[3].

По данным на лето 1943 г. оловянный концентрат из Дальстроя поставлялся заводу № 520 НАРКОМЦВЕТМЕТа СССР в г. Новосибирске[4]. Оловянные концентраты Дальстроя отгружались из порта Нагаево (г. Магадан), с пристани Юттях (Янское управление) и с Певека (Чаун-Чукотское управление)[5].

Помимо добычи золота и олова в рассматриваемый период, как следует из отчетных данных, в Дальстрое велась добыча вольфрама. За 1941-1944 гг. было получено 280 т трехокиси вольфрама[6].

4. Административная и кадровая политика в военный период

В военный период была ужесточена политика, проводимая руководством Дальстроя в отношении административно-технического звена горнодобывающей промышленности. Отставание от заданных плановых показателей (суточных, декадных, месячных) расценивалось как «развал работы», «дезорганизация производства», и, следовательно, невыполнение приказов начальника Дальстроя. По подобным формулировкам с занимаемых должностей снимались начальники горнопромышленных управлений[7] и приисков[8], главные инженеры горных предприятий[9].

Наиболее распространенной формой взыскания в военный период стали аресты (обычно с исполнением служебных обязанностей)[10] и строгие выговоры с предупреж-

---

[1] Таблица составлена нами по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 6, Л. 12-14, Л. 17; Д. 8, Л. 11-15.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 11, Л. 17.
[3] Там же. Д. 1958, Л. 159.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4247, Л. 26.
[5] Там же. Д. 99, Л. 136.
[6] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 8.
[7] Там же. Д. 78, Л.186.
[8] Там же. Д. 78, Л. 45, 191; Д. 99, Л. 145, 157, 168; Д. 102, Л. 201-204; Д. 125, Л. 261.
[9] Там же. Д. 78, Л. 45; Д. 79, Л. 162.
[10] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 79, Л.161, 170; Д. 88, Л. 49; Д. 91, Л. 187; Д. 99, Л. 96; Д. 113, Л. 56; Д. 115, Л. 77; Д. 116, Л. 138-138об.

дением о том, что если руководители производства «в ближайшие дни не выправят работу», то будут привлечены к уголовной ответственности[1].

В особых случаях работник мог быть подвергнут суду военного трибунала войск НКВД по Дальстрою. Уже в июле 1941 г. были сняты с работы и привлечены к уголовной ответственности начальник участка прииска «им. Чкалова» Кизимов (за невыполнение плана и плохую организацию работы) и экскаваторщик Петухов (за 147 ч. простоев в июне 1941 г.). В сентябре 1941 г. «за срыв трудовой дисциплины на участке, пьянство и бытовое разложение» был снят с работы и предан суду «Военного Трибунала» начальник участка прииска «Штурмовой» Черкашин[2].

С 1942 г. в целях «воспитательного» воздействия приговоры «Военного Трибунала Войск НКВД при Дальстрое о вынесении наказаний бывшим руководящим работникам стали объявляться особыми приказами по ГУСДС. Эти приказы должны были доводиться до всех начальников и инженеров приисков, рудников, шахт, участков, также они должны были печататься в газете «Советская Колыма».

В марте 1942 г. было сообщено о приговоре бывшим начальнику и главному инженеру прииска «Ветвистый» Р. И. Блюмкину и В. А. Брауну за «преступное отношение к своим служебным обязанностям», в результате чего на прииске было затоплено несколько шахт. Они были приговорены к двум годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях без поражения в правах[3].

Месяцем позже бывший начальник рудника «Бутугычаг» Сафронов за невыполнение плана добычи олова и перерасход 37 т машинного масла был приговорен к 4 годам ИТЛ[4]. В мае 1942 г. главного механика Северного управления и главных механиков приисков этого управления «Штурмовой», «Одинокий», «им. Водопьянова» и начальника экскаваторного парка прииска «им. Водопьянова» было приказано снять с работы и предать суду военного трибунала «за преступное и безответственное отношение к ремонту и эксплуатации экскаваторных парков Севера»[5].

Подобная жесткая административная политика продолжалась и в 1943-1944 гг.[6]

В целом за годы войны по минимальным подсчетам (на основе приказов начальника ГУСДС) было снято не менее двух начальников горнопромышленных управлений и один понижен в должности, снято не менее 12 начальников приисков и рудников, не-

---

[1] Там же. Д. 79, Л.161; Д. 88, Л. 60-61, 127-129; Д. 97, Л. 163-164 и др.
[2] Там же. Д. 79, Л.73.
[3] Там же. Д. 85, Л. 64-65.
[4] Там же. Д. 85, Л. 169-170.
[5] Д. 86, Л. 148-149.
[6] Д. 99, Л. 145, 163-164, 168, 197; Д. 102, Л 201-204; Д. 113, Л. 56; Д. 115, Л. 77; Д. 116, Л.138-139 об; Д. 117, Л. 152 и др.

сколько главных инженеров приисков. Десятки работников среднего административно-технического звена подверглись арестам продолжительностью от 5 до 15 суток, в еще более массовом порядке выносились выговоры и строгие выговоры. Жесткость принимаемых мер была в том числе санкционирована и Москвой. В частности Л. П. Берия была подписана директива о безоговорочном выполнении плана, в соответствии с которой руководство Дальстроя имело полномочия для применения самых суровых мер в целях достижения выполнения государственной программы добычи металлов[1].

Одной из самых актуальных проблем в военный период при отсутствии возможности пополнения с «материка» оставалась обеспеченность производства квалифицироваными кадрами. В условиях нехватки завербованных специалистов, которая была обострена войной, в 1941-1944 гг. Дальстрой продолжал интенсивную подготовка кадров на местах. Для горнодобывающей промышленности преимущественно готовили специальностов для эксплуатационных работ (горный надзор, начальники смен, участков и промприборов), механизации производственных процессов (машинисты газогенераторных и дизельных экскаваторов), геологоразведки (мастер разведочного бурения)[2]. Курсанты набирались в горнопромышленных управлениях в соответствии со специальными инструкциями. После окончания учебы они распределялись на работу, главным образом, обратно в свои управления[3].

Подготовка кадров велась как при Учебном комбинате Дальстроя в г. Магадане, так и в самих горнопромышленных управлениях. Только за первое полугодие 1942 г. разными формами технической учебы - курсами, семинарами и техминимумом было - охвачено более 5600 чел. При Учебном комбинате Дальстроя было подготовлено 595 чел.: из них начальников участков - 46, начальников смен и промывочных приборов - 135, машинистов экскаваторов - 93, машинистов дизелей - 52, водителей газогенераторных автомашин - 171, механиков газогенераторных автомашин - 18 и т.д.[4] В августе 1942 г. на начальников горнопромышленных управлений была возложена переподготовка водителей, трактористов и мотористов по 140-часовой программе с отрывом от производства[5].

В январе-августе 1943 г. Учебным комбинатом отдела кадров Главного управления Дальстроя было подготовлено 261 чел., в т.ч. для горной промышленности – 94 начальника участков и смен, 43 участковых механиков, 22 механика локомобильных

---

[1] О наличии данной директивы упоминается в приказе по "Дальстрою" №114 от 3 марта 1942 г. (см.: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 85, Л. 32).
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д, 84, Л. 146, Д. 85, Л. 125-126
[3] Там же. Д. 87, Л. 107.
[4] Там же. Д. 88, Л. 134-136.
[5] Там же. Д. 88, Л. 42.

электростанций, дополнительно к этому 22 инженера-обогатителя прошли переподготовку. В горнопромышленных управлениях за тот же период было подготовлено 432 горных мастера и 214 взрывников[1]. Также до конца 1943 г. было подготовлено еще не менее 58 прорабов буровзрывных работ и взрывников[2].

В дальнейшем формирование кадров горнодобывающей промышленности продолжилась по перечисленным специальностям[3]. В 1944-1945 гг. наряду с традиционно значительным количеством подготовки специалистов для эксплуатационных работ и обслуживания механизмов, заметно увеличилось число работников, подготавливавшихся для геологоразведочной и маркшейдерской служб Дальстроя[4], что также свидетельствовало о все более возраставшей необходимости интенсификации геологических исследований на Северо-Востоке к концу войны.

Важная роль отводилась повышению квалификации на местах, которая проводилась преимущественно посредством организации специализированных семинаров, зачастую без отрыва от производства[5]. В апреле 1945 г. для обеспечения четкой и безаварийной работы механизмов, для работников соответствующих предприятий был введен порядок обязательного прохождения техминимума со сдачей экзаменов[6].

§ 3. Социальная сфера Дальстроя в условиях военного времени

1. Вольнонаемные работники

Для выполнения государственного плана в чрезвычайных условиях военного времени руководству Дальстроя значительное внимание неизбежно приходилось уделять вопросам организации трудовой деятельности и быта различных социальных групп. И, прежде всего, самым многочисленным - заключенным и вольнонаемным работникам.

С сентября 1941 г. для вольнонаемного состава Дальстроя был установлен особый порядок снабжения основными продуктами питания по так называемым «заборным документам», выдававшимся по месту работы[7]. Этот порядок снабжения распространялся на все управления, предприятия и учреждения Дальстроя за исключением

---

[1] Д. 100, Л. 59-61.
[2] Д. 101, Л. 152; Д. 102, Л. 63-64.
[3] Там же. Д. 100, Л. 59-61; Д.. 112, Л. 22-24, 216; Д. 113, Л. 137-138, 153-154, 180-180об; Д. 114, Л. 79-79об, 104-105; Д. 115, Л. 11-12, 62-63; Д. 116, Л. 77, 122; Д. 117, Л. 67-68об; Д. 124, Л. 4, 71, 78, 96, 144; Д. 125, Л. 77, 121-121об; Д. 126, Л. 56, 63-63об., 91, 107.
[4] Д. 113, Л. 137-138, 153-154, 180-180об; Д. 116, Л. 77; Д. 124, Л. 78, 144; Д. 125, Л. 77, 121 об; Д. 126, Л. 56, 63об, 91.
[5] Д. 85, Л. 136 и др.
[6] Д. 125, Л. 253-254.
[7] Д. 79, Л. 144-151.

больниц, детских и санитарных учреждений, которые снабжались на особых условиях. Нормы отпуска хлеба и продовольственных товаров регулировало Главное управление Дальстроя по представлению гостреста «Колымснаб». Всего было установлено три формы заборных документов – на хлеб, в продуктовый магазин и в столовую.

Для обеспечения хлебом вольнонаемное население Дальстроя было разделено на 3 категории. Первая устанавливалась для рабочих, занятых на горных работах, дорожном строительстве. К ней же были отнесены водители грузовых автомашин Управления автотранспорта и горных управлений, портовые грузчики. Вторая категория включала в себя рабочих прочих отраслей и служащих. К третьей категории хлебного снабжения были отнесены иждивенцы и дети до 16-летнего возраста.

Для продуктового магазина было установлено 4 категории. Состав первых двух категорий соответствовал тем, которые были установлены для хлебного снабжения. Третья категория в продуктовом магазине устанавливалась для иждивенцев (не работающих взрослых членов семьи) и лиц, прикрепленных на обеденный рацион питания к столовой. Четвертая – для детей до 16-летнего возраста.

Пропуска (документы) в столовую устанавливались двух категорий. Первая категория для лиц, столовавшихся на полном рационе (т.е. завтрак, обед, ужин). Вторая – для тех, кто получал в день только один обед.

В каждой из форм заборных документов предусматривались два особых отрезных талона: прикрепительный и фондовый. Прикрепительный талон служил правом потребителя на вход в тот магазин (столовую) к которой он был прикреплен. Фондовый талон являлся для магазина (столовой) «единственным оправдательным документом» для получения соответствующих товарных фондов из отдела снабжения (торговой конторы, торготдела) по категориям прикрепленных. Все виды заборных документов должны были иметь соответствующий штамп магазина (столовой), заверяться подписью руководителя торговой организации и скрепляться печатью. В случае утери заборных документов их приказывалось не восстанавливать.

Хлеб должен был выдаваться только в соответствующий день, за минувшие дни его выдача запрещалась, то же относилось и к обедам. При получении хлеба, обедов и т.п. талон вырезался и при покупателе должен был опускаться в специальный ящик. Такие чрезвычайные меры руководство ГУСДС вынуждено было принять в условиях значительного ограничения продовольственного снабжения Дальстроя морским путем[1].

[1] Подр. см.: Исаков А. Н. История торговли на Северо-Востоке России (XVII-XX вв.). – Магадан: Кн. изд-во, 1994. – С. 154-175.

В связи со сложившейся обстановкой военного времени руководство Дальстроя предполагало сокращение производства и высвобождение определенного количества работников. В конце августа 1941 г. при увольнении работников из системы Дальстроя с выездом на «материк» предлагалось руководствоваться следующими положениями. Работникам, заключившим индивидуальные трудовые договоры и отработавшим договорный срок (36 мес.), должно было выплачиваться единовременное месячное пособие, компенсация за проработанное время, стоимость проезда на пароходе и по железной дороге пассажирским поездом до места прежнего жительства или найма. Работникам, не отработавшим договорного срока, при увольнении, дополнительно должно было выдаваться еще и двухнедельное выходное пособие. Бывшие заключенные, работавшие после освобождения в системе Дальстроя по вольному найму и уволенные по тем же причинам с выездом на «материк», должны были получить компенсацию за проработанное время, двухнедельное выходное пособие и стоимость проезда до места прежнего жительства (ареста)[1].

Вместе с тем в целях сохранения кадрового потенциала было запрещено сокращать и увольнять с работы молодых специалистов, прибывших для работы в Дальстрой «после окончания высших учебных заведений по приказам НКВД» (подобные случаи имели место)[2].

Также начальникам финансовых отделов и частей указывалось, что во всех случаях выплаты зарплаты, особенно при отступлении от установленных сроков, необходимо было обеспечивать первоочередную выплату низкооплачиваемым категориям трудящихся[3].

После начала войны к начальнику ГУСДС И. Ф. Никишову от работников Дальстроя ежедневно поступали десятки заявлений просьбой отправить их на фронт. В целях решения данного вопроса и обеспечения выполнения государственного плана по основному производству 18 мая 1942 г. был принят специальный приказ «Об увольнениях и фронте»[4]. Всем начальникам предприятий и управлений вменялось в обязанность разъяснять работникам, что если для Дальстроя в них имеется необходимость, то независимо от причины (т.е. желание поехать на фронт или по другим обстоятельствам), увольнение производиться не будет. Лиц, подавших заявление об отправке на фронт и «не нужных в Дальстрое», приказывалось увольнять по собственному желанию.

---

[1] Д. 81, Л. 274.
[2] Д. 82, Л. 31.
[3] Д. 82, Л. 90.
[4] Д. 86, Л. 203.

Свое дальнейшее развитие получил процесс жестокого контроля и учета руководящих кадров Дальстроя. В июне 1942 г. была утверждена номенклатура начальника ГУСДС НКВД СССР в количестве 1520 чел. и номенклатура начальников управлений 3550 чел. Все должности руководящих и инженерно-технических работников были замещены на 90% за небольшим исключением. В отдел кадров Главного управления Дальстроя приказывалось представлять «специальную отчетность» в соответствии с особо разработанными (и видимо засекреченными) формами о работе с руководящими кадрами[1]. В годы войны периодически проводился единовременный переучет вольнонаемных работников Дальстроя[2].

В марте 1943 г. в целях дальнейшего укрепления производственной дисциплины на вольнонаемный состав рабочих и служащих, работавших в ИТЛ НКВД СССР было распространено действие Указа ПВС СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». В этой связи начальникам предприятий и организаций Дальстроя было приказано подавать в прокуратуру материалы о рабочих и служащих, самовольно ушедших с предприятий. Подобные материалы должны были подаваться не позднее, чем на следующий день после установления факта самовольного ухода, и квалифицировались как дезертирство[3]. Также с марта 1943 г. всему вольнонаемному составу Дальстроя взамен паспортов было приказано выдавать специальные удостоверения, их выдачу планировалось закончить к 1 мая 1943 г.[4]

В поисках дополнительных средств для борьбы с агрессором руководство СССР обращалось, прежде всего, к внутренним источникам, в т.ч. и к льготам северян. В октябре и ноябре 1942 г. по Дальстрою объявлялось, что на основании Указа ПВС СССР от 1 октября 1942 г. были прекращены все дальнейшие начисления процентных надбавок к зарплате рабочим и служащим лагерей, строительств, колоний, предприятий и хозяйств НКВД. Другие льготы работников Крайнего Севера - удлиненные отпуска, единовременные пособия, оплата стоимости проезда и провоза багажа при увольнениях из Дальстроя, доплата разницы между полным окладом зарплаты и пособием по соцстрахованию при временной утрате работником трудоспособности также отменялись с 1 октября 1942 г.[1]

В годы войны, даже несмотря на поставки по ленд-лизу, в Дальстрое периодически возникали проблемы с продовольственным снабжением населения. Так в связи с

---

[1] Д. 87, Л. 49.
[2] Д. 91, Л. 210; Д. 97, Л. 88; Д. 124, Л. 98.
[3] Д. 97, Л. 50.
[4] Д. 97, Л. 61.

трудным положением с обеспечением населения хлебом с 10 мая 1944 г. было приказано ввести обязательную замену 100 г. установленной нормы хлеба галетами. В районах деятельности Западного, Северного, Тенькинского и Юго-Западного управлений в связи с недостатком овощей, устанавливалась увеличенная норма выдачи рыбы: вольнонаемным работникам основного производства 6-6,5 кг рыбы, остальным 5 кг и менее, заключенным - в горных управлениях - 6 кг, в прочих - 5,5 кг.[2]

Жилищно-бытовые условия вольнонаемного состава отрасли в военный период закономерно стали еще более дискомфортными, чем ранее. Об этом кроме всего прочего, свидетельствуют материалы специальных проверок Главного управления Дальстроя. Осенью 1942 г. в результате проверки прииска «им. Водопьянова» СГПУ была выявлена типичная для приисковых районов ситуация: дома не утеплены, значительная часть окон не застеклена, печи требовали ремонта, не была обеспечена своевременная доставка дров. Жилые помещения вольнонаемных работников вновь оказались совершенно неподготовлены к зиме. Руководству прииска было приказано немедленно принять все меры по улучшению жилищно-бытовых условий вольнонаемных работников - в противном случае могли последовать «суровые меры взыскания»[3]. Однако выполнение плана золотодобычи, куда уходили основные силы и средства, не давали возможности в полной мере позаботиться о нормальном быте трудящихся.

В начале ноября 1942 г. была проведена общая проверка готовности общежитий к зиме (общежития временного типа являлись основным местом жительства большинства работников всех отраслей Дальстроя). В результате оказалось, что не все общежития были обеспечены запасом топлива. Повторялась ситуация конца 1941 г., когда общежития рабочих из-за отсутствия запаса топлива не отапливались целыми днями и в помещениях было холодно[4]. Во многих общежитиях помещения освещались с помощью коптилок, что создавало кроме всего прочего весьма пожароопасное положение, лампочек не хватало. За санитарным состоянием общежитий никто не наблюдал, медицинские работники и администрация относились к этому вопросу формально, либо вообще не уделяли никакого внимания. Приготовление пищи в столовых надлежащим образом налажено не было. Руководство Дальстроя вынуждено было констатировать, что обеды «зачастую невкусные, однообразные и питательность их не высока»[1].

Кинообслуживание, особенно приисков, находившихся в стороне от трассы было редким и не регулярным, киносеансы подчас проводились в грязных, заплеванных и

---

[1] Д. 83, Л. 133-136; Д. 89, Л. 15.
[2] Д. 114, Л. 81.
[3] Там же. Д. 89, Л. 61.
[4] Д. 90, Л. 141.

захламленных, а зимою часто и в неотопленных помещениях. Корме этого не на всех предприятиях регулярно работали бани, прачечные и т.п.[2] В этой связи руководителям всех производственных и обслуживающих подразделений Дальстроя было приказано немедленно принять действенные меры по улучшению бытового положения трудящихся, устраняя прежде всего отмеченные выше недостатки. Для контроля и координации этого процесса организовывались комиссии под председательством заместителей начальников управлений. Тем не менее, несмотря на принимаемые меры, ситуация коренным образом не менялась. Полноценного культурно-бытового обслуживания населения не было создано и в довоенный период, поэтому в годы войны это было еще более затруднительно.

К весне 1945 г. в связи с очевидным завершением войны, положение вольнонаемных работников стало постепенно улучшаться. В соответствии с приказом по НКВД № 93 от 7 марта 1945 г. в Дальстрое в течение марта-апреля проводились мероприятия, связанные с повышением заработной платы рабочим, инженерно-техническим работникам и младшему обслуживающему персоналу[3]. В частности были приняты новые положения о премиальной оплате труда руководящих и инженерно-технических работников Дальстроя»[4], о прогрессивно-сдельной и премиальной оплате труда в горнопромышленных управлениях[5] и т.д. Также были утверждены повышенные должностные оклады руководящим работникам[6], введены в действие новые тарифные сетки оплаты труда[7] и т.д..

Руководство Дальстроя довольно широко пользовалось различными методами стимулирования труда вольнонаемных работников с целью перевыполнения плановых заданий. В военное время весьма действенным поощрением являлось увеличение норм питания ударникам производства (также оно применялось и в отношении заключенных работников). Особенно часто к этой мере обращались во время летнего промывочного сезона.

С апреля 1942 г. вольнонаемным рабочим, выполнявшим более 200% своей нормы выработки («двухсотникам») во всех управлениях и предприятиях Дальстроя было предоставлено право на дополнительное снабжение, которое производилось пу-

---

[1] Д. 90, Л. 141-142.
[2] Там же. Д. 90, Л. 141-142
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 123, Л. 14.
[4] Там же. Д. 125, Л. 111-114.
[5] Там же. Д. 125, Л. 275-280.
[6] Там же. Д. 125, Л. 117, 119.
[7] Там же. Д. 125, Л. 267-268.

тем продажи через торговую сеть дополнительного количества продуктов (сверх нормы по соответствующей категории снабжения)[1].

На период летнего промывочного сезона 1943 г. с 1 июня всем вольнонаемным рабочим, занятым непосредственно на добыче золота, и вольнонаемным рабочим прииска «Красноармейский» (Чукотка) приказывалось ежемесячно через торговую сеть отпускать дополнительное количество продовольствия[2].

С 1 мая по 31 декабря 1944 г. для рабочих, систематически перевыполнявших свои производственные нормы (от 125% и выше), и работавших непосредственно в забое было приказано ввести дополнительное горячее питание без зачета в норму продовольственных карточек[3]. С 24 апреля 1945 г. на золотоизвлекательных предприятиях в промывочный сезон также было приказано ввести систему поощрительного отпуска продовольствия[4].

Важным стимулом оставались и денежные поощрения. В систему вошла дифференциация денежных премий по различным категориям работников - руководящему звену, горному надзору, экскаваторщикам, бурильщикам, работникам промприборов, забоев и т.п.[5] Вольнонаемные работники также поощрялись промтоварами. Так в июле 1944 г. за высокие показатели в ходе золотодобычи Тенькинскому и Чай-Уринскому управлениям было приказано выделить по 750 тыс. руб., Северному и Западному управлениям по 500 тыс. руб. на премирование отличившихся работников промтоварами[6].

К другим мерам поощрения можно отнести присвоение социально значимых званий, вынесение благодарностей и т.п. Так в годы войны за высокие трудовые достижения присваивалось звание мастера высокой производительности труда[7]. Подобным образом отмечались и целые коллективы, например присваивалось звание «лучшей экскаваторной бригады Дальстроя» и т.п.[8]

2. Заключенные работники

В 1941-1945 гг. широкомасштабное использование труда заключенных попрежнему оставалось одним из основных инструментов выполнения государственного плана золото и оловодобычи. С началом войны военизированная охрана лагерей Даль-

[1] Д. 86, Л. 23.
[2] Д. 98, Л. 243.
[3] Д. 114, Л. 6-9.
[4] Д. 126, Л. 3-5.
[5] Д. 114, Л. 183-188; Д. 126, Л. 6, 57 и др.
[6] Д. 115, Л. 149-151
[7] Д. 87, Л. 11 -13, Д. 88, Л. 150-152, Д. 88, Л. 49, Д. 89, Л. 102, Д. 89, Л. 56-58, Д. 90, Л. 153-155, Д. 91, Л. 7-8; Д. 100, Л. 153-154, Д. 102, Л. 16-19 и т.д.
[8] Д. 100, Л. 164-165.

строя была переведена на военное положение. Почти все заключенные были взяты под вооруженный конвой[1]. В июле 1941 г. был установлен порядок, по которому каждая бригада заключенных ежедневно должна была полностью выполнять суточные нормы, ответственность за это возлагалась персонально на бригадира. При невыполнении бригадой суточной нормы ее дозволялось задерживать на 1-2 часа по окончании рабочего дня. Бригадиры, не обеспечивавшие выполнение производственных норм, могли быть подвергнуты особому взысканию - 10 суток карцера с выводом на работу. Лучшие бригадиры, напротив, поощрялись[2].

Бывшие узники лагерей вспоминают, что в начале войны режим содержания заключенных был ужесточен, нормы питания снижены, в результате чего увеличилась смертность. Однако зимой 1941-1942 гг. поскольку рабочей силы стало не хватать, и план добычи золота находился под угрозой срыва, нормы питания увеличили[3]. Ужесточение лагерной политики, холод, голод, издевательства лагерной администрации вызывали сопротивление заключенных[4].

В апреле 1942 г. в целях повышения производительности труда заключенных было приказано пересмотреть состав бригадиров и десятников, снять не справлявшихся с производственными задачами. Отдельным заключенным и бригадам, выполняющим и перевыполняющим производственные нормы, должны были предоставляться лучшие жилые помещения, первоочередное бытовое и культурное обслуживание, обмундирование «первого срока носки» и первоочередной отпуск ларькового довольствия[5]. Опираясь на опыт предшествующего периода руководство Дальстроя планировало «широко развернуть движение двухсотников» среди заключенных. Тем, кто выполнял производственные нормы на 120% и выше, устанавливалось звание «отличник производства», на заключенных вырабатывавших свыше 120% в течение года приказывалось предоставлять персональные ходатайства на сокращение срока наказания или досрочного освобождения из лагеря. Заключенные-двухсотники всех управлений и предприятий Дальстроя получали дополнительное снабжение «через ларьки», а работающие в горных управлениях сверх этого - особое дополнительное питание[6].

Наряду с поощрением «честно работающих заключенных» с апреля 1942 г. были усилены репрессивные меры в отношении «лодырей», «отказчиков», «саботажников»,

---

[1] Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные). // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. – Магадан, 1996. - С. 57.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 79, Л. 227.
[3] Алексахин И. П. Колымские этапы. // Краеведческие записки. – 1989. – Вып. 16. - С. 117.
[4] Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. – Магадан, 1996. - С. 58.
[5] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 85, Л. 139-142.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 86, Л. 23-24.

беглецов и прочих «нарушителей режима и порядка в лагере и на производстве». Вместо существовавшей в предвоенное время практики определения категорий питания, исходя из процента выполнения норм выработки за прошедшую декаду, была введена более жесткая система. Теперь при определении категории питание было приказано исходить из выработки всего за три дня[1].

В целях создания материальной заинтересованности заключенных в высоких показателях работы механизмов, которые они обслуживали, с 1 мая 1942 г. было введено в действие положение о премиальном вознаграждении лагерников, занятых на обогатительных фабриках и обслуживающих компрессоры[2]. В качестве дополнительного поощрения данной категории заключенных им разрешалось выдавать на руки 50% от положенной суммы вознаграждения. Остальные 50% начислялись на личный счет или по специальному ходатайству переводить семье. В ноябре 1943 г. через ларьковую сеть за наличный расчет заключенным, работавшим непосредственно на намыве металла, было разрешено отпускать до 50 г спирта на одного человека в день[3].

Примеры самоотверженного труда заключенных в годы войны не оставались без внимания руководства Дальстроя. В августе 1942 г. за значительный вклад в досрочное выполнение годового плана прииском «им. Ворошилова» семи его бригадирам-заключенным и забойщикам-двухсотникам была объявлена благодарность. Начальнику УСВИТЛа капитану государственной безопасности Е. И. Драбкину было приказано «немедленно подать материал» на 10 заключенных для освобождения и на 15 - для сокращения сроков[4].

В апреле 1945 г. по ГУСДС сообщалось, что за высокие показатели производительности труда, соблюдение примерной дисциплины на производстве и режима в лагере при выполнении государственного плана решением Особого Совещания при НКВД СССР от 26 февраля 1945 г. из лагерей условно досрочно приказывалось освободить 39 заключенных горнопромышленных управлений. Приказом наркома Внутренних Дел СССР генерального комиссара государственной безопасности т. Берия №109 от 13 марта 1945 г. они были также награждены нагрудным знаком «отличник Дальстроя»[1].

Если в Дальстрое жилищно-бытовые условия вольнонаемных работников не были обеспечены должным образом, то у заключенных они были еще тяжелее. Типичными представляются результаты осмотра лагеря оловодобывающего прииска «Пырка-

[1] Там же. Д. 85, Л. 139-142.
[2] Там же. Д. 86, Л. 74.
[3] Там же. Д. 109, Л. 80.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 88, Л. 92.

кай» Чаун-Чукотского управления, проведенного заместителем начальника Дальстроя Корсаковым в июле 1942 г. Им в частности было установлено, что питание заключенных было вполне удовлетворительным, и в наличии имелись все необходимые продукты, однако сама кухня находилась в «антисанитарном состоянии». Двор центральной командировки прииска был загрязнен, в бараках грязь, постельное белье было грязное и плохо стиралось. Загрязненность и заношенность белья заключенных приводили к распространению вшивости. Ремонт обуви отсутствовал. Допускались случаи неполной выдачи дополнительного питания «двухсотникам» и наказания карцером лучших бригадиров, перевыполняющих планы, за мелкие нарушения[2].

В связи с нехваткой квалифицированных вольнонаемных кадров на производстве руководство Дальстроя вынуждено было обращаться к лагерным контингентам. Так в конце 1944 г. начальникам управлений и предприятий приказывалось провести соответствующую проверку и обеспечить использование всех инженеров, техников и квалифицированных рабочих ведущих профессий из заключенных по специальности, а не на общих работах[3]. В целях улучшения производственно-технического обучения заключенных, работавших на предприятиях Дальстроя в 1944 г. были установлены такие формы обучения, как индивидуальное и бригадное ученичество, школы стахановских методов, кружки технического минимума, курсы[4].

В годы войны продолжался процесс досрочного освобождения и сокращения сроков наказания заключенным за высокие производственные достижения. Освобождающиеся таким образом из-под стражи заключенные задерживались для работы в том же лагере или колонии по вольному найму[5]. Всего за 1942 - апрель 1945 гг. по горно-промышленным управлениям и Геологоразведочному управлению таким образом условно досрочно было освобождено не менее 762 заключенных[6] и 2146 сокращены сроки наказания[7].

Всех бывших заключенных независимо от их физического состояния приказывалось обязательно использовать на тех предприятиях, где они находились[1]. Однако подобное положение видимо не устраивало многих освобождавшихся и в их среде ста-

---

[1] Там же. Д. 125, Л. 196-198.
[2] Там же. Д. 87, Л. 181-182.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 117, Л. 91-92.
[4] Там же. Д. 117, Л. 123.
[5] Там же. Д. 83, Л. 205.
[6] Там же. Д. 86, Л. 211-216, Д. 90, Л. 168-173; Д. 98 Л. 61-65, Д. 98, Л. 66-70, Д. 102, Л. 130-132, Л. 141-142об; Д. 113, Л. 19-21об, Л. 67-69, Л. 112-115; Д. 115, Л. 149-151; Д. 116, Л. 10-11, Л. 143-145; Д. 117, Л. 105-111, Л. 251-253; Д. 125, Л. 196-203. Данные приводятся по документации Главного управления строительства Дальнего Севера Дальстрой НКВД СССР и могут быть уточнены в сторону их увеличения.
[7] Там же. 86, Л. 217-222; Д. 98, Л. 50-60, 71-81; Д. 102, Л. 133-135, 136-140; Д. 113, Л. 70-84, 141-152; Д. 115, Л. 149-151, Д. 116, Л. 12-19, 143-145; Д. 117, Л. 105-111, Л. 251-253; Д. 125, Л. 204-252.

ли возникать протестные настроения, принимавшие форму отказа или неполного выполнения назначенной работы. В этой связи в целях укрепления трудовой дисциплины наркомом Внутренних Дел и прокурором СССР в 1942 г. была издана директива, согласно которой прокурору и начальнику лагеря предоставлялось право обратного водворения в лагерь лиц, которые после освобождения из мест заключения «не желали заниматься общественно полезным трудом, уклонялись от работы, нарушали производственную дисциплину и производственный режим и порядок»[2]. Начальники приисков, предприятий и организаций Дальстроя должны были оформлять материал на выявленных нарушителей и передавать его на рассмотрение начальникам лагерей и помощникам военного прокурора. Все поданные сведения приказывалось рассматривать в течение трех дней со дня поступления и принимать соответствующие меры вплоть до привлечения к уголовной ответственности[3].

В 1944 г. вновь приказывалось усилить борьбу с «лодырями, лентяями и тунеядцами» из числа бывших заключенных вплоть до привлечения к уголовной ответственности. Для этого на участках приисков должны были быть установлены вахтенные посты, чтобы никого без разрешения начальников участков из забоя не выпускать и регистрировать всех опоздавших. Кроме этого на приисках было приказано организовать особые лагерные командировки для содержания в них осужденных за прогулы, дезертирство и тому подобное с выводом их на работу под конвоем. Начальники приисков предупреждались об ответственности, если не поведут решительной борьбы с такими людьми[4].

3. Социальная инфраструктура

Условия военного времени не способствовали развитию социальной инфраструктуры Северо-Востока. Начиная со второй половины 1941 г., объемы жилищного, коммунального и торгово-складского строительства были значительно снижены и велись лишь по мере крайней необходимости[5]. Как следует из «Выписки из доклада «Дальстрой в годы войны» при снижении в годы войны среднегодового объема строительно-монтажных работ по сравнению с 1940 г. на 25%, вложения в строительство энергетического хозяйства, обогатительных фабрик и дорожное строительство не толь-

---

[1] Там же. Д. 90, Л. 140.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 91, Л. 80.
[3] Там же. Д. 91, Л. 80-80об.
[4] Там же. Д. 115, Л. 72-72.
[5] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 167, Л. 17.

ко не сократились, но даже увеличились. Если в 1940 г. на эти цели было затрачено 111,4 млн. руб., то в 1943 г. затраты составили 125,4 млн. руб.[1]

Количество интернатов за годы войны так и не достигло предвоенного уровня, а количество школ превысило его только в 1945 году (см. таблицу 19). Количество клубов, библиотек и красных уголков ежегодно увеличивалось, что объяснялось проведением широкомасштабной идеологической работы с населением. Дальнейшим развитием сети медицинских учреждений были охвачены прежде всего узловые центры горнодобывающей промышленности. В 1942- 1943 гг. были построены больницы в п. Ягодное (СГПУ) на 60 коек, в п. Усть-Омчуг (ТГПУ) на 30 коек, в п. Эге-Хая (ЯГПУ) на 25 коек, в п. Нексикан (ЧУГПУ) и в п. Нижний Сеймчан (ЮЗГПУ) на 50 коек, на прииске «Большевик» на 30 коек[2].

Таблица 19

Развитие социальной инфраструктуры Дальстроя в 1941-1944 гг.[3]

Объекты социальной инфраструктуры	1941	1942	1943	1944
больницы амбулатории	18 42	20 50	22 47	22 54
интернаты	21	18	15	13
детские учреждения	43	47	48	48
школы	34	32	33	33
библиотеки	125	130	190	228
клубы	40	74	103	109
театры	2	2	2	2

Таким образом, анализ работы горнодобывающей промышленности Дальстроя в военный период свидетельствует о достижении своего рода пика мобилизационных возможностей этой организации. Тотальная регламентация и контроль за производственной и социальной сферами, жесткое администрирование, концентрация всех ресурсов и усилий для выполнения государственного плана металлодобычи, являлись самыми характерными чертами работы Дальстроя в годы войны.

В чрезвычайно тяжелых условиях военного времени благодаря сверхусилиям вольнонаемных и заключенных работников горнодобывающей промышленности, патриотическому подъему северян, Дальстрою удавалось поддерживать стабильный и одновременно довольно высокий уровень добычи металлов. За годы войны было открыто два новых горнопромышленных управления - оловодобывающее Чаун-Чукотское и золотодобывающее Индигирское, начата добыча рудного золота и вольфрамового концентрата.

---

[1] Д. 1062, Л. 85об.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1062, Л. 104.
[3] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 54-61.

В целом за 1941-1944 гг. Дальстроем было добыто 290,7 т золота в пересчете на химически чистый металл, 14,4 тыс. т олова в концентрате и 280 т трехокиси вольфрама[1].

За значительный вклад в оборону страны коллектив Дальстроя Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1945 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени[2].

[1] Подсчитано по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4-8. Кроме этого за 1941 – первое полугодие 1944 гг. было разведано 124 т серебра, 24,9 тыс. т меди, 66,1 тыс. т свинца, 112,3 тыс. т цинка, а также ряд запасов строительных материалов (См.: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 167, Л. 7).
[2] История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М., 1989. – С. 240.

ГЛАВА III. ГОРНОДОБЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДАЛЬСРОЯ В 1945-1957 гг.

§1 Геологическое изучение Северо-Востока в 1945-1957 гг.

В послевоенные годы, несмотря на тяжелую экономическую ситуацию в стране, объемы геологоразведочных работ Дальстроя стали динамично увеличиваться. По капиталовложениям в геологоразведку уровень 1941 г. (153 млн. руб.) был значительно превышен уже в 1946 г. (193 млн. руб.), а в 1952 г. данный показатель достиг 644 млн. руб. Большая часть капиталовложений шла на разведку золота, но в 1951 и 1952 гг. удельный вес вложений в разведку золота снизился до 48 и 41,45%% соответственно. Удельный вес капитальных вложений на разведку олова от общих объемов в послевоенные годы стал заметно снижаться с 33,3% в 1945 г. до 13-15,6%% в 1947-1948 гг. Только в 1949 г. затраты на разведку олова увеличились в двое по сравнению с 1948 г. [1]

Объемы рудных разведок и поверхностные выработки в 1945-1952 гг. динамично увеличивались, особенно после 1947 г. Но на россыпной разведке (шурфовке) к уровню предвоенных объемов удалось приблизиться только в 1950 г., причем уже с широким использованием ударно-канатного бурения. С 1948 г. заметно повысилась обеспеченность геологоразведки буровыми станками, постепенно увеличивалась численность персонала, занятого на геологоразведке. В послевоенный период геологоразведочной службе Дальстроя остались присущи жесткое планирование объемов работ по всем подразделениям[2], периодическое форсирование геологоразведочных работ (ударничество)[3], проведение социалистических соревнований и премирование первооткрывателей[4].

Основным направлением разведок на россыпное золото в послевоенные годы являлся Индигирский район. Благодаря трудолюбию и профессионализму таких геологов, как начальник Индигирского РайГРУ С. Д. Раковский, главный геолог Е. Т. Шаталов и многих других, изучение Индигирского района велось достаточно тщательно и со значительным опережением установленных сроков[5].

В 1947 г. в целях дальнейшего изучения Индигирского и Тенькинского районов Дальстроя были организованы Нижне-Индигирское (НИРГРУ)[6], Верхне-Индигирское (ВИРГРУ)

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 1-2.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 138, Л. 37.
[3] Там же. Д. 137, Л. 128.
[4] Там же. Д. 138, Л. 39-41 и мн. др.
[5] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 127, Л. 178-178об.
[6] Там же. Д. 150, Л. 60-63.

и Верхне-Колымское (ВКРГРУ) районные геологоразведочные управления, для изучения Сеймчанского района - Сеймчанское РайГРУ[1].

Основным районом разведок в послевоенное время на рудное золото являлся Тенькинский район. В 1945 г. всего через год после открытия первого рудного месторождения Теньки начал свою работу рудник «им. Матросова» с обогатительной фабрикой. В этом же году геолог С. С. Герасименко обнаружил коренное месторождение золота «Игуменовское», послужившее базой для рудника «им. Белова»[2]. Для освоения месторождений ключей Игуменовский и им. Матросова выделялись экскаваторы и заключенные из первых прибывавших в 1945 г. этапов[3]. В 1946-1947 гг. на Теньке были открыты новые золоторудные месторождения «Дегдекан», «Родионовское», несколько позднее – «Ветренское»[4]. Большое внимание в послевоенное время уделялось разведочным работам на руднике «Бутугычаг» Тенькинского управления. В мае 1946 г. всем подразделениям Дальстроя приказывалось выполнять заказы данного рудника в первую очередь и отправлять их прямыми рейсами, что, судя по всему было связано с выявлением на Бутугычаге урановых руд. Разведки должны были проводиться скоростными методами. С «Бутугычага» категорически запрещался демонтаж какого-либо оборудования и переброска квалифицированных специалистов[5]. В сентябре 1946 г. сообщалось об организации специальных работ на месторождении «Бутугычаг» для разведки рудного тела «Витязь»[6].

Интенсивные разведки россыпных и рудных месторождений олова, вольфрама и других полезных ископаемых велись на Чукотке[7] и в Омсукчанском районе[8]. Кроме этого, продолжилось изучение территорий Охотского побережья[9]. Геологическими исследованиями ми различных районов Чукотки занимались не только подразделения геологоразведочного управления Дальстроя, но и подразделения Колымского речного управления Дальстроя (КРУДС). В 1946 г. КРУДС сосредоточило основные поисковые работы по олову и вольфраму в районе хребта Полоусного, а с 1 марта 1946 г. в его системе была организована Анюйская геолого-поисковая экспедиция в составе пяти партий[10].

В целях промышленного освоения Иультинского района Чукотки в начале 1946 г. в составе Дальстроя было образовано специальное управление «Чукотстрой». Для обеспечения

---

1 Там же. Д. 154, Л. 200, 202, 204.
2 Евангулов Б. Б. Как была открыта Золотая Тенька. // Колыма. – 1978. - №7-8. – С. 30.
3 ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 127, Л. 26; Д. 149, Л. 30.
4 Евангулов Б. Б. Как была открыта Золотая Тенька. // Колыма. – 1978. - №7-8. – С. 30.
5 Там же. Д. 138, Л. 142-143.
6 Там же. Д. 139, Л. 129.
7 ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 128, Л. 119.
8 Там же. Д. 129, Л. 343.
9 Там же. Д. 129, Л. 156.
10 ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 136, Л. 116-119.

кадрами геологических подразделений Чукотки Главным управлением строительства Дальнего Севера туда направлялись квалифицированные специалисты[1].

Одним из основных методов механизации геологоразведочных работ стало дальнейшее внедрение ударно-канатного бурения. Для этих целей в феврале 1947 г. со складов «Колымснаба» для геологоразведочных отделов Северного, Тенькинского и Западного горно-промышленных управлений стали поступать импортные буровые станки «Спид-Стар»[2]. Однако лишь после 1947 г. на этом направлении удалось добиться существенных успехов. В связи с увеличением буровых станков и рабочих на геологоразведке, объемы ударно-канатного бурения в 1948 г. возросли в 7,7 раз по сравнению с предыдущим годом и составили 51,9 тыс. м. (тенденция увеличения данного вида механизации геологоразведочных работ сохранялась вплоть до 1951 г.)[3].

В послевоенный период только с 1948 г. заметное внимание стало уделяться научно-исследовательской работе геологов, повышению их квалификации. В частности на начальника геологоразведочного управления генерал-майора В. А. Цареградского была возложена работа по обеспечению Дальстроя необходимым количеством геологической литературы и периодических изданий. Начальникам районных ГРУ и ГРО горнопромышленных управлений приказывалось организовать в управлениях и разведрайонах технические библиотеки и следить за сохранностью книг, привлекая расхитителей к строгой административной ответственности[4]. С этого же времени планировалось возобновление научно-производственных командировок геологов Дальстроя[5]. Кроме этого возобновились и совещания геологов Дальстроя. Так, на 11 октября 1948 г. было запланировано одно из первых послевоенных совещаний работников геологоразведочной службы в целях обсуждения ее состояния и подведения итогов работы[6].

В 1951 г. в составе геологоразведочной службы Дальстроя действовало 8 районных геологоразведочных управлений: Берелехское, Средне-Колымское, Верхне-Индигирское, Чаунское, Верхне-Индигирское, Сеймчанское, Нижне-Индигирское, Янское[7], а также Алданский геологоразведочный комбинат[8].

Вместе с тем стало очевидно, что в 1951 г. фактически выполненные объемы разведочных работ в отдаленных районах Дальстроя – Янском, Нижне-Индигирском и на Чукотке были намного ниже запланированных. Такие насущные проблемы, как недостаток пере-

[1] Там же. Д. 137, Л. 316.
[2] Там же. Д. 149, Л. 109.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 1-2.
[4] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 166, Л. 359.
[5] Там же. Д. 169, Л. 147.
[6] Там же. Д. 171, Л. 251.
[7] Там же. Д. 294, Л. 14-15.
[8] Там же. Д. 256, Л. 142.

движных электростанций и дизельных компрессоров, нехватка транспортных средств и специалистов геологов, не могли быть решены и на следующий год. В этой связи разведочные работы на некоторых направлениях были прекращены[1].

В целом, в начале 1950-х гг. при сохранявшемся динамичном росте основных технико-экономических показателей на геологоразведке (см. таблицу 20) изучались и детализировались, главным образом, уже известные районы[2].

Таблица 20

Основные технико-экономические показатели развития геологоразведки в Дальстрое в 1945-1952 гг.[3]

	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
капитальные вложения (млн. руб.)	117	193	190	230	334	415	580	644
в том числе:								
на разведку золота	71	114	136	155	206	229	279	267
на разведку олова	39	34	25	36	72	112	203	229
персонал, занятый на геологоразведке (чел.)	9014	9465	11392	11052	12541	16722	20472	21577
россыпная разведка (шурфовка) (тыс. м)	245,9	252,1	252,4	300,0	331,3	373,1	634,0	594,0
в том числе на олово	5,6	5,6	1,6	0,7	3,7	27,8	62,0	62,0
рудная разведка (тыс. $м^3$)	21,6	30,3	29,0	34,8	50,2	74,0	97,4	104,0
в том числе на олово	12,4	12,5	9,9	13,3	15,1	26,4	49,0	52,0
поверхностные выработки (тыс. $м^3$)	563,5	760,0	715,6	865,7	1012,4	998,6	1104,0	1209,0
в том числе на олово	158,3	137,0	101,2	170,6	324,7	454,2	589,0	633,0
буровых станков	37	53	69	102	117	139	205	245
бульдозеров	-	-	-	-	16	31	19	20

Из приведенных данных следует, что объемы разведочных работ на золото в начале 1950-х гг. заметно сократились, так как основные ресурсы геологоразведочной службы Дальстроя были переключены на разведку оловянных месторождений. Так, если в 1950 удельный вес разведок на золото в общих капитальных вложениях на разведочные работы по Дальстрою составлял 53%, то в 1952 г. - уже 41,5% (в плане на 1953 г. – 37,8%). В результате этого, несмотря на значительно увеличившийся уровень механизации геологоразведочных работ и динамичный рост объемов всех видов разведочных работ, в начале 1950-х гг. не было открыто ни одного крупного месторождения золота, в основном продолжалась доразведка крупных золотоносных долин (Омчакской, Чай-Урьинской и т.д.)[4].

По отчетным данным к 1954 г. на Северо-Востоке провели работы более двух тысяч геологических партии[5]. На 1 января 1954 г. геологической съемкой масштаба 1:500000 было

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 2445, Л. 12-15.
[2] Там же. Д. 253, Л. 296; Д. 254, Л. 113.
[3] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 1-2.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1596, Л. 29.
[5] Нефедова С. П., Бубнис Г. К. Хроника геологического изучения Северо-Востока СССР. // Колыма. – 1978. - №7-8. – С. 19.

закартировано 1,7 млн. км^2, или 61% территории деятельности Дальстроя. Оставшаяся площадь в 300 тыс. км^2 приходилась на область тундр и приозерных низменностей, расположенных в низовьях рек Колымы, Индигирки, Яны, Анадырь и др. Данные территории требовали привлечения новейших методов геологического изучения: аэрофотосъемки, аэромагнитной и аэрогеологической съемок[1].

С 1953 г. после смерти И. В. Сталина и начала массового освобождения заключенных в геологоразведке, как и в целом по Дальстрою, обострилась нехватка рабочих. Выделить геологоразведочной службе Дальстроя новые контингенты заключенных было не возможно. Поэтому единственное решение кадровой проблемы в тот период состояло в вербовке вольнонаемных работников.

В результате организованного набора в 1954 г. для ГРУ Дальстроя было завербовано 1400 чел., однако, в их числе оказалось 565 чел., имевших специальности педагогов, художников, юристов, землеустроителей, т.е. людей, которые никогда до этого тяжелой физической работой не занимались[2]. Общая численность работников геологоразведочной службы Дальстроя в 1954 г. составила 13346 чел., причем непосредственно на геологоразведочных работах было занято 6762 чел. (из них рабочих было 4481, инженерно-технических работников – 2281 чел.)[3] В последующие годы численность работников геологоразведки плавно уменьшалась (в 1955 г. – 12961 чел., в 1956 г. - 12518 чел.)[4].

На фоне общего кризиса горнодобывающей промышленности Дальстроя и дальнейшего сокращения геологоразведочных работ[5], единственным значительным событием в середине 1950-х гг. стал успех Анюйской комплексной геологоразведочной экспедиции. Анюйская экспедиция была организована в мае 1954 г. в целях изучения неисследованных районов Восточной Тундры Чукотского национального округа, разведки месторождений полезных ископаемых в бассейнах рек Большой Анюй и Малый Анюй[6]. К августу 1955 г. стало ло очевидным, что поисковые и разведочные работы, проведенные Анюйской экспедицией Сеймчанского РайГРУ, выявили наличие промышленных золотоносных месторождений золота на Чукотке[7]. В апреле 1955 г. с Чукотки была доставлена первая капсула с золотом, однако, окончательно как крупный золотоносный район, Анюй был признан лишь в 1956 г.[8]

В 1955 г. продолжилась реорганизация геологоразведочной службы Дальстроя. С 1 августа 1955 г. все существовавшие разведочные районы в Верхне-Колымском, Средне-Ко-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1958, Л. 173.
[2] Там же. Д. 4841, Л. 5-6.
[3] Там же. Д. 4841, Л. 47.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4896, Л. 26.
[5] Там же. Д. 337, Л. 57, Л. 96; Д. 338, Л. 1-2, 76, 81, 235; Д. 346, Л. 188-189; Д. 367, Л. 42; Д. 369, Л. 104.
[6] Там же. Д. 340, Л. 117-120.
[7] Там же. Д. 370, Л. 54-57.
[8] Абаев С. М. Трудный Анюй. // Колыма. – 1978. - №7-8. – С. 39-41.

лымском, Верхне-Индигирском и Берелехском районных геологоразведочных управлениях было приказано ликвидировать, а на их базе организовать «круглогодичные комплексные геологоразведочные партии и экспедиции»[1]. В августе 1955 г. Дальстрой покинул В. А. Цареградский - один из первых геологов Колымы, долгое время возглавлявший геологоразведочную службу Дальстроя. Начальником ГРУ Дальстроя вместо него был назначен А. Х. Алискеров[2].

Также, несмотря на то, что в 1953 г. была образована Магаданская область, районы Восточной Якутии оставались в ведении Дальстроя, и продолжали изучаться силами его геологоразведочных подразделений[3].

В целом с 1932 по 1956 г. Дальстроем был выполнен большой объем поисковых и геологоразведочных работ. Геологическим изучением было охвачено 1,9 млн. км^2 территории Северо-Востока, на геологоразведочные работы было израсходовано более 5,2 млрд. руб., в том числе на разведочные работы по золоту - 2,6 млрд. руб., по олову - 1,6 млрд. руб. В результате были выявлены крупные промышленные месторождения золота, олова и вольфрама, установлены рудопроявления свинца, цинка, ртути, молибдена, редких и рассеянных металлов, выяснены геологические закономерности размещения полезных ископаемых. Кроме этого, было разведано шесть крупных угольных месторождений с промышленными запасами около 600 млн. т энергетических улей, ряд месторождений известняка и т.д.[4]

К началу 1956 г. прогнозные запасы Дальстроя по золоту оценивались в 1845,6 т, в т.ч. 456 т - балансовых запасов[5]. Из балансовых запасов 58 т россыпного золота предназначалось для дражной добычи, 80 т оценивались как немобильные, т.к. находились в месторождениях с небольшими запасами (менее 100 кг) и к тому же в труднодоступных районах. И только 62,1 т золота из всех балансовых запасов были пригодны для раздельного способа добычи. Промышленные запасы россыпного и коренного золота в основном размещались в так называемой главной Колымской золотоносной зоне. В этой зоне было сосредоточено 93,5% балансовых запасов россыпного золота (185 т) и все запасы рудного золота (256 т). Освоение месторождений россыпного золота в главной Колымской золотоносной зоне за прошедшее время происходило по мере продвижения геологоразведочных работ с востока на запад. Крупные и богатые месторождения россыпного золота этого района ко второй половине 1950-х гг. были уже отработаны[6].

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 369, Л. 122-126.
[2] Там же. Д. 370, Л. 12.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 379, Л. 174-178; Д. 388, Л. 93-94.
[4] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 425, Л. 4.
[5] Там же. сс Д. 425, Л. 8.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 425, Л. 5.

Прогнозные запасы Дальстроя по олову к началу 1956 г. оценивались в 790 тыс. т, в т.ч. 221,1 тыс. т - балансовые [1]. Сырьевая база оловодобычи на Северо-Востоке была представлена коренными и россыпными месторождениями. В коренных месторождениях числилось 190 тыс. т олова (при содержании олова в руде от 0,65 до 2,6%%). Помимо олова в коренных месторождениях содержался вольфрам, а также некоторые редкие металлы. В оловянных россыпях числилось 31 тыс. т металла (при содержании олова в песках от 286 г/м^3 до 1000 г/м^3).

Основные балансовые запасы олова размещались в бассейне р. Яны (127,5 тыс. т), в районе Чаунской губы (32,8 тыс. т), на Чукотском полуострове (17,7 тыс. т) и в так называемом центральном Колымском районе (19,2 тыс. т). Крупные и богатые месторождения рудного олова в верховьях р. Яны (Алых-Хая, Илинтас и Бургочан) с балансовыми запасами олова в 48,2 тыс. т и с содержанием в руде 1,4% металла не разрабатывались. В целом запасы олова на территории деятельности Дальстроя по состоянию на 1 января 1956 г. (418 тыс. т) составляли 53% от общих запасов по Советскому Союзу[2].

Прогнозные запасы Дальстроя по вольфраму на 1 января 1956 г. оценивались в 250 тыс. т, в т.ч. 63,8 тыс. т балансовых запасов[3]. Территориально вольфрамовые месторождения Дальстроя находились в трех районах: на Чукотском полуострове, в верхнем и среднем течении р. Яны и в верховьях р. Индигирки.

Помимо этого на территории деятельности Дальстроя на 1 января 1956 г. были установлены прогнозные запасы молибдена - 30 тыс. т, свинца - 3 млн. т, цинка – 3 млн. т, титана – 12 млн. т, лития 25 тыс. т, ртути – 40 тыс. т и т.д. Также было установлено, что руды многих месторождений являлись комплексными и содержали индий, рубидий, цезий, тантал, ниобий и другие металлы[4], среди которых, как теперь очевидно был и уран[5].

В перспективном планировании развития Дальстроя в 1956-1970 гг. затраты на геологоразведочные работы за 15 лет должны были составить 10462 млн. руб., на исследовательские работы 568 млн. руб.[6] По балансовым запасам (по категориям A_2+B+C_1) планировалось прирастить 1005 т золота (в т.ч. 235 т рудного и 770 т россыпного), 318 тыс. т олова (в т.ч. 288 тыс. рудного и 30 тыс. т россыпного), 88 тыс. т трехокиси вольфрама, 20 тыс. т ртути, 18 тыс. т молибдена, 6 млн. т двуокиси титана, 1,5 млн. т свинца, 1,35 млн. т цинка и 150 млн. т угля[7]. Таким образом, в разведку золота предполагалось вложить 42,3% всех ассигнований,

---

[1] Там же. сс Д. 425, Л. 5.
[2] ссД. 425, Л. Л. 5.
[3] Там же. сс Д. 425, Л. 6.
[4] ссД. 447, Л. 8.
[5] Об этом мы писали ранее: см. Зеляк В.Г. Уранодобывающая отрасль Дальстроя (1948-1956 гг.) // Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию Северного междунар. университета. – Магадан, 2002. – С. 121-124.
[6] ссД. 447, Л. 8.
[7] ссД. 447, Л. 9.

на разведку олова – 17,8%, что свидетельствовало о новом повороте к преимущественной разведке золота.

Однако дальнейшее геологическое изучение Северо-Востока уже не будет связано с Дальстроем. 19 апреля 1957 г. геологоразведочная служба Дальстроя Министерства цветной металлургии была передана Министерству Геологии и Охраны недр СССР[1] и реорганизована в Северо-Восточное геологическое управление (СВГУ)[2]. 27 апреля 1957 г. работники геологоразведочного Управления были исключены из номенклатуры Главного управления Дальстроя[3].

§2 Динамика добычи золота, олова, вольфрома, кобальта и урана в 1945-1957 гг.

1. Организационная структура горнодобывающей промышленности

Послевоенные годы для Дальстроя, как и для всей страны, также оказались весьма трудными. Несмотря на общее последовательное увеличение количества горнопромышленных предприятий, продолжавшееся вплоть до 1951 г., значительное количество объектов золото и оловодобычи консервировалось или закрывалось (особенно в 1945-1947 гг.)[4]. В 1947 г. было ликвидировано Чай-Урьинское горнопромышленное управление. По мере истощения россыпных месторождений происходило слияние нескольких приисков в один[5]. Новые объекты золотодобычи открывались преимущественно в Тенькинском, Индигирском и Западном горнопромышленных управлениях[6].

Количество оловодобывающих предприятий в 1945-1949 гг. увеличилось с 20 до 25. В 1949 г. Омсукчанский горнорудный комбинат, специализировавшийся на добыче олова, был выделен из Юго-Западного управления в самостоятельное подразделение[7]. Затем 3 февраля 1950 г. приказом по Дальстрою (и во исполнение приказа МВД №001107 от 22 декабря 1949 г.) было организовано Омсукчанское горнопромышленное управление (ОГПУ). Исполняющим обязанности начальника этого управления был назначен инженер-майор Ахундов[8].

В послевоенные годы в горнодобывающей промышленности Дальстроя складывались новые направления специализации: возобновилась добыча вольфрамовых концентратов, началась добыча кобальтовых концентратов и уранового сырья.

---

[1] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 393, Л. 101.
[2] Цопанов О. Х. Геологическая служба Северо-Востока СССР. // Колыма. – 1978. - №7-8. – С. 14.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 393, Л. 154-155.
[4] Там же. Д. 128, Л. 39; Д. 139, Л. 96; Д. 140, Л. 131.
[5] Там же. Д. 140, Л. 131; Д. 174, Л. 84; Д. 225, Л. 19-20; Д. 227, Л. 144, Л. 158, Л. 159; Д. 258, Л. 242 и др.
[6] Там же. Д. 129, Л. 291, 354; Д. 136, Л. 269, 270, 271; Д. 154, Л. 36, 38; Д. 173, Л. 48.
[7] Там же. Д. 189, Л. 170-171.
[8] Ф. Р-23сс, Оп.1, Д. 244, Л. 151-152.

В августе 1947 г. в Индигирском горнопромышленном управлении для эксплуатации вольфрамового месторождения был открыт рудник «Аляскитовый»[1]. С 1948 г. добыча вольфрама или как его называли - «третьего металла» Колымы - возобновилась в промышленных масштабах[2].

Перед этим в январе 1947 г. в системе Юго-Западного горнопромышленного управления для добычи кобальтовой руды (или как его называли - «четвертого металла» Колымы) был организован рудник «Верхний Сеймчан»[3]. Вскоре он был реорганизован в «Верхне-Сеймчанский» кобальтовый комбинат в составе рудника и обогатительной фабрики[4].

Важным событием для Северо-Востока стала организация в июле 1948 г. на базе научно-исследовательского отдела Геологоразведочного управления и Центральной научно-исследовательской лаборатории Дальстроя Всесоюзного Магаданского научно-исследовательского института золота и редких металлов (ВНИИ-1)[5].

В связи с необходимостью снижения себестоимости добываемой продукции в горнодобывающей промышленности Дальстроя, в широких масштабах практиковалось слияние золотодобывающих приисков. Укрупненные прииски Дальстроя со сложным и разнообразным хозяйством по своим размерам добычи золота зачастую соответствовали целым золотодобывающим трестам страны, например, таким, как «Джугджурзолото», «Приморзолото», «Южуралзолто»[6].

С 1954 г. стало резко снижаться количество оловодобывающих предприятий. В течение 1954 г. было ликвидировано Юго-Западное горнопромышленное управление Дальстроя[7], роя[7], Янский горно-строительный комбинат[8] и Нижне-Янский горный комбинат[9]. В целом в в 1955 г. общее количество предприятий оловодобывающей отрасли сократилось более чем на половину по сравнению с 1954 г. (см. таблицу 21).

Таблица 21

Горнодобывающие предприятия Дальстроя в 1945-1955 гг.[10]

	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955

[1] Там же. Д. 153, Л. 52-54.
[2] До 1948 г. добыча вольфрама в Дальстрое велась в 1941-1944 гг., было добыто около 260 т вольфрамового концентрата (см.: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 8).
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 149, Л. 229.
[4] Там же. Д. 166, Л. 187.
[5] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 169, Л. 38-40. Магаданский ВНИИ был организован во исполнение постановления СМ СССР от 22 мая 1948 г. и приказа по МВД от 31 мая 1948 г.
[6] Там же. Д. 4843, Л. 30.
[7] Там же. Д. 346, Л. 137-145. При ликвидации ЮЗГПУ закрытию подлежали «Верхне-Сеймчанский» рудник, рудник «им. Лазо», фабрики №2 и №3, прииск «Суксукан», другие вспомогательных и подсобные предприятий, рудник «Днепровский» подлежал консервации.
[8] Там же. Д. 338, Л. 51.
[9] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 338, Л. 326-327.
[10] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 17.

золотодобывающие прииски рудники ЗИФ*	 45 4 3	 46 6 6	 48 7 8	 51 7 7	 55 5 5	 55 4 5	 57 5 4	 49 4 4	 38 3 3	 30 3 3	 30 3 3
оловодобывающие прииски рудники обогатительные фабрики	 1 8 11	 1 8 11	 1 9 12	 1 9 12	 4 9 12	 9 9 12	 12 9 11	 12 11 11	 9 10 13	 5 10 11	 3 4 5
вольфрамдобываю- щих рудников обогатительных фабрик	 - -	 - -	 - -	 - -	 1 1	 1 1	 1 1	 1 1	 1 1	 1 1	 1 1
кобальтодобываю- щих рудников обогатительных фабрик	 - -	 - -	 1 -	 1 1	 1 1	 1 1	 1 1	 1 1	 1 1	 1 1	 - -
всего	86	78	86	89	94	98	102	95	80	66	50

*) ЗИФ - золотоизвлекательная фабрика

Изменения в общественной жизни страны, последовавшие после смерти И. В. Сталина, неизбежно затронули и Дальстрой. В 1953 г. постановлением Совета Министров СССР от 18 марта Дальстрой из МВД был передан в ведение гражданского министерства Металлургической промышленности (ММП)[1]. С февраля 1954 – по май-июнь 1957 гг. Дальстрой находился в ведении министерства цветной металлургии (МЦМ)[2].

Из непосредственного ведения Дальстроя в 1953 г. были изъяты исправительно-трудовые лагеря. С образованием в декабре 1953 г. Магаданской области и усилением партийно-государственных органов, Дальстрой начал терять свои чрезвычайные полномочия, делегированные ему государством для форсированного освоения минеральных ресурсов на Северо-Востоке. Тем не менее территория хозяйственной деятельности Дальстроя в 1950-х гг. не уменьшилась и составляла 2,8 млн. км^2. Западной границей деятельности Дальстроя являлся правый берег р. Лены от ее устья до р. Алдан, далее по р. Алдан до 60-й параллели, по этой параллели до 138-го меридиана и по меридиану на юг до берега Охотского моря (район Аяна). На севере граница проходила по побережью Восточно-Сибирского и Чукотского морей, на востоке – по побережью Берингова и на юге – Охотского морей[3].

Дальстрой формально был упразднен в соответствии с законом Верховного Совета СССР о перестройке управления промышленностью и строительством от 10 мая 1957 г., согласно которому основной формой управления народным хозяйством становились советы народного хозяйства, образуемые по экономическим административным районам[4]. В РСФСР РСФСР таким образом было организовано 68 совнархозов, одним из которых стал Магаданский совнархоз – прямой наследник Дальстроя. 29 мая 1957 г. данные мероприятия были

[1] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1958, Л. 291.
[2] ГАМО, ф. Р-23сс, оп. 1, Д. 332, Л. 458-461об.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1958, Л. 291.
[4] Костенков В. М. Экономические районы СССР. – М., 1958. - С. 2, 5.

продублированы постановлением ВС РСФСР[1], и в течение мая-июня 1957 г. Дальстрой был окончательно ликвидирован.

2. Динамика развития золотодобычи в 1945-1957 гг.

В послевоенные годы схема работы золотодобывающей промышленности Дальстроя не претерпела существенных изменений. Еще до завершения боевых действий с Японией Дальстрой стал пополняться новыми этапами заключенных. В целом за 1945 г. в Дальстрой было завезено почти 16 тыс. заключенных (в том числе 3998 японских военнопленных). С другой стороны, к концу навигации 1945 г. Дальстрой покинуло 9672 бывших заключенных (главным образом, амнистированных), 811 инвалидов и 1441 вольнонаемных работников[2].

Для восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства СССР требовались значительные средства и новейшее оборудование. Необходимое оборудование и материалы готовы были поставлять США, однако, для оплаты американских поставок вновь требовалось золото. На I геологическом совещании золотоплатиновой промышленности Урала, Казахстана и Западной Сибири, проходившим в мае 1945 г. в г. Свердловске, было озвучено требование государства и лично И. В. Сталина к золотоплатиновой промышленности страны, сводившееся к тому, чтобы в минимально короткий отрезок времени «догнать и перегнать довоенный уровень золотодобычи»[3].

В этой связи и перед Дальстроем как «валютным цехом» страны вновь были поставлены задачи государственного масштаба. Решение их предполагалось на основе испытанных ранее методов интенсификации труда заключенных и вольнонаемных работников, мобилизации дополнительных сил и средств, жесткого администрирования. Так, с 17 мая 1945 г. начальник Дальстроя И. Ф. Никишов потребовал всю основную рабочую силу и средства Дальстроя переключить на промывку песков и добычу золота, безоговорочного выполнять суточные планы. Вольнонаемным работникам был установлен 10-часовой, а заключенным - 11-часовой рабочий день, вновь отменялись все выходные, взамен которых по окончании промывочного сезона гарантировалась компенсация. На выходные разрешалось прерываться только в случае плохой погоды[4].

В период летнего промывочного сезона 1945 г. на прииски вновь мобилизовывались дополнительные трудовые резервы. Так, для Чай-Урьинского управления было приказано изыскать 1500 заключенных[5], на прииск «им. Буденого» Тенькинского управления сроком на один месяц были отправлены десятки коммунистов и комсомольцев[6]. Таким образом, руко-

[1] История Чукотки с древнейших времен до наших дней. - М., 1989. - С. 460.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4301, Л. 2.
[3] Золотые месторождения Урала и Казахстана. – М., 1947. - С. 3.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 126, Л. 170.
[5] Там же. Д. 126, Л. 135.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 126, Л. 180.

водство Дальстроя и в послевоенные годы продолжало практику чрезвычайных, мобилизационных мер для выполнения государственного плана.

Продолжилось периодическое проведение ударников. В середине августа 1945 г. в связи с разгромом Японской армии и «капитуляцией императора» в Дальстрое был объявлен двухнедельный ударник (с 15 по 30 августа)[1]. Затем с 27 сентября по 10 октября 1945 г. был объявлен «двухнедельник максимальной добычи металла»[2].

В результате напряженного труда Северное горнопромышленное управление уже 19 октября 1945 г. выполнило свой годовой план золотодобычи и обязалось добыть еще 15% золота. Для премирования коллектива СГПУ было выделено 150 тыс. руб.[3] Немного позже досрочно выполнило свой план и Западное управление[4]. В связи с досрочным выполнением плана золотодобычи руководством Дальстроя была дана разнарядка на представление работников управлений к награждению медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и «За доблестный труд». По горнопромышленным управлениям с Индигирским райГРУ к наградам разрешалось представить 17900 чел.[5] Кроме этого были выделены значительные денежные суммы для премирования инженерно-технических работников и рабочих-стахановцев. В 1945 г. Дальстрой добыл 69,5 т золота (что на 0,9 т было меньше аналогичного показателя в 1944 г.)[6].

В послевоенное время на приисках Дальстроя в широких масштабах стали использоваться импортные бульдозеры «Катерпиллер» производства США. В сочетании с работой экскаваторов это позволило значительно увеличить объемы переработанной горной массы. За работой новой техники был установлен самый строгий контроль. Бульдозерные бригады должны были комплектоваться только самыми проверенными и квалифицированными работниками[7]. Другим ключевым звеном в работе приисков оставались промывочные приборы. ры. Динамика их работы также внимательно отслеживалась[8].

В связи со значительным пополнением новой техникой, особое внимание уделялось мероприятиям по ремонту и подготовке пневматического хозяйства[9], ремонту бульдозеров и экскаваторов[10]. Как правило, самые интенсивные ремонтные работы проводились весной и осенью. В целях систематизации технических знаний и унификации производственных процессов работниками производственно-технического и проектно-изыскательного отделов

[1] Д. 128, Л. 124.
[2] Д. 129, Л. 322.
[3] Д. 129, Л. 247-248.
[4] Д. 129, Л. 69.
[5] Д. 129, Л. 3-4.
[6] ссД. 4, Л. 4.
[7] Там же. Д. 127, Л. 176.
[8] Там же. Л. 152.
[9] Там же. Д. 128, Л. 1-3.
[10] Там же. Д. 129, Л. 213, 203-205.

Главного управления Дальстроя были подготовлены альбомы: «Типовые промывочные устройства для золотосодержащих россыпей» и «Разработка россыпей подземным способом»[1].

В 1946 г. работа золотодобывающей промышленности Дальстроя проходила весьма напряженно. В первые месяцы 1946 г. горные управления не получили установленного количества взрывчатки, продовольствия, техники и материалов[2]. Работа отдельных предприятий, экскаваторных парков, и целых управлений признавалась неудовлетворительной[3]. Управлениям были установлены суточные планы, выполнение которых было обязательным. Особенно подчеркивалось неэффективное использование механизмов.

Вследствие отставания Дальстроя от графика выполнения годового плана золотодобычи на период с мая по сентябрь 1946 г. было приказано прекратить предоставление отпусков инженерно-техническим работникам[4]. Вновь были отменены выходные дни и введен удлиненный рабочий день[5], начались мобилизации работников и отправка их на прииски. Тем, кто будет работать по-стахановски, И. Ф. Никишов обещал после окончания сезона при их желании вывезти в числе первых в центральные районы Советского Союза[6]. Личный состав приисков, которые перевыполняли суточные и месячные планы всячески поощрялся. Так в июне 1946 г. начальники приисков «Бурхала», «им. Горького», «им. Гастелло», «Ударник» были награждены именными часами. Для премирования лучших производственников выделялось по 30 тыс. руб. и на такую же сумму были выделены товары и т.д. Для заключенных этих приисков предусматривалось выделение дополнительных фондов питания и представление ходатайств об освобождении и сокращении сроков[7]. Также на период промывочного сезона 1946 г. для всех контингентов работников приисков, рудников, обогатительных фабрик и геологоразведки была установлена увеличенная на 2,5 кг месячная норма выдачи рыбы[8]. Весьма негативно на ходе добычных работ 1945-1946 гг., как следует из отчетных документов Дальстроя, сказался вывоз в центральные районы страны значительной части рабочих из бывших заключенных, освоивших горные профессии, взамен их были привезены заключеные и военнопленные, не имевшие необходимых трудовых навыков, процент выполнение ими норм выработки признавался «крайне низким» (89,3% по заключенным и 56% по военнопленным, при том, что вольнонаемные перевыполняли нормы выработки на 15%)[9].

---

[1] Там же. Д. 128, Л. 35-36.
[2] Д. 136, Л. 75.
[3] Д. 136, Л. 67-68, 271-273, 277-279.
[4] Д. 138, Л. 152.
[5] Д. 138, Л. 50.
[6] Д. 138, Л. 49.
[7] Д. 138, Л. 54-55.
[8] Д. 138, Л. 8.
[9] Козлов А. Г. Лагерная система Дальстроя в период послевоенной реорганизации и последующего распада (1945-1957) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. - С. 154.

В конце сентября 1946 г. в результате неудовлетворительной работы автотранспортных подразделений сложилось критическое положение с обеспечением Тенькинского управления продовольствием. В этой связи с 00 часов 22 сентября по 18 часов 23 сентября 1946 г. было приказано мобилизовать весь автотранспорт предприятий и учреждений г. Магадана и вывезти на Теньку не менее 200 т продовольствия[1].

Работа практически всех золотодобывающих управлений в сентябре 1946 г. признавалась плохой[2]. Министр Внутренних Дел С. Круглов в своей телеграмме потребовал от Дальстроя безусловного выполнения плана золотодобычи в 1946 г. Вновь началась мобилизация всех имевшихся сил и средств, приказывалось увеличить лотошную промывку, лучших производственников поощрять промтоварами, табаком, спиртом[3]. Однако ситуация не менялась и начальник Дальстроя лично выехал на прииски. Большие надежды он возлагал на лотошную промывку. Так на прииске «Большевик» на бригаду из 20 чел. он установил задание намыть 27 кг металла (т.е. по 1 кг 350 г золота на 1 чел.). Тем бригадам, которые выполнят этот план, И. Ф. Никишов обещал предоставить право выезда на «материк» с полным расчетом (по желанию)[4].

В конце октября 1946 г. первые золотодобывающие прииски Дальстроя начали досрочно выполнять свои годовые планы. Однако, несмотря на все усилия руководящего звена и самоотверженную работу отдельных золотодобывающих предприятий добыча золота в Дальстрое в 1946 г. снизилась почти на 17 т против аналогичного показателя предыдущего года и составила 52,6 т золота[5].

Работа золотодобывающих предприятий Дальстроя в 1947 г. оказалась еще менее результативной, чем в 1946 г. К началу летнего промывочного сезона 1947 г. в Дальстрой поступило большое количество бульдозеров отечественного производства С-80. В основном они были распределены в горные управления[6]. Для бригад, обслуживавших бульдозеры и экскаваторы предусматривалось улучшенное питание и снабжение[7]. Эти машины должны увеличить механизацию основных горных работ.

Вольнонаемные работники Дальстроя участвовали во всесоюзном социалистическом соревновании[8]. Среди заключенных на период летнего промывочного сезона также было

[1] Д. 139, Л. 74.
[2] Д. 139, Л. 93-95, 160 и др.
[3] Д. 139, Л. 93-95.
[4] Д. 139, Л. 88.
[5] ссД. 4, Л. 4.
[6] Д. 149, Л. 118.
[7] Д. 151, Л. 72.
[8] Д. 151, Л. 27-30.

организовано трудовое соревнование. Для бригад заключенных, занятых на основном производстве были утверждены премии в 10 тыс. руб. за июнь, июль и август[1].

Вместе с тем И. Ф. Никишов вновь особый акцент сделал на ручной лотошной промывке. В 1947 г. за 1 г золота по Северному управлению лотошникам полагалось 3 руб. 30 коп., по Западному – 2 руб. 70 коп., по Тенькинскому – 4 руб. 40 коп., по Индигирскому – 2 руб. 20 коп.[2] Однако если в 1930-х и начале 1940-х гг. лотошная промывка приносила много металла (на что видимо И. Ф. Никишов постоянно и рассчитывал), то во второй половине 1940-х гг. наиболее богатые площади золотоносных месторождений Дальстроя были в основном отработаны, среднее содержание золота снижалось. В этой связи необходимо было еще больше внимания уделить механизации горных работ, внедрению новых технологий промывки, усилить геологические поиски новых месторождений золота, но этого в должной мере сделать не удалось.

В течение летней промывки 1948 г. на прииски командировались работники УМВД, которые должны были следить за ходом металлодобычи и докладывать о работе соответствующих предприятий[3]. Кроме этого, на некоторых объектах были введены должности заместителей начальников приисков по политической части, официально для расширения участия трудящихся в социалистических соревнованиях[4]. В июле 1947 г. в горнопромышленных управлениях и геологоразведке на 10-25%% были повышены «устарелые и заниженные» нормы выработки[5]. На прииски вновь направлялись тысячи мобилизованных работников[6], на на добычные работы стали привлекать даже рядовой и сержантский состав из лагерной охраны[7].

Многие мобилизованные работники трудились ударно. Так была отмечена хорошая работа бригад горкомунотдела, промкомбината и автобазы г. Магадана, которые не только выполнили, но и перевыполнили свои задания по добыче металла[8].

Однако несмотря на все предпринимавшиеся усилия результат золотодобычи в 1947 г. составил только 41,2 т золота (тогда как в 1940 г. – 80 т)[9]. Это было катастрофическое падение золотодобычи.

Не удалось руководству Дальстроя серьезно улучшить работу золотодобывающей промышленности и в 1948 г., когда было получено 43,6 т золота[10]. Такие низкие по сравне-

---

[1] Д. 151, Л. 81.
[2] Д. 151, Л. 108.
[3] Д. 153, Л. 17.
[4] Д. 151, Л. 83.
[5] Д. 152, Л. 110-114.
[6] Д. 153, Л. 18 и др.
[7] Д. 153, Л. 26-28.
[8] Д. 155, 58-59.
[9] ссД. 4, Л. 4.
[10] ссД. 4, Л. 4.

нию с военным периодом показатели золотодобывающей промышленности по видимому сыграли не последнюю роль в смене руководящего звена Дальстроя.

27 декабря 1948 г. к исполнению обязанностей начальника Дальстроя МВД СССР приступил генерал-майор И. Г. Петренко[1]. Бывший руководитель Дальстроя И. Ф. Никишов, поблагодарив всех руководящих, административно-хозяйственных, партийных, инженерно-технических работников и служащих «славного коллектива Дальстроя» за долголетнюю совместную работу, покинул Северо-Восток.

Новый руководитель Дальстроя заметно ослабил психологический прессинг в отношении административно-технического звена горнодобывающих предприятий и управлений. Более того, возникла настоятельная необходимость самого широко внедрения интенсивных методов промышленного освоения региона, так как старые схемы работы уже не давали нужного результата. И. Г. Петренко, обращаясь к горнякам Дальстроя в день начала массовой промывки 1949 г., в частности указывал, что главное - это максимальное извлечение металла, предельная загрузка промприборов, полная ликвидация простоев, использование до пределов всех материальных ресурсов, непрерывное совершенствование процессов труда и производства[2], а не «штурмовщина» и репрессии.

Для более оперативного контроля за ведением горных работ в 1949 г. при шести горнопромышленных управлениях были открыты районные горнотехнические инспекции[3]. В осенне-зимний период золотодобычные работы по-прежнему не прекращались[4].

В 1949-1950 гг. в Дальстрое была предпринята попытка возродить старательскую добычу золота. Начальники старательских приисков (летом 1949 г. их насчитывалось девять[5]) должны были заключать типовые договоры с артелями старателей на отработку отведенных объектов. Руководство Дальстроя старалось увеличить количество старателей на приисках и обеспечить золотоскупочные магазины лучшими продовольственными и промышленными товарами в достаточном количестве[6].

Однако в августе 1949 г. проверкой было установлено, что начальники горнопромышленных управлений не принимали нужных мер в части обеспечения старательских приисков рабочей силой и выполнения ими плана металлодобычи. На приисках «Таганья», «Майорыч» и «Нелькоба» трудовая дисциплина оценивалась как очень низкая. Отдельные старатели под

[1] Там же. Д. 174, Л. 143.
[2] Там же. Д. 190, Л.124-123.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 189, Л. 53-54.
[4] Там же. Д. 195, Л. 175-177, 202-206, 235-236.
[5] В декабре 1949 г. был организован еще один старательский прииск - «Контрадья» (см.: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 197, Л. 106).
[6] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 189, Л. 179-178.

видом работы в ночную смену, занимались хищением металла из подготовленных другими членами артели забоев[1].

Вскоре с 25 февраля 1950 г. в связи с соответствующим постановлением Совета Министров СССР и указанием министра внутренних дел старательские работы во всех горных управлениях Дальстроя было приказано прекратить, а план старательской добычи перевести на государственные работы. В этой связи старательские прииски «Спорный» и «Средникан» (СГПУ) приказывалось ликвидировать, «Майорыч» (СГПУ) ликвидировать, реорганизовав его в участок прииска «Пятилетка», «Нексикан» (ЗГПУ) ликвидировать, реорганизовав его в участок «Заросший» прииска «им. Чкалова», «Тунгусский» (ЗГПУ) - ликвидировать, реорганизовав его в участок «Двойной» прииска «Дальний», «Смелый» (ТГПУ) - ликвидировать, реорганизовав его в участок прииска «им. Тимошенко», прииск «Нелькоба» - ликвидировать, реорганизовав его в участок прииска «Пионер», прииски «Оротукан» (СГПУ) и «Таганья» (ИГПУ) – перевести на государственную добычу. Начальникам горных управлений и начальникам политотделов было приказано разъяснять старателям необходимость перехода их на государственный способ добычи, условия перехода, льготы и преимущества рабочих и служащих, работающих на государственных предприятиях. В целях стимулирования перехода старателей стаж их старательской работы засчитывался в стаж работы по найму в этих предприятиях[2].

Промышленные итоги работы старателей на рубеже 1940-х – 1950-х гг. в Дальстрое были следующими: в 1949 г. от старательской золотодобычи было получено 1725 кг золота (3,3% всего добытого Дальстроем за этот год золота), в 1950 г. в связи с ее ликвидацией - только 182 кг.[3] В отчетных документах Дальстроя за 1951 г. о старательском золоте уже не упоминалось[4]. Таким образом, на рубеже 1940-х – 1950-х гг., не смотря на значительные усилия «сверху», возрождение старательской золотодобычи на основе труда вольнонаемных работников в Дальстрое в целом не удалось.

В послевоенные годы продолжилось развитие рудной добычи золота. Для контроля и координации деятельности динамично развивающегося золоторудного комплекса 17 ноября 1945 г. при Главном управлении Дальстроя был создан специальный золоторудный отдел, начальником которого был назначен В. А. Шмелев[5]. Большая работа велась по строительству, монтажу, ремонту и эксплуатации таких золоторудных комбинатов «им. Берия» (ТГПУ), «Утинский» (СГПУ)[6]. В октябре 1947 г. рудники «им. Матросова», «Дегдыкан», фабрика

---

[1] Там же. Д. 193, Л. 103-105.
[2] Ф. Р-23сс, Оп.1, Д. 244, Л. 214-216.
[3] Там же. Д. 4497, л 16; Д. 4570, Л. 16.
[4] Там же. Д. 4634, Л. 14.
[5] Там же. Д. 129, Л. 103.
[6] Там же. Д. 187, Л. 12-16.

«им. Берия» были объединены в Омчакский золоторудный комбинат (ОЗРК)[1]. Наибольший приоритет отдавался развитию рудника «им. Матросова»[2]. В марте 1948 г. кроме уже действующих предприятий, сообщалось о начале добычи рудного золота на руднике «Мальдяк» (ЗГПУ)[3]. Деятельность золоторудных объектов также находилась под самым тщательным контролем Главного управления[4].

Во второй половине 1940-х гг. в горнодобывающей промышленности Дальстроя продолжились процессы внедрения новой техники и технологий. Сокращение лесных массивов в районах деятельности большинства приисков привело к тому, что руководство Дальстроя еще в 1946 г. поставило задачу разработать конструкцию цельнометаллического разборно-переносного промывочного прибора[5]. Однако в течение ряда лет дело серьезно не продвинулось. В 1948 г. вновь был объявлен конкурс на создание передвижного механического промприбора[6]. Кроме этого к концу 1940-х гг. стали приниматься меры по сохранению промприборов текущего эксплуатационного года для работы на них в следующем году. В течение 1948 г. только на золотодобыче был построен 731 промывочный прибор, на что израсходовано более 50 тыс. м^3 лесоматериалов. Из-за отсутствия охраны в зимнее время деревянные промприборы обычно разбирались (в том числе и на дрова), а их оборудование приходило в негодность[7].

С 1948 г. на промприборах Дальстроя было приказано устанавливать самородкоуловители. На скрубберных промприборах при их отсутствии крупные самородки фактически сбрасывались в отвалы, таким образом образовывались серьезные потери металла. Соответствующие указания по этому поводу давались и ранее, но начальники приисков ничего предпринимали, поэтому руководство Дальстроя обязало центральные ремонтно-механические мастерские горных управлений изготавливать самородкоуловители для последующего оснащения ими промприборов[8].

На добыче песков планировался максимально возможный переход на пневматическое бурение и бурение электросверлами[9]. В 1949 г. прииски «Гвардеец», «Ветренный» и «Дусканья» Тенькинского управления были полностью переведены на электробурение. Всего на приисках Теньки тогда использовалось 85-90 электросверл, работа которых давала до 70%

---

[1] Там же. Д. 154, Л. 57.
[2] Там же. Д. 136, Л. 174; Д. 137, Л. 179-182.
[3] Там же. 1, Д. 166, Л. 402.
[4] Там же. Д. 166, Л. 181-183; Д. 167, Л. 163-165; Д. 169, Л. 125-127, 158; Д. 172, Л. 77.
[5] Там же. Д. 140, Л. 184.
[6] Там же. Д. 172, Л. 147.
[7] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 172, Л. 137-138.
[8] Д. 169, Л. 68.
[9] Д. 197, Л. 89, 139-141 и др.

всех добываемых управлением золотоносных песков (опыт Тенькинского управления планировалось тщательно изучить для дальнейшего внедрения электросверл)[1].

Общее количество работников на золотодобыче в 1945-1952 гг. имело устойчивую тенденцию к увеличению вплоть до 1950 г. (см. таблицу 22).

Таблица 22

Численность работников Дальстроя на золотодобыче в 1945-1952 гг.[2]

	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
количество работников Дальстроя (тыс. чел.)*	189,1	205,3	207,6	216,8	232,7	258,1	223,0	232,1
в том числе на золотодобыче	80,5	85,1	80,0	81,5	73,9	74,8	74,6	68,1
то же по составу:								
вольнонаемные	35,1	41,7	38,4	32,4	25,6	20,8	-	-
заключенные	45,4	43,4	41,6	49,1	48,3	54,2	-	-

*) и вольнонаемных и заключенных

Из приведенных данных видно, что динамика численности работников, занятых на золотодобыче, в 1945-1952 гг. характеризовалась весьма существенными колебаниями. Однако общая тенденция снижения численности работников в системообразующей отрасли региона прослеживается достаточно определенно: в 1952 г. на золотодобыче работало на 17 тыс. чел. меньше, чем в 1946 г. В 1945-50 гг. удельный вес работников, занятых на золотодобыче по отношению к общему количеству работающих в Дальстрое также снижался. Так, если в 1945 г. данный показатель составлял 42,6%, то в начале 1952 г. он не составлял и трети от всех работников Дальстроя (29,34)%.

В 1945-1949 гг. имело место значительное увеличение фактического расходования основных видов ресурсов, необходимых для получения 1 кг химически чистого золота, добытого на основном производстве (см. таблицу 23).

Таблица 23

Расходование основных видов ресурсов на 1 кг химически чистого золота в Дальстрое в 1943-1949 гг.[3]

основные виды ресурсов	ед. изм.	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949
взрывчатые вещества	кг	70,2	140	157,0	227	272	329,1	324
детонаторы	шт.	51,4	79	99,5	141	158	187,6	233
бикфордов шнур	п/м*	61,0	99	130,1	176	183	244,1	313
лесоматериалы	$м^3$	1,7	1,4	2,1	3,12	2,8	2,9	3,2
дрова	$м^3$	4,3	4,6	5,3	4,27	2,7	2,08	1,6
уголь каменный	кг	853,1	850	1,058	1,24	1,251	1,106	1,16
жидкое топливо	кг	23,1	88	102,8	179	238	246,6	260
электроэнергия	Квч	434,5	551	687,0	965	1192	1308,3	1372
сжатый воздух	тыс. $м^3$	1,9	2,9	3,93	6,77	6,92	7,1	8,9
отработано	человеко-дней	147,4	145,2	158,3	191	193	195,7	187

[1] Д. 218, Л. 199-200.
[2] Подсчитано нами по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4, Л. 52; Д. 11, Л. 5.
[3] Таблица составлена по: ГАМО, ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4299, Л. 18; Д. 4331, Л. 24; Д. 4372, Л. 27; Д. 4432, Л. 23; Д. 4497, Л. 24.

Из данных, приведенных в таблице 23 следует, что для добычи 1 кг химически чистого золота в Дальстрое в 1949 г. по сравнению с 1945 г. требовалось затратить в 2,5 раза больше жидкого топлива, более чем вдвое увеличилось расходование бикфордова шнура, детонаторов, сжатого воздуха, вдвое – взрывчатых веществ и электроэнергии, расходование лесоматериалов увеличилось более чем на треть, на 15-19% возросло количество отработанных человеко-дней. Дрова, как источник энергии, в связи с дальнейшим развитием энергетического обеспечения горнодобывающей промышленности Дальстроя, стали терять свое значение, и расходование их уменьшилось в рассматриваемый период в 4,56 раза.

Основные технико-экономические показатели работы золотодобывющей промышленности Дальстроя в 1945-1949 гг. приведены в таблице 24.

Таблица 24

Основные технико-экономические показатели золотодобычи Дальстроя в 1945-1949 гг.[1]

	1945	1946	1947	1948	1949
объем переработки горной массы россыпных месторождений (млн. $м^3$)	24,03	22,00	26,19	29,44	33,5
общий объем экскаваторных и бульдозерных работ (млн. $м^3$)	16,33	16,31	22,29	25,36	29,40
общий объем промывки песков промприборами (млн. $м^3$)	6,46	5,54	5,33	6,34	8,24
среднее содержание золота на промывке промприборами (г/$м^3$)	6,4	5,7	5,1	5,2	4,8
коммерческая стоимость 1 г*					
получено золота (т)	69,5	52,2	41,2	43,6	52,4
в том числе:					
рудного	2,3	2,1	2,2	2,4	3,0
лотками	23,5	16,2	11,2	7,4	7,0

*) данные приведены по химически чистому металлу

Из приведенных данных следует, что среднее содержание золота в песках, промываемых на промприборах, в 1945-1949 гг. составило в среднем 5,44 г/$м^3$, т.е. снизилось по сравнению с 1938-1940 гг. в 2,5 раза. Для получения 1 кг химически чистого россыпного золота в 1945-1949 гг. требовалось переработать 547,4 $м^3$ горной массы россыпных месторождений и промыть на промприборах 126,2 $м^3$ песков. Это означало, что по сравнению с периодом в 1938-1940 гг. для получения одного и того же количество металла (1 кг химически чистого золота), на россыпных месторождениях Дальстроя необходимо было переработать в 2,2 раза больше горной массы и промыть на промприборах в 1,8 раза больше песков. Трудоемкость основного производства Дальстроя, таким образом, существенно возросла, поэтому коммерческая стоимость 1 г химически чистого золота в рассматриваемый период увеличилась в 2,4 раза. В послевоенные годы удельный вес лотошной промывки оставался все еще довольно

---

[1] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4; Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4299, Л. 2, 3; Д. 4331, Л. 3, 4; Д. 4372, Л. 6,7; Д. 4432, Л. 6; Д. 4497, Л. 6.

значительным, однако, достигнув своего максимума в 1945 г. – 33,8% всей золотодобычи Дальстроя (23,5 т), удельный вес ее начал снижаться и в 1949 г. составил 13,35% (7 т).

Кризис золотодобычи в Дальстрое при достаточном обеспечении производства рабочими и возросшую степень механизации горных работ был вызван, главным образом, истощением крупных россыпных месторождений золота, которые уже долгое время находились в эксплуатации. Особенно ощутимо стали сказываться результаты практики предшествующих лет по отработке, прежде всего, самых богатых площадей золотоносных месторождений.

В 1945-1949 гг. золото, добытое Дальстроем, оплачивалось управлением драгметаллов Министерства финансов СССР (до 1946 г. – управлением драгметаллов НКФ СССР). Привозимое с приисков и рудников шлиховое золото сдавалось спецсвязи (фельдсвязи). Далее золото Дальстроя отгружалось на аффинажный завод № 171, самородки – спецотделу НКВД (с 1946 г. - третьему спецотделу МВД) в Москву[1]. С 1 марта 1950 г. стоимость аффинажа металла заводом №171 со стороны Главспецмета и Дальстроя должна была оплачиваться в централизованном порядке. Завод №171 должен был выписывать счета за химически чистый вес металла, установленный приемной плавкой и анализами самого завода №171. Далее счета за аффинаж должны были высылаться в Главспецмет и Дальстрой через спецсвязь, а не инкассироваться Госбанком (как это было ранее), и оплачиваться ими без задержки[2].

В первой половине 1950 г. первоочередными задачами работы золотодобывающей промышленности были добыча песков, вскрыша торфов, проведение горно-подготовительных работ[3]. Через средства массовой информации, в частности через печать, эти мероприятия поддерживались соответствующими лозунгами на передовицах и статьями. Наиболее яркими были такие лозунги как «Все силы – на успешную подготовку к промывке», «Больше песков на-гора», «Выше темпы вскрыши торфов»[4] и т.д.

Почти в каждом номере «Советской Колымы» сообщалось об успехах горняков в выполнении суточных, декадных, месячных планов, о взятых ими на себя «социалистических обязательствах» досрочно выполнить производственные задания, частыми были призывы к социалистическим соревнованиям и призывы следовать примеру передовых коллективов[5].

Многие выпуски этой газеты периодически помещали статьи с описанием новых технологий отработки месторождений полезных ископаемых, например, по веерной системе отработки шахт[6], по применению электросверл на бурении шпуров[7], по применению электро-

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4299, Л. 15; Д. 4331, Л. 20; Д. 4372, Л. 24; Д. 4432, Л. 20.
[2] Ф. Р-23сс, Оп.1, Д. 255, Л. 34.
[3] Д. 216, Л. 1-8, 27-28, 41-49, 50-58, 67-68; Д. 217, Л. 125 и др.
[4] Советская Колыма. – 1950 г. – 5 января, 7 января, 10 января и др.
[5] Советская Колыма. – 1950 г. – январь-май (№№1-126) и др.
[6] Советская Колыма. – 1950 г. – 6 января.
[7] Советская Колыма. – 1950 г. – 6 февраля.

сверл на скоростной проходке горнопроходческих выработок[1] и т.д. В целом печать создавала эффект повышенного настроения, прилив энтузиазма и готовности бороться за выполнение планов и процветание страны, одновременно с этим демонстрировались примеры борьбы со злоупотреблениями, отставанием от выполнения плана, бюрократизмом и т.д.

В ходе подготовки к летнему промывочному сезону, традиционно большое внимание уделялось ремонту бульдозеров[2], экскаваторов[3], энергетического оборудования[4] и досрочному завозу приискам и разведрайонам продовольствия, взрывчатки, топлива и т.д.[5] На предприятиях вводились новые формы отчетности. Так 24 февраля 1950 г. для контроля работы тракторов был введен учет по 28 показателям[6]. В начале апреля 1950 г. была утверждена инструкция «О содержании и порядке ведения оперативного учета и отчетности по труду аппаратом нормирования на горных предприятиях Дальстроя» к которой прилагался 21 формуляр для заполнения[7]. Начальники горных управлений, предприятий и строек при передаче в плановый отдел Главного управления суточных, декадных, и месячных сводок должны были давать краткие объяснения причин отклонения от плана, подчиненных им подразделений, как по количественным, так и по качественным показателям[8].

В марте и апреле 1950 г. было проведено фотонаблюдение работы предприятий горной промышленности. В результате было выявлено неудовлетворительное освещение забоев: в Утинском золоторудном комбинате и оловодобывающих рудниках «Илинтас» и «Эге-Хая» для освещения применялись коптилки. Откаточные пути имели неправильный профиль, как правило, были захламлены и загрязнены. Погрузка горной массы из забоев не была, как правило, механизирована и осуществлялась мускульным способом, а на некоторых оловодобывающих предприятиях расстояние мускульной перекидки породы достигало 45 м. Имело место большое количество простоев рабочих из-за мелких организационно-технических неполадок (ожидание инструмента, необеспеченность фронтом работ и т.д.)[9]. Руководителям горных предприятий было приказано в ближайшее время принять меры и исправить указанные недостатки.

Летний промывочный сезон 1950 г. по приказу начальника Дальстроя был начат 21 мая. Северное управление к этому дню должно было ввести в эксплуатацию 59 промприборов, Западное – 100, Тенькинское – 63, Индигирское – 23. На промприборах устанавливался

---

[1] Советская Колыма. – 1950 г. – 23 марта.
[2] Д. 216, Л. 240-245 и др.
[3] Д. 218, Л. 139-144 и др.
[4] Д. 218, Л. 97-102.
[5] Д. 217, Л. 5-9.
[6] Д. 217, Л. 156-157.
[7] Д. 219, Л. 18-48.
[8] Д. 219, Л. 109.
[9] Д. 222, Л. 93-95.

двухсменный режим работы продолжительностью 10-11 часов, из них 8-9 часов «чистой» работы и 2 часа профилактического ремонта[1]. Начальникам золотодобывающих управлений при производственной необходимости вновь разрешалось вводить сверхурочные для вольнонаемного состава (но не более двух часов в день), и работу в выходные (но не более двух в месяц)[2].

В ходе промывочных работ 1950 г. большое беспокойство вызывало состояние тракторного парка. В ряде управлений число исправных машин по отношению к общему наличию тракторов было чрезвычайно низким. Так, например, по Северному управлению число ходовых тракторов составляло 59% к общему их наличию, по Индигирскому – 59,5, а Тенькинскому всего 26,5%[3]. В дальнейшем положение с работой тракторного парка почти не изменилось. Техническая готовность тракторного парка Дальстроя составляла лишь 53%, и его работа была признана значительно худшей, чем в предыдущем году[4].

В дальнейшем руководство Дальстроя постоянно требовало форсирования промывки песков, добычи и переработки руды[5]. К середине сентября 1950 г. 11 приисков работало «особенно плохо», 10 золотодобывающих приисков уже выполнили свои годовые задания по добыче металла, но и ими были недовольны, т.к. они «ничем не оправданно снизили темпы промывки песков». С 14 сентября 1950 г. и до конца месяца каждому золотодобывающему управлению директивно были установлены суточные планы промывки песков – для СГПУ – 20 тыс. $м^3$, ЗГПУ – 32 тыс. $м^3$, ТГПУ – 24 тыс. $м^3$, ИГПУ – 12 тыс. $м^3$, также было приказано принять и другие возможные меры для выполнения государственного плана золотодобычи[6].

В итоге в 1950 г. Дальстрой добыл 49,0 т золота, что было на 2,4 т ниже прошлогоднего уровня[7]. В ходе промывочного сезона 1950 г. в Дальстрое работало две драги, намывшие 400 кг золота[8]. Золоторудные предприятия Дальстроя добыли 3,3 т золота[9].

9 октября 1950 г. в должность начальника Главного управления строительства Дальнего Севера вступил новый руководитель - горный генеральный директор II ранга И. Л. Митраков[10]. Также как и его предшественник, И. Л. Митраков не был сторонником жесткой политики «закручивания гаек». Объявляя 20 мая днем начала массовых промывочных работ 1951 г., он в частности указывал, что промывочный сезон этого года должен отличаться по-

---

[1] Д. 220, Л. 168-169.
[2] Д. 220, Л. 1560157. Несколько позже действие приказа о сверхурочных для вольнонаемного состава было распространено и на оловодобывающие предприятия (см.: ГАМО, Ф, Р-23сч, Оп. 1, Д. 221, Л. 160).
[3] Д. 221, Л. 88-99.
[4] Д. 226, Л. 37-40.
[5] Д. 223, Л. 197-199 и др.
[6] Д. 224, Л. 80-82.
[7] ссД. 4, Л. 4.
[8] Там же. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 84.
[9] ссД. 4, Л. 4.
[10] Там же. Д. 225, Л. 49-50.

вышением уровня организации работ и культуры производства, ритмичной работой предприятий и выполнении ими всех плановых объемов строго по установленным графикам[1].

В целях максимального улучшения работы экскаваторных и бульдозерных парков, для них было приказано выделять лучшие кадры и создавать для рабочих лучшие бытовые условия, в которые входили специальные дома и отдельные комнаты с мебелью, душевые при парках и бесперебойная работа приисковых бань. Также для них должна была быть обеспечена возможность приобретения постельного и нательного белья, спецодежды и т.д.[2] Постепенно шел процесс увеличения экскаваторных парков горнопромышленных управлений новыми марками машин – шагающими экскаваторами ЭШ-1 (Краматорского завода тяжелого машиностроения) и электрическими экскаваторами «Шкода»[3].

Однако привычный ход промывочного сезона в 1951 г. был прерван в результате стихийного бедствия. В июне 1951 г. все золотодобывающие управления Дальстроя были охвачены большим паводком, который в Индигирском управлении перешел в наводнение[4]. 16-18 июня 1951 г. в ИГПУ выпало большое количество осадков, в результате чего на всех водостоках бассейна р. Индигирки и р. Неры резко поднялся уровень воды. 19 июня 1951 г. уровень воды достиг отметки 7,05 м. Все поселки, прииски, полигоны, шахты, промприборы были залиты водой, оказался затопленным и центр ИГПУ - пос. Усть-Нера. Также был разрушен ряд мостов, повреждены линии электропередач[5]. В дальнейшем работа Индигирского управления вследствие его удаленного положения и значительного ущерба восстанавливалась медленно, однако руководство Дальстроя под угрозой разного рода взысканий постоянно настаивало на форсировании восстановительных и добычных работ[6].

С началом осенне-зимнего периода 1951 г. вновь принимались все меры по усилению механизации основных горных и горно-подготовительных работ[7]. Прежде всего это касалось лось дальнейшего развития скоростных методов проходки выработок[8], организации более эффективной работы электросверл[9], максимальной загрузке экскаваторов и бульдозеров[10]. С другой стороны большое внимание уделялось горнопромышленных предприятий к зиме, а также ремонту механизмов[11].

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 251, Л. 141-141а.
[2] Д. 250, Л. 118-119.
[3] Д. 248, Л. 60-62 и др.
[4] Там же. Д. 4635, Л. 16-17.
[5] Там же. Д. 252, Л. 198-200.
[6] Там же. Д. 253, Л. 137-138, 199-203; Д. 254, Л. 127; Д. 255, Л. 164-166; Д. 258, Л. 38.
[7] Д. 255, Л. 45-52 и др.
[8] Д. 255, Л. 259-260.
[9] Д. 256, Л. 61-65.
[10] Д. 256, Л. 118-121.
[11] Д. 253, Л. 102-105; Д. 257, Л. 245-251 и др.

Продолжались работы по внедрению на горнопромышленных предприятиях Дальстроя новых технологий. В закрытом конкурсе №2 на лучшие конструкции аппаратов для улавливания крупных фракций металла при промывке песков приняло участие более 200 рабочих и инженерно-технических работников Дальстроя, было представлено 47 изобретений. Условная годовая экономия от принятых предложений составила 3 млн. руб., а фактическая – от внедрения в 1951 г. только двух аппаратов – 300 тыс. руб.[1]

В августе 1951 г. на прииске «Верхний Ат-Урях» было приказано провести испытания новой обогатительной установки МРЗ-120 для определения целесообразности ее массового изготовления[2].

Значительную работу для горной промышленности проводил Магаданский ВНИИ-1. Летом 1951 г. две бригады сотрудников ВНИИ-1 были командированы на прииск «им. Горького» (золото) и «Днепровский» (олово) для определения потерь металла при промывке песков. Кроме этого пять горнопромышленных управлений должны были своими силами провести подобные исследования по программе, разработанной ВНИИ-1[3].

В течение 1951 г. принимались меры по упорядочению буровзрывных работ на горных предприятиях[4], по сохранности хвостов обогатительных установок и улучшению очистных работ[5], а также по улучшению условий труда рабочих (например, на Утинском золоторудном комбинате проводились работы по проветриванию и вентиляции, освещению и телефонизации выработок, лечебно-профилактические мероприятия и т.д.)[6]. Дальнейшее развитие получил процесс нормирования различных производственных операций, разрабатывались правила и инструкции по их проведению[7].

В начале 1950-х гг. в горнодобывающей промышленности Дальстроя продолжалась практика проведения социалистических соревнований[8], премирования руководящих и инженерно-технических работников горнопромышленных управлений и предприятий за пере-

[1] Д. 279, Л. 35-38.
[2] Д. 253, Л. 179.
[3] Д. 252, Л. 209-211.
[4] Д. 254, Л. 241-245.
[5] Д. 254, Л. 283-284.
[6] Д. 256, Л. 110-115 и др.
[7] Например, «Временные правила организации промывки песков и эксплуатации промывочных приборов» (Д. 250, Л. 278-346), «Нормы выработки на шурфовочные работы» (Д. 252, Л. 56-64), «Временные нормы выработки по экскаваторам Шкода-23, Э-1003, Э-1004» и «Временные нормы выработки на проходку открытых горно-подготовительных выработок взрывным способом» (Д. 253, Л. 124-129, Л. 125-136), нормы на разработку и погрузку горной массы в бабьи, на сортировку горной массы и зачистку площадей при подземных разработках россыпей» (Д. 256, Л. 290-306), нормы выработки на электробурение колонковыми электросверлами на подземных разработках россыпей (Д. 257, Л. 124-147).
[8] Д. 248, Л. 277-278; Д. 251, Л. 12-14 и др. (см. также газету Советская Колыма» за 1950-1953 гг.).

выполнение месячных планов[1], поощрения лучших коллективов экскаваторных и бульдозерных бригад[2].

В первой половине 1952 г. предприятия золотодобывающей промышленности Дальстроя традиционно основное внимание уделяли вскрыше торфов, добыче песков и горно-подготовительным работам. Также всем предприятиям было приказано заблаговременно подготовиться к весеннему паводку и ледоходу[3].

О начале летнего промывочного сезона 1952 г. по Дальстрою было объявлено 17 мая. Коллектив Дальстроя должен был «с честью выполнить задачу большого государственного значения» – завершить план золотодобычи к 1 октября 1952 г. и путем тщательно продуманной организации промывки обеспечить максимальное снижение себестоимости добываемой продукции[4]. Стремление руководства Дальстроя досрочно выполнить план золотодобычи к началу октября объяснялось желанием избежать осенне-зимней промывки, которая требовала больших финансовых затрат и приводила к увеличению себестоимости добываемого металла.

На летний промывочный сезон 1952 г. была утверждена двусменная работа промприборов (по 12 часов). За каждым промприбором закреплялись три самостоятельные бригады, которые должны были работать по 12 ч (включая перерыв на обед) с последующим отдыхом в течение 24 ч.[5] Для более оперативного снабжения работников питанием торговлю продовольственными товарами было приказано организовать непосредственно на основном производстве (т.е. рядом с забоями, шахтами и т.д.), максимально используя для этого выездную торговлю на автомашинах и разносную торговлю на лотках[6].

Ход промывочного сезона 1952 г. не удовлетворял руководство Дальстроя. Периодически указывалось, что экскаваторы используются не на полную мощность, простаивают в аварийных ремонтах или из-за необеспеченности их грунтом, топливом, водой, электроэнергией и т.д.[7] Особенно много замечаний заслужило Индигирское управление, хронически отстававшее от выполнения плана золотодобычи в результате наводнения 1951 г.[8]

Вместе с тем Западное управление уже в сентября 1952 г. выполнило свой годовой план золотодобычи. В этой связи 109 работников ЗГПУ получили благодарность с занесени-

---

[1] Д. 251, Л. 216-218; Д. 252, Л. 249-250; Д. Д. 254, Л. 103-104; Д. 258, Л. 32 и др.
[2] Д. 253, Л. 97-101; Д. 254, Л. 314-318; Д. 256, Л. 77-81; Д. 257, Л. 38-42 и др.
[3] Д. 280, Л. 159-163.
[4] Д. 281, Л. 169-171.
[5] Д. 281, Л. 88-90. Одна 12-часовая смена работы промприбора включала в себя промывку песков – 9,5 ч, крепежно-профилактический ремонт и съем металла – 2 ч, обеденный перерыв – 0,5 ч. Кроме этого два раза в месяц должен был проводиться обязательный ремонт механизмов, узлов и агрегатов промприбора с остановкой их работы на 24 ч.
[6] Д. 281, Л. 124.
[7] Д. 282, Л. 23-25 и др.
[8] Д. 282, Л. 11-12; Д. 283, Л. 190-192; Д. 284, Л. 287-289.

ем в личное дело, а также получили премии от 300 до 3000 руб.[1] Но в целом напряженная работа горных предприятий продолжала вплоть до конца года и осенне-зимней промывки избежать не удалось[2].

В четвертом квартале 1952 г. на приисках и рудниках Дальстроя было проведено очередное массовое фотонаблюдение рабочего дня, которым были охвачены 2045 чел. ведущих профессий, занятых на добыче подземных песков и 265 рабочих, занятых горных работах рудников. Одновременно были проведены производственные обследования состояния организации труда и производства на 7 рудниках и 117 шахтах приисков. В результате была установлена низкая уплотненность рабочего дня по всем категориям рабочих. Работники таких ведущих профессий как проходческие ежесменно в среднем простаивали по 2,18 ч, машинисты скреперов – 2,23 ч, откатчики – 2 ч, машинисты электровозов и сортировщики по 3,5 ч, бурильщики – 1,5 ч.[3] Начальникам горнопромышленных управлений и предприятий было приказано изучить материалы проверок и принять соответствующие меры.

В начале 1953 г. многие золото и оловодобывающие управления Дальстроя работали с отставанием от плана[4]. В этой связи в целях интенсификации труда с 1 февраля по 1 июля 1953 г. был объявлен «общественный смотр» работы горнопроходческих бригад и работы рудников по повышению уровня подготовленных и к выемке запасов, также для лучших бригад были установлены ежемесячные премии[5]. В целях максимального увеличения объемов вскрышных работ в летний период с первыми пароходами из портов Ванино и Находки в Магадан должна была быть обеспечена доставка всех имевшихся там бульдозеров (для последующей переброски их на золотодобывающие прииски) [6].

В целях обмена опытом и интенсификации горных работ 18-21 января 1953 г. была проведена первая Вседальстроевская конференция по разработке россыпей подземным способом. На конференции был дан анализ сложившейся практики эксплуатации подземных россыпей, обобщен опыт передовых коллективов, были намечены конкретные пути улучшения техники и организации ведения подземных разработок россыпей на базе циклических методов и комплексной механизации[7].

Начало массовой промывки песков в 1953 г. по Дальстрою было установлено на 22 мая (для оловодобывающих Арктических районов - на 25 мая)[8]. Значительное внимание вновь было уделено работе бульдозеров. На вскрышу торфов Северному управлению было

---

[1] Д. 285, Л. 103-107.
[2] Д. 288, Л. 50-52, 59-60, 293-297.
[3] Д. 306, Л. 27-29.
[4] Д. 306, Л. 181-182.
[5] Д. 308, Л. 98-101.
[6] Д. 311, Л. 1.
[7] Д. 309, Л. 194-210.
[8] Д. 311, Л. 116-118.

приказано выставлять не менее 30 бульдозеров, Западному – 45, Тенькинскогму – 39, Индигирскому – 25 машин[1]. Также руководство Дальстроя указывало на строгую необходимость соблюдения технологического режима на промывочных приборах и качественной организации шлихообогащения[2], а также соблюдения технических проектов отработки месторождений[3].

С летнего сезона 1953 г. в Дальстрое впервые (исходя из анализа делопроизводственной документации ГУСДС) на золотодобыче стали применяться цельнометаллические промывочные приборы (марки 14-ГСП)[4]. Результаты их работы показали значительные преимущества по сравнению с обычными деревянными стационарными промприборами, особенно при отработке небольших участков, требовавших частой перестановки промприбора. Также практика использования цельнометаллических промприборов на приисках «Гвардеец» и «Горный» показала, что их использование значительно снижало себестоимость промывочных работ. В дальнейшем руководство Дальстроя стало ориентироваться на постепенную замену деревянных промприборов на цельнометаллические, планировалось окончательно определиться и с типом металлического прибора для массового производства[5]. (Так в ноябре ре 1953 г. горным управлениям было приказано изготовить около 90 цельнометалических промприборов типа 14-ГСП[6]).

Большое влияние на ход горных работ в 1953 г. оказали изменения во внутриполитической жизни страны, в частности начало процесса реабилитации и амнистии десятков тысяч узников лагерей[7]. Решением Совета Министров СССР уже в марте 1953 г. было приостановлено строительство некоторых крупных объектов, на которых в широких масштабах использовался труд заключенных. В июне 1953 г. Л. П. Берия внес на рассмотрение Совета министров и ЦК КПСС предложение ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду «экономической неэффективности и бесперспективности»[8].

В течение 1953-1954 гг. из Дальстроя в связи с амнистией и снятием ограничений на передвижение выбыло 102 тыс. чел.[9] При этом золотодобывающие предприятия только в 1953 г. покинули 17400 работников этой группы[10]. Прежде всего, это были наиболее квали-

---

[1] Д. 312, Л. 80-82.
[2] Д. 312, Л. 125-129.
[3] Д. 318, Л. 86-88.
[4] Д. 315, Л. 122-124.
[5] Д. 317, Л. 11.
[6] ГАМО, Ф, Р-23сч, Оп. 1, Д. 317, Л. 119-120.
[7] Бацаев И. Д. Амнистия 1953 г. и ее влияние на промышленный комплекс Дальстроя // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. - С. 198-208.
[8] Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – Т. 2. Апогей и крах сталинизма. - С. 267-268.
[9] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1917, Л. 11
[10] Там же. Д. 4786, Л. 3.

фицированные работники с небольшими сроками заключения и работавшие без конвоя[1]. Освобождение заключенных началось «уже в разгар промывочного сезона» и своевременно произвести «полноценную замену» оказалось невозможным.

Прибывшее в конце 1953 г. пополнение не имело опыта работы в горной промышленности и требовало массового обучения. Расходы на обучение в 1954 г. составили свыше 50 млн. руб. В подавляющем большинстве новые контингенты заключенных состояли из «бандитско-рецидивисткого элемента», требовавшего усиления режимных условий в период работы, для этих целей было потрачено еще 39 млн. руб.[2] Кроме этого, необходимость улучшения условий содержания в лагерях привели к увеличению затрат на благоустройство, ремонт, строительство помещений и лагерных зон[3].

В итоге добыча золота в Дальстрое в 1953 г. составила 47,6 т, что было на 1,5 т меньше по сравнению с 1952 г.[4] В принципе, учитывая масштаб начавшихся изменений, текучести кадров и других процессов данный результат можно признать достаточно высоким. Из 47,6 т золота, добытого Дальстроем в 1953 г. добыча Западного управления составила 19,2 т (40,3%), Северного – 9,9 т (20,8%), Тенькинского – 9,8 т (20,6%), Индигирского – 8,7 т (18,3 %)[5].

Вместе с тем работа горнодобывающей промышленности Дальстроя по официальным данным была убыточной. За 1953 г. убытки только Северного и Индигирского (золотодобывающие), Янского и Чаун-Чукотского (оловодобывающие) управлений составили 224 млн. руб., при этом 71% этой суммы составляло превышение себестоимости горных работ[6]. Убыточные предприятия частично дотировались, и в 1953 г. госдотации на покрытие плановых убытков предприятий горнодобывающей промышленности Дальстроя составили не менее 53,652 млн. руб.[7]

В результате нарастающего кризиса в горнодобывающей промышленности работа золотодобывающих управлений в начале 1954 г. велась на уровне 64-86% от плана и не удовлетворяла руководство Дальстроя[8]. В ходе подготовки к летнему промывочному сезону периодически приказывалось форсировать горно-подготовительные и строительные работы[9]. Заводы Дальстроя должны были ускорить темпы подготовки цельнометаллических пром-

[1] Там же. Д. 4786, Л. 4.
[2] Там же. Д. 4786, Л. 11.
[3] Там же. Д. 4786, Л. 12.
[4] ссД. 4, Л. 4.
[5] Д. 1917, Л. 22-24.
[6] Д. 337, Л. 211-223.
[7] Подсчитано по Д. 306, Л. 94-95; Д. 309, Л. 14, 264; Д. 310, Л. 89; Д. 311, Л. 239-240; Д. 314, Л. 115; Д. 318, Л. 104-105.
[8] Д. 337, Л. 310-316.
[9] Д. 337, Л. 286-289 и др.

приборов эстакадного типа[1]. Также принимались меры по дальнейшему улучшению работы маркшейдерской службы[2], подготовке предприятий к возможным весенним и летним паводкам[3].

Начальник Дальстроя И. Митраков, приказывая начать промывочный сезон 1954 г. с 26 мая, указывал, что ритмичная работа всех без исключения предприятий и строгое соблюдение установленных графиков работы должны стать основными условиями для успешного выполнения плана[4]. В дальнейшем в ходе летнего промывочного сезона 1954 г. золотодобывающим управлениям постоянно приказывалось форсировать все виды горных работ[5]. Основные показатели каждого управления внимательно отслеживались из Магадана, особенно работа ведущего Западного управления[6].

Напряженная работа золотодобывающих предприятий Дальстроя продолжалась вплоть до конца 1954 г. и при этом удалось выполнить 100,3% государственного плана золотодобычи. И хотя это в сложившейся ситуации стало заметным успехом, результат 1954 г. – 45156 кг золота[7], был на 2,4 т ниже прошлогоднего, и тенденция к снижению золотодобычи продолжала углубляться.

В течение 1954 г. продолжали проводиться проверки и ревизии хозяйственной деятельности горнопромышленных управлений, вновь выявлялись сверхплановые убытки и удорожание себестоимости на весьма значительные суммы[8]. В этой связи Дальстрой посетила комиссия Министерства цветной металлургии во главе с заместителем министра Шемякиным. Ознакомившись на местах с деятельностью предприятий, комиссия установила наличие неудовлетворительной организации производства, фактов бесхозяйственности и нарушения финансово-сметной дисциплины, иммобилизации оборотных средств и ряда других недостатков, следствием которых являлись большие сверхплановые убытки и финансовые затруднения[9].

В целом за 1954 г. предприятия горнодобывающей промышленности Дальстроя допустили 383,3 млн. руб. сверхплановых убытков (58% всех сверхплановых убытков Дальстроя за 1954 г.)[10]. Случаи безубыточной работы отдельных предприятий были единичны. На-

---

[1] Д. 337, Л. 1-5.
[2] Д. 337, Л. 334-336.
[3] Д. 337, Л. 372-376.
[4] Д. 340, Л. 98-102.
[5] Д. 341, Л. 225-228; Д. 342, Л. 22 и др.
[6] Д. 342, Л. 261-265 и др.
[7] Д. 1917, Л. 22-24.
[8] Д. 337, Л. 448-454; Д.341, Л. 11-117; Д. 344, Л. 124-126; Д. 345, Л. 23-26 и др.
[9] Д. 342, Л. 22-38.
[10] Д. 1917, Л. 29.

пример, прииск «им. Горького» Северного управления в 1954 г. получил сверхплановую экономию себестоимости на сумму 1,7 млн. руб.[1]

В начале 1955 г. на предприятиях и стройках Дальстроя проводилась перепись оборудования[2], традиционно утверждались типовые штатные расписания и категорийность приисков и горно-эксплуатационных участков[3]. В соответствии с постановлением СМ СССР в 1955 г. в Дальстрое планировалось очередное повышение норм выработки в среднем от 5,3 до 11%[4].

Массовую промывку 1955 г. в золотодобывающих управлениях было приказано начать с 20 мая. В этой связи руководством Дальстроя были утверждены мероприятия по промывке песков, вскрыше торфов, добыче подземных песков, строительству промприборов, технике безопасности и охране труда[5]. В целях оказания срочной помощи горнопромышленным управлениям в ходе промывочного сезона для Западного управления дополнтельно было приказано передать 10, для Северного - 4 бульдозера[6].

Однако в целом работа золотодобывающих управлений в течение 1955 г. вызывала массу нареканий со стороны руководства Дальстроя[7], главным образом потому, что объемы золотодобычи продолжали снижаться (в 1955 г. Дальстрой добыл 44,1 т золота)[8].

В период осенне-зимней промывки 1955 г., чтобы стимулировать выполнение плана золотодобычи, был введен новый порядок выдачи Госбанком средств на зарплату приискам Дальстроя. Теперь деньги было приказано выдавать в пределах планового фонда зарплаты, пересчитанного на процент выполнения плана подготовки открытых песков, объема вскрышных работ и добычи подземных песков[9]. То есть при невыполнении плановых показателей зарплата могла быть снижена.

Свое дальнейшее развитие получил вопрос о цельнометаллических промприборах. В конце 1955 г. на расширенном заседании технического совета Дальстроя по промприборам было принято решение принять в качестве основных типов к изготовлению в 1956 г. цельнометаллические промприборы МПД-4, МПД-5, МПД-6[10]. На производстве после окончания массового промывочного сезона предпринимались меры по сохранности промприборов это-

---

[1] Д. 366, Л. 35-36.
[2] Д. 364, Л. 11.
[3] Д. 365, Л. 15-23.
[4] Д. 363, Л. 42.
[5] Д. 367, Л. 90-96.
[6] Д. 368, Л. 157-158.
[7] Д. 366, Л. 211-214; Д. 368, Л. 22-223; Д. 370, Л. 98-99; Д. 371, Л. 2-6, 70, 130; Д. 373, Л. 202-203.
[8] Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 86.
[9] Д. 372, Л. 129-131.
[10] Д. 373, Л. 45-68.

го типа. Все цельнометаллические приборы, их агрегаты и прочие конструкции приказывалось демонтировать и сдавать на приисковые склады под охрану[1].

На прииске «Комсомолец» Западного управления в ноябре 1955 г. была пущена в эксплуатацию электрическая установка самородкоуловителей ЭСУ-3. Испытания установки проводились в тяжелых условиях при минусовых температурах. Результаты работы ЭСУ-3 оказались весьма успешными. В отвалах от промывки прошлых лет при помощи ЭСУ-3 было получено много самородков, в т.ч. один из самых крупных, найденных в Дальстрое за все годы его существования[2]. В этой связи в дальнейшем планировалось самое широкое внедрение электрических установок самородкоуловителей на золотодобывающих приисках Дальстроя.

Важной производственной задачей в середине 1950-х гг. стала диспетчеризация приисков. На приисках Дальстроя практически отсутствовала производственная связь с действующими промприборами, экскаваторами и ремонтно-вспомогательными службами, отсутствовала внутренняя связь и на драгах. Все это приводило к тому, что время, затраченное на извещение соответствующих лиц, значительно превышало время, затраченное непосредственно на устранение причин остановок. В этой связи перед начальниками горнопромышленных управлений на первое полугодие 1956 г. была поставлена задача оборудовать производственную диспетчерскую связь[3].

В конце 1955 г. целях улучшения дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной науки и техники (и в соответствии с постановлением ЦК КПСС И СМ СССР №1042 от 28 мая 1955 г.) в Северном, Западном, Тенькинском, Индигирском, Чаун-Чукотском и Янском управлениях Дальстроя было приказано организовать конструкторские бюро. На 6 фабриках (золотоизвлекательных и оловообогатительных), 4 золотодобывающих и 1 оловодобывающем приисках приказывалось организовать исследовательские лаборатории[4]. При деловом подходе к организации конструкторских бюро и исследовательских лабораторий непосредственно на местах они могли оказать существенную помощь производству.

И, наконец, в 1955 г. было приказано обязательно составлять генеральные схемы отработки месторождений при ведении добычных работ[1]. До этого времени россыпные месторождения разрабатывались по техническим проектам, составлявшимся на 1 год. В результате этого нарушался порядок отработки запасов, и в первую очередь осваивались наиболее богатые участки россыпи, а оставшиеся обедненные площади становились нерентабельными к

[1] Д. 372, Л. 14-15.
[2] Д. 374, Л. 27-28.
[3] Д. 373, Л. 166-168.
[4] Д. 373, Л. 41-43.

отработке, стоимость горных работ в этой связи значительно увеличивалась. При включении в работу новых месторождений от руководителей предприятий горнодобывающей промышленности Дальстроя стали требовать предварительное утверждение горных отводов и планов-проектов отработки месторождений в органах Государственного горно-технического надзора СССР[2], а также ставить их в известность при консервации горных объектов[3].

В 1955-1956 гг. Дальстрой продолжали покидать рабочие II группы (т.е. заключенные), а также большое количество лиц, находившихся на спецпоселении (в связи со снятием с них ограничений). В 1955 г. золотодобывающие управления покинули 38 тыс. рабочих-заключенных, в 1956 г. выбыло около 12 тыс. ссыльных и более 7 тыс. осужденных ранее по контрреволюционным статьям[4]. В этой связи обозначилась острая нехватка рабочих на основном производстве, что неизбежно сказывалась и на снижении объемов горных работ[5].

Для замены убывавших заключенных в Дальстрой стали направлять тысячи вольнонаемных работников: в 1955 г. их прибыло в общей сложности 13677 чел. В этой связи в 1955 г. уже более 40 предприятий и производственных участков было переведено на вольнонаемный состав. В целом на начало 1956 г. свыше 60% предприятий Дальстроя были укомплектованы вольнонаемными работниками[6]. Однако вследствие нерешенности вопросов элементарного социально-бытового обеспечения вольнонаемных, закрепление новых работников на производстве проходило весьма трудно.

В 1956 г. проблема значительной текучести вольнонаемных кадров оставалась не менее острой: за 9 месяцев этого года из золотодобывающих управлений выбыло 8,7 тыс. вольнонаемных рабочих, а прибыло – 10,4 тысячи[7].

Добычу золота в 1956 г. (последний полный сезон золотодобычи Дальстроя) вели 28 предприятий, из них 16 не смогли справиться с установленным для них планом, а из четырех золотодобывающих управлений только одно Тенькинское выполнило свое годовое задание (хуже всех отработало Индигирское управление – 89,4%)[8]. Особенно плохой была признана работа таких крупных приисков как «Штурмовой», «Верхний Ат-Урях», «Мальдяк», «Ударник», «Широкий», «им. Покрышкина», «Юбилейный» и рудника «им. Матросова». Успешно справились с установленным планом золотодобычи такие прииски как «им. Гастелло», «им.

[1] Д. 369, Л. 63-64.
[2] Д. 368, Л. 237-238.
[3] Д. 370, Л. 157-159.
[4] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 484, Л. 68.
[5] Там же. Д. 409, Л. 30.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 409, Л. 31.
[7] Там же. Д. 484, Л. 69.
[8] Д. 4897, Л. 3-4.

Тимошенко», «им. Фрунзе», «Большевик», «им. Чкалова», «Пятилетка», «Победа» и ряд других[1].

На уровне подготовки Дальстроя к промывочному сезону 1956 г. кроме ряда недостатков и упущений организационного характера серьезно сказались неблагоприятные метеорологические условия. В центральных районах деятельности Дальстроя, где располагалось большинство крупных золотодобывающих предприятий, в 1956 г. поздно наступило потепление, вследствие чего массовая промывка песков началась только 5-8 июня (вместо двадцатых чисел мая, как это обычно происходило в предыдущие годы и предусматривалось планом на 1956 г.). В результате за май и первую половину июня не было промыто около 9% годового плана промывки песков. Также из-за поздней весны предприятия приступили к вскрыше торфов по талым грунтам только в конце мая, тогда как по плану предусматривалось в конце апреля. Это привело к уменьшению подготовки открытых песков до начала промывочного сезона[2].

Однако и дальнейшая работа золотодобывающих предприятий Дальстроя не смогла протекать в нормальном режиме. В течение мая и июня 1956 г. на многих предприятиях центрального Колымского района работа была практически прекращена из-за большого паводка. Значительное количество промывочных приборов простаивало как по причине затопления полигонов, так и по причине переброски бульдозеров на работы, связанные с борьбой со стихийным бедствием. На многих предприятиях до 20-30 бульдозеров и машин и до 200 рабочих работали на ликвидации последствий паводка или предотвращении затопления[3].

Так водами р. Сусуман был затоплен поселок Тангара и часть его открытых полигонов. Затопленными оказались и открытые полигоны на приисках «Мальдяк», «Комсомолец», «Перспективный», «им. 25 лет Октября», «им. Калинина», «Пятилетка», «Ветренный», «Ат-Урях», гидроучасток прииска «им. Гастелло». Продолжительное время не работали участки Туманный, Гвардеец и др. Таким образом, полностью или частично были затоплены полигоны более чем десятка приисков, что составляло более 1/3 всех золотодобывающих предприятий Дальстроя на 1956 г.

Во второй половине мая 1956 г. была прервана связь Тенькинского управления с подведомственными ему предприятиями, так как при ледоходе и поднятии воды было сорвано 2 пролета моста через р. Нелькоба. Прерывалось движение и по Тенькинской трассе, т.к. на 72 км от Магадана был размыт подход к Арманскому мосту. На предотвращение и борьбу с паводком, а также на ликвидацию его последствий были отвлечены с производства значитель-

[1] Д. 4897, Л. 26.
[2] Д. 4897, Л. 5.
[3] Д. 4897, Л. 5.

ные материальные и людские ресурсы. Размеры этих работ вместе с другими потерями от стихийных бедствий по промышленности в 1956 г. составили 23 млн. руб.[1]

Другим весьма важным обстоятельством, повлиявшим на работу золотодобывающей промышленности, по-прежнему являлся резкий недостаток рабочих ведущих профессий. Большое количество лиц, находившихся на спецпоселении в связи со снятием с них ограничений, выехало из Дальстроя в конце 1955 и начале 1956 гг. В подавляющем большинстве это были высококвалифицированные рабочие ведущих горных специальностей и имевшие навыки работы в условиях Дальстроя[2]. Зачастую отъезд рабочих II группы (заключенных) имел место прямо в разгар промывочного сезона, в результате чего вынужденно проводилась полная замена и обучение рабочих целых участков и даже приисков. Так например, на прииске «Разведчик» Индигирского управления в июне-июле 1956 г. из 570 чел. рабочих II группы было освобождено 470 чел. В результате этого около месяца почти полностью была прекращена добыча подземных песков, а часть промывочных приборов была переведена на односменную работу. В июле-августе 1956 г. в Тенькинском горнопромышленном управлении было освобождено 1200 чел., вследствие чего на прииске «Ветренный» было полностью остановлено 6 промприборов, на прииске «Бодрый» – 4 прибора, а часть промприборов была переведена на односменную работу[3].

Значительная текучесть рабочей силы обуславливалась и окончанием сроков работы по договору или другим причинам. Все это требовало массового обучения новых рабочих горным специальностям. В этой связи на приисках и в горных управлениях обучение рабочих как с отрывом от производства, так и без него, было организовано в значительных масштабах. Только за первое полугодие 1956 г. было подготовлено 2929 чел., в т.ч. 1592 бульдозериста, 783 чел. слесарей и электрослесарей по обслуживанию и ремонту механизмов, 283 опробщика и съемщика металла, 161 чел. рабочих драг и т.д.[4] Несмотря на это к началу промывочного сезона золотодобывающим предприятиям Дальстроя еще не доставало 400 чел. квалифицированных рабочих ведущих профессий, в т.ч. 196 бульдозеристов. Рабочих этих профессий прииски вынуждены были готовить методом краткосрочного обучения непосредственно на агрегатах и на рабочих местах. Но даже после краткосрочной подготовки на курсах прибывавшее в 1956 г. пополнение не смогло обеспечить ту же производительность труда, которая имелась у выбывших квалифицированных рабочих[1].

В 1956 г. было обеспечено дальнейшее увеличение парка металлических промприборов. Если в 1955 г. на приисках Дальстроя действовало 174 металлических прибора, то в

---

[1] Д. 4897, Л. 6.
[2] Д. 4897, Л. 7.
[3] Д. 4897, Л. 7.
[4] Д. 4897, Л. 7-8.

1956 г. их количество возросло до 298 и в целом их удельный вес составил 56% от общего количества работавших промприборов. Однако сроки монтажа промприборов на многих приисках значительно удлинялись и использовались они в ряде случаев неудовлетворительно[2].

Золоторудные предприятия в 1956 г. из-за двукратной и почти полной смены рабочего коллектива, план по добыче руды выполнили только на 76,6%, отбойке горной массы – на 72%, обработке руды – на 78,6% и горнопроходческим работам на 48,5%[3].

В течение 1956 г. вновь была сделана попытка организовать старательскую добычу золота, в т.ч. за счет привлечения к ней членов семей и рабочих и служащих во внеурочное время на отработанных отвалах, бортах или мелких отводах, не имевших промышленного значения. От золота, добытого старателями сверх плана, по сравнению с плановой добычей золота от промывки приборами, по официальным отчетным данным было получено удешевление на 21,4 млн. руб.[4]

Проблемы старательской золотодобычи в Дальстрое затронул и Главный контролер Министерства Государственного контроля СССР по Магаданской области Н. Миловидов в своем докладе, направленном в Москву. В частности он отмечал, что начальникам горно-промышленных управлений предоставлялось право передавать старательским артелям или отдельным старателям закрываемые нерентабельные предприятия, участки и мелкие месторождения золота. Несмотря на большое количество месторождений, где государственная добыча была прекращена и мелких месторождений, где государственные работы не были выгодны, в Дальстрое до конца 1956 г. не принималось мер к организации старательских артелей. Организация старательской добычи была сведена к массовой выдаче разрешительных удостоверений старателям-одиночкам, причем на одних предприятиях их выдавали начальники приисков, на других – геологи участков. Удостоверения выдавались также работникам приисков, занятых на опробовании, промывке и доводке золота (т.е. работникам, имевшим доступ к золоту, добытого на государственных работах, что являлось грубым нарушением). На прииске «Маршальский» служащие прииска переводились на старательские работы по приказу с сохранением среднего заработка и выплатой по 4 руб. за 1 г сданного золота. В целом по данным Дальстроя в 1956 г. старателям было выдано около 3000 разрешений. Однако только на 9 приисках (из 28) было 1726 старателей. Старательской добычей занимались и заключенные[5].

---

[1] Д. 4897, Л. 8.
[2] Д. 4897, Л. 8.
[3] Д. 4897, Л. 10.
[4] Д. 4897, Л. 24.
[5] ссД. 459, Л. 11-12.

Участки для старательской добычи в Дальстрое назначались начальниками приисков, при этом старательская добыча разрешалась на запасах, числящихся в балансовом учете предприятий и на площадях, находившихся в соседстве с государственными работами. На приисках «Маршальский» и «Разведчик» старатели перерабатывали пески, осыпавшиеся с промывочных приборов. Несмотря на действовавшие в Дальстрое низкие цены по 7-10 руб. за 1 г сданного золота, заработки отдельных старателей доходили до 15-20 тыс. руб. в месяц. В ряде случаев приисками оплачивалось золото весьма сомнительного происхождения. Так, на прииске «Большевик» гражданка Козина (жена горного мастера по старательским работам) за август-октябрь сдала 2271 г золота на 22,7 тыс. руб., а бывший съемщик золота Коробко сдал 3752 г на 37,5 тыс. руб. и т.д.[1] Материалы Магаданского областного управления внутренних дел показывали, что после разрешения старательской добычи резко увеличились случаи злоупотреблений золотом, что также говорило о неудовлетворительной организации в Дальстрое этого вида добычи[2].

В сезон 1956 г. на горных работах золотодобывающих предприятиях Дальстроя работало 645 бульдозеров, 54 колесных скрепера емкостью по 6,0 м^3 и экскаваторы, суммарной емкостью ковшей 105,4 м^3. На приисках промывочные работы осуществляли примерно 532 промприбора (56% из них составляли цельнометаллические приборы) и 10 драг[3]. Объемы вскрытых торфов в 1956 г. составил 16,8 млн. м^3, промывки открытых песков – 6,2 млн. м^3, добычи подземных песков – 2,2 млн. м^3, добычи золотоносной руды – 346,3 тыс. т и т.д.[4] Однако высокий технический потенциал золотодобывающей промышленности Дальстроя не удавалось подкрепить количеством и качеством приращиваемых запасов. Вовлечение в эксплуатацию новых богатых золотоносных месторождений и новых районов практически не происходило, что привело к «беспрецедентно низкой обеспеченности запасами россыпных месторождений золота предприятий Колымы»[5].

В итоге в 1956 г. Дальстроем было добыто 38,8 т золота, что составило 97,1% от запланированного. Западное управление (Сусуманский район) оставалось лидером золотодобычи, в 1956 г. оно добыло почти 15 т золота (38,6%), Тенькинское - 8,6 т (22,2%), Северное – 8,1 т (20,9%), Индигирское – немного более 7,1 т (18,3%)[6].

---

[1] ссД. 459, Л. 12.
[2] Подробнее о злоупотреблениях и хищениях см.: Бацаев И. Д. Хищения золота в Дальстрое в послевоенные годы // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. - С. 95-100.
[3] Д. 4897, Л. 9.
[4] ссД. 480, Л. 105-110.
[5] Шаповалов В. С., Мамаев Ю. А., Полеванов В. П., Федоров С. Г. Периодизация освоения золотоносных россыпей Северо-Востока. // Колыма. – 1990. - № 12. – С. 5.
[6] ссД. 503а, Л. 19-20.

В течение 1956 г. продолжалось дальнейшее технико-технологическое развитие горнопромышленных предприятий. В производство планировалось внедрить модернизированное электросверло ЭБК-2М[1], дистанционное управление подъемными лебедками на разведке россыпей подземным способом[2], проводились испытания опытной полупромышленной модели планетарного отвалообразователя конструкции инженера А. А. Агафонова[3]. В январе 1956 г. в соответствии с указанием Минцветмета Дальстрою было разрешено принять участие во Всесоюзной промышленной выставке с демонстрацией соответствующих моделей, образцы которых внедрены или находятся в стадии внедрения. По горной промышленности на выставке планировалось показать действующие модели цельнометаллического промывочного прибора МПД-4, самородкоуловителя ЭСУ-3, комплекта пылеулавливающей установки, комплекта контроля оттайки дражных полигонов, а также макет рабочего забоя блока шахты с демонстрацией схемы работы перфораторов ТП-4 и БМП-30 с пылеулавливающим устройством[4].

Постоянной серьезной проблемой в работе золотодобывающих предприятий являлись значительные потери металла. Так на рудниках фактические потери золота составляли 22-23%, на драгах – 15-20%, на промприборах – 5-7%[5]. В борьбе с потерями золота предполагалось укомплектовать штаты обогатительных и металлоизвлекательных фабрик квалифицированными кадрами, усилить контроль за соблюдением технологических режимов добычи золота[6]. Для первичного обогащения приборных и эфельных шлихов на приисках и отдаленных участках вводились шлихообогатительные установки (ШОУ) по схеме вибрационный грохот-шлихообогатительный стол[7] и т.д.

В первой половине 1957 г. основные усилия были направлены на подготовку горнопромышленных предприятий к предстоящему летнему промывочному сезону. Однако ни темп, ни итоги работы золотодобывающих управлений и предприятий Дальстроя не устраивали руководство Главного управления. Вскрышу торфов, добычу подземных песков, ремонтные и строительные работы все время приказывалось ускорять[8]. Для оказания помощи и и контроля за подготовкой к новому промывочному сезону на горные предприятия Дальстроя командировались ответственные работники Главного управления[9].

[1] Д. 385, Л. 48-50.
[2] Д. 387, Л. 117-119.
[3] Д. 385, Л. 184-185.
[4] Д. 378, Л. 22-23.
[5] Д. 383, Л. 96-101.
[6] Д. 381, Л. 56-58.
[7] Д. 382, Л. 16-20; Д. 385, Л. 143-152.
[8] Д. 390, Л. 58-66; Д. 391, Л. 9-14; Д. 392, Л. 66-70, 96-100, 135-139.
[9] Д. 391, Л. 142; Д. 394, Л. 41-43.

Днем начала массовой промывки 1957 г. было объявлено 17 мая. Перед начальниками и главными инженерами горнопромышленных предприятий была поставлена задача принять все намеченные для выполнения плана меры. Главное управление Дальстроя выражало уверенность, что коллективы горных предприятий, включившись во всесоюзное социалистическое соревнование в честь 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, с первых дней промывочного сезона обеспечат высокие темпы промывки песков, вскрыши торфов и добычи металлов при «безусловном снижении против плана затрат по всем переделам горных работ»[1].

В начале июня 1957 г. для проверки хода промывочных работ на приисках и определения себестоимости добываемого металла по различным полигонам, шахтам и приискам в горные управления выехали работники ВНИИ-1 и Главного управления[2]. Однако к концу июня 1957 г. Дальстрой был реорганизован в Магаданский административный совнархоз, и все эксплуатационные работы были переданы в его ведение.

В целом в 1950-е гг. происходило дальнейшее истощение длительное время эксплуатируемых россыпных месторождений, особенно в ведущих управлениях Дальстроя, и как следствие увеличение трудоемкости и себестоимости добываемого металла (см. таблицу 25)

Таблица 25

Основные показатели золотодобычи Дальстроя в 1950-1956 гг.[3]

	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
вскрыша торфов (млн. $м^3$)	11,7	13,2	14,5	14,6	15,4	16,9	16,8
промывка песков промприборами (млн. $м^3$)	8,9	9,55	9,5	9,6	9,4	9,6	8.8
среднее содержание золота на промывке промприборами (г/$м^3$)	4,7	4,4	4,52	4,29	3,98	3,79	3,32
коммерческая стоимость 1 г	32-20	30-15	28-05	25-91	26-66	25-00	?
добыто золота (т)*	49,0	49,2	49,1	47,6	45,2	44,1	38,7
в том числе: драгами	0,4	0,9	2,0	2,4	3,0	3,0	4,0
рудного	2,9	3,5	2,9	2,6	2,4	2,4	1,7

*) данные приведены по химически чистому металлу

Из приведенных данных следует, что в 1956 г. в Дальстрое среднее содержание золота в песках, промываемых на промприборах, снизилось в 3,3 раза по сравнению с 1940 г. Для получения 1 кг химически чистого золота от раздельной золотодобычи в 1950-е гг. в среднем требовалось вскрыть 319,3 $м^3$ торфов, промывать 226 $м^3$ песков (в 1956 г. – на 40 $м^3$ больше), тогда как в 1938-1940 гг. для этого требовалось вскрыть 244,7 $м^3$ торфов и промывать 70 $м^3$ песков.

[1] Д. 394, Л. 60-62.
[2] Д. 394, Л. 122-123.
[3] Таблица составлена нами по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 258, Л. 1-71; Д. 480, Л. 83-109. Там же. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 86.

В 1953 г. закончилась длившаяся около четырех лет фаза относительной стабилизации золотодобычи Дальстроя, и добыча золота снизилась с 49 т в начале 1950-х гг. до 38,7 т в 1956 г., хотя объемы вскрыши торфов росли вплоть до 1955 г., а ощутимое снижение объема промытых на промприборах песков произошло только в 1956 г. Самым крупным поставщиком золота в 1950-х гг. в Дальстрое являлось Западное горнопромышленное управление (Сусуманский район), его удельный вес в общей золотодобыче Дальстроя в 1950-1956 гг. в среднем составлял 38-40%[1]. С 1954 г. объемы дражной добычи золота стали превосходить объемы добычи рудного золота.

Удельный вес золота, добытого Дальстроем в 1955 г. (44,1 т) составил 37,9% к общесоюзной добыче[2].

Дальнейшие перспективы развития золотодобычи на Северо-Востоке были осторожно оптимистичны. Так, согласно проекту 15-летнего перспективного планирования развития Дальстроя в 1956 г. предполагалось добыть 40 т золота (было добыто 38,7 т), затем планировался плавный рост показателей добычи до 48,7 т в 1970 г. (см. таблицу 26):

Таблица 26

Основные технико-экономические показатели по добыче золота по перспективному плану развития Дальстроя на 1956-1970 гг. (в кг)[3]

	1955 г. фактич.	1956 г. проект	1961 г. проект	1966 г. проект	1970 г. проект
Золото всего (кг)	44102,3	40000	41500	47000	48700
в т.ч. от рудной добычи	2379,2	2000	3000	6000	6000
из россыпей (раздельная)	36339,0	34300	30200	30400	29800
от дражной добычи	3082,4	3300	5600	7400	9100
от гидравлической	145,5	400	1300	1600	2000
от прочих способов	2156,2	-	1400	1600	1800

Из приведенных данных следует, что в перспективном планировании предполагалось заметное снижение россыпной добычи и, наоборот, трехкратное увеличение рудной добычи в 1966 г. по сравнению с 1956 г. Также планировалось троекратное увеличение дражной добычи, причем ее удельный вес должен достичь 18,7%, а рудной только 12,3% от общих объемов добываемого золота. Планировалось и серьезное увеличение гидравлической добычи, ее удельный в 1970 г. должен был составить 4,1%.

В наиболее перспективных в плане прироста новых запасов золота Анюйском и Чаун-Чукотском районах в 1966-1970 гг. планировалось добыча золота от 1,7 и 2,9 т в 1966 г. до 3,6 и 3,6 т в 1970 гг. соответственно[4].

[1] Там же. Д. 258, Л. 1-71; Д. 480, Л. 83-109.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 425, Л. 4.
[3] ссД. 447, Л. 14.
[4] ссД. 447, Л. 15.

При разработке россыпных месторождений раздельным способом предполагалось максимальное расширение области применения открытых горных работ с увеличением глубины вскрыши до 8-10 м, а в отдельных случаях и до 12 м. Способы производства вскрышных работ с применением гидрооттайки грунтов, а также рыхления их взрывчатыми веществами имели вспомогательное значение. Так в частности рыхление грунтов взрывчатыми веществами намечалось в пределах 10% от общих объемов вскрыши[1]. Также за 15-летний период планировалось открыть 13 новых приисков, и закрыть 10 приисков, действовавших на 1956 г. вследствие отработки их запасов[2].

Наряду с раздельным способом работ в перспективном плане предусматривалось широкое внедрение драг, количество которых с 8 в 1955 г. должно было увеличиться до 35 в 1970 г.[3] При этом из общего количества 33 драги должны были быть емкостью черпаков 210 л и 2 драги 380-литровые. На дражных полигонах намечалось предварительное удаление части торфов с последующей оттайкой оставшихся объемов грунта. Во всех случаях, где позволят условия, предусматривалось проведение оттайки способом фильтрации, как наиболее экономически выгодным. Планируемый объем гидрооттайки с 4,0 млн. $м^3$ в 1956 г. планировалось довести до 19,6 млн. $м^3$ в 1970 г.[4]

Кроме дражной золотодобычи в течение 15 лет значительное развитие должен был получить гидравлический способ разработки россыпей. Гидравлики планировалось применять на россыпях с небольшими объемами, где нельзя использовать драги и экономически невыгодно вести отработку раздельным способом. Поэтому перспективным планом объем работ на 1 гидравлическую установку предусматривался в размере 80-120 тыс. $м^3$. Всего за период с 1956 по 1970 гг. планировалось ввести в эксплуатацию 40 гидравлических установок с искусственным напором воды[5].

Промывка песков, добываемых в ходе подземных и открытых горных работах, в перспективном плане в основном предусматривалась на металлических приборах, число которых к 1970 г. должно было возрасти до 500 единиц против 172 в 1955 г. Все приборы предусматривалось перевести на дистанционное управление. При промывке песков, содержащих мелкое золото, предусматривалась установка отсадочных машин и подшлюзников. Промывка песков на месторождениях, где встречались самородки, должна была производиться на приборах оборудованных самородкоуловителями.

---

[1] ссД. 447, Л. 15.
[2] ссД. 447, Л. 17.
[3] ссД. 447, Л. 18.
[4] ссД. 447, Л. 18.
[5] ссД. 447, Л. 18-19.

По рудным месторождениям намечалось значительное увеличение объемов добычи руды. Так мощность рудника им. Матросова с 1000 т должна была увеличиться до 5 тыс. т переработки руды в сутки, рудника им. Белова – до 350 т[1].

2.1 Развитие дражной золотодобычи на Северо-Востоке в 1950-е гг.

Развитие инженерной мысли в отношении комплексной механизации при освоении месторождений минеральных полезных ископаемых привело к созданию плавучего комплексно-механизированного горно-обогатительного агрегата с одно-, а затем и с многочерпаковым рабочим органом для подводной разработки преимущественно россыпей, извлечения из них ценных минералов и укладки пустых пород в отвал - драги. Дражная золотодобыча в России начала развиваться еще в дореволюционный период[2]. В СССР еще в 1940-е гг. удельный вес драг дореволюционной постройки был весьма значителен, особенно в трестах «Енисейзолото» и «Уралзолото»[3].

Наличие на Северо-Востоке крупных россыпных месторождений делало возможным широкомасштабное дражное извлечение золота. Вопрос о применении драг в северных условиях рассматривался еще в самых первых документах о создании Дальстроя. Согласно п. 13 постановления ЦК ВКП(б) «О Колыме» (от 11 ноября 1932 г.) высшее руководство страны обязало Иркутский завод «изготовить в ударном порядке для Колымы два комплекта 5,5-футовых драг на деревянных понтонах с расчетом закончить выпуск всех частей не позднее 1 апреля 1932 г.»[4]. ВСНХ СССР должен был обеспечить срочное изготовление еще трех электрических 7,5-футовых драг и доставить их во Владивосток (также к апрелю 1932 г.). Дополнительно к этому ВСНХ необходимо было разместить за границей заказ на два полных комплекта монтажного оборудования по спецификациям треста «Цветметзолото» для драг с расчетом получения их во Владивостоке к апрелю 1932 г., а также заказать для Колымы семь экскаваторов и другие механизмы. На все импортируемое оборудование ассигновалась весьма значительная сумма – «500.000 рублей валюты»[5]. В свою очередь Дальстрой должен был провести подготовительные мероприятия для скорейшего монтажа драг и подготовить разведанные площади.

---

[1] ссД. 447, Л. 20.
[2] Первая многочерпаковая драга была сконструирована в 1882 г. в Новой Зеландии. В России первые драги стали появляться к концу XIX в. В 1896 г. была установлена драга на Воскресенском прииске Верхне-Амурской золотопромышленной компании (Восточная Сибирь). На Урале и в Западной Сибири первые драги были установлены в 1899-1900 гг. См.: Ванеев Н.И. Золото. – М., 1941. – С. 102.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 3390, Л. 17-105об.
[4] РЦХИДНИ, Ф. 17, Оп. 162, Д. 11, Л. 60.
[5] Там же. РЦХИДНИ, Ф. 17, Оп. 162, Д. 11, Л. 61.

Наличие на Колыме богатейших россыпных месторождений золота по совокупности своих качеств благоприятных для мускульной отработки (небольшая глубина залегания, легкость грунта, промывистость песков, богатое содержание металла)[1], отодвинули развитие комплексной механизации горных работ. Фактически администрация Дальстроя и НКВД СССР предпочитали не внедрять новое высокотехнологичное промышленное оборудование, а использовать на золотодобыче в Дальстрое физический труд десятков тысяч заключенных. Таким образом, в течение 1930-х гг. широкомасштабное использование труда заключенных надолго затормозило и процесс развития дражной добычи золота на Северо-Востоке.

Вместе с тем, несмотря на широкомасштабное использование принудительного труда заключенных, вопрос о применении драг в Дальстрое все же и в 1930-е гг. оставался на повестке дня. Так в 1936 г. в ходе совещаний по вопросам выполнения Дальстроем планов добычи металлов и по геологии Северо-Востока в целом, среди множества поднимаемых вопросов возникла дискуссия относительно дражного метода золотодобычи. Профессор Н. И. Трушков в своем докладе указывал, что мускульный способ отработки колымских месторождений уже «дает максимум того, что он может дать». Поэтому, по его мнению, в целях наиболее полного извлечения золота необходимо было вводить в эксплуатацию драги и гидравлические установки[2]. Главный геолог Дальстроя В. А. Цареградский был более сдержан в оценке ближайших перспектив применения на Северо-Востоке драг и гидравлик и считал, что основную ставку на золотодобыче все же нужно делать на мускульную добычу[3].

Наиболее тщательно к проблеме использования драг и гидравлик на Северо-Востоке подошел в своем докладе заместитель главного инженера Северного горнопромышленного управления В. С. Устимович. Такие обстоятельства, как вечная мерзлота, требовавшая предварительной оттайки дражных полигонов, дороговизна, большой вес, затрудненность доставки и длительность монтажа драг, неизбежная потеря крупных самородков золота (от 80-100 г и выше), были не в пользу развития дражной добычи на Колыме. В этой связи В. С. Устимович более перспективным считал использование на Северо-Востоке гидравлик с механическим напором воды центробежными насосами[4].

По итогам работ, проведенных комиссией по золоту (под председательством профессора Н. И. Трушкова), была принята программа «механической золотодобычи», согласно которой первую 5,5-футовую драгу предполагалось ввести в эксплуатацию в 1939 г. в Южном управлении (с заданием добыть 300 кг металла), в 1941 г. ввести в эксплуатацию еще две новых драги. При этом вся золотодобыча драгами и гидравликами считалась комиссией всего

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 39, Л. 3.
[2] Там же. Д. 21, Л. 14-15.
[3] Там же. Д. 21, Л. 18.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 21, Л. 19-20.

лишь дополнением к мускульной золотодобыче[1]. Однако, в 1930-х гг., а тем более в годы Великой Отечественной войны вопрос о вводе в эксплуатацию драг на Северо-Востоке решить положительно так и не удалось.

Во второй половине 1940-х гг. по мере отработки наиболее богатых россыпных месторождений проблема о более масштабной механизации горнодобывающей промышленности вновь стала одной из самых актуальных. В этой связи 5 февраля 1946 г. приказом № 81 по ГУСДС сообщалось, что в соответствии указаниям из Москвы в целях дальнейшего развития механизации и разработки россыпных месторождений Дальстроя в течение ближайших двух-трех лет предусматривается внедрение добычи золота драгами и золотомойками. Для дражной разработки были выделены первоочередные объекты: долина р. Малый Ат-Урях (Северное управление), долина р. Чай-Урья ниже территории прииска «им. Чкалова» (Чай-Урьинское управление) и долина р. Омчак ниже территории прииска «им. Гастелло» (Тенькинское управление). Для золотомоек была выделена долина р. Утиной (с ключами Холодный и Юбилейный)[2].

Названные речные долины входили в число самых крупных золотоносных провинций Северо-Востока и в течение длительного времени подвергались интенсивной промышленной разработке раздельным способом. Таким образом, драги предполагалось использовать на уже освоенных объектах для извлечения из недр данных месторождений максимально возможного количества золота. По данным на август 1946 г. на дражных полигонах Тенькинского и Чай-Урьинсокго управлений проводились гидрогеологические наблюдения и исследования[3].

В 1946 г. для Дальстроя было закуплено 5 импортных электрических драг фирмы «Юба»[4] (США) с черпаками емкостью 210 литров[5]. Закупленные драги поставлялись некомплектно, поэтому в течение 1947 г. «Дальстройпроект» разработал проект доукомплектования поставленных драг. Все недостающее оборудование было заказано на заводах центральных районов Советского Союза[6].

В январе 1948 г. две драги были преданы в Западное управление и еще одна - в Тенькинское[1]. В целях форсирования строительства и монтажа драг 6 апреля 1948 г. на базе дражного участка в ЗГПУ была организована монтажно-строительная контора с самостоя-

---

[1] Там же. Л. 36, 38.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 136, Л. 226-227.
[3] Там же. Д. 139, Л. 218.
[4] Название фирмы приведено по тексту документа. Драги этой американской фирмы уже были известны в СССР. Так в 1943 г. 2 драги «типа» «Юба» действовали в составе треста «Миасзолото» (см.: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 3425, Л. 43).
[5] Из «Отчета об итогах эксплуатации дражного флота на Крайнем Северо-Востоке СССР за 8 лет» следует, что в 1946 г. драги уже были завезены в Дальстрой (см.: ГАМО, Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 3). По другим, и видимо более точным данным, первые драги в Дальстрой были завезены только в 1948 г. (см.: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 165, Л. 240-241).
[6] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 151, Л. 149.

тельным балансом. Начальником этой монтажно-строительной конторы был назначен А. А. Недвецкий, который фактически явился основоположником дражного дела на Колыме, наставником колымских дражников[2]. 5 июля 1948 г. была организована монтажно-строительная дражная контора в ТГПУ[3].

Однако вскоре дражные конторы были изъяты из ведения ЗГПУ и ТГПУ, и переданы управлению капитального строительства Дальстроя и впредь должны были именоваться в ЗГПУ - специальная монтажная контора №1, в ТГПУ - №2. Для дражных строек оперативно выделялись экскаваторы, бульдозеры, резина и многие другие материалы[4].

Импортные драги были доставлены в Дальстрой в течение 1948 г. морским путем из бухты Находка до базисных складов государственного треста «Колымснаб» в г. Магадане, затем по трассе - в горнопромышленные управления. Складирование, хранение и транспортировка дражного оборудования «Колымснабом» не были организованы должным образом, вследствие чего значительная часть оборудования была испорчена, утеряна и расхищена в пути. Элетрооборудование драг находилось под открытым небом и под воздействием атмосферных осадков подвергалось порче. Сложные профили различных конструкций оказались погнуты и требовали специальных работ по их исправлению[5]. В целом Дальстрой оказался не готов к приему большого количества (около 5 тыс. т) дорогостоящего дражного оборудования.

В связи с решением центральных органов власти о развитии дражной добычи в Дальстрое весьма актуальным стал вопрос подготовки квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Эта проблема решалась по двум основным направлениям: отправка специалистов на практику в тресты, уже освоивших дражную добычу[6] и путем подготовки кадров на месте в Дальстрое[7].

Строительство и монтаж драг на Северо-Востоке осуществлялись с большим трудом, постоянно возникало множество проблем: недостаточное и несвоевременно техническое снабжение, нехватка запчастей, мало приспособленные помещения для проживания инженерно-технических работников, большие перебои в снабжении продуктами питания, водой, топливом и т.д.[8]

Тем не менее, в результате усилий большого коллектива монтажников и строителей в августе 1949 г. первая драга Дальстроя была пущена в опытную эксплуатацию. Один из не-

---

[1] Там же. Д. 165, Л. 240-241.
[2] Шувалов Л.В. Первая золотодобывающая драга на Колыме // Колыма. – 1981. – №6-7. - С. 75.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 169, Л. 190-191.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 169, Л. 41-42.
[5] Там же. Д. 171, Л. 214-215.
[6] Там же. Д. 169, Л. 205-206.
[7] Там же. Д. 173, Л. 149-150.
[8] Там же. Д. 188, Л. 133-134.

посредственных руководителей строительства и монтажа первой драги Дальстроя Л. В. Шувалов вспоминал, что строительство первой драги длилось 11 месяцев. 16 августа 1949 г. началась пробная эксплуатация, и через 17 дней был получен первый металл[1].

Другой участник этих событий В. Шерстобоев писал, что стапели для сборки первой драги Дальстроя строила бригада Н. А. Бурлакова, монтажными работами руководил Э. Н. Максимович, а сварочными - Б. Г. Давиденко. В ноябре 1948 г. с Урала приехали драгеры П. И. Петров, Ф. И. Халезин, А. В. Бурганов, Л. А. Бабушкин. Начальником дражного участка был Л. В. Шувалов. Через руки строителей прошло 1100 т искореженных и погнутых конструкций, многие сомневались, что драга будет работать в условиях вечной мерзлоты, но жизнь сама дала ответ: 1949 г. стал годом рождения первой колымской драги[2].

В связи с особой важностью данного события в приказе от 22 октября 1949 г. начальник Дальстроя генерал-майор И. Г. Петренко указывал, что окончание работ по строительству драги № 156 на р. Чай-Урья (прииск «им. Чкалова») сделало возможным ее ввод в действие и промышленную добычу металла с 14 сентября 1949 г. В этой связи коллектив 1-й спецмонтажной конторы поздравлялся с большой производственной победой окончания строительства и пуском первой драги на Колыме, многие работники этим же приказом были награждены значком «Отличника социалистического соревнования золотоплатиновой промышленности», «Похвальным Листом» Главного и Политического управлений Дальстроя, 12 чел. получили благодарность с занесением в личное дело[3]. Однако, несмотря на пробные эксплуатационные работы первой драги Дальстроя предстоял еще значительный объем работ по доводке ее до оптимальной мощности и т.п. [4]

В 1950 г. первая драга Дальстроя (№156) на р. Чай-Урья заработала уже в начале июня. Ввод в эксплуатацию второй драги (№157) планировался с 15 августа 1950 г. В этой связи проводилась интенсивная работа по скорейшему монтажу, доставке необходимого оборудования, материалов и т.п.[5] В конце сентября 1950 г. вторая драга была введена в эксплуатацию цию (на р. Берелех)[6] и до 18 октября успела дать 77,7 кг золота[7] (при наличии значительных ных дефектов и недоделок)[8]. Всего в 1950 г. две драги добыли 400,17 кг золота[9], значительно но перевыполнив установленный для них план.

---

[1] Шувалов Л. В. Первая драга на Колыме. // Колыма. – 1981. - №6-7. - С. 76.
[2] Щербинин Б. Г., Леонтьев В. В. Там, где геологи прошли. - Магадан, 1980. - С. 51-52.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д.195, Л. 169-170.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 197, Л. 247-250.
[5] Там же. Д. 222, Л. 85-87.
[6] Там же. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 3.
[7] Там же. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 84.
[8] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 248, Л. 128-129.
[9] Там же. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 84.

В течение 1951 г. велось строительство и подготовка к эксплуатации сразу четырех драг на р. Омчак в Тенькинском управлении. В целях своевременного выполнения трудоемких монтажно-строительных работ в Омчакской долине управлению «Драгстроймонтаж» были выделены бульдозеры[1], периодически приказывалось срочно форсировать работы по строительству и монтажу драг, вовремя предоставлять заявки на необходимое оборудование и материалы и т.п.[2] В феврале 1951 г. начальнику гостреста «Колымснаб» было приказано командировать своих представителей в г. Иркутск и на завод «Красное Сормово» для приемки и отгрузки двух драг, поставляемых Министерством транспортного машиностроения и одной драги Иркутского завода[3].

С 1 января 1952 г. управление «Драгстроймонтаж» было ликвидировано, и работы по монтажу драг вновь были переданы горнопромышленным управлениям[4]. В мае 1952 г. на прииске «им. Гастелло» Тенькинского управления были введены в эксплуатацию три новых драги[5]. Всего в 1952 г. пятью драгами было получено почти 2 т золота (1957,88 кг)[6].

В развитии дражного дела в Дальстрое активное участие принимал Магаданский ВНИИ-1, работники которого занимались широким кругом проблем, связанных с улучшением производственных показателей работы драг. В течение 1953 г. бригаде сотрудников ВНИИ-1 совместно с работниками прииска удалось значительно улучшить процессы работы драги на прииске «им. Гастелло»[7]. В 1953 г. в Омчакской долине была введена в эксплуатацию шестая по общему счету драга. Начиная с этой драги, все последующие драги в Дальстрое были уже отечественного производства Иркутского завода тяжелого машиностроения (ИЗТМ) и Сормовского завода[8]. За 1953 г. шестью драгами было добыто 2360,45 кг золота[9], и и объемы дражной добычи золота почти сравнялись с объемами рудной добычи (см. таблицу 27).

В течение 1954 г. велось интенсивное строительство драг №7 и №9 на Чай-Урьинском и Челбаньинском месторождениях, возложенное на Западное горнопромышленное управление[10]. Но в эксплуатацию они были сданы только июле и августе 1955 г.[1] 8 октября 1955 г. начальникам ЗГПУ и ТГПУ, в связи необходимостью выполнения государственного плана, было приказано продлить работу всех драг не менее чем до 15 ноября. Для каждой драги бы-

[1] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 247, Л. 112.
[2] Там же. Д. 247, Л. 112; Д. 249, Л. 238-241; Д. 254, Л. 285-287.
[3] Там же. Д. 248, Л. 152-156.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 278, Л. 6.
[5] Там же. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 1.
[6] Там же. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 84.
[7] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 318, Л. 64-65.
[8] Власенко В. И. Итоги эксплуатации дражного флота на Северо-Всотоке СССР. - Магадан, 1959 г. - С. 3. Также же см.: ГАМО, Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 3.
[9] ГАМО, Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 84.
[10] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 341, Л. 91-92.

ло установлено особое производственное задание, выполнение которого должно было строго контролироваться[2].

Однако 22 октября 1955 г. в результате «нарушения огромного количества правил эксплуатации и техники безопасности» произошло затопление драги №5 на прииске «им. Гастелло» Тенькинского управления. Комиссия, специально назначенная для расследования причин аварии, установила, что авария произошла в результате грубых нарушений правил технической эксплуатации со стороны драгера Апажева. Работа драги велась с частично затопленными трюмами при неисправных противоаварийных насосах и т.п. В этой связи на всех остальных драгах было приказано срочно провести комплекс противоаварийных мероприятий (в т.ч. обеспечение драг рабочими вакуумными насосами, тщательная проверка кадров и т.п.)[3]. Срочно был разработан противоаварийный циркуляр №1/Др. от 26 ноября 1955 г. «О предупреждении аварии с драгами»[4]. За самоотверженную работу и решительные действия по ликвидации последствий аварии кочегар этой драги Лысоиваненко был награжден значком «Отличника социалистического соревнования золотоплатиновой промышленности»[5].

20-21 февраля 1956 г. проходило областное совещание работников дражного сектора Дальстроя. Вновь было акцентировано внимание на том, что территория Северо-Востока СССР обладает сырьевой базой, позволяющей реализовать программу развития дражного флота, утвержденную правительством на период 1956-1960 гг. Основными проблемами дражного сектора были признаны неудовлетворительная разведка полигонов некоторых действующих драг, неудовлетворительное положение с оттайкой полигонов в Западном управлении, затягивающийся ремонт драг и т.д. Этим же областным совещанием были утверждены мероприятия по дальнейшему развитию дражного флота в Дальстрое[6].

В августе 1956 г. на рр. Дебин и Бурхала начала работать драга № 177 (№8 ДС) - первая драга на россыпях Ягоднинского района (СГПУ). Также в 1956 г. вошла в строй очередная драга на р. Берелех[7], проводились работы по выбору места монтажа еще двух драг[8]. Всего за 1956 г. 10 драг Дальстроя добыли 3957,8 кг золота, что значительно превышало установленное для них годовое задание[9].

---

1 Там же. Д. 370, Л. 92-94.
2 Там же. Д. 372, Л. 30-31.
3 ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 373, Л. 261-264.
4 Там же. Д. 373, Л. 265-268.
5 Там же. Д. 379, Л. 82.
6 Там же. Д. 380, Л. 63-86.
7 ГАМО, Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 2; Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 386, Л. 165-168.
8 Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 384, Л. 23-26.
9 Там же. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 84.

В течение первой половины 1957 г. шло интенсивно строились и монтировались драги №12 и №13[1]. 15 июня 1957 г. одним из последних приказов по ГУСДС была создана комиссия по выбору площадки для строительства драги №14 на месторождении Малый Ат-Урях Ягоднинского района[2].

Таким образом, промышленный пуск первых драг на Северо-Востоке состоялся в 1949-1950 гг. на территории Западного горнопромышленного управления (Сусуманский район). В последующие годы количество драг в Дальстрое увеличивалось и в августе 1957 г. достигло десяти[3]. Действовали они, кроме Западного управления, в Тенькинском (Тенькинский район) и Северном (Ягоднинский район) управлениях. Строительство и монтаж драг осуществлялся, как правило, в сроки от 8 до 12 месяцев, включая подготовительные работы[4]. ты[4]. В подавляющем большинстве случаев драги начинали работу в середине мая и заканчивали сезон в октябре-ноябре. С 1953 г. имелась четко выраженная тенденция удлинения периода эксплуатации драг за счет более позднего прекращения драгирования. Если в 1950-1952 гг. включительно завершение дражной добычи приходилось на 20-е числа октября, и драги становились на зимний отстой, то в 1953-1956 гг. драгирование заканчивалось уже в 10-20-х числа ноября. Однако практика эксплуатации драг в суровых природно-климатических условиях Северо-Востока показала, что чрезмерное удлинение эксплуатационного сезона приводило к сильному износу дражного оборудования, повышенному сносу металла, значительным материальным и трудовым затратам, т.е. не являлось эффективным[5].

Средняя продолжительность дражного сезона в Дальстрое в 1950-1952 гг. составляла 150-160 дней, в 1953-1956 гг. – она увеличилась до 170-220 дней в год[6]. Количество часов чистой работы в сутки в 1950-1952 гг. в среднем составляло 18,3 ч., в 1953-1955 гг. увеличилось до 20,125 ч.[7]

Среднее содержание золота на отрабатываемых дражным способом месторождениях Дальстроя в 1950-51 гг. составляло 1,77-1,81 г/м^3 (1,81 г/м^3 - абсолютный максимум); в 1952-1954 гг. - 1,125-1,34 г/м^3. Начиная с 1955 г. среднее содержание на дражных полигонах неуклонно падало, снизившись в 1957 г. до 0,249 г/м^3 (абсолютный минимум)[8]. Себестоимость дражного золота в Дальстрое была на 30-40% ниже себестоимости золота, добываемого раздельным способом[9].

---

[1] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 394, Л. 63-65.
[2] Там же. Д. 394, Л. 161.
[3]Там же. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 4об.
[4] Там же. Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 6-7.
[5] ГАМО, Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 7-8.
[6] Там же. Л. 7.
[7] Там же. Л. 15.
[8] Там же. Л. 40.
[9] Там же. Л. 55.

В целом за 1950-1956 гг. включительно в Дальстрое драгами было промыто 23,7 млн. $м^3$ горной массы, добыто 15676,96 кг химически чистого золота (см. таблицу 27), процент извлечения золота на драгах в 1956 г. составил 94,7%[1].

Таблица 27

Дражная золотодобыча Дальстроя в 1950-1956 гг.[2]

	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
количество драг в работе	2	2	5	6	6	8	10
чистая работа в сутки (ч)	18,1	18,1	18,7	19,7	20,6	19,8	20,4
промывка горной массы драгами (тыс. $м^3$)	496,2	836,9	2628,0	3316,3	3877,0	5952,3	6614,0
получено золота* (кг)	400,17	924,9	1957,88	2360,45	3017,36	3058,4	3957,8

*) данные приведены по химически чистому металлу

Таким образом, в 1950-е гг. в условиях кризиса горнодобывающей промышленности Дальстроя и общего снижения количества добываемого золота (особенно после 1952 г.), дражный сектор развивался весьма динамично. Количество драг, сдаваемых в эксплуатацию, последовательно увеличивалось, улучшались качественные показатели их работы, удельный вес добываемого драгами золота от общего объема золотодобычи Дальстроя увеличился с 0,8% в 1950 г. до 10,2% в 1956 г.[3]

3. Динамика развития оловодобычи

Во второй половине 1940-х гг. стало очевидно, что запасы олова в центральном Колымском районе деятельности Дальстроя стремительно истощались. Значительные запасы олова по данным геологоразведки находились на Чукотке и в Янском районе. Их освоение требовало значительных капиталовложений, массового привлечения рабочих и техники. Однако, как выяснилось в последствии, Дальстрою в силу ряда обстоятельств не хватило необходимых ресурсов для этого[4].

Для Дальстроя в целом и для его оловодобывающих предприятий в частности особенно важным стало постановление СНК СССР от 29 октября 1945 г., согласно которому в 1946-1947 гг. Дальстрою предусматривались поставки оборудования, технических материалов и транспорта из США на сумму в 21 млн. долларов. Значительная часть импортного оборудования предназначалось для горных и обогатительных объектов. Однако начинавшаяся холодная война и ухудшение отношений между СССР и США помешали осуществлению закупок. В результате импорт для Дальстроя не достиг даже 8 млн. долларов[5], что несколько за-

---

[1] Там же. Л. 25.

[2] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 4-5, 17, 86. Власенко В. И. Итоги эксплуатации дражного флота на Северо-Востоке СССР (обзор и анализ технико-экономических показателей за 1950-1958 гг.). – Магадан, 1959. – Таблица 8.

[3] Подсчитано по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 425, Л. 10; Ф. Р-137, Оп. 1, Д. 1063, Л. 86.

[4] История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М., 1989. – С. 266.

[5] Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – Т. 2. Апогей и крах сталинизма. - С. 237-238.

медлило темпы развития оловодобычи на Северо-Востоке. Так, например, оборудование для строящегося оловянно-вольфрамового Иультинского горнорудного комбината заказывалось не только с «материка», но и из США[1]. На других оловодобывающих объектах Северо-Востока доля импортного высокотехнологичного оборудования (дробилки, классификаторы, насосы, компрессорные станции и т.д.) была весьма значительной[2].

В 1946 г. для реализации правительственного постановления о вводе в ближайшие годы в эксплуатацию Иультинского оловянно-вольфрамового месторождения руководство Дальстроя приняло решение о создании в заливе Креста управления «Чукотстрой». Начальником «Чукотстроя» был назначен Б. Н. Ленков - опытный строитель и организатор. В годы войны он досрочно построил автомобильную дорогу с Колымы на Алдан до пос. Хандыга[3]. Летом 1946 г. большая группа строителей во главе Б. Н. Ленковым отплыла из Владивостока с целью строительства морского порта в заливе Креста[4]. На Чукотку они прибыли в июне 1946 г. и высадились на голый берег бухты Эгвикинот. В состав «Чукотстроя» был передан Иультинский разведочный район, находившийся на расстоянии 200 км от этой бухты. Основными трудностями «Чукотстроя» стало отсутствие технической документации, недостаточный завоз необходимого оборудования и материалов (прежде всего тракторов, леса и запчастей). До сентября 1951 г. управление испытывало крайнюю нужду в кадрах. Отделы «Чукотстроя» не были в достаточной степени укомплектованы квалифицированными специалистами[5].

В дальнейшем «Чукотстрою» пришлось одновременно вести геологические изыскания, работы по дорожному и промышленному строительству, и в определенных объемах вести добычные работы на Иультинском месторождении. При этом управление полностью зависело от завоза морским путем рабочих, оборудования, стройматериалов, горючего и т.д., поскольку на территории деятельности «Чукотсроя» ничего этого не было.

В целом снабжению оловодобывающих управлений уделялось особое внимание. В частности грузы на Чукотку доставлялись с широким привлечением авиации[6]. Морским путем в навигацию 1946 г. Янскому управлению, на Чукотку и в Омсукчанский горнорудный комбинат планировалась доставка большого количества оборудования, в основном оно было импортного производства[7].

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 137, Л. 254.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 138, Л. 70; Д. 140, Л. 173 и др.
[3] Жилинский Г. Б. Мирный морской десант в заливе Креста // Краеведческие записки. – Магадан, 1992. – Вып. 18. – С. 82.
[4] История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М., 1989. - С. 267-268.
[5] Д. 258, Л. 205-206.
[6] Д. 137, Л. 96.
[7] Д. 138, Л. 70.

В 1945 и 1946 гг. оловодобывающие предприятия Дальстроя досрочно справлялись со своими годовыми заданиями и наращивали объемы оловодобычи. Так в 1945 г. на Северо-Востоке было добыто 4,5 тыс. т, а в 1946 г. – 4,7 тыс. т олова в концентрате[1]. Отдельные оловодобывающие управления работали эффективно еще и в экономическом плане. Так Юго-Западное управление за 9 месяцев 1946 г., как сообщалось, «дало государству 14 млн. руб. прибыли»[2].

Однако уже в 1947 г. работа оловодобывающего комплекса Дальстроя оказалась менее успешной. Ведущее оловодобывающее Чаун-Чукотское управление в 1947 г. выполнило план по олову только на 85%, в руде и песках заметно снизилось среднее содержание металла. В период полярной навигации, когда в течение 3,5 месяцев должен был осуществляться годовой грузооборот, нехватка механизмов на погрузочно-разгрузочных работах заставляла в самое горячее время летнего промывочного сезона перебрасывать в порты значительное количество рабочих, что отрицательно сказывалось на добыче металла. Ситуация серьезно усугублялась в связи с отъездом в центральные районы страны значительного количества опытных горняков и геологов, проработавших на Чукотке всю войну[3]. В целом делопроизводство Дальстроя 1947 г. содержит большое количество приказов, предписывавших «ускорить выполнение плана», «принять все необходимые меры» к выполнению плана и т.д.[4] Наравшее давление дальстроевского руководства и отстутсвие возможности выполнить установленные нормы, привело к распространению на предприятиях случаев приписок выполненных объемов, завышения суточных сводок и т.п.[5]

Важное внимание по-прежнему уделялось снабжению отдаленных оловодобывающих подразделений. В целях скорейшего развития Иультинского месторождения в портах Ванино и Находка было обеспечено раздельное складирование грузов, предназначенных для отправки на Чукотку, а также выделены ответственные лица по приему, учету и комплектной поставке оборудования «Чукотстрою»[6].

Через бухту Пестрая Дресва в навигацию 1947 г. для Омсукчанского комбината предполагалось завезти 35 автомашин, 3 трактора, 5 станков, 2 компрессора и т.д.[7], что явилось бы существенной помощью для этого перспективного района оловодобычи.

Янское управление в ходе навигации 1947 г. недополучило необходимое количества бензина. Выправить положение можно было только с привлечением авиации. В этой связи

---

[1] ссД. 4, Л. 6.
[2] Д. 140, Л. 221.
[3] Рощупкин Г. Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917-1953 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. – Магадан, 1971. - С. 59, 61, 63.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 151, Л. 36; Д. 152, Л. 26-27 и др.
[5] Там же. Д. 152, Л. 97-98.
[6] Д. 149, Л. 230.
[7] Д. 151, Л. 153.

перед авиаотрядом Дальстроя ставилась задача перебросить 40 т авиабензина Б-80 из пос. Зырянка на Яну[1].

Для улучшения перевозки оловянных концентратов и сохранения комплектности их поставок в мае 1947 г. было приказано отгружать их партиями по 3 т. Во избежание порчи тары запрещалась перевозка оловянных концентратов в трейлерах автомашин «Даймонд»[2]. Периодически отгрузку концентратов из горных управлений приказывалось ускорять, чтобы успеть во время отправить их на «материк»[3].

Следующий, 1948 г. оказался для оловодобывающего комплекса Дальстроя еще более напряженным. Несмотря на то, что работа оловодобывающих предприятий находилась под постоянным контролем Главного управления, их работа в 1948 г. признавалась неудовлетворительной. Чаун-Чукотское управление с самого начала года срывало установленный для него план[4]. План первого квартала 1948 г. не выполнило практически ни одно оловодобывающее предприятие[5]. Вновь были зафиксированы случаи приписок и других злоупотреблений, например на руднике «Валькумей» и обогатительной фабрике №521 Чаун-Чукотского управления[6].

Руководство Дальстроя периодически приказывало форсировать работу оловодобывающих предприятий, но увеличить объемы оловодобычи не удалось. Более того, если в 1947 г. Дальстрой добыл 4,1 тыс. т олова в концентрате, то в 1948 г. добыча упала до 3,3 тыс. т.[7]

Показатель оловодобычи 1948 г. стал самым минимальным вплоть до 1956 г. В результате кризисных явлений работа оловодобывающих управлений стала менее рентабельной. Так Юго-Западное управление, которое в 1946 г. дало не менее 14 млн. руб. прибыли, в 1948 г. принесло 16 млн. руб. убытков[8].

В 1949 г. со сменой руководства Дальстроя работа оловодобывающих предприятий Дальстроя проходила более успешно. Традиционно важное внимание уделялось своевременному снабжению удаленных предприятий. Так для снабжения объектов Омсукчанского промышленного района, где близилось к завершению строительство рудника «Галимый», фабрики №14бис, подготавливалось к эксплуатации месторождение «Останцевое», большое ко-

[1] Д. 154, Л. 249.
[2] Д. 151, Л. 9.
[3] Д. 153, Л. 151 и др.
[4] Д. 165, Л. 77-78.
[5] Д. 166, Л. 146.
[6] Д. 169, Л. 225.
[7] ссД. 4, Л. 6.
[8] Д. 195-201.

личество оборудования завозилось по зимнику Герба-Омсукчан, причем автоколонны обеспечивались лучшими водителями[1].

В Янском управлении в целях увеличения добычи олова планировалось строительство и расширение обогатительных фабрик, принимались меры по перевозке техники, горюче-смазочных материалов, продовольствия и рабочей силы, особенно на рудник «Илинтас»[2]. Однако положение с квалифицированными кадрами в ЯГПУ оставалось довольно тяжелым, в связи с чем руководство Дальстроя приказало завербовать и направить туда более 40 специалистов[3].

Также в 1949 г. стали восстанавливаться производственные мощности оловодобывающего предприятия «Днепровский», на который было отправлено две строительно-монтажные бригады от Управления шоссейных дорог и Оротуканского завода[4].

Периодически руководство Дальстроя требовало форсировать работу оловодобывающих предприятий в целях ликвидации отставания и даже перевыполнения планов[5]. В ноябре-декабре 1949 г. Янское, Чаун-Чукотское, Юго-Западное и Тенькинское управления должны были обеспечить ремонт своих оловообогатительных фабрик по-агрегатно, чтобы не прерывать хода выполнения плана оловодобычи (технически такая возможность имелась)[6].

Итогом работы оловодобывающего комплекса Дальстроя в 1949 г. стало заметное увеличение добычи оловянных концентратов до 4,2 тыс. т[7], что было на 0,9 тыс. т больше показателя предыдущего года.

Фактическое расходование основных видов ресурсов для получения 1 т олова в концентрате, добытого на основном производстве в 1945-1949 гг., ежегодно увеличивалось (см. таблицу 28).

Таблица 28

Расходование основных видов ресурсов на 1 т олова в концентрате в Дальстрое в 1943-1953 гг.[8]

основные виды ресурсов	ед. изм.	1945	1946	1947	1948	1949
взрывчатые вещества	кг	143	141	164	265.6	283,4
детонаторы	шт.	178	196	209	337,2	366
бикфордов шнур	п/м*	261	251	322	525,0	589
лесоматериалы	$м^3$	3,04	2,65	3,12	4,1	4,7
дрова	$м^3$	1,77	1,65	1,71	1,7	1,8
уголь каменный	т	0,518	0,537	0,441	0,471	1,114
жидкое топливо		71	125,8	234,6	247,5	256,3
электроэнергия	Квч	3520	3450	4509	6547	7072

[1] Д. 187, Л. 35, 47-50.
[2] Д. 188, Л. 61-62.
[3] Д. 190, Л. 81-86.
[4] Д. 190, Л. 2.
[5] Д. 188, Л. 162; Д. 189, Л. 7; Д. 190, Л. 186-188.
[6] Д. 195, Л. 237.
[7] ссД. 4, Л. 6.
[8] Таблица составлена нами по: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4299, Л. 33; Д. 4331, Л. 44; Д. 4372, Л. 48; Д. 4432, Л. 42; Д. 4497, Л. 44.

сжатый воздух	тыс. $м^3$	19,0	17,0	24,63	31,4	32,.8
отработано	челове-ко-дней	306,3	280	394	514	580

Из приведенных данных следует, что в 1949 г. по сравнению с 1945 г. для получения 1 т олова в концентрате требовалось в 3,6 раза больше жидкого топлива, в 2,3 раза лесоматериалов, в 2 раза электроэнергии, детонаторов, взрывчатых веществ и отработанных человеко-дней, на 13,8 тыс. $м^3$ увеличилась потребность в сжатом воздухе. Такое увеличение расходования основных видов ресурсов свидетельствует о снижении среднего содержания олова в россыпях и удельного веса металла в руде и, следовательно, увеличении себестоимости добываемого олова. В 1945-1949 гг. оловянные концентраты Дальстроя для дальнейшей их обработки отгружались заводу №520 (г. Новосибирск)[1].

Основные технико-экономические показатели работы оловодобывающей отрасли Дальстроя во второй половине 1940-х гг. характеризуется данными таблицы 29.

Таблица 29

Основные технико-экономические показатели на оловодобыче Дальстроя в 1945-1949 гг.[2]

	1945	1946	1947	1948	1949
всего на основном производстве, включая цеховой персонал (чел.)	5248	5119	6684	7142	9055
объем переработки горной массы россыпных месторождений (млн. $м^3$)	1,18	1,10	1,04	1,35	1,76
общий объем экскаваторных и бульдозерных работ (млн. $м^3$)	0,96	0,99	0,88	1,15	1,59
общий объем промывки песков промприборами (млн. $м^3$)	0,28	0,32	0,36	0,29	0,52
объем работ на добыче рудного олова (млн. т)	0,43	0,45	0,48	0,51	0,62
коммерческая стоимость 1 кг олова в концентрате (руб.)	48,1	46,6	65,3	90,6	105,2
добыто олова в концентрате (тыс. т)	4,5	4,7	4,1	3,3	4,2
в том числе рудного	3,6	3,8	3,3	2,6	3,3

Из приведенных данных следует, что на оловодобыче удельный вес объемов открытых горных работ, выполненных экскаваторами и бульдозерами к концу 1940-х гг., достиг 95,5%, что говорит о высокой степени механизации горных работ на оловодобывающих приисках. Однако оловоносные месторождения Дальстроя становились все более затратными: чтобы получить 1 т олова из россыпей в 1949 г., требовалось переработать на 645 $м^3$ горной массы больше, чем в 1945 г., а для получения 1 т рудного олова - на 69 т руды больше[3]. Вследсвтие удорожания затрат на добычу, коммерческая стоимость 1 кг олова в концентрате в 1949 г. увеличилась более чем вдвое по сравнению с 1945 г..

[1] Там же. Д. 4290, Л. 31; Д. 4331, Л. 40; Д. 4372, Л. 45, Д. 4432. Л. 39; Д. 4497, Л. 41.
[2] Таблица составлена нами по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 6, Л. 12-14; Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1958, Л. 159; Д. 4299, Л. 20; Д. 4331, Л. 27; Д. 4372, Л. 30; Д. 4432, Л. 25; Д. 4497, Л. 27.
[3] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1958, Л. 159.

Во второй половине 1940-х гг. Чаун-Чукотское горнопромышленное управление, как и в годы войны, оставалось лидирующим оловодобывающим управлением Дальстроя, от работы которого зависело выполнение государственного плана в целом. Удельный вес добычи олова в ЧЧГПУ в общей оловодобыче Дальстроя в 1947 г. составил 55,7%, однако, в начале 1950-х гг. он снизился до 41-42%. Весьма перспективным являлось Янское управление. Удельный вес ЯГПУ в общей оловодобыче Дальстроя вырос с 9% в 1946 г. до 52,5% в 1956 г.[1] Темпы развития Янского управления могли быть еще более динамичными, но для этого требовались многомиллионные инвестиции на развитие производственной и социальной инфраструктуры, сотни квалифицированных специалистов и рабочих.

В начале 1950-х гг. работа оловодобывающего комплекса Дальстроя проводилась в соответствии со сложившейся ранее практикой, и не претерпела каких-либо заметных изменений. Для обеспечения нормальной работы Янского управления из Берелех в пос. Эге-Хая через Адыгалах, Хандыгу, Батомай и Верхоянск в начале марта 1950 г. была организована колонна из 12 автомашин, преимущественно из хорошо зарекомендовавших себя на Северо-Востоке грузовиков «Татра». Срок прибытия автоколонны в пос. Эге-Хая был назначен на 1 мая 1950 г.[2]

В апреле 1950 г. начальник Дальстроя И. Г. Петренко лично побывал в служебной командировке на Чукотке[3]. Работа Чаун-Чукотского управления не удовлетворяла руководство Дальстроя. Стране требовалось больше олова, однако стабильного роста оловодобычи Дальстрою добиться не удавалось. В ходе проверок на руднике «Валькумей» Чаун-Чукотского управления обнаружилось ведение работ не соответствующее техническим проектам. В частности в нарушение, как указывалось, «элементарных правил» технической эксплуатации недр и отработку их хищническим способом с выемкой только наиболее обогащенных участков рудной зоны. Главный инженер ЧЧГПУ и главный геолог рудника получили по строгому выговору, начальник рудника – выговор. Приказывалось вести горные работы в точном соответствии с техническими проектами[4].

Оловодобывающие предприятия, главным образом вследствие своей удаленности, часто испытывали недостаток в специалистах, топливе, материалах и т.д. Так в апреле 1950 г. «в связи с острой производственной необходимостью» в Юго-Западное управление было приказано откомандировать 42 специалиста по работе с бульдозерами[5]. В мае 1950 г. в связи с острым недостатком топлива в Чаун-Чукотском управлении, расход его в ближайшие два

[1] См.: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 503, Л. 23-24; Ф. - Р-23сч, Оп. 1, Д. 1842, Л. 1-2; Д. 1917, Л. 25.
[2] Д. 218, Л. 7-11.
[3] Д. 219, Л. 100, 187.
[4] Д. 220, Л. 13-16.
[5] Д. 219, Л. 11.

месяца был строго распределен для выработки электроэнергии, на экскаваторы, бульдозеры и тракторный парк[1].

Серьезные проблемы оставались и с транспортировкой концентрата. Добытый Омсукчанским горнорудным комбинатом оловянный концентрат, в отсутствии дороги, приходилось перевозить по морю. При этом бывали случая аварии судов. В июне 1950 г. сообщалось о проведении поисков затонувшей баржи с концентратом[2].

В начале 1950-х гг. важное внимание уделялось продолжению освоения Иультинского оловянно-вольфрамового месторождения. На «Иультинском» комбинате планировалось дальнейшее развертывание работ[3]. В 1951 г. исполнилось 5 лет с момента организации управления «Чукотстрой». В ходе проверки производственно-хозяйственной деятельности предприятий «Чукотстроя» в 1951 г. выяснилось, что план капвложений за 9 месяцев 1951 г. был выполнен только на 67%, по Иультинскому горнорудному комбинату план строительных и горнопроходческих работ вообще был сорван. По себестоимости строительства было допущено удорожание против плана на 5,5 млн. руб. На некоторых предприятиях простои рабочих по организационно-техническим причинам составили 40-50% рабочего времени. Неудовлетворительными были признаны условия хранения товаров и состояние дорог.

Растраты и хищения за 9 месяцев 1951 г. составили 995 тыс. руб., приписки объемов работ и переплаты в первом полугодии 1951 г. составили 1750 тыс. руб.[4]

В результате начальник «Чукотстроя» инженер-подполковник Б. Н. Ленков был отстранен от работы, главный инженер управления получил выговор, начальник и главный инженер рудника «Иультин» - сняты, начальник стройконторы №2 арестован на 10 суток, главный механик управления и главный инженер стройконторы №2 освобождены от работы и т.д.[5] Новому начальнику «Чукотстроя» Бирюкову было приказано принять решительные меры по выправлению ситуации[6].

В своей объяснительной записке Б. Н. Ленков указывал, что основными трудностями при строительстве Иультинского оловянно-вольфрамового комбината было отсутствие технической документации, недостаточный завоз необходимого оборудования, материалов, прежде всего тракторов, леса и запчастей. До сентября 1951 г. управление испытывало крайнюю нужду в кадрах. В отделах управленческого аппарата «Чукотстроя» не хватало специалистов. Так технический отдел состоял из 1 чел., отдел нормирования труда и зарплаты - также из 1 чел. Производственного отдела вообще не было. Во всем управлении в течение

---

[1] Д. 220, Л. 85-86.
[2] Д. 221, Л. 134.
[3] Д. 222, Л. 131-134 и др.
[4] Д. 258, Л. 192-194.
[5] Д. 258, Л. 195.
[6] Д. 258, Л. 196.

ряда лет не было специалистов горного дела, маркшейдеров и др. Весь учетно-счетный аппарат в основном состоял из заключенных или бывших заключенных, «не соответствовавших по своим деловым качествам» занимаемым должностям. Все работники нормирования на непосредственно на объектах, за исключением 4 чел., были заключенные не имевшие специального образования или подготовки. Весь складской аппарат также состоял из заключенных, подлежавших немедленной замене. «Чукотстрою» в силу его отдаленности брать эти кадры на месте было неоткуда, заявки же на завоз этих кадров не удовлетворялись. На руднике «Иультин» был только 1 специалист-горняк, все остальные – «случайные люди» и т.д.[1]

В 1951 г. для обеспечения грузами Омсукчанского управления вновь был проложен автозимник Герба-Омсукчан[2]. За успешную работу руководители и участники автозимников «Омсукчанский» и «Полярный» поощрялись руководством Дальстроя[3]. Продолжала оказываться помощь и кадрами. Так в апреле 1951 г. для укомплектования предприятий Чаун-Чукотского управления и управления п/я №14 (добыча и разведка урана) было откомандировано 37 работников, в т.ч. геологи, маркшейдеры, работники исправительно-трудовой системы и др.[4] Для решения конкретных производственных задач в оловодобывающие районы (особенно на Чукотку) весьма часто командировались специалисты из г. Магадана, в т.ч. и из ВНИИ-1[5].

Ход оловодобычных работ в 1951 г. не вполне удовлетворял руководство Дальстроя. Омсукчанское управление выполнило план 7 месяцев на 90% и в этой связи начальник Дальстроя И. Митраков указывал, что руководители управления «потеряли чувство ответственности за судьбу государственного плана» и в этой связи они предупреждались о неполном служебном соответствии[6]. Также неудовлетворительной была признана работа Чаун-Чукотского Чукотского управления, что в значительной степени связывалось с плохой работой и большой аварийностью механизмов основного производства и электростанции. Имели место случаи, когда капитально отремонтированные бульдозеры отрабатывали всего от 30 до 200 ч и вновь ставились на консервацию для повторного их ремонта, и таким образом, по существу они весь промсезон не работали[1].

Вместе с тем принятые меры по улучшению работы оловодобывающих предприятий и вовлечение новых месторождений в эксплуатацию позволили вновь существенно увеличить оловодобычу. Государственный план добычи олова в 1951 г. был выполнен досрочно (101,8%), хотя из 22 предприятий оловодобывающего комплекса годовые планы выполнили

---

[1] Там же. Д. 258, Л. 207-208.
[2] Д. 247, Л. 144.
[3] Д. 254, Л. 39-43.
[4] Д. 250, Л. 214-216.
[5] Д. 252, Л. 48, 193 и др.
[6] Д. 254, Л. 280-282.

только 13[2]. В 1951 г. было получено 4,59 тыс. т олова в концентрате, что было почти на 1 тыс. т больше, чем в 1950 г.[3]

В 1952 г. в целом сохранилась положительная динамика результатов оловодобычных работ. 25 мая для районов Заполярья было объявлено днем начала массовой промывки песков по «второму» и «третьему» металлам, для оловодобывающего прииска «Депутатский» (ЯГПУ) и прииска «Смелый» «Чукотстроя» таким днем было объявлено 5 июня[4].

По наблюдениям Главного управления Дальстроя работа оловодобывающих управлений шла с превышением фактической стоимости основной продукции против плановой, например, в Юго-Западном управлении на 10%, а по отдельным предрпиятиям до 15,5%. В этой связи начальнику ЮЗГПУ инженер-подполковнику Королеву было приказано в «наикратчайший срок» принять необходимые меры по улучшению работы и обеспечению «безусловного выполнения всех количественных и качественных показателей плана 1952 г.[5] Аналогичная ситуация имела место и в Чаун-Чукотском управлении[6]. В ходе проверки финансово-хозяйственной деятельности ЧЧГПУ было установлено, что большая часть товаров и оборудования хранились на открытых деревянных настилах, на подкладках или непосредственно на земле. Электромоторы, электротехнические материалы, оборудование электростанций складирвались без всякого укрытия и подвергались порче. Хранение «хлебофуражных грузов» и горючего также было признано в неудовлетворительном состоянии[7].

В целом в 1952 г. Дальстрой добыл максимальное количества олова за весь период своего существования – 5,35 тыс. т[8]. Однако в последующем удержать достигнутый объем оловодобычи не удалось.

В связи с амнистией, начавшейся в 1953 г., в наиболее тяжелом положении оказались предприятия Чаун-Чукотского, Янского и Омсукчанского оловодобывающих управлений, которые лишились в 1953 г. от 30 до 46%% рабочих. Причем в большинстве это были наиболее квалифицированные рабочие (бульдозеристы, экскаваторщики, бурильщики, рабочие электромеханической службы и т.п.). В целом к концу 1953 г. с отдаленных оловодобывающих предприятий Дальстроя выбыло около 90% квалифицированных рабочих ведущих профессий[9].

---

[1] Д. 255, Л. 215-218.
[2] Д. 294, Л. 18.
[3] ссД. 4, Л. 6.
[4] Д. 281, Л. 184-185.
[5] Д. 283, Л. 104-109.
[6] Д. 283, Л. 111-118.
[7] Д. 285, Л. 43-47.
[8] ссД. 4, Л. 6.
[9] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4785, Л. 4.

Освобождавшиеся по амнистии рабочие в подавляющем большинстве не соглашались заключать договоры на работу в Дальстрое даже на 3-6 месяцев и требовали немедленного вывоза. Кроме этого, значительное количество вольнонаемных рабочих, в свое время досрочно освободившихся из лагеря и по существовавшему до амнистии положению обязанные отработать на предприятиях время сокращения заключения, получив право выезда, потребовали его исполнения[1]. Одной из основных причин отказа от работы являлось отсутствие на предприятиях жилой площади и «других условий, обеспечивающих минимальные потребности быта».

В III квартале 1953 г. Чаун-Чукотское, Омсукчанское и Янское управления были пополнены заключенными, поступившими с о. Сахалин. В ЧЧГПУ было направлено 8739 чел., в ЯГПУ – 5483, в ОГПУ – 4760 заключенных[2]. Завезенные в ЧЧГПУ заключенные в основном являлись «отъявленными рецидивистами, собранными из многих лагерей центральных районов». Причем они, как указывалось в отчетной документации Дальстроя, не только саботировали работу, но и деморализовали заключенных прежнего состава. В частности на Валькумейском горнорудном комбинате неоднократно возникали беспорядки, и предприятие не работало по нескольку дней. В результате состав рабочих пришлось сменить дважды. На прииске «Красноармейский» ЧЧГПУ также пришлось сменить состав заключенных. Вследствие большого недостатка рабочих были законсервированы рудники «Кестер» (ЯГПУ) и «Центральный» (ЗГПУ), многие предприятия вынужденно сокращали объемы оловодобычных работ[3].

В условиях сокращения численности работников на оловодобывающих предприятиях необходимо было больше внимания уделять механизации горных работ. Однако план механизации горных работ в 1953 г. не выполнялся. Так выполнение плана механизации погрузки горной массы на оловодобывающем руднике «Валькумей» составило 20,4%, на руднике «Галимый» - 14,4%, «Хатарен» - 5,7%, «Бутугычаг» - 4,15, «Хениканджа» - 0,8%. В среднем по Дальстрою этот показатель составил 23,3% (при плане 54%)[4].

Также неудовлетворительно на ряде рудников шло внедрение механизированной откатки. На руднике «Валькумей» при недостатке рабочей силы, как указывалось, упорно не желали пустить в эксплуатацию имеющиеся 5 электровозов АК-2, в результате чего удельный вес механизации откатки составил всего 2% вместо 45% по плану. На руднике «Галимый» из трех электровозов использовался только один, на рудниках «Бутугычаг» и «Хениканджа» при наличии четырех электровозов, использовались два. На большинстве рудников

[1] Там же. Д. 4785, Л. 3.
[2] Там же. Д. 4785, Л. 5-6.
[3] Там же. Д. 4785, Л. 7.
[4] Д. 337, Л. 121.

неудовлетворительно использовалась пневмоподдержка для перфораторов, применение которой облегчало труд бурильщика и повышало производительность труда[1].

В 1953 г. несколько изменилась схема сбыта Дальстроем олова, вольфрама и кобальта. Если до этого сбытом указанной продукции занимался государственный трест «Колымснаб», то теперь данным вопросом стало заниматься непосредственно Главное управление Дальстроя через собственный отдел сбыта. В этой связи «Колымснабу» было приказано передать на баланс отдела сбыта все остатки продукции второго, третьего и четвертого вида, числящиеся на спецскладе г. Магадана, также как и находящиеся в пути следования. Юго-Западное, Тенькинское, Индигирское, Западное и Омсукчанское управления счета на реализацию своей продукции должны были выставлять инкассо отделу сбыта Главного управления Дальстроя на его рассчетный счет в Госбанке[2].

Руководство Дальстроя по-прежнему продолжало указывать на необходимость дальнейшей механизации и более эффективного использования новой техники[3]. На руднике «Иультин» при наличии 10 трейлерных электровозов и 6 погрузочных машин, работы по погрузке породы на горных выработках, а также на транспортировке горной массы производились вручную[4]. На промприборах, промывавших оловоносные пески имели место большие потери металла. Так на прииске «Депутатский» на отдельных приборах потери составляли до 30%[5]. В этой связи оловодобывающим управлениям было приказано более тщательно соблюдать технические проекты и технологическую дисциплину. В значительной мере это относилось также и к работе оловообогатительных фабрик[6].

В целом в 1953 и 1954 гг. Дальстрою удавалось стабилизировать добычу олова на уровне 4 тыс. т концентрата[7].

В первой половине 1955 г. оловодобывающие предприятия значительное внимание уделяли ремонтным работам и подготовке к летнему сезону. Однако в Чаун-Чукотском управлении план по ремонту и подготовке к промывочному сезону бульдозеров, экскаваторов и горного оборудования оказался под угрозой срыва[8]. Руководящим работникам управления было приказано принять все соответствующие меры для решения этих задач.

Много проблем имелось в работе оловообогатительных фабрик. При проверке фабрики №521 Чаун-Чукотского управления было установлено, что фабрика находилась в запу-

[1] Д. 337, Л. 122.
[2] Д. 306, Л. 47.
[3] Д. 337, Л. 145-148 и др.
[4] Д. 346. Л. 99-109.
[5] Д. 337, Л. 141.
[6] Д. 337, Л. 128-130; Д. 342, Л. 162.
[7] ссД. 4, Л. 6.
[8] Д. 365, Л. 40-43.

щенном состоянии, помещения отапливались нерегулярно, отдельные узлы технологической схемы были заморожены и оставновлены[1], что негативно сказывалось на выполнении плана всем управлением. В апреле 1955 г. сообщалось, что нарушения, допущенные в системе водоснабжения фабрики №14-бис Омсукчанского управления привели к тому, что из близлеащего озера Сольвейг были изъяты и выморожены все запасы воды, сама фабрика остановилась. Запасы воды в озере Сольвейг к началу зимы составляли 700 $м^3$, чего было вполне достаточно для работы фабрики[2].

В 1956 вновь много внимания уделялось развитию оловодобывающих предприятий Чукотки и Янского района. Для оказания помощи по вопросам строительства в начале 1956 г. в «Чукотстрой» командировалась комиссия Главного управления в составе7 чел.[3] В результате на руднике «Иультин» была выявлено неудовлетворительная организация труда, плохо налаженное соблюдение правил технической эксплуатации и техники безопасности, бурение с сухим пылеулавливание все еще находилось в стадии внедрения. Руководству «Чукотстроя» приказывалось принять соответствующие меры[4].

В Чаун-Чукотском управлении службой Госгортехнадзора были выявлены довольно серьезные недостатки в организации производства на руднике «Валькумей», однако руководство ЧЧГПУ никак на это не отреагировало, и в результате работа рудника была даже временно приостановлена[5]. Оловообогатительная фабрика №521 этого же рудника находилась в в крайне неудовлетворительном противопожарном состоянии[6].

В целом работа Чаун-Чукотского управления в 1956 г. не устраивала руководство Дальстроя[7]. Из-за отсутствия рабочей силы на приисках ЧЧГПУ простаивал целый ряд промприборов. В этой связи на Чукотку планировалось отправить заключенных работников, а также закреплять на рабочих местах освобождавшихся из лагерей[8].

В Янское управление также периодически командировались специалисты Главного управления. Так в феврале 1956 г. бригаде Главного управления предстояло выяснить причины неудовлетворительной работы в течение двух месяцев фабрики №418 ЯГПУ[9]. В мае 1956 г. Янское управление в служебной командировке побывал начальник Дальстроя Ю. Чугуев[10]. Личным осмотром прииска «Депутатский» он установил «совершенно неудовлетворительное» состояние механической мастерской и электростанции. В целом Ю Чугуев сде-

[1] Д. 366, Л. 59-61.
[2] Д. 366, Л. 62-64.
[3] Д. 379, Л. 1-2
[4] Д. 379, Л. 44-48.
[5] Д. 379, Л. 92-95.
[6] Д. 382, Л. 220-222.
[7] Д. 383, Л. 258-267.
[8] Д. 383, Л. 268-269.
[9] Д. 379, Л. 90.
[10] Д. 383, Л. 15.

лал вывод о том, что руководство ЯГПУ «не сделало» выводов и продолжало работать неудовлетворительно, и приказал в короткие сроки устранить все причины плохой работы предприятий и создания сверхплановых убытков[1]. В дальнейшем прииск «Депутатский» уже уже в начале августа 1956 г. выполнил свой годовой план добычи олова на 101,0% и обязался дать сверх плана еще 30%. В этой связи коллективу прииска была объявлена благодарность и выделено 20 тыс. руб. на его премирование, руководство прииска премировалось месячным окладом[2].

В 1955 и 1956 гг. Дальстрой добывал по 3,0 тыс. т олова[3]. Таким образом, в период массовой амнистии и масштабной смены работников оловодобывающего комплекса произошло заметное снижение добычи олова.

Динамика оловодобычи Дальстроя в 1950-х гг. характеризуется показателями, представленными в таблице 30:

Таблица 30

Основные технико-экономические показатели оловодобычи Дальстроя в 1950-1956 гг.[1]

	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
всего на основном производстве, включая цеховой персонал (чел.)*	11825	11872	11368	8876	-	6158**	-
объем переработки горной массы россыпных месторождений (млн. $м^3$)	2,9	4,8	6,0	4,3	4,5	3,5	-
общий объем экскаваторных и бульдозерных работ (млн. $м^3$)	2,8	4,1	5,4	-	-	-	-
общий объем промывки песков промприборами (млн. $м^3$)	1,0	1,4	2,5	1,7	1,4	1,0	1,2
объем переработки горной массы на добыче рудного олова (млн. т)	0,73	0,84	0,83	0,71	0,71	0,4	0,3
коммерческая стоимость 1 кг олова в концентрате (руб.)	133,7	136,3	124,6	157,7	144,1	112,5	-
добыто олова в концентрате (тыс. т)	3,6	4,6	5,35	4,0	4,0	3,0	3,0
в том числе рудного	2,6	3,0	2,9	2,2	2,3	1,5	1,3

*) и вольнонаемных и заключенных
**) численность промышленно-производственного персонала

Из приведенных данных следует, что в 1952 г. был достигнут максимум добычи оловянного концентрата за все годы деятельности Дальстроя - 5,35 тыс. т., для чего промприборами было промыто 2,5 млн. $м^3$ песков и переработано 830 тыс. т оловосодержащих руд. В последующие годы основные технико-экономические показатели на оловодобыче стали падать. В 1956 г. объем переработки горной массы на добыче рудного олова сократился в 2,8 раза (на 500 тыс. т) по сравнению с объемами начала 1951-1952 гг., более чем в 2 раза по сравнению с 1952 г. сократился объем промывки оловоносных песков на промприборах. В наиболее освоенном центральном Колымском районе, оловоносные месторождения истоща-

1 Д. 382, Л. 102-113.
2 Д. 385, Л. 78-79.
3 ссД. 4, Л. 6; Д. 503а, Л. 23-24.

лись, перспективные районы бассейна р. Яны не могли быть своевременно освоены вследствие организационных преобразований в Дальстрое и недостаточного финансирования.

Плановое задание Дальстроя по олову в концентратах на 1957 г. составило 2900 т, вольфрамовых промпродуктов в пересчете на WoO_3 – 334 т, поставки Скопинской доводочной фабрике Главвольфрама – 336 т[2]. Также плановое управление МЦМ 11 мая 1957 г. сообщило в Дальстрой принятую на 1957 г. схему отправки олова с предприятий Дальстроя по портам отгрузки. Омсукчанский комбинат и рудник Хениканжа (ТГПУ) должны были отгрузить в порт Нагаево 595 т оловянных концентратов, ЧЧГПУ - 850 т в порт Певек, прииск «Депутатский» ЯГПУ - 1007 т на речной порт Куйга, рудник Эге-Хая ЯГПУ – 498 т на речной порт Батыгай[3].

Концентраты, отгружаемые через порт Нагаево, находились в пути до завода примерно 30-35 дней, через порт Певек – до 45 дней, а отгружаемые через бухту Тикси – до двух месяцев. Олово Дальстроя отгружалось Новосибирскому заводу, которому МЦМ предписывало строго следить за своевременностью отгрузки концентратов и наладить тесную связь с поставщиками[4].

В 15-летнем перспективном планировании развития Дальстроя программа добычи олова на 1956-1970 гг. обеспечивалась реконструкцией и расширением действующих и вводом в эксплуатацию новых объектов. На Валькумейском (Чукотка) оловорудном месторождении проектировалось строительство новой фабрики мощностью 500 т в сутки, на Эгехайском (Янское управление) – мощностью до 700 т в сутки. Планировался ввод в эксплуатацию группы приисков и горнорудного предприятия на Депутатском месторождении (Янское управление) производительностью до 1000 т в сутки. В промышленную эксплуатацию планировалось широкое вовлечение группы таких оловорудных месторождений Янского района как Кестер, Илинтас, Бургочан, Алысхая, на базе которых к концу восьмой пятилетки (в 1967-1970 гг.) планировалось создать горнорудные комбинаты. В 1958 г. планировалось окончание строительства первой очереди Иультинского олововольфрамового рудного комбината (Чукотка), в 1966 г. должны были быть завершены работы по второй очереди. Планировался ввод в эксплуатацию 4-х сезонных и Невской обогатительных фабрик в Омсукчанском районе. Вместе с тем предполагалось ликвидировать в связи с отработкой запасов такие оловорудные предприятия как Галимый (в 1960 г.) и Хениканджа (в 1959 г.)[5].

---

[1] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 6, Л. 12-14; Д. 259, 1-53; Д. 407, Л. 1-38; Д. 484, Л. 21-22; Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1958, Л. 159; Д. 4570, Л. 27, 28; Д. 4634, Л. 25, 26; Д. 4697, Л. 33, 34; Д. 4785, Л. 29, 30.
[2] ссД. 459, Л. 3.
[3] ссД. 459, Л. 37.
[4] ссД. 459, Л. 37.
[5] ссД. 447, Л. 20-21.

В связи с ограниченными возможностями дальнейшего прироста запасов россыпного олова основным источником добычи олова в перспективе 1956-1970 гг. должны были явиться рудные месторождения. Удельный вес рудного металла в общей оловодобыче по Дальстрою за 15 лет должен был составить 80%[1]. В 1956-1960 гг. намечалось получить 10060 т оловянного концентрата, в 1961-1966 гг. – 22999 т, в 1966-1970 гг. – 80660 т[2].

4. Добыча вольфрама, кобальта и урана

Добыча вольфрамовых концентратов в Дальстрое, как уже указывалось, производилась в 1941-1944 гг. (279 т)[3], и в 1948 г. была возобновлена на базе руд Аляскитового вольфрамового месторождения (верховья р. Индигирки). Строительство Аляскитового горнорудного комбината Индигирского управления находилось под тщательным патронажем руководства Дальстроя и велось форсированными темпами[4]. Кроме ИГПУ попутная добыча вольфрама велась на Иультинском оловянно-фольфрамовом месторождении управления «Чукотстрой».

Основные технико-экономические показатели добычи вольфрама в Дальстрое в 1948-1956 гг. представлены данными таблицы 31.

Таблица 31

Основные технико-экономические показатели добычи вольфрама в Дальстрое (1948-1956 гг.)[5]

	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
добыто трехокиси вольфрама (т)	41	87	295	530,6	439,3	515,5	419,0	254,9	261,3
в т.ч. Аляскитовым комбинатом	-	-	248	420,1	374,6	424,9	383,2	219,7	200,9
всего на основном производстве (чел.)	-	556	967	884	724	708	-	-	-
коммерческая стоимость 1 кг вольфрамового концентрата (руб.)	-	217,6	98,7	62,8	58,4	51,6	64,9	91,9	109,2

Из приведенных данных следует, что после 1953 г. начался резкий спад добычи трехокиси вольфрама и в 1956 г. данной продукции было получено в 2 раза меньше, чем в 1953 г. Причины спада производства были аналогичны тем, которые имели место на предприятиях золото и оловодобычи: резкое снижение количества рабочих и специалистов на предприятиях, истощение запасов, эксплуатирвоавшихся месторождений, отставание геологоразведки в обеспечении производства новыми разведанными запасами. Коммерческая стоимость добы-

[1] ссД. 447, Л. 21.
[2] ссД. 447, Л. 22.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1958, Л. 157.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 154, Л. 232 и др.
[5] Таблица составлена нами по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 8; Д. 503, Л. 25; Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4497, Л. 27; Д. 4570, Л. 45об; Д. 4634, Л. 44; 4697, Л. 51об; Д. 4785, Л. 48.

ваемого Дальстроем вольфрамового концентрата с 1949 по 1953 гг. снижалась, но с переводом производства на вольнонаемный состав снова начала расти[1].

Фактическое расходование основных видов ресурсов на 1 т вольфрама в концентрате (в пересчете на 60% содержание) в 1950-1953 гг. удалось значительно уменьшить по всем показателям от 2,3 до 3,75 раза (см. таблицу 32). Особенно существенно за счет механизации производства, более правильной организации труда удалось сократить расходование дров, отработанных человеко-дней, электроэнергии и лесоматериалов.

Таблица 32

Расходование основных видов ресурсов на добычу 1 т 60-процентного концентрата вольфрама в Дальстрое 1950-1953 гг.[2]

основные виды ресурсов	ед. изм.	1950	1951	1952	1953
взрывчатые вещества	кг	654	482.4	257,0	260,7
детонаторы	шт.	909	684,9	376,3	335
бикфордов шнур	п/м*	1612	1248,0	763,6	690
лесоматериалы	$м^3$	9,3	7,52	2,91	3,3
дрова	$м^3$	2,1	1,60	0,95	0,56
электроэнергия	Квч	6599	5534	3722	2320
сжатый воздух	тыс. $м^3$	105	74,3	46,6	40,6
отработано	человеко-дней	1014	620,0	320,4	278,3

*) п/м – погонных метров

Ведущим вольфрамодобывающим предприятием Дальстроя являлся Аляскитовый горнорудный комбинат Индигирского управления. В 1950-1954 гг. его удельный вес в общей добычи вольфрамовых концентратов Дальстроя составлял в среднем 83,6%, в 1956 г. данный показатель снизился до 77%. На 1 января 1955 г. на месторождении ручья Аляскитовый Индигирское управление располагало запасами металлического вольфрама в количестве 2575 т. Обогащение руды производилось в непосредственной близости от рудника. Мощность обогатительной фабрики составляла 500 т/сут.[3]

Вольфрамовый концентрат Дальстроя с предприятий доставлялся на спецсклады в г. Магадан, затем в порты Находка и Ванино[4]. В 1951 г. вольфрамовый концентрат Дальстроя доставлялся на доводочную фабрику г. Скопин[5], в 1952 г. – отгрузка шла Челябинскому за-

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 8.
[2] Таблица составлена нами по: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4570, Л. 53; Д. 4634, Л. 52; Д. 4697, Л. 59; 4785, Л. 57.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1958, Л. 125.
[4] Там же. Д. 4497, Л. 52; Д. 4570, Л. 52.
[5] Там же. Д. 4634, Л. 51.

воду ферросплавов, заводу п/я №1, заводу п/я № 4[1], в 1953 г. – также заводу ферросплавов и заводу п/я №15[2].

Удельный вес балансовых запасов трехокиси вольфрама по месторождениям Дальстроя к общесоюзным запасам был незначителен и к началу 1956 г. составлял лишь 6,2%. Однако содержание трехокиси вольфрама в рудах Дальстроя было значительно выше, чем в рудах месторождений других районов, расположенных на Кавказе и в Казахстане. Так, например, содержание трехокиси вольфрама по Иультинскому месторождению составляло 1,30% против 0,22% по крупному Тырны-Аузскому месторождению (Кабардино-Балкария)[3]. Максимальная добыча трехокиси вольфрама за годы существования Дальстроя имела место в 1951 г. и составила 530 т. Однако в последующие годы она уменьшалась и в 1955 г. упала до 263 т. (что составляло 3,3% общесоюзной добычи вольфрама[4]).

Себестоимость получаемого в Дальстрое вольфрамового концентрата была весьма высокой: так первом полугодии 1956 г. она достигла 120 тыс. руб. за тонну при прейскурантной его стоимости 28,2 тыс. руб. (в 1955 г. убытки Дальстроя от реализации вольфрамового концентрата составили более 27 млн. руб.[5]). Аляскитовый рудник работал в крайне тяжелых условиях при отсутствии вентиляции и бытовых комбинатов, для размещения рабочих не хватало около 4 тыс. $м^2$ жилья. На выполнение работ по улучшению коммунально-бытового комплекса потребовались бы дополнительные многомиллионные капитальные вложения, которые еще больше увеличили ли бы себестоимость добываемой продукции[6]. К тому же к середине 1950-х гг. стало очевидно, что Иультинский комбинат в плане дальнейшего развития добычи вольфрама был намного перспективнее.

В 1947 г. в Дальстрое на руднике «Верхний Сеймчан» Юго-Западного горнопромышленного управления началась добыча кобальта – или как его называли - «четвертого металла» Колымы, хотя следует отметить, что еще 8 августа 1946 г. приказывалось организовать добычу кобальтовой руды на месторождении «им. маршала Жукова»[1].

Данные о фактическом расходовании основных видов ресурсов на 1 т кобальта в концентрате, добываемого на основном производстве в 1948-1953 гг. (см. таблицу 33), свидетельствуют, что добыча кобальта по сравнению с добычей олова и вольфрама требовала самых больших затрат ресурсов. В 1953 г. по сравнению с 1948 г. при добыче 1 т кобальтового концентрата расходование электроэнергии увеличилось вдвое (на 50 тыс. киловатт-часов), расходование детонаторов - также вдвое (на 2720 штук), взрывчатых веществ – в 1,7 раза (на

[1] Там же. Д. 4697, Л. 58.
[2] Там же. Д. 4785, Л. 56.
[3] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 425, Л. 19.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 425, Л. 4.
[5] Там же. Д. 484, Л. 56.
[6] Там же. Д. 425, Л. 19-20; Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 379, Л. 44-48.

1,38 т), сжатого воздуха - 1,7 раза (на 262,2 тыс. м^3). Только количество отработанных человеко-дней, расходование бикфордова шнура и лесоматериалов удалось снизить за этот период от 16,55 до 26%%.

Таким образом, если на добыче олова, вольфрама и даже золота начале 1950-х гг. расходование основных видов имело тенденцию к уменьшению, то на добыче кобальта расход наиболее важных видов ресурсов увеличивался, и это способствовало удорожанию себестоимости добываемого в Дальстрое кобальта.

Таблица 33

Расходование основных видов ресурсов на добычу 1 т кобальтового концентрата в 1948-1953 гг.[2]

основные виды ресурсов	ед. изм.	1948	1949	1950	1951	1952	1953
взрывчатые вещества	кг	1780	2323	2515	2503	2354	3162
детонаторы	шт.	2766	4158	4452	4066	4576	5486
бикфордов шнур	п/м*	4902	7561	7548	7973	8450	3719
лесоматериалы	м^3	46,0	54,0	26	35,9	24	34
дрова	м^3	43,3	30,5	-	-	-	-
электроэнергия	Квч	53700	50500	57340	58880	74920	103560
сжатый воздух	тыс. м^3	354,8	408,2	394	399	487	617
отработано	человеко-дней	3232	2935	2431	2068	2566	2697

*) п/м – погонных метров

Динамика добычи кобальта в Дальстрое отражена в таблице 34:

Таблица 34

Основные технико-экономические показатели добычи кобальта в Дальстрое (1948-1954 гг.)[3]

	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954
добыто кобальта в концентрате (т)	0,5	37	71	71	75,5	62	45,9	35,1
всего на основном производстве (чел.)	-	639	789	697	613	582	464	-
коммерческая стоимость 1 кг кобальта (руб.)	1308	784,30	578,38	622,27	600,67	617,60	692,22	780

Из приведенных данных следует, что максимум добычи Дальстроем кобальта в концентрате имел место в 1951 г. (75,5 т), в последующие 1952-1954 гг. объемы добычи кобальта, количество работников на основном производстве заметно снизились, в то время как коммерческая стоимость 1 кг кобальта – увеличивалась. Кроме месторождения, отрабаты-

[1] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 139, Л. 260.
[2] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4432, Л. 56; Д. 4497, Л. 54; Д. 4570, Л. 53; Д. 4634, Л. 63; Д. 4697, Л. 70; 4785, Л. 68.
[3] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 10; Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4432, Л. 52об; Д. 4497, Л. 55; Д. 4570, Л. 56; Д. 4634, Л. 55; 4697, Л. 62; Д. 4785, Л. 60.

ваемого «Верхне-Сеймчанским» горнорудным комбинатом, других перспективных в промышленном плане месторождений кобальта в Дальстрое не было, поэтому в середине 1950-х гг. это направление горнодобывающей промышленности Дальстроя исчезло.

Кобальтовый концентрат Дальстроя через спецсклады в Магадане, Ванино и Находке в 1947 г. отгружался Норильскому комбинату[1], а с 1948 г. Уфалейскому никелевому заводу[2].

Другим важным направлением горнодобывающей промышленности Дальстроя стала добыча урана. Долгое время сведения о добыче урана на Северо-Востоке были не доступны исследователям вследствие особо секретного режима их хранения. Едва ли не единственной работой, основанной на материалах Государственного архива Магаданской области (правда, без указаний на соответствующие фонды, описи и дела) является обзорная статья С. М. Мельникова, вышедшая в 1994 г.[3] В данной связи представляется весьма актуальным более подробное исследование проблем, связанным с добычей урана на Северо-Востоке.

Еще в годы войны перед руководством СССР обозначилась проблема обладания атомным оружием, разработки которого активно велись в США и гитлеровской Германии. Чтобы не дать Советскому Союзу отстать от ведущих держав в разработке атомного оружия требовалось разработать не только новые технологии, но и вообще разведать наличие урановых месторождений в стране. В этой связи уже весной 1944 г. Государственный комитет обороны обязал комитет по делам геологии при СНК СССР организовать поиски месторождений урана в районах Средней Азии, Казахстана, Эстонской и Карельской ССР, в Западной и Восточной Сибири. Урановый проект СССР курировал лично Л. П. Берия. К урановому проекту подключились геологические научно-исследовательские институты Москвы, Ленинграда, Читы, Хабаровска и др. Во Всесоюзном геологическом научно-исследовательском институте (ВСЕГЕИ) отдел специсследований по данной тематике возглавил Ю. А. Билибин[4].

По данным С. Ф. Лугова урановые работы начались в Магадане в «недрах» Геологоразведочного управления Дальстроя в конце 1945 г., но особую интенсивность приобрели в 1946 г. В системе ГРУ был создан 5-й отдел, который возглаваили О. Д. Мельников и Д. Е. Байбаков, руководил всеми работами начальник ГРУ В. А. Цареградский. В соответствии с директивой Л. П. Берии по всей стране было приказано провести камеральный (т.е. в лабораторных условиях) анализ сырьевого уранового потенциала[5].

---

[1] Там же. Д. 4372, Л. 49

[2] Там же. Д. 4432. Л. 60; Д. 4497, Л. 51; Д. 4570, Л. 63; Д. 4697, Л. 69; Д. 4785, Л. 67.

[3] Мельников С. М. Добыча урана – одно из направлений деятельности Дальстроя. // Колыма. – 1994. - №4. – С. 32-34.

[4] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 14-15.

[5] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 90.

В соответсвии с данными указаниями с 1946 г. специальные работы по урану интенсивно начались и на Северо-Востоке. До 1948 г. это были преимущественно ревизионные работы по проверке на наличие урана многочисленных коллекций поисковых партий, образцов с действовавших и законсервированных месторождений полезных ископаемых (золота, олова, вольфрама и др.)[1]. По их результатам были организованы специализированные поиски, которые позволили установить широкое проявление урановой минерализации во многих районах деятельности Дальстроя. С 1948 по 1954 гг. на уран провели поиски 222 специализированных партии и 164 попутно-поисковых отряда, при этом было обследовано 145 тыс. км^2 (6% общей площади Дальстроя), ревизии подверглось 102 месторождения[2]. Геологические партии были снабжены новейшими (и засекреченными на тот период) портативными приборами для производства гамма-съемки в маршрутных условиях. Особенно результативными были работы партии И. Е. Рождественского на Чукотке в районе Северного горного массива[3].

Промышленными при наличии целого ряда более мелких месторождений оказались только Бутугычаг-Беренджинское и Чаунское (Северное) месторождения. Всего же на Чукотке, нижнем течении р. Индигирки, р. Яне, Сугунской полосе, верховьях р. Колымы, п-ве Тайгоносе и других пунктах Северо-Востока было установлено более 1000 рудопроявлений урановой минерализации[4].

Значительный вклад в развитие уранодобывающей отрасли Дальстроя внесли С. Ф. Лугов, В. И. Дьяченко, Е. А. Ерофеева, И. Н. Зубрев, П. Н. Комаров, П. И. Показаньев, а также непосредственные первооткрыватели месторождения «Бутугычаг» Г. Я. Макаренко, И. В. Сапаров, И. И. Бронников, Н. И. Карпенко и месторождения «Северное» - А. С. Монякин, Н. В. Баранов, И. Е. и О. Е. Рождественские, И. В. Романов и др. [5]

По данным С. Ф. Лугова среднее содержание на Северном было 0,1%, т.е. примерно 1 кг урана на тонну руды, на Бутугычаге среднее содержание было выше - 0,15-0,2%. В целом даже тогда такие месторождения считались мелкими, а позже и вообще не считались таковыми, подпадая под определение «рудопроявление». Но тогда поиски только начинались, и своего ничего не было. Крупные урановые месторождения были в Румынии и Германии, откуда и вывозилось много урана в СССР[6].

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5611, Л. 143.
[2] Там же. Д. 5616, Л. 155, 190, 211.
[3] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 91.
[4] Там же. Л. 145.
[5] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5616, Л. 217-219.
[6] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 100.

Для скорейшего развития уранодобывающей отрасли в 1948 г. в Дальстрое было образовано Первое управление[1], которое в течение ряда лет возглавлял генерал-майор В. П. Павлов[2].

В августе 1948 г. Бутугычагский, Сугунский и Северный разведочные районы были реорганизованы в первый, второй и третий горно-геологические комбинаты соответственно[3].

В строительство и разведку урана на Северо-Востоке вкладывались значительные средства, так как данные мероприятия имели чрезвычайную важность для страны в условиях начавшей «холодной войны»[4]. Численность работников Первого управления стремительно увеличивалась и в 1949 г. она достигла 6008 чел., 79% их которых являлись заключенными[5]. По воспоминаниям руководящих работников уранодобывающий комплекс Дальстроя ни в чем не ограничивали: ни в рабочей силе, ни в деньгах, ни в продовольствии[6].

Строительство новых объектов и работы по добыче урана на Северо-Востоке осложнялись отсутствием энергетического оборудования, нехваткой квалифицированных специалистов и рабочих, стройматериалов и транспорта, а также сложными метеорологическими условиями на Чукотке, которые часто приводили к полной остановке горных работ[7].

Особенно тяжелыми были условия на месторождении «Северное» на Чукотке – самом крупном месторождении урана на Северо-Востоке. Так в декабре 1950 г. пургой ураганной силы на комбинате №3 были повреждены 19 производственных и жилых зданий, разрушена электростанция и компрессорная одного из урановых рудников. Все горные работы на комбинате были полностью приостановлены. Подвоз горючего и продовольствия совершенно прекратился. Автомашины и тракторы вследствие низких температур просто замерзали в пути. Коллектив комбината в этой связи вынужден был вести борьбу не только по ликвидации разрушений, причиненных ураганом, но и по спасению людей от холода и голода[8].

Однако, несмотря на значительные трудности, связанные с освоением урановых запасов Чукотки, объемы добычи руды там последовательно увеличивались, геологические исследования выявляли новые перспективные площади. В этой связи 14 февраля 1951 г. на базе комбината №3 было организовано Чаунское управление[9].

[1] Мельников С. М. Добыча урана – одно из направлений деятельности Дальстроя // Колыма. – 1994. - №4. – С. 32.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5604, Д. 5606.
[3] Там же. Д. 5603, Л. 4.
[4] Так, за 1950 г. Первым управлением по основной деятельности было освоено около 90 млн. руб., в 1952 г. – 251.5 млн. руб. (См.: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5605, Л. 3; Д. 5609, 9).
[5] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5604, Л. 32об.
[6] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 32.
[7] Там же. Д. 5604, Л. 4-5; Д. 5605, Л. 5-6; Д. 5606, Л. 163-164.
[8] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5604, Л. 164, 180.
[9] Д. 5607, Л. 26.

Среднесписочная численность работников Первого управления Дальстроя в начале 1951 г. составила 11,6 тыс. чел. При этом Чаунское управление обслуживало 5,7 тыс. чел., комбинат №1 («Бутугычаг») – 3,3 тыс., комбинат №2 («Сугун») – 1,2 тыс. чел., еще 1,4 тыс. чел. обслуживало прочие подразделения Первого управления[1]. В оперативной делопроизводственной документации уран обозначался как «пятый» металл, в геологических отчетах – минерал альбин или свинец[2].

В первом полугодии 1951 г. произошло еще одно важное событие – на руднике «Бутугычаг» заработал гидрометаллургический завод (ГМЗ) по обогащению добываемой ураносодержащей руды[3]. Все работы по монтажу завода и технологических линий осуществлялись под руководством московских бригад ВНИИ-9. Одновременно в составе Первого управления действовала собственная центральная научно-исследовательская лаборатория (ЦНИЛ)[4]. Через год гидрометаллургический завод заработает и на Чукотке[5].

В Москве уделяли пристальное внимание добыче урана на Северо-Востоке. Так Л. Л. Солдатов, работавший на руководящей должности на «Бутугычаге», вспоминал, что ежемесячно для Москвы готовились отчеты: сколько добыто руды, каков процент в ней урана. С инспекционной проверкой посещал урановые объекты Дальстроя и один заместителей Л. П. Берии генерал-полковник В. В. Чернышов[6].

В 1952 г. в уранодобывающей отрасли Дальстроя наметились первые признаки кризиса: все разведочные и эксплуатационные работы на Сугунском месторождении (Якутия) были свернуты, Чаунское управление вновь реорганизовано в комбинат №3, общая численность работников Первого управления сократилась на 60% (с 14790 чел. на 1951 г. до 6130 чел. на начало 1953 г.)[7]. Основные усилия Первого управления были сосредоточены только на наиболее перспективных объектах добычи урана. В консервации Сугунского месторождения и, следовательно, ликвидации обслуживавших его лагерных подразделениях принял участие и геолог С. Ф. Лугов. Он был направлен для инвентаризации Сугуна, после работы в Дальстрое правительственной комиссии под руководством заместителя министра внутренних дел В. В. Чернышова (1951 г.). Вернулся Лугов с заключением о том, что программа добычи металла (т.е. урана) не обеспечена сырьевой базой и перспективы ее развития практически отсутствуют, поэтому месторождение целесообразно законсервировать. Данная рекомендация была

---

[1] Там же. Д. 5608, Л. 54.
[2] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 97; ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5616 и др.
[3] Там же. Д. 5608, Л. 171.
[4] Там же. Д. 5608, Л. 192.
[5] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 72.
[6] Солдатов Л. Л. Алмазы. Золото. Уран. От мастера до генерального директора. – М.: «Алроса», 1998. – С. 70.
[7] Там же. Д. 5609, Л. 4-7.

противоположна правительственным решениям и начальник Первого управления Дальстроя В. П. Павлов долго не хотел соглашаться с доводами Лугова, но тем не менее последний его убедил. Через некоторе время из Москвы поступило уведомление о консервации всех работ на месторождении Сугун. Как свидетельствует С. Ф. Лугов, с облегчением вздохнули не только в Дальстрое, но и в Москве, поскольку данное решение было, по всей видимости увязано с открытием урановых месторождений в более доступных и экономически освоенных регионах СССР[1].

Бывшие заключенные урановых объектов Чуктки вспоминают, что питание у них было очень хорошим в т.ч. мясные консервы, масло, селедка бочками свободно стояла около столовой (В. В. Давыдов). Другой бывший заключенный П. Ф. Попов вспоминал, что вообще впервые попробовал там крабов, давали шпроты, американские консервы, колбасу, «без меры» выдавался хлеб. Режим содержания также был существенно облегчен. На окнах бараков не было решеток, свободное передвижение по зоне, выпускали и за зону – в магазин. Заключенным платили зарплату, обеспечивали им сравнительно хорошие бытовые условия[2].

Такое отношение к заключенным объяснялось, прежде всего, острой необходимостью в бесперебойной добыче урана и тем, что урановые работы в Дальстрое курировались работниками госбезопасности, в то время как сам он находился в ведении МВД. В этой связи показательно свидетельство В. В. Давыдова: «Это для вас они заключенные, для нас – трудяги», - сказал начальник рудника (полковник госбезопасности) начальнику лагеря (работнику МВД), когда в лагерь привезли прогорклое пшено[3]. На «Бутугычаге» отношение к заключенным по воспоминаниям А. В. Жигулина и С. Ф. Лугова было намного более жестким.

Наибольшую опасность при разрботке и последующем обогащении ураносодеражщей руды таила в себе мелкая пыль, именно пыль содержала вредные для здоровья радиоактвные элементы и легко проникала внутрь организма человека. На «Бутугычаге» на рудообогатительной фабрике были оборудованы сушильные печи, на которых необходимо было помешивать высыхающую, прошедшую дробильный, химический и прессовый цехи массу окислов урана, пока она не высохнет. Рабочая смена длилась всего шесть часов, работа была легкая и на нее, по свидетельству А. В. Жигулина, с удовольствием шли молодые западноукраинские парни. К тому же там давали улучшенное питание и молоко, тогда в шахтах рабочая смена длилась по 14 часов. Но после всего лишь 20-30 смен по шесть часов всех их на

[1] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 87-88.
[2] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 75-76.
[3] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 76.

вид еще крепких и здоровых отправляли в т.н. лечебные бараки, где позже у них выпадали волосы, шла кровь из ушей и из носа, и они умирали[1].

На 1 января 1953 г. в непосредственном подчинении Первого управления находились комбинат №1 («Бутугычаг») с двумя горными участками и гидрометаллургическим заводом, комбинат №3 (с центром в пос. Певек) в составе двух рудников, гидрометаллургического завода, 16 полевых геолого-поисковых и разведочных партий и отрядов, строительных подразделений и автобазы, Колымский геологоразведочный отдел (с центром в пос. Нексикан) в составе 17 полевых геолого-поисковых и разведочных партий и отрядов, центральная научно-исследовательская лаборатория управления, располагавшаяся в г. Магадане[2].

Ураносодержащую руду с «Бутугычага» в мешках под усиленной охраной доставляли в Магадан. В порту руду грузили на подводную лодку, которая через Татарский пролив шла во Владивосток. Там стратегическое сырье грузили в самолет и доставляли в Москву. Обрабатывалось сырье на спецзаводе в Подмосковье[3].

За несколько лет геолого-поисковых и разведочных работ на уран Дальстроем был накоплен значительный материал о наличии данного вида стратегического сырья на Северо-Востоке. В этой связи решением правительства в 1952 г. Первому управлению Дальстроя было поручено составление обобщающей работы по изучению металлогении основных ураноносных районов Северо-Востока с оценкой их перспектив и составлением прогнозных карт[4]. Все работы на данном направлении возглавил С. Ф. Лугов, ставший незадолго до этого главным геологом управления п/я №14 (т.е. Первого управления Дальстроя)[5]. На основе анализа огромного фактического материала по геологии и металлогении территории Северо-Востока группой исследователей были выделены наиболее перспективные районы для разведок на уран: Охотский, Аянский, Аллах-Юнский, Верхоянский, Усть-Ленский, Полоусненский, Средне-Колымский, Омолонский, Омсукчано-Ольский, Пенжинский, Восточно-Чукотский и Западно-Корякский[6].

Необходимо отметить, что по воспоминаниям того же С. Ф. Лугова к разработке урановой тематики были привлечены крупнейшие специалисты геологии СССР, отбывавшие наказание в лагерях Колымы. С. Ф. Лугов даже создал группу из 5-6 чел. среди которых были И. К. Баженов (профессор из Томска), Ф. Н. Шахов (профессор), Ю. М. Шейнман и др.

---

[1] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 85, 107.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5609, Л. 7-8.
[3] Солдатов Л. Л. Алмазы. Золото. Уран. От мастера до генерального директора. – М.: «Алроса», 1998. – С. 70.
[4] Там же. Д. 5616, Л. 211.
[5] Лугов С. Ф. Моя работа на Колыме и Чукотке. // Краеведческие записки. – Магадан, 1992. - Вып. 18. - С. 13.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5616, Л. 212.

Эти специалисты были изъяты из общего лагеря, выделили помещения, оганизовали улучшенное питание[1].

В 1953 г. «Бутугычагский» комбинат №1 был реорганизован в рудник, количество его горных участков сократилось с четырех до двух. На Чукотке на комбинате №3 произошло слияние двух рудников, количество горных участков в целом сократилось с девяти до четырех. Обеспеченность рабочей силой Первого управления в 1953 г., несмотря на всю важность его работы, составила только 76%. На 1 января 1954 г. списочный состав управления составлял 3784 чел., из них 1937 чел. (51,2%) заключенных[2].

На добыче урана, как и в целом по Дальстрою, с 1953 г. сокращался удельный вес заключенных работников, в этой связи обострился жилищный вопрос, поскольку имевшийся у Первого управления жилфонд был «совершенно не в состоянии удовлетворить минимальных потребностей населения Чукотки». Большая скученность населения в неблагоустроенных жилищах, отсутствие в достаточном количестве бань, прачечных, а также и культурных учреждений порождали среди населения, особенно из числа бывших заключенных, воровство и другие криминальные проявления. Так, например, во второй половине 1953 – начале 1954 гг. не редкими были «случаи бандпроявлений с человеческими жертвами». В результате этого на уранодобывающих объектах имели место факты, когда горный надзор не выходил на работу из-за боязни появляться в местах скопления заключенных[3].

О волнениях и даже восстании в 1953 г. на Северном вспоминают и С. Ф. Лугов, и бывший заключенный В. В. Давыдов. Главная причина была та же, что и в целом по Дальстрою – огромный наплыв в лагеря Колымы и Чукотки рецидивистов-уголовников, т.н. воров-законников, которые самыми жесткими мерами захватывали в лагерях власть, требовали от других заключенных повиновения. До них в лагерях имелось много уголовников, которые работали и сотрудничали с лагерной администрацией, таких называли «суками». В декабре 1953 г. воры вырезали все руководство «сук» и взяли власть, называв себя при этом «декабристами»[4].

В течение 1954 г. справиться с кризисными процессами в уранодобывающей отрасли Дальстроя не удалось. В этой связи с января 1955 г. Министерством цветной металлургии было приняло решение ликвидировать рудник «Бутугычаг», а Первое управление Дальстроя реорганизовать в Первый спецотдел[1]. Однако и Первый спецотдел под руководством А. Цибина не смог стабилизировать ситуацию. Резкое снижение качеств руды и резкое сокращение

[1] Приводится по: Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 67.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5611, Л. 5-6.
[3] Там же. Д. 5611, Л. 8-9.
[4] Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – С. 120.

рабочих на основном производстве (в марте 1955 г. в распоряжении Первого спецотдела имелось не более 2 тыс. чел.), а также частые перебои в обеспечении электроэнергией, стройматериалами и взрывчаткой предопределили дальнейшее снижение объемов добычи уранового сырья и его удорожание. В частности по себестоимости добычи урана Дальстроем за 1955 г. был допущен перерасход в 10,2 млн. руб.[2]

Положение с соблюдением правил технической эксплуатации и техники безопасности в уранодобывающей отрасли было не менее сложным, чем на других направлениях деятельности горнодобывающей промышленности Дальстроя. Так, на горных предприятиях Первого управления в 1952 г. было зарегистрировано 254 несчастных случая, в том числе 6 тяжелых и 21 со смертельным исходом[3]. В 1953 г. в связи с уменьшением численности работников, количество несчастных случаев снизилось до 42 (в т.ч. 4 тяжелых и 4 со смертельным исходом)[4].

Основные причины травматизма на уранодобывающих предприятиях Дальстроя были аналогичны таковым на золото и оловодобывающих объектах - падение кусков горной массы, телесные повреждения при транспортировке, при работе с механизмами, при подъеме и спуске грузов и людей. В конце 1954 г. на участке «Западный» (комбинат № 3) имел место серьезный несчастный случай, в результате которого работы там не возобновлялись в течение 16 дней. В течение 11 дней января 1955 г. не работал горный участок № 4 этого же комбината. Причиной простоя явился пожар, в результате которого произошел завал одной из штолен, при этом 6 человек погибло. Подобные случаи вели к ослаблению трудовой дисциплины, поскольку рабочие впоследствии отказывались работать на данных участках[5].

В начале 1950-х гг. объемы добычи урана в Дальстрое последовательно росли. За 1952-1954 гг. в Дальстрое было добыто 112,9 т урана в концентрате. Учтенные запасы урана на 1954 г. составляли 343 т.[6] Себестоимость урана, добываемого на Северо-Востоке, была довольно высокой и постоянно превышало плановую. Так в 1954 г. фактическая себестоимость 1 кг уранового концентрате по Дальстрою составила 3774 руб. при плановой в 3057 руб.[1]

В связи с массовой амнистией заключенных и значительными трудностями освоения урановых месторождений в отдаленных районах в сложившихся условиях, эксплуатационные работы в данном направлении стали постепенно сворачиваться. В декабре 1955 г. от руководства МЦМ СССР было получено распоряжение демонтаже оборудования и ликвидации

---

[1] Там же. Д. 5615, Л. 3.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5620, Л. 132-133, 140.
[3] Там же. Д. 5609, Л. 144-145.
[4] Там же. Д. 5611, Л. 123.
[5] Там же. Д. 5625, Л. 21-22.
[6] Там же. Д. 5616, Л. 211.

горных выработок, производимых Первым спецотделом. В этой связи на комбинате № 3 были созданы 4 группы, которые приступили к демонтажу всех участков комбината[2] и в течение 1956 г. последние уранодобывающие объекты Дальстроя, остававшиеся на Чукотке, были ликвидированы.

Уранодобывающая отрасль Дальстроя в конце 1940-х – середине 1950-х гг. являлась важной составляющей не только горнодобывающей промышленности Дальстроя, но и формировавшейся уранодобывающей промышленности СССР в целом. За 1948-1955 гг. Дальстроем было добыто около 150 т урана в концентрате[3]. Однако постепенное истощение и чрезвычайная удаленность промышленных месторождений, проблемы с достаточным обеспечением рабочими и специалистами, недостаточная энергетическая база предопределили довольно краткий период добычи урана на Северо-Востоке.

О дальнейших перспективах разведок на уран на Северо-Востоке найти никаких упоминаний не удалось, однако по другим редким металлам предполагалось продолжение разведок и возможная их добыча. Так по группе металлов, добыча которых в Дальстрое не велась, 15-летним перспективным планом на 1956-1970 гг. условно было намечено строительство и ввод в действие нескольких новых предприятий. Основными должны были стать - Омолонский молибденовый горнорудный комбинат производительностью 2 тыс. т в сутки и 1 тыс. т металла в год (ввод первой очереди намечался на 1966 г.), Дыбы-Тырынский свинцово-цинковый завод и металлургический завод производительностью 3 тыс. т в сутки и по 30 тыс. т свинца и цинка в год (ввод в действие намечался в 1966 г.), ртутный комбинат «Красная горка» производительностью 500 т в сутки и получением 1 тыс. т металла в год (ввод планировался в 1969 г.), Лантарский титановый горнорудный комбинат производительностью 5 тыс. т в сутки и получением 60 тыс. т металла в год (ввод планировался в 1964 г.)[4].

Кроме этого в перспективе планировалось организовать попутную добычу «редких и рассеянных металлов» (по терминологии того времени) из комплексных руд. По Илинтасской фабрике – выпуск в год 1200 т вольфрама, 40,5 т кобальта, 5,25 т индия. По фабрике Алыс-Хая - 263 т вольфрама и 69 т кобальта в год. По Кестерской фабрике – 500 т лития, 132 т рубидия, 13,5 тантала и 18,5 т ниобия в год[5].

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5612, Л. 156.
[2] Там же. Д. 5635, Л. 44.
[3] Подсчитано по ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5606, Л. 177; Д. 5609, Л. 11-12; Д. 5611, Л. 10; Д. 5612, Л. 47; Д. 5616, Л. 163-167, 211; Д. 5620, Л. 125. Мельников С. М. также указывал на цифру в 150 т, хотя методика его подсчетов не ясна (см.: Мельников С. М. Добыча урана – одно из направлений деятельности Дальстроя. // Колыма. – 1994. - №4. – С. 33).
[4] ссД. 447, Л. 12.
[5] ссД. 447, Л. 13.

Также в рудах ряда месторождений, например Дыбы-Тырынском, было установлено содержание таких ценных компонентов как кобальт (0,01-0,02%), кадмий (0,02-0,04%), индий (0,02-0,03%), висмут (0,02-0,03%) и других, наличие которых значительно увеличивало ценность основной руды. В этой связи предполагалась организация научно-исследовательских работ с целью определения возможности попутного извлечения перечисленных металлов[1].

В условиях высокой затратности хозяйственной деятельности горнодобывающей промышленности Дальстроя в начале 1950-х гг. из государственного бюджета стали выделяться дотации, на покрытие расходов так называемых «планово убыточных» управлений и предприятий. Горнодобывающим управлениям дотации выделялись по золоту, олову, вольфраму, кобальту, на покрытие расходов по услугам автотранспорта, по сельскому хозяйству, подсобным предприятиям и т.д.

В делопроизводстве ГУСДС в 1950 г. появились первые документы по государственным дотациям «планово убыточных предприятий» Дальстроя (около 33 млн. руб.[2]).

В течение 1951 г. только предприятиям горнодобывающей отрасли (с Геологоразведочным управлением) было выделено почти 1,2 млрд. руб. государственных дотаций. При этом 605,4 млн. руб. дотаций (в основном по золоту) было выделено по статье «внутренние источники и льготы» Дальстроя[3].

В 1952 г. государственное дотирование предприятий Дальстроя продолжилось, но уже в менее значительных размерах. Горнопромышленные управления получили не менее 144,1 млн. руб. государственных дотаций по различным статьям[4].

В 1953 г. предприятиям горнодобывающей промышленности было выделено не менее 53,65 млн. руб. госдотаций[5], однако, сумма общих убытков только по четырем Северному, Чаун-Чукотскому, Индигирскому и Янскому управлениям за этот год составила 224 млн. руб.[6]

В 1954 г. предприятия и организации Дальстроя в целом допустили сверхплановых убытков на 657,9 млн. руб., при этом 58% от этой суммы приходилось на горнопромышленные управления[7]. В 1955 г. сверхплановые убытки по Дальстрою составили 375,9 млн. руб.,

---

[1] ссД. 447, Л. 13.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 218, Л. 254-255; Д. 221, Л. 143-144.
[3] Подсчитано по: Там же. Д. 248, Л. 196, Л. 317; Д. 250, Л. 227; Д. 253, Л. 33-35; Д. 256, Л. 165-167; Д. 258, Л. 212.
[4] Подсчитано по: Там же. Д. 278, Л. 31-33; Д. 279, Л. 393; Д. 287, Л. 125.
[5] Подсчитано по: Там же. Д. 306, Л. 94-95; Д. 309, Л. 264; Д. 311, Л. 239-240; Д. 314, Л. 115; Д. 318, Л. 104-105.
[6] Там же. Д. 337, Л. 211-223.
[7] Там же. Д. 1917, Л. 29.

из которых более трети (139,1 млн. руб.) приходилось на Западное, Чаун-Чукотское и Янское горнопромышленные управления[1].

Таким образом, все принимаемые в 1950-х гг. меры по снижению убыточности горнопромышленных предприятий Дальстроя не оказались эффективными. Хотя имели место единичные случаи безубыточной работы отдельных объектов. Так прииском «им. Горького» СГПУ в 1954 г. была получена сверхплановая экономия себестоимости в сумме 1725 тыс. руб.[2]

В 1950-е гг. в горнодобывающей промышленности Дальстроя довольно тяжелым оставалось положение с производственным травматизмом. При производственных травмах нередким был смертельный исход. Уровень производственного травматизма с утратой трудоспособности от четырех и более дней только непосредственно по горным, геологоразведочным и горно-строительным предприятиям за 1952 г. составил 3597 случаев, из них – 150 тяжелых и 176 – со смертельным исходом[3]. В 1953 г. было зарегистрировано 2024 случая производственного травматизма, из которых 79 было тяжелых и 97 со смертельным исходом[4]. В 1954 г. уровень производственного травматизма также оставался довольно высоким, только за II квартал этого года в горнопромышленных управлениях было зарегистрировано 499 случаев, 32 из которых было тяжелых и 22 со смертельным исходом[5].

Основными причинами производственного травматизма на горнопромышленных предприятиях Дальстроя были обрушение породы, падение в выработки, повреждение механизмами, а также несчастные случаи при взрывных работах и обращении с взрывчаткой, при доставке горной массы и леса, при подъеме и спуске грузов, людей и т.д.[6]

Таким образом, в середине 1950-х гг., исходя из анализа документальных материалов Главного управления Дальстроя, при снижении численности работников на основном производстве уровень производственного травматизма оставался довольно высоким. Мероприятия, направленные на решение данной проблемы, оказывались малоэффективными вследствие общей специфики организации промышленных предприятий, когда их руководители в своем большинстве формально подходили к решению проблемы техники безопасности.

5. Административная и кадровая политика

В конце 1940-х гг. административная политика руководства Дальстроя была существенно скорректирована. В августе 1951 г. для руководства и исполнения по Дальстрою был объявлен Указ ПВС СССР от 14 июля 1951 г. «О замене судебной ответственности рабочих и

[1] Там же. Д. 382, Л. 22-32.
[2] Там же. Д. 366, Л. 35-36.
[3] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 3354, Л. 2.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 3354, Л. 4.
[5] Там же. Д. 3353, Л. 24.
[6] Там же. Д. 3353, Л. 17 и др.

служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия»[1]. Жесткие меры стали приниматься значительно реже. Больше внимания стало уделяться материальному поощрению передовиков производства[2].

Также в целях поощрения ударников и стахановцев 12 сентября 1947 г. была учреждена Книга Почета Главного и Политического управлений Дальстроя МВД СССР и окружного комитета профсоюзов золотоплатиновой промышленности[3]. 17 февраля 1949 г. было объявлено об учреждении для поощрения работников системы Специального главного управления МВД СССР и Дальстроя МВД СССР «особо отличившихся в выполнении и перевыполнении взятых на себя обязательств» «Похвального листа» этих организаций[4].

19 марта 1949 г. по Дальстрою было объявлено об учреждении (в соответствии с постановлением СМ СССР №714 от 19 февраля 1949 г.) нагрудного знака «Отличник социалистического соревнования золотоплатиновой промышленности» для награждения работников, особо отличившихся в выполнении и перевыполнении плана добычи металла, геологоразведочных работ, в строительстве предприятий горнодобывающей и других отраслей хозяйства золотоплатиновой промышленности[5].

Во второй половине 1940-х - 1950-х гг. по-прежнему актуальной оставалась проблема обеспечения горнодобывающей промышленности и геологоразведочной службы Дальстроя квалифицированными специалистами. Специалисты, главным образом, вербовались на «материке». В самом Дальстрое велась подготовка специалистов так называемого узкого профиля при Учебном комбинате отдела кадров Главного управления: для работы и обслуживания техники подготавливались машинисты бульдозера (с 1946 г.), машинисты экскаваторов, механики прииска и участка, механики по ремонту экскаваторов и бульдозеров, бригадиры и слесари по ремонту тракторов, механики компрессорного парка. Для руководства эксплуатационными работами подготавливались начальники участка, смены, а также горные мастера[6]. Развитие добычи и обогащения рудного золота потребовало подготовки начальников смен и

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 254, Л. 60-62.
[2] Там же. Д. 153, Л. 105 и др.
[3] Там же. Д. 153, Л. 187.
[4] Там же. Д. 189, Л. 184.
[5] Там же. Д. 189, Л. 123-127.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 126, Л. 118, 187; Д. 129, Л. 283; Д. 136, Л. 2-3, 32; Д. 137, Л. 109-110, 124; Д. 138, Л. 87, 130; Д. 139, Л. 188, 282, 332; Д. 140, Л. 122, 244; Д. 149, Л. 126, 227; Д. 152, Л. 71; Д. 155, Л. 87, 93, 184-188; Д. 165, Л. 55, 141, 189-192; Д. 166, Л. 149-150, 194-196, 425; Д. 167, Л. 66-70, 81; Д. 169, Л. 29-30, 53-54; Д. 170, Л. 10-11, 156-157; Д. 172, Л. 15-16; Д. 173, Л. 18-19, Л. 151-152; Д. 174, Л. 113-114; Д. 189, Л. 149-147; Д. 193, Л. 11-13, Л. 31-
32; Д. 193, Л. 29-30.

сменных мастеров золотоизвлекательных фабрик, сменных мастеров дробильного отделения[1].

Для геологоразведочной службы Дальстроя готовились начальники геофизических отрядов, прорабы-геофизики, прорабы-поисковики, коллекторы (по категориям), картографы (по категориям), топографы (по разрядам), приисковые и участковые геологи и др.[2] Дальнейшая механизация геологоразведочных работ вызвала необходимость в подготовке мастеров колонкового и ударного бурения[3]. Для маркшейдерской службы подготавливались участковые маркшейдеры и ответственные помощники маркшейдера[4]. Кроме этого, для эксплуатационных и геологоразведочных работ было подготовлено значительное количество прорабов буровзрывных работ и взрывников[5]. На местах для повышения квалификации работников организовывались различные курсы, семинары и т.п.

Вместе с тем потребность в специалистах оставалась, особенно в квалифицированных инженерно-технических. В этой связи в целях дальнейшей подготовки инженеров горно-металлургических специальностей для МВД СССР через систему заочного обучения в июне 1947 г. «директору Московского института цветных металлов и золота тов. Глек было приказано организовать учебно-консультационные пункты а) в ГУСДС (г. Магадан) и б) для Норильского медно-никелевого комбината (г. Норильск)»[6].

Вслед за этим в сентябре 1947 г. последовал приказ по Дальстрою об организации при отделе кадров ГУСДС учебно-консультационного пункта Московского института цветных металлов и золота им. Калинина. На начальников горнопромышленных управлений возлагалось проведение разъяснительной работы по вовлечению в систему заочного обучения лиц, имеющих образование в объеме 10 классов, техникума или незаконченное высшее[7].

Заметным событием для подготовки кадров стала организация в 1948 г. Магаданского горного техникума (МГТ) на 500 учащихся с 4-х летней программой обучения[8]. Первоначально в МГТ было утверждено четыре отделения: горное, обогатительное, электромеханическое, геологоразведочное. Для прохождения учебной и производственной практики уча-

---

[1] Там же. Д. 127, Л. 84.
[2] Там же. Д. 127, Л. 141; Д. 138, Л. 145, Л. 187-188, Л. 253; Д. 139, Л. 338; Д. 149, Л. 134; Д. 151, Л. 110; Д. 156, Л. 3-4; Д. 166, Л. 203-204; Д. 171,Л. 176-175; Д. 166, Л. 115, Л. 334-335; Д. 167, Л. 83-85, Л. 209-213; Д. 171, Л. 153-151; Д. 172, Л. 21-22; Д. 174, Л. 64-65; Д. 186, Л. 2-3, Л. 20-21; Д. 187, Л. 69-68; Д. 188, Л. 56, Л. 128-129, Л. 138-140, Л. 226-227; Д. 189, Л. 71-69, Л. 146-145, Л. 187; Д. 192, Л. 240; Д. 194, Л. 118-119; Д.195, Л. 8-12; Д.196, Л. 79-80, Л. 153-154, Л. 210-211, Л. 305-306.
[3] Там же. Д. 129, Л. 59; Д. 138, Л. 93; Д. 152, Л. 57; Д. 155, Л. 195-196; Д. 168, Л. 66; Д. 173, Л. 39; Д. 189, Л. 160-159.
[4] Там же. Д. 136, Л. 217; Д. 139, Л. 339; Д. 151, Л. 75; Д. 168, Л. 94-95; Д. 174, Л. 134-135.
[5] Там же. Д. 139, Л. 309; Д. 149, Л. 199; Д. 155, Л. 99-101, Л. 238-240; Д. 171, Л. 98-97; Д. 188, Л. 288-289.
[6] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 146, Л. 2-4.
[7] Там же. Д. 153, Л. 178.
[8] Там же. Д. 170, Л. 31-32.

щиеся МГТ направлялись в геологоразведочные подразделения, центральные ремонтно-механические мастерские и т.п.[1]

4 июня 1951 г. МГТ было приказано реорганизовать в Магаданский горно-геологический техникум (МГГТ), кроме этого планировалось организовать заочное отделение[2]. Постепенно МГГТ стал основным центром подготовки специалистов со среднетехническим образованием в регионе. В связи с 5-летием со времени организации МГГТ, руководство Дальстроя указывало, что он вырос в крупное средне специальное учебное заведение на Крайнем Севере. В 1951 г. МГГТ выпустил 41 специалиста техников геологоразведки, в 1952 г. - 124 специалиста, в 1953 г. по всем профилям планировался выпуск 219 специалистов[3]. В этой связи в 1955 г. руководство Дальстроя пошло даже на ликвидацию Учебного комбината в г. Магадане, так как в соответствии с официальной формулировкой его содержание было связано с излишними затратами и «не вызывалось практической необходимостью»[4].

В целях дальнейшей подготовки и повышения квалификации инженерно-технических кадров для предприятий Дальстроя МВД Совет Министров СССР постановлением от 21.11.1951 №4785 обязал МВД СССР совместно с Министерством высшего образования СССР организовать в 1952 г. при нескольких институтах отделения по подготовке инженеров для предприятий и строительств МВД со сроком обучения 2,5 года. В частности для Дальстроя были выделены места на 262 чел., в т.ч. при Томском политехническом институте по специальностям «разработка месторождений полезных ископаемых», «геология и разведка месторождений полезных ископаемых», при Уральском политехническом институте по «промышленному и гражданскому строительству», при Днепропетровском горном институте по «горной электромеханике, «геологии и разведки месторождений полезных ископаемых», при Северо-Кавказском горно-металлургическом институте по «обогащению полезных ископаемых», при Хабаровском горном институте по «маркшейдерскому делу»[5].

Однако, не смотря на все предпринимаемые усилия, как со стороны руководства Дальстроя, так и из Москвы (МВД, Совет Министров), ситуация с квалифицированными кадрами все время оставалась напряженной. В немалой степени такое положение определялось слабым развитием социальной сферы и значительной текучестью кадров. Т.е. специалистов и вербовали, и готовили на местах, и через систему заочного образования, однако, из года в год их существенно не хватало.

[1] Там же. Д. 190, Л. 137-135 и др.
[2] Там же. Д. 252, Л. 40-41; Д. 257, Л. 110-111.
[3] Там же. Д. 313, Л. 140-141.

[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 365, Л. 67-68.
[5] Там же. Д. 277, Л. 130-135.

Руководство Дальстроя еще в 1950 г. должно было констатировать, что до 60% инженерно-технических должностей были замещены специалистами-практиками, значительная часть которых не имела для такой работы достаточной подготовки[1]. При проверке кадрового состава СГПУ в июне 1953 г. было установлено, что на инженерно-технических должностях работало 36 чел., не имевших специального образования и являвшихся близкими родственниками руководителей данных предприятий, 30 чел. замещали номенклатурные должности без утверждения приказами по Главному управлению Дальстроя. В ЗГПУ к концу 1954 г. выяснилось, что состав руководящих кадров ЗГПУ не только не улучшился по сравнению с 1953 г., но значительно ухудшился. Так, из 37 должностей начальников участков специалистами было замещено только 4, из 49 должностей начальников смен - только 9, из 68 должностей начальников шахт - только 8, остальные должности были укомплектованы практиками, многие из которых не имели прав на ведение горных работ[2].

В целом, несмотря на значительные объемы работ по подготовке и повышению квалификации кадров в 1950-е гг., к 1957 г. в Дальстрое вследствие значительного уровня текучести специалистов кадровая проблема оставалась одной из самых насущных. Закреплению специалистов на длительные сроки препятствовали крайне дискомфортные условия труда и быта[3].

§ 3 Социальная сфера Дальстроя в 1945-1957 гг.

1. Вольнонаемные работники

В послевоенные годы наиболее важными задачами в отношении вольнонаемных работников Дальстроя стали восстановление льгот по заработной плате, восстановление отпусков, нормализация продовольственного и промышленного снабжения, т.е. в целом восстановление довоенных достижений в этой области. Также вольнонаемные работники могли рассчитывать (и рассчитывали) на дальнейшее увеличение зарплаты и северных льгот, улучшение жилищно-бытовых условий, на различные формы поощрения за самоотверженный труд в годы войны. Некоторые ожидания вольнонаемных работников Дальстроя действительно оправдались, т.к. довольно быстро были восстановлены надбавки и северные льготы в целом. Однако проблема улучшения социально-бытового комплекса и развития социальной инфраструктуры (от чего напрямую зависела закрепляемость кадров) решалась медленно. В этой связи в Дальстрое сохранялась значительная текучесть вольнонаемных кадров.

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 222, Л. 152-157.
[2] Там же. Д. 346, Л. 56-59.
[3] Там же. Д. 393, Л. 12-16.

В военное время вольнонаемные работники Дальстроя не могли покинуть Северо-Восток и должны были работать на своих местах. Однако после окончания боевых действий с гитлеровской Германией довольно значительное количество вольнонаемных работников изъявило желание покинуть Северо-Восток. Начальник Дальстроя И. Ф. Никишов в конце мая 1945 г. указывал, что к нему чуть ли не ежедневно поступало более 200 заявлений с просьбами об освобождении от работы и последующим выездом на материк[1]. В основном по оценке самого начальника Дальстроя это были здоровые, способные выполнять любую физическую работу люди. В связи с начинавшимся промывочным сезоном в Дальстрое, Никишов запретил освобождать кого то ни было от работы.

В первые годы после войны для вольнонаемных было весьма затруднительно не только уволиться из Дальстроя, но и выехать в отпуск. Формально очередные и дополнительные отпуска для работников Дальстроя НКВД СССР были восстановлены соответствующим Указом ПВС СССР с 1 июля 1945 г. Однако руководство Дальстроя предоставило отпуска не всем имевшим на них право, а дало на места соответствующую разнарядку на предоставление отпусков. Всего по Дальстрою на период июль-ноябрь 1945 г. правом отпуска могли воспользоваться 2485 чел., из них 1095 чел. (44,1%) были из восьми горнопромышленных управлений. Так для Северного управления был установлен лимит в 255 чел., для Тенькинского – 190, для Западного и Чау-Урьинского по 175, для Юго-Западного – 125, для Янского – 75, для Индигирского и Чаун-Чукотского по 50 чел.[2].

Позднее об этих событиях вспоминал В. К. Куликовский, работавший геологом в Янском районе. В частности он указывал, что с окончанием войны все стали мечтать если не о скорейшем выезде «на материк», то хотя бы о получении каких-либо известий от родных и близких, находившихся на оккупированной территории, но выехать было затруднительно, так как руководством Дальстроя были установлены жесткие лимиты предоставляемых отпусков[3]. Даже те вольнонаемные, которые попадали в списки для первоочередного выезда на «материк», зачастую оказывались в трудном финансовом положении, поскольку у многих не было денег, потому что «всё или почти всё, что зарабатывали, они отдавали в Фонд обороны». Трудное положение с отпусками оставалось и в последующие несколько лет.

Постепенно стали восстанавливаться льготы, отмененные в военное время. В июле 1945 г. по Дальстрою было объявлено, что с 1 марта 1945 г. для его работников было разре-

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 126, Л. 39.
[2] Д. 127, Л. 129-130.
[3] Куликовский В. Н. Из моей жизни на Севере. // Краеведческие записки. – Магадан, 1989. – Вып. 16. - С. 127, 128.

шено восстановить выплату 10-процентной надбавки к основному окладу за каждый год работы на Крайнем Севере[1].

В развитие приказа НКВД СССР № 95 от 7 марта 1945 г. о повышении заработной платы, 6 июля 1945 г. приказом № 380 по ГУСДС был утвержден «Справочник дифференцированных должностных окладов инженерно-технических работников, служащих и младшего обслуживающего персонала по отраслям хозяйства Дальстроя НКВД СССР»[2]. Должностные оклады инженерно-техническим работникам, служащим и младшему обслуживающему персоналу устанавливались начальниками управлений и предприятий в пределах от минимума до максимума должностного оклада, предусмотренного справочником, в полном соответствии с месячным фондом зарплаты основного тарифа, утвержденного для данного управления, предприятия. В «Справочнике дифференцированных должностных окладов» имелось 33 раздела, соответствовавших наиболее важным направлениям деятельности Дальстроя.

В первом разделе «Справочника» рассматривались должностные оклады работников горной промышленности. Оклады начальника и главного инженера горнопромышленного управления составляли от 3700 до 4200 руб., начальника и главного инженера горнорудного комбината – от 3000 до 3800 руб., начальника и главного инженера прииска особой категории – до 3600 руб., прииска 1-й категории – до 3300 руб., прииска 2-й категории – до 3000 руб., прииска 3-й категории – до 2700 руб. Оклад начальника участка подземных работ на россыпных месторождениях составлял от 2200 до 2400 руб., на рудных – от 2200 до 2500 руб. (в зависимости от категории). Должностные оклады начальника шахты составляли от 2000 до 2300 руб., начальника промывочного прибора от 1400 до 2000 руб. в зависимости от суточной производительности шахты или промприбора. Инженеры всех специальностей на приисках и горнорудных комбинатах имели оклад от 1600 до 1900 руб. вне зависимости от категории прииска. Для техников всех специальностей был установлен оклад от 1250 до 1600 руб., для сменных механиков экскаваторного парка от 1600 до 1800 руб., для горных мастеров открытых работ от 1100 до 1700 руб. (вне зависимости от категории прииска) и т.д.

Начальник Геологоразведочного управления имел оклад от 3700 до 4200 руб., начальники районных геологоразведочных управлений от 3000 до 3800 руб., главные геологи – от 2700 до 3600 руб. Оклад геологов районных управлений и геологоразведочных отделов составлял от 1600 до 2000 руб., топографов 1-го разряда от 1300 до 1500, коллектора 900 руб. Оклад начальника полевой партии составлял от 1800 до 2200 руб., начальника отряда партии от 1600 до 1900, прораба полевой партии от 1400 до 1700 руб. и т.д.

---

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 127, Л. 133.

[2] Справочник дифференцированных должностных окладов инженерно-технических работников, служащих и младшего обслуживающего персонала по отраслям хозяйства Дальстроя НКВД СССР. – Магадан: «Советская Колыма», 1945. – С. 3.

Должностные оклады работников социально-бытового комплекса были значительно ниже. Так оклад продавца составлял от 400 до 800 руб., буфетчика от 500 до 600 руб. Оклад врачей в городах и рабочих поселках составлял от 900 до 1300 руб., врачей на селе - от 1000 до 1500 руб. (в зависимости от стажа), фельдшеров - от 600 до 900 руб., медсестер – от 400 до 700 руб., санитарок от 350 до 500 руб. Должностные оклады учителей I-IV классов составляли от 473 до 750 руб., учителей V-VII классов – от 642 до 900 руб., учителей VIII-X классов – от 675 до 975 руб. Оклады педагогических работников зависели от стажа работы, разряда и от наличия высшего или среднего образования.

До конца 1945 г. вольнонаемные работники Дальстроя получили еще ряд льгот и поощрений. В сентябре 1945 г. по Дальстрою был объявлен Указ ПВС СССР от 1 августа 1945 г. в соответствии с которым, работникам Дальстроя НКВД СССР, работавшим на Крайнем Севере и находившимся в очередных отпусках предоставлялись дополнительные отпуска. При этом работникам с нормированным рабочим днем предоставлялось 18 рабочих дней дополнительного отпуска, с ненормированным - 30 дней[1].

В декабре 1945 г. было объявлено о порядке выплаты единовременного вознаграждения за долгосрочную непрерывную работу в Дальстрое (порядок выплаты регулировался постановлением СНК СССР № 2777 от 29 октября 1945 г.)[2]. В соответствии с данным документом работники, имевшие непрерывный стаж работы в Дальстрое от 7 до 10 лет имели право на премирование двухмесячным окладом, имевшие непрерывный стаж 10 лет и выше – на премирование трехмесячным окладом. Кроме этого тем, кто имел непрерывный стаж работы свыше 10 лет, должны были за каждый год работы сверх 10 лет получить премию в размере двухмесячного оклада. Стаж непрерывной работы исчислялся с начала работы в Дальстрое. Время с 1 октября 1942 г. по 29 октября 1945 г. из общего стажа исключалось и при определении права на единовременное вознаграждение за долговременную работу не учитывалось. Для установления права на получение единовременного вознаграждения управления и предприятия должны были предоставить в главную бухгалтерию Дальстроя справки о стаже и прохождении службы в Дальстрое. В дальнейшем такие поощрения работников за долговременную непрерывную работу в Дальстрое путем выплаты им единовременного вознаграждения действительно периодически производились[1].

После окончания боевых действий продовольственное снабжение в Дальстрое продолжало осуществляться по карточкам, однако появилась возможность несколько увеличить нормы снабжения. В этой связи 23 ноября 1945 г. народный комиссар внутренних дел СССР Л. Берия приказал начальнику Дальстроя генерал-лейтенанту И. Ф. Никишову снабжение ра-

---

[1] Д. 129, Л. 353.
[2] Д. 129, Л. 70.

бочих Дальстроя хлебом производить по нормам 900 г в день (вместо 800 г), рабочих и инженерно-технических работников, занятых на горных работах – 1000 г, служащих – 700 г (вместо 600 г), детей и иждивенцев работников Дальстроя – 500 г (вместо 400 г)[2]. И 11 декабря 1945 г. эти нормы были утверждены соответствующим приказом начальника Дальстроя[3].

Л. Берия также приказал работникам, прибывавшим для работы в Дальстрой без карточек продавать верхнюю и теплую одежду, костюмы, кожаную и валенную обувь и другие товары на 1000 руб. и для членов семей, ехавших с ними по 500 руб. на каждого. Кроме этого в Дальстрое должны были быть открыты коммерческие магазины и рестораны по ценам, установленных для предприятий Главсобторга (коммерческий продовольственный магазин планировалось открыть в Магадане, коммерческие рестораны в Магадане, Сусумане и Усть-Омчуге)[4]. Также особое внимание обращалось на улучшение снабжения вольнонаемного населения табачными изделиями и увеличение капитальных вложений в строительство объектов социальной инфраструктуры.

В целях закрепления на работе в Дальстрое специалистов и квалифицированных рабочих в марте 1946 г. руководство ГУСДС приказало активизировать работу по заключению трудовых договоров. При этом «широко разъяснять», что льготы, установленные Указом ПВС СССР от 1 августа 1945 г. для работающих на Крайнем Севере распространяются только на лиц, которые заключили договора о работе на Крайнем Севере на срок не менее 3 лет[5].

В инструкции для служебного пользования по заключению индивидуальных трудовых договоров с лицами, принимаемыми на работу в Дальстрой на месте, был изложен общий порядок заключения таких договоров[6]. Индивидуальные трудовые договоры должны были заключаться в том числе и с лицами, освобожденными от отбывания наказания в лагере согласно Указа ПВС СССР от 7 июля 1945 г. об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией, с лицами, освобожденными от отбывания наказания в лагере в связи с прекращением возбужденного против них дела или реабилитации, с лицами, освобожденными из лагерей по окончании срока наказания и не закрепленными на работе в Дальстрое. Трудовые договоры необходимо было заключать и с членами семей перечисленных категорий, а также с членами семей прибывших в Дальстрой вольнонаемных работников. Трудовой договор должен был заключаться сроком на 3 года. С другой стороны трудовые договоры нельзя было заключать с лицами, закрепленными на работе в Дальстрое в порядке специальных ди-

---

[1] Д. 139, Л. 317; Д. 165, Л. 30-32, 260-261; Д. 166, Л. 48-50, 214-216, 402; Д. 167, Л. 58-60; Д. 169, Л. 143 и др.
[2] Д. 123, Л. 109.
[3] Д. 129, Л. 50-51.
[4] Д. 123, Л. 109.
[5] Д. 137, Л. 280.
[6] Д. 137, Л. 281-284.

ректив, с лицами, имевшими в виде дополнительной меры наказания поражение в правах, и со спецпереселенцами.

В мае 1946 г. приказом №379 руководство Дальстроя особо указывало, что северными льготами могут пользоваться только те работники, которые заключили трудовые договоры. Льготы не должны были предоставляться работникам, направленным и принятым на работу на срок менее года, лицам, нанятым на месте, независимо от времени их поступления на работу в Дальстрой и получения ими процентных надбавок по ранее действовавшему законодательству (если с ними не заключены трудовые договоры), а также лицам, лишенным по суду избирательных прав, высланных в административном порядке или по приговору суда[1].

Однако уже 8 июня 1946 г. позиция руководства Дальстроя была несколько скорректирована[2]. В частности на работников Дальстроя, поступавших на работу по вольному найму, независимо заключал он трудовой договор или нет, должны были распространяться все льготы в соответствии с постановлением СНК СССР от 29 октября 1945 г. Однако в дальнейшем, как указывалось, льготы будут применяться только к тем работникам, которые заключат трудовой договор. Также право заключать трудовые договоры на работу в Дальстрое получили и трудящиеся, проживавшие на территории деятельности Дальстроя, независимо от причин, по которым они прибыли на Колыму.

В послевоенное время продолжилась практика поощрения вольнонаемных работников перед промывочным сезоном дополнительным питанием и промтоварами. Так с 1 июня 1946 г. для всех рабочих, занятых непосредственно на обслуживании экскаваторов и бульдозеров устанавливалось снабжение по высшей категории (1-А). Бригадирам экскаваторных и бульдозерных бригад было приказано ежемесячно выдавать карточку инженерно-технического работника на обед. Бригадирам, выполнявшим и перевыполнявшим, установленные для них нормы выработки приказывалось выдавать декадный премиальный набор продовольствия. Начальники горных управлений и приисков должны были предоставить экскаваторщикам и «бульдозерщикам» лучшее жилье, обеспечить их всеми необходимыми бытовыми принадлежностями. Также для премирования работников этой группы из фонда начальника Дальстроя выделялось продовольствия и промтоваров на 100 тыс. руб.[3]

Однако в октябре 1946 г. нормы продовольственного снабжения для вольнонаемного населения Дальстроя были снижены (юридическим основанием послужил приказ по МВД № 0315 от 28 сентября 1946 г. и приказ Министерства торговли №380 от 21 сентября 1946 г.)[4]. В частности были отменены дополнительные обеды инженерно-техническим работникам,

---

[1] Д. 138, Л. 196-196об.
[2] Д. 138, Л. 95.
[3] Д. 138, Л. 162-163.
[4] Д. 139, Л. 77-79.

детское усиленное питание, школьные завтраки, дополнительное питание кормящим и беременным женщинам, дополнительное декадное питание перевыполнявшим нормы выработки трактористам и бульдозеристам, дополнительное хлебное снабжение шоферам, выполнявшим транзитные грузоперевозки и т.д.[1]

Заметные ограничения коснулись иждивенцев. Неработавшим иждивенцам (мужчинам до 60 лет и женщинам до 55 лет) выдача хлебных карточек отменялась, кроме детей до 16-летнего возраста, инвалидов 1-й и 2-й групп, учащихся и лиц, связанных с уходом за детьми до 7-летнего возраста. Но в целом по третьей категории (собственно иждивенцы) норма выдачи хлеба была снижена с 500 до 400 г хлеба в день[2].

Все руководители предприятий, организаций и учреждений, председатели сельсоветов, колхозов и карточных бюро необходимо было немедленно произвести перерегистрацию хлебных карточек, ранее выданных иждивенцам, обеспечить их изъятие у лиц, утративших права на карточки. Также должны были быть изъяты талоны на дополнительное питание и снабжение. Торгующим организациям запрещалось отпускать хлеб иждивенцам, не имевшим штампа перерегистрации.

С 1 ноября 1946 г. снабжение хлебом по категории 1-А (1000 г хлеба в день) должно было производиться только для работников непосредственно занятых на горных работах. Все остальные рабочие и ИТР должны были снабжаться хлебом по категории 1-Б (900 г хлеба в день). Управляющий «Колымснабом», начальники управлений и предприятий, руководители учреждений и организаций должны были установить жесткий контроль за правильностью выдачи и хранения продовольственных и хлебных карточек, за законностью расходования продовольственных фондов. Лиц, допускавших злоупотребления с заборными документами было приказано привлекать к уголовной ответственности с предъявлением исков по рыночным ценам[3].

В изменение порядка снабжения коренного населения Дальстроя в октябре 1946 г. колхозникам (мужчинам и женщинам) в национальных районах норма хлеба была установлена в 800 г, детям, учащимся и иждивенцам - 400 г в день.[4]

В связи с жесткой позицией начальника ГУСДС в отношении увольнения из системы Дальстроя, людской поток желавших самовольно уехать из Дальстроя, даже без соблюдения всех необходимых формальностей, устремился в сторону Якутии. В этой связи в июле 1947 г. в целях прекращения самовольных выездов работников через территорию Якутской АССР руководство Дальстроя приказало начальнику военизированной охраны СВИТЛ МВД пол-

[1] Д. 139, Л. 77.
[2] Д. 139, Л. 78.
[3] Д. 139, Л. 79.
[4] Д. 139, Л. 40-42.

ковнику Васильеву организовать проверку автомашин и документов у пассажиров, следовавших в ЯАССР через районы Адыгалах-Оймякон-Хандыга[1]. Те, у кого не было соответствовавших документов, подлежали задержанию.

С восстановлением экономического потенциала страны продолжалось постепенное восстановление отмененных ранее доплат. Так в сентябре 1947 г. по Дальстрою было объявлено, что в соответствии с распоряжением МВД №323 от 30 мая 1947 г. вольнонаемным инженерно-техническим работникам и служащим, обслуживавшим 9-ти и 10-часовые рабочие смены, оплата переработанных часов будет производиться в полуторном размере (как это практиковалось в довоенный период)[2]. Данное распоряжение относилось только тем, работникам чье присутствие на производстве было обязательно в течение всего времени работы смен.

Ситуация с отпусками для вольнонаемных работников Дальстроя стала стабилизироваться только во второй половине 1948 г., хотя видимо еще не все желающие смогли добиться положенного им по законодательству отдыха. С 3 июля 1948 г. руководство Дальстроя обязало руководителей отраслевых управлений предоставлять, как правило, отпуска тем работникам, которые не использовали их за 3 и более предшествующих года. Отпуск в натуре при этом приказывалось предоставлять не более, чем за 3 года работы. За неиспользованный отпуск за время работы свыше трех лет приказывалось выплачивать компенсацию в размере 1/10 от начисленной суммы. При увольнении работников, компенсации за неиспользованный отпуск за время работы до 16 декабря 1947 г. должна была выплачиваться в размере 1/10 начисленной суммы компенсации, а за последующее время в полном объеме[3].

Однако вскоре в соответствии с распоряжением СМ СССР №9317 от 10 июля 1948 г. последовало новое указание. Компенсацию за неиспользованный отпуск рабочим и служащим Дальстроя на Крайнем Севере за время работы и до 16 декабря 1947 г. приказывалось выплачивать во всех случаях в полном объеме без переоценки (все ранее изданные по этому поводу документы считались утратившими силу)[4].

Кроме предоставления полного расчета (компенсаций) за неиспользованные отпуски, для некоторых категорий работников была найдена возможность увеличения продолжительности предоставлявшихся отпусков. Так, с октября 1948 г. согласно указаниям МВД на рабочих Дальстроя, непосредственно занятых на производстве в горной, металлургической, ме-

---

[1] Д. 152, Л. 128.
[2] Д. 154, Л. 188.
[3] Д. 169, Л. 193-195.
[4] Д. 169, Л. 55.

таллической промышленности и имевших непрерывный стаж работы не менее 2 лет был распространен 3-х дневных дополнительный отпуск за выслугу лет[1].

В соответствии с постановлением СМ СССР от 21 апреля 1949 г. и приказом министра внутренних дел от 17 июля 1949 г. была установлена продолжительность отпусков работникам научно-исследовательских, учебных и культурно-просветительских учреждений[2]. Так, по Магаданскому ВНИИ-1 заведующим отделами и лабораториями, старшим и младшим научным сотрудникам отпуск был установлен в 24 рабочих дня. По Магаданскому горному техникуму и Учебно-производственному комбинату для преподавателей и старших инженеров-преподавателей отпуск был установлен в 48 рабочих дней. Пионервожатым, школьным инструкторам, преподавателям пунктов ликвидации неграмотности – 48, воспитателям школ-интернатов и воспитателям детских садов – 36, руководителям кружков и секций, библиотекарям - 24 рабочих дня. При этом продолжительность очередных отпусков тех работников, которые имели право на льготный отпуск, слагалась из основного отпуска (указанного выше) и льготного отпуска за работу на Крайнем Севере (30 дней для работников с ненормированным и 18 дней для работников с нормированным рабочим днем).

В августе 1948 г. по Дальстрою было объявлено «Положение о льготах для рабочих, руководящих и инженерно-технических работников Дальстроя МВД СССР»[3], в котором в частности рассматривались вопросы порядка выплаты единовременного вознаграждения за выслугу лет и предоставления пенсии по старости. На пенсию работники имели право по достижении ими 50-летнего возраста и при наличии у них стажа работы в Дальстрое 20 лет и более. Один год работы на Крайнем Севере для начисления трудового стажа засчитывался за два. Работники, уволенные из Дальстроя до 22 мая 1948 г. право на пенсию не имели. Пенсионерам, продолжавшим работать, пенсия по старости должна была выплачиваться независимо от получаемой заработной платы. Пенсия назначалась из оклада, который работник получал непосредственно ко времени установления пенсии. Пенсии по инвалидности работникам Дальстроя устанавливались органами социального обеспечения в соответствии с существовавшими на тот период времени правилами.

В целях дальнейшего поощрения самых надежных и самоотверженных работников Дальстроя из Москвы в 1948 г. последовало указание о порядке представления к награждению орденами и медалями СССР за выслугу лет и безупречную работу в предприятиях и организациях цветной металлургии МВД СССР. Так, работник, имевший до 9 лет непрерывного стажа мог быть представлен к медали «За трудовое отличие», от 10 до 14 лет стажа - к ме-

---

[1] Д. 172, Л. 92.

[2] Д. 216, Л. 199-200. По Дальстрою о продолжительности отпусков работникам научно-исследовательских, учебных и культурно-просветительских учреждений было объявлено 16 января 1950 г.

[3] Д. 170, Л. 66-53.

дали «За трудовую доблесть», от 15 до 19 лет стажа - к ордену «Красного Знамени», при непрерывном стаже в 20 и более лет, работник мог быть представлен к ордену Ленина[1].

Вместе с тем, несмотря на восстановление льгот и увеличение зарплат, в жилищно-бытовом положении вольнонаемного населения Дальстроя во второй половине 1940-х гг. качественных изменений в лучшую сторону практически не произошло. Как и ранее руководящими работниками и профсоюзными организациями периодически проводились проверки жилищно-бытовых условий вольнонаемных работников, и из года в год выявлялись одни и те же проблемы. Так в марте 1946 г. было установлено, что общежития ведущих приисков Дальстроя «Гвардеец», «Комсомолец», «Большевик», «Штурмовой», а также рудника «им. Матросова» находились в неудовлетворительном состоянии. В помещениях общежитий было холодно, регулярное снабжение водой и топливом организовано не было[2]. Особенно острой проблема жилищно-бытовых условий вольнонаемных работников горнодобывающей промышленности Дальстроя становилась зимой. Многие общежития к зиме не подготавливались. Зачастую в общежитиях отсутствовали сушилки, и сами помещения находились в антисанитарном состоянии с большим количеством клопов. Рабочие рудника «им. Матросова» вообще проживали в старых, пришедших в ветхость палатках. Кроме этого, у рабочих не было сменного нательного белья, постельных принадлежностей, бани и прачечные работали не регулярно, в результате чего возникала «массовая вшивость» (при этом белье, обувь, теплые вещи и т.п. в достаточном количестве имелось на складах государственного треста «Колымснаб»)[3].

Руководство Дальстроя периодически приказывало готовить общежития вольнонаемного состава и жилой фонд лагерей к зиме[4], и, видимо, некоторые частичные меры в этом направлении все-таки принимались, однако в целом ситуация не менялась. В декабре 1947 г. Главное управление Дальстроя указывало, что располагало «целым рядом фактов» того, что в отдельных управлениях и предприятиях «до сего времени не созданы нормальные жилищно-бытовые условия» для вольнонаемных. Основная вина вновь возлагалась на начальников управлений и предприятий, которые «самоустранились от этого важнейшего дела, передоверив заботу о жилищно-бытовых условиях комендантам, домоуправам и даже дневальным»[1].

В этой связи на начальников управлений и предприятий Дальстроя была возложена персональная ответственность за создание нормальных жилищно-бытовых условий для вольнонаемных состава. Приказывалось создать комиссии и проверить состояние жилищно-бытовых условий вольнонаемных работников, составить соответствующие акты. Материалы

[1] Д. 162, Л. 25-35.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 137, Л. 217.
[3] Там же. Д. 155, Л. 212.
[4] Д. 138, Л. 156-158.

о безобразном отношении к созданию нормальных жилищно-бытовых условий для работников было приказано передавать в военную Прокуратуру для привлечения виновных к уголовной ответственности. Также с 1 декабря 1947 г. было приказано установить дифференциальную шкалу квартплаты за общежитие. При заработке до 500 руб. она должна была составить 25 руб., при 501-800 руб. - 35 руб., при 801 и выше - 50 руб. в месяц.

Однако жилищные и бытовые условия населения не улучшились и к концу 1940-х гг. Так, в Тенькинском управлении, по данным на май 1949 г., склады, магазины, столовые и пекарни находились «в запущенном антисанитарном состоянии»[2]. Вследствие малых складских помещений на предприятиях «им. Матросова», «им. Ворошилова», «им. Гастелло» продукты хранились под открытым небом, подвергаясь порче и хищению. Вошла в систему практика отпуска продтоваров из магазинов по запискам. Так в магазинах Северного управления при проверке было изъято более 500 записок, в магазинах Теньки - более 300.

В столовых посуда была кустарного производства из жестяных банок, ржавая, и не пригодная к употреблению. В большинстве столовых отсутствовали гардеробы. Санитарный надзор за пищевыми предприятиями не осуществлялся. Магазины, столовые и пекарни находились в антисанитарном состоянии, обслуживающий персонал магазинов и столовых работал в рваной, грязной спецодежде, медосмотр работников проходился не регулярно, не велись санитарные журналы и т.д.

В особенно тяжелой ситуации в связи с неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями, оказывались вновь прибывавшие специалисты. В 1949 г. для них не были оборудованы даже гостиницы для временного размещения[1]. В центральных поселках отраслевых управлений Усть-Нера, Усть-Омчуг, Мякит, Сусуман, Ягодный, Нижний Сеймчан эти гостиницы, по свидетельству руководства Дальстроя, имели жалкий вид, в них было грязно и не уютно (особенно в Усть-Нере). В целом многие начальники предприятий безответственно относились к созданию нормальных жилищно-бытовых условий для вновь прибывающих работников и их семей. Их размещали в необорудованных помещениях, семейных работников поселяли вместе с холостыми, не было организовано снабжение дровами и водой. В этой связи начальник Дальстроя И. Г. Петренко особенно подчеркивал, что руководители предприятий должны понять, что такое неудовлетворительное состояние быта отрицательно влияло на закрепление и работоспособность прибывавших кадров, затрудняло вербовку новых работников. В течение 1949 г. Дальстрой должен был получить новое пополнение работников, окончивших учебные заведения и заключивших индивидуальные трудовые договора, должно было прибыть и значительное количество членов их семей. Руководителям

---

[1] Д. 155, Л. 212-215.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 190, Л. 45-44.

предприятий вновь было приказано немедленно предпринять все необходимые меры для приема этих кадров, организовать строительство и ремонт жилых помещений, снабжение водой и топливом, изготовить необходимое количество инвентаря, мебели и т.д.

Имели место случаи, когда жилплощадь вперед специалистов, прибывших для работы в Дальстрой, получали работники недавно освободившиеся из лагеря, и не имевшие ни какой квалификации[2]. Так в 1948 г. после окончания института в Дальстрой прибыла инженер-химик Боковикова. Для дальнейшей работы по своей специальности она была направлена в научно-исследовательский институт (ВНИИИ-1). Несмотря на ряд указаний и приказов со стороны руководства Дальстроя о первоочередном обеспечении жилплощадью молодых специалистов, Боковикова и к середине 1949 г. продолжала жить в общежитии одного из транзитных городков. Ее неоднократные запросы в городской коммунальный отдел г. Магадана остались безрезультатны. Не помогло и вмешательство на ее стороне начальника отдела кадров Дальстроя полковника Никишевича. Боковикой руководством горкомунотдела было заявлено, что жилья нет. Вместе с тем горкомунотдел выдал ордер на квартиру недавно освободившейся Климовой, у которой еще имелось поражение в правах сроком на 3 года. В результате на руководство горкомунотдела было наложено взыскание. Начальник Дальстроя генерал-майор И. Г. Петренко вновь приказал в первую очередь обеспечивать жильем специалистов и офицеров. Лиц, освобождавшихся из лагерей, обеспечивать жилплощадью только при наличии справки отдела кадров Главного управления Дальстроя о том, что эти лица оставлены работать в Магадане.

В июне 1949 г. в целях скорейшей ликвидации неудовлетворительного состояния социально-бытового обслуживания вольнонаемных рабочих и в целях наилучшей подготовки коммунально-бытового и жилого фонда к осенне-зимнему периоду 1949-1950 гг., в аппарате Главного управления была создана инвентаризационная комиссия. Начальникам горных и отраслевых управлений должны были создать подобные комиссии у себя на местах[3].

В целом И. Г. Петренко сделал довольно многое для улучшения жилищно-бытовых условий работников Дальстроя и имел совершенно правильную позицию, когда утверждал, что работники Дальстроя, самоотверженно боровшиеся за выполнение государственного плана, должны иметь нормальные жилищно-бытовые условия, что вопросы быта и качественной подготовки к зиме не отделимы от задачи успешного выполнения государственного плана. В сентябре 1949 г. он уже говорил о «весьма значительных» достижениях в этом во-

[1] Д. 188, Л. 58-59.
[2] Д. 191, 138-139.
[3] Д. 191, Л. 91-92.

просе, хотя материалы проводимых проверок не всегда подтверждали оптимизм начальника Дальстроя[1].

В начале 1950-х гг. многие проблемы в развитии социальной сферы на Северо-Востоке так и остались не разрешенными. Нормальные жилищно-бытовые условия для подавляющего большинства вольнонаемных работников и членов их семей так и не были созданы, несмотря активизацию усилий на данном направлении. Сохранилась и проблема значительной текучести квалифицированных кадров.

Особенно неблагополучной ситуация с жилищно-бытовыми условиями была в отдаленных районах. Так в Чаун-Чукотском управлении план жилищного строительства за 1949 г. выполнен не был, не выполнялись приказы начальника Дальстроя об улучшении жилищно-коммунального хозяйства и бытовых условий трудящихся. Надлежащих мер по сохранности существовавшего жилого фонда не принималось. Все общежития Чукотки находились «в запущенном и антисанитарном состоянии», требовали ремонта, потолки в них протекали, штукатурка обваливалась. На территориях поселков Чаун-Чукотского управления отсутствовали мусорные баки и все отбросы разбрасывались по территории поселков, что могло привести к возникновению различных эпидемиологических заболеваний. В общежитиях отсутствовало освещение, плохо было организовано снабжение питьевой водой, не принималось мер по охране от загрязнения мусором пресного водоема в Певеке. Не были организованы мастерские бытового обслуживания населения, медицинское обслуживание также было поставлено неудовлетворительно. Детский комбинат пос. Певек был перегружен, а деткомбинат рудника «Валькумей» находился в помещении не отвечавшим санитарным требованиям. Бани и прачечные работали с перебоями и не обеспечивали потребности населения[2].

В г. Магадане жилищная проблема также была острой. Так, например, на автобазе №4 комнаты отдых водителей на диспетчерских пунктах были заселены постоянными жильцами[3]. В результате водители не могли нормально отдохнуть, а жильцы в свою очередь находились прямо на производстве в напряженной рабочей обстановке.

В 1950 г. начальник Дальстроя И. Г. Петренко продолжал прилагать значительные усилия для улучшения быта трудящихся. Руководящим работникам управлений и подразделений Дальстроя также вменялось в обязанность делать все от них зависящее для решения бытовых проблем работников. Так в начале января 1950 г. начальник Западного горнопромышленного управления С. Шемена через газету «Советская Колыма» пообещал, что кроме выполнения плана по основному производству, уделит большое внимание улучшению жи-

---

[1] Д. 194, Л. 15-18 и др.
[2] Д. 220, Л. 293-297.
[3] Советская Колыма. – 1950. - № 5. – 6 января.

лищных условий горняков, что на месте ветхих, пришедших в негодность домов будут построены новые, рубленные благоустроенные дома[1].

Важная роль в решении проблем трудящихся возлагалась на профсоюзные организации. В начале января 1950 г. председатель Магаданского горкома профсоюзов П. Агальцов в заметке «Забота о советском человеке» проинформировал трудящихся, что в 1949 г. городской комитет профсоюза израсходовал на различные виды материальной помощи, оздоровительные мероприятия более 22 млн. руб. В т.ч. 140 тыс. руб. на оказание материальной помощи работникам с большим количеством членов семей и 322 тыс. руб. для поддержки малооплачиваемых трудящихся. В 1950 г. Магаданский горком профсоюзов планировал продолжить работу по указанным направлениям, а также планировал увеличить количество предоставляемых трудящимся путевок в санатории и дома отдыха Колымы[2].

В марте 1950 г. в целях улучшения бытовых условий рабочих, проживавших в общежитиях и выполнения соответствующих инструкций министерства Здравоохранения СССР начальникам всех отраслевых управлений, предприятий, строек и хозяйств Дальстроя было приказано немедленно обеспечить общежития постельными принадлежностями и постельным бельем из расчета 1,25 комплекта матрацев, одеял, подушек, матрационных наволочек, двух смен постельного белья и подушечных наволочек на каждое койко-место[3]. Также начальники горных управлений должны были обеспечить проведение технической паспортизации жилых, коммунально-бытовых, лечебных и культурно-просветительских зданий по состоянию на 1 июня 1950 г.[4]

Успехи в развитии социально-бытового комплекса Дальстроя периодически освещались на страницах «Советской Колымы». В номере за 10 мая 1950 г. газета информировала читателей, что в горняцком поселке Омсукчан (центр недавно организованного Омсукчанского горнопромышленного управления) широко развернулось жилищное строительство[5]. Десятки семей рабочих должны были вскоре получить благоустроенные квартиры в новых домах. На 11 мая 1950 г. была назначена сдача в эксплуатацию дома, в который было намечено поселить более 60 горняков. Заканчивалось строительство еще одного жилого дома на 13 однокомнатных квартир.

В поселке Ягодное (центр Северного горнопромышленного управления) весной 1950 г. велись интенсивные строительные работы. Строилась гостиница, деревянный многоквартирный дом площадью 400 м^2, планировалось заложить детсад[6]. В течение апреля 1950 г.в

---

[1] Советская Колыма. – 1950. - № 1. – 1 января.
[2] Советская Колыма. – 1950. - № 1. – 1 января.
[3] Д. 218, Л. 60.
[4] Д. 221, Л. 150-152.
[5] Советская Колыма. – 1950. - № 108. – 7 мая.
[6] Советская Колыма. – 1950. - № 115. – 17 мая.

Ягодном был проведен конкурс на лучшее общежитие. За это время общежития были пополнены мебелью, постельными принадлежностями, хозяйственным инвентарем, комнаты приняли более опрятный вид. Первые 5 мест были присуждены рабочим центральных механических мастерских, инженерно-техническим и медицинским работникам, работникам жилищно-коммунального отдела. В качестве премий лучшим общежитиям были выданы патефоны, гитары, балалайки, шахматы, шашки, библиотечки. Дневальные отличившихся общежитий были поощрены денежными премиями и бесплатными путевками в дом отдыха.

Благоустраивался центр Западного управления – пос. Сусуман. В номере за 23 мая 1950 г. «Советская Колыма» сообщала, что в Сусумане было построено несколько новых жилых зданий, достраивалось большое здание универмага, во втором магазине заканчивались отделочные работы и т.д.[1] Полным ходом велось строительство новых домов в пос. Беличан[2]. В поселке прииска «Большевик» к концу июня 1950 г. должен был быть построен детский комбинат, затем большая столовая, также было начато сооружение 2-квартирного жилого дома с центральным отоплением[3].

В поселке прииска им. Покрышкина (Индигирское управление) по данным на конец мая 1950 г. в ближайшее время планировалось сдать в эксплуатацию 2-х и 7-ми квартирные жилые дома[4]. В первую очередь на получение нового жилья, как указывалось в газете, претендовали лучшие горняки-стахановцы. В поселке завершалась и постройка здания магазина, были заложены здания начальной школы и пекарни.

В целях стимулирования улучшения социально-бытового обслуживания трудящихся все чаще использовалась практика проведения общественных смотров. Так в период с мая по сентябрь 1950 г. Колымский Окружком профсоюза совместно с Санитарным управлением Дальстроя решили провести массовый общественно-санитарный смотр. Профсоюзные организации в частности должны были проверить готовность магазинов, столовых и пекарен к летней торговле и т.п.[5]

Особое внимание стало уделяться подготовке общежитий к зимнему периоду. В сентябре 1950 г. руководство Дальстроя указывало, что за 7 месяцев 1950 г. только по пяти горным управлениям и УАТу было построено и введено в эксплуатацию более 20 тыс. м^2 жилой площади и 67 коммунально-бытовых объектов[6]. Заметно была улучшена работа коммунально-бытовых предприятий по обслуживанию населения, приняты меры по благоустройству и наведению чистоты в рабочих поселках. Однако в целом выполнение всего комплекса меро-

---

[1] Советская Колыма. – 1950. - № 120. – 23 мая.
[2] Советская Колыма. – 1950. - № 122. – 25 мая.
[3] Советская Колыма. – 1950. – №125. – 28 мая.
[4] Советская Колыма. – 1950. - № 123. – 26 мая.
[5] Советская Колыма. – 1950. - № 129. – 2 июня.
[6] Д. 224, Л. 48-53.

приятий в данной сфере не удовлетворяли руководство Дальстроя, и ответственными за это считались начальники управлений. Вновь было отмечено, что на многих предприятиях плохо работали бытовые учреждения (столовые, пекарни, бани, парикмахерские, пошивочные мастерские). На предприятиях «Одинокий», «Дебин», «Горный», «Перспективный», «Скрытый», «Пионер», «им. М. Расковой», «Победа», «Гвардеец», «Терехтях», «Таганья», «Суксукан», «Днепровский» и других они находились в запущенном, антисанитарном состоянии. По мнению и.о. начальника Дальстроя Кузнецова это свидетельствовало о пренебрежительном отношении руководителей указанных предприятий к бытовым нуждам трудящихся и об игнорировании приказов начальника ГУСДС, в этой связи руководители приедприятий предупреждались об ответственности.

В сентябре 1950 г. заместитель министра внутренних дел Чернышов обратил внимание руководства ГУСДС на то, что из Министерства госбезопасности СССР поступили сведения о неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях спецпоселенцев на предприятиях Дальстроя. Органы, осуществлявшие надзор за спецпоселенцами, неоднократно требовали от руководства Дальстроя устранения имевшихся недостатков, однако никаких реальных мер не принималось[1]. Так в общежитиях прииска «им. Тимошенко», в бараке №31 Тенькинской дизельной электростанции не были отремонтированы крыши, в помещениях была грязь и «антисанитария». Барак был перенаселен до такой степени, что спецпоселенцы вынуждены были спать по два человека на одной койке. В общежитиях Индигирского управления по Школьной улице и в общежитиях Утинского золоторудного комбината потолки, по выражению информаторов «угрожают обвалом». На участке «Пестрая» прииска «Ольчан» 80 спецпоселенцев были размещены в совершенно неприспособленных для жилья бараках, и не были обеспечены постельными принадлежностями. Столовая на этом участке отсутствовала, из-за чего люди вынуждены были готовить пищу примитивным способом и каждый для себя. Аналогичное положение наблюдалось в общежитиях приисков «Одинокий» и «Пятилетка» Северного горнопромышленного управления. Все указанные недостатки было предложено устранить и о принятых мерах срочно донести МВД СССР.

Заметное участие в освещении социально-бытовых проблем населения принимали средства массовой информации. Газета «Советская Колыма» периодически делала целые обзоры писем трудящихся, поступавших в редакцию. Целью такой работы редакция «Советской Колымы» ставила «улучшить бытовые условия трудящихся»[2]. Впоследствии газета иногда возвращалась к напечатанным материалам и информировала читателей о принятых мерах. Весьма часто сообщалось о насущных проблемах вольнонаемного населения. Так на-

[1] Р-23сс, Оп.1, Д. 255, Л. 203-204.
[2] Советская Колыма. – 1950. - № 6. – 7 января и др.

пример, к середине 1950 г. в магазинах пос. Усть-Омчуг (центр Тенькинского управления) не было самых необходимых продуктов, отсутствовали многие предметы широкого потребления (расчески, маленькие зеркала, бритвенные приборы и т.д.), что вносило напряженность в повседневный быт населения. Плохим было признано и обслуживание трудящихся в столовых Усть-Омчуга[1]. В столовой пос. Спорного также имелись существенные проблемы. Обеды подавались в нечистой посуде и не всегда они были горячими, чай подавался в банках из-под консервов, в целом качество пищи было плохим[2].

Кроме жилищных проблем трудящихся и особенно женщин волновали вопросы, связанные с нормальным развитием их детей. Так О. Клюкина в марте 1950 г. написала в редакцию «Советской Колымы» о том, что ни в одном из магазинов г. Магадана не было детских игрушек[3]. Родители тщетно заглядывали на пустующие полки, где когда-то было много игрушек. И хотя, как указывала О. Клюкина, это были изделия грубой работы, все же они были. Также раньше в детском отделе магазина культтоваров продавались и санки, и деревянные коляски, и детские стульчики и т.д. Читательница задавалась справедливым вопросом, почему при наличии на Колыме многих предприятий местной промышленности, которые могли быстро наладить производство детских товаров, на прилавках магазинов ничего не было. Отвечая на свой же вопрос, О. Клюкина считала, что вина в создавшейся ситуации лежит на руководителях предприятий местной промышленности, которые не прислушивались к голосу потребителей.

Еще более важной проблемой являлось то, что детские учреждения Дальстроя зачастую были переполнены и находились в зданиях, не соответствовавших многим санитарно-гигиеническим требованиям. В Нижне-Сеймчанском детском комбинате на начало июня 1950 г. находилось 120 детей, хотя он был рассчитан только на 100[4]. Вместе с этим имелось большое количество родителей, которые желали поместить своих детей в деткомбинат, но размеры помещения этого не позволяли. «Советская Колыма» вынуждена была констатировать, что комбинат был не в состоянии удовлетворить потребности растущего населения. Здание, в котором находились детские ясли комбината, не соответствовали элементарным требованиям, предъявляемым к помещениям такого рода. Питание в ясли доставлялось из другого здания, при этом оно остывало и теряло свои вкусовые качества (особенно зимой), не представлялось возможным выделить в санаторную группу ослабленных детей. Штат обслуживающего персонала деткомбината также был недостаточен.

---

[1] Советская Колыма. – 1950. - № 125. – 28 мая.
[2] Советская Колыма. – 1950. - № 129. – 2 июня.
[3] Советская Колыма. – 1950. - № 54. – 4 марта.
[4] Советская Колыма. – 1950. - № 129. – 2 июня.

В пополнении Дальстроя вольнонаемными кадрами решающее значение имела вербовка на «материке». Важно было обеспечить нормальные условия для прибывавших на Колыму работников. Поскольку основным местом их размещения были транзитные городки г. Магадана, то редакция «Советской Колымы» совместно с Горкомом ВЛКСМ провели в мае 1950 г. рейд по проверке готовности транзитных городков к приему пассажиров и созданию необходимых условий для их своевременной перевозки к месту предполагаемой работы[1].

В результате проверки было выяснено, что подготовка жилого фонда транзитных городков в 1950 г. началась с большим запозданием. Во многих общежитиях все еще проживали жильцы. Так в общежитиях транзитного городка №6 проживало 150 чел., которым так и не предоставили другого жилья. В помещениях общежитий было грязно, вследствие неисправности прачечной стирка производилась в самих помещениях, семейные вынуждены были жить вместе с одинокими, имели место кражи. Аналогичная ситуация имела место и в транзитном городке №2 (на 600 чел.). С организацией перевозки транзитных пассажиров также было выявлено много проблем. Для их перевозки было выделено 30 необорудованных автомашин, тогда как Магаданский авторемонтный завод должен был к 1 июня 1950 г. подготовить 30 каркасных автобусов и оборудовать их для перевозки людей.

Однако и в последующее время проблема транзитных городков удовлетворительно решена не была. В начале 1951 г. руководство ГУСДС вынуждено было констатировать, что состояние городков, размещение и обслуживание прибывающих в Дальстрой договорников, офицеров и членов их семей находилось в неудовлетворительном состоянии[2]. Размещение прибывавших работников производилось без всякой системы и учета. Семейные и одинокие, мужчины и женщины, офицеры, инженерно-технические работники и бывшие заключенные вновь размещались в одних и тех же бараках. В результате имели место «аморальные проявления» - пьянство, драки, карточные игры и воровство. Санитарное состояние общежитий городков также продолжало оставаться неудовлетворительным. Помойных ям и мусорных ящиков на территории городков не имелось. В результате несоблюдения элементарных санитарных мер среди прибывавших работников и членов их семей имелись массовые случаи инфекционных заболеваний, особенно детей.

Состояние транзитных городков не улучшилось и в 1952 г., когда вновь приказывалось выделить общежития отдельно для семейных пассажиров и одиночек, а также отдельно для мужчин от женщин. Транзитных пассажиров, прибывавших в Находку из г. Магадана было приказано размещать отдельно от отправлявшихся в Дальстрой[3]. Видимо, работники

---

[1] Советская Колыма. – 1950. - № 121. – 24 мая.
[2] Д. 247, Л. 158-161.
[3] Д. 279, Л. 65-73.

уезжавшие из Дальстроя, знакомили новичков с реалиями Колымы того времени, в результате чего последние могли изменить свое решение о работе в Дальстрое.

Новому начальнику Дальстроя И. Л. Митракову, назначенному после И. Г.Петренко, тоже пришлось много заниматься хронической проблемой Дальстроя по улучшению жилищно-бытовых условий трудящихся. В апреле 1951 г. Митраков отмечал, что в результате систематического отставания темпов жилищного и коммунально-бытового фонда от роста производства предприятий Чаун-Чукотского управления, а также «пренебрежительного отношения» к устройству быта трудящихся со стороны бывшего руководителя этого управления Бокарева, жилищно-коммунальное хозяйство на предприятиях ЧЧГПУ оказалось в запущенном состоянии[1]. Многие работники не имели постоянного благоустроенного жилья, общежития рабочих находились в антисанитарном состоянии и не были обеспечены необходимым инвентарем. Бани, прачечные, мастерские бытового обслуживания, а также столовые, магазины, хлебопекарни, детские учреждения своей работой совершенно не удовлетворяли нужд и запросов населения. План по введению в эксплуатацию жилой площади за 1950 г. управлением был выполнен только на 25,3%, надлежащие меры по сохранности существующего жилого и бытового фонда вновь не принимались. Медицинское обслуживание населения также было поставлено неудовлетворительно. Культурно-бытовое обслуживание трудящихся также было «совершенно неудовлетворительным». В этой связи в очередной раз было приказано принять меры по ликвидации выявленных недостатков.

В начале сентября 1951 г. была проведена очередная проверка готовности общежитий работников горнопромышленных управлений к зиме[2]. В частности было установлено, что в Северном и Западном управлениях была проделана значительная работа по подготовке жилого фонда: созданы ремонтные бригады, успешно завозилось топливо и т.д. Однако на приисках «им. Водопьянова», «Штурмовой», «Фролыч» правила эксплуатации жилого фонда нарушались - в квартирах дальстроевцев содержались свиньи и куры. Во многом жильцы вынужденно прибегали к таким мерам, поскольку для постройки сараев руководители предприятий материалов не отпускали.

В отношении системы поощрения трудящихся на Крайнем Севере в начале 1950-х гг. произошли некоторые изменения. В соответствии с постановлением СМ СССР от 31 декабря 1950 г. и указанием министра внутренних дел № 1062 от 9 января 1951 г. с 1 января 1951 г. было приказано уменьшить на 25% размеры премий руководящим и инженерно-техническим работникам, служащим, рабочим, лагерным и другим категориям работников, выплачивавшиеся по всем действующим в Дальстрое премиальным положениям. Экономия

[1] Д. 250, Л. 111-114.
[2] Д. 255, Л. 70-72.

от этого снижения должна была вноситься в Госбанк в доход союзного бюджета[1]. Судя по всему, это было одно из первых в послевоенные годы снижение северных премий, хотя премиальные вознаграждения играли существенную роль в заработках северян, являлись весомым стимулом в их работе. В частности, сокращению подлежали премии за выполнение и перевыполнение плана, за экономию материалов (горючего, электроэнергии, резины и т.д.), за разведку и первооткрывательство новых месторождений, за разработку новых конструкций и рационализаторские предложения, за освоение новой техники и за победы во Всесоюзных социалистических соревнованиях. Кроме этого сокращению подлежали премии-надбавки рабочим, занятым на лесозаготовках, доплаты по прогрессивно-сдельным системам, выплачивавшимся сдельщикам за перевыполнение норм выработки, доплаты бригадирам за руководство бригадами, доплаты за обучение стажеров и учеников, доплаты за многоагрегатное обслуживание и совмещение профессий и т.д. Система премий в Дальстрое, как видно, была весьма развитой, и 25-процентное сокращение чувствительно коснулось многих работников.

Вместе с тем в июле 1951 г. были объявлены «дополнительные льготы и преимущества», установленные постановлением СМ СССР от 11 апреля 1951 г. для работников Дальстроя[2]. Так при исчислении стажа работы для выплаты единовременного вознаграждения за выслугу лет работникам Дальстроя было разрешено включать время работы в других министерствах и ведомствах, где была установлена выплата процентных надбавок или единовременного вознаграждения за выслугу лет, независимо от времени перехода работника на работу в Дальстрой из этих ведомств.

При служебном переводе на работу в Дальстрой, в связи с заключением трудового договора за работниками разрешалось сохранять суммы процентных надбавок, выслуженных ими в других министерствах и ведомствах за работу на Крайнем Севере и в отдаленных местностях. Эти надбавки сохранялись в виде исключения, независимо от времени перевода работников на работу в Дальстрой.

Работникам Дальстроя, уволившимся из его системы до издания этого постановления, а затем вновь принятым на работу в Дальстрой, в стаж на получение 10-процентных надбавок, а также на получение единовременного денежного вознаграждения за выслугу лет и повышенного пенсионного обеспечения было разрешено засчитывать все время работы в Дальстрое, если срок перерыва в работе был не более двух лет.

Подъемные на членов семьей работников Дальстроя должны были выплачиваться независимо от срока их приезда к месту работы основного работника. По заключению врачеб-

[1] Д. 247, Л. 62-63.
[2] Д. 253, Л. 36-38.

ной комиссии на срок до двух месяцев было разрешено переводить рабочих и инженерно-технических работников, заболевших силикозом или получивших иные профессиональные заболевания на другие работы с сохранением им среднего заработка по месту прежней работы. Лицам, проработавшим не менее договорного срока, и увольнявшимся из Дальстроя, при наличии их желания было разрешено предоставлять трудовой отпуск натурой с производством окончательного расчета после отпуска.

Данные дополнительные льготы и преимущества, безусловно, значительно оптимизировали существовавшую до этого практику.

Весьма актуальным стал вопрос о поощрении работников, заключавших новые трудовые договоры на работу в Дальстрое. В соответствии с распоряжением СМ СССР от 4 февраля 1952 г. №2204-р и приказом по МВД №165 от 11 февраля 1952 г. начальникам управлений и предприятий Дальстроя было предоставлено право выплачивать лицам, продлившим договора о работе в Дальстрое на новый срок не менее трех лет, единовременное пособие в размере месячного оклада или ставки заработной платы. Начальники управлений, предприятий, лагерей и организаций были обязаны от имени Дальстроя проводить работу по заключению новых договоров с работниками, у которых срок действия договора истек. Дополнительные трудовые соглашения о работе в Дальстрое должны были заключаться на новый срок не менее трех лет[1].

В ходе изменений, начавшихся после смерти И. В. Сталина, Дальстрой был передан в ведение гражданского министерства, по амнистии началось освобождение тысяч заключенных. В этой связи проблема привлечения вольнонаемных работников и закрепления их в Дальстрое стала еще более актуальной. В мае 1953 г. в целях обеспечения надлежащей организации работы по найму инженерно-технических работников и других специалистов для предприятий Дальстроя приказывалось подчинить всесоюзному тресту «Дальстройснаб» принятые от МВД СССР отделения и уполномоченных по найму специалистов для Дальстроя[2].

Для вербовки вольнонаемных Дальстрой имел 8 отделений: 1) отделение по Ленинградской области и г. Ленинграду, 2) отделение по Украинской СССР (г. Киев) (с уполномоченными в г. Ворошиловграде, уполномоченным по Харьковской области, уполномоченным по Сталинской области, уполномоченным по Днепропетровской области, уполномоченным по Одесской области, 3) отделение по Белорусской ССР в г. Минске, 4) отделение по Казахской ССР в г. Алма-Ате, 5) отделение по Новосибирской области, 6) отделение по Свердловской области , 7) отделение по Челябинской области, 8) отделение по Ростовской области.

---

[1] Д. 280, Л. 320-321.
[2] Д. 299, 132-133об.

Уполномоченные Дальстроя по вербовке вольнонаемных имелись в г. Таллинне, по Тульской области, по Латвийской ССР, по Башкирской АССР, по Горьковской области, по Иркутской области, по Кемеровской области, по Саратовской области, по Чкаловской области, по Алтайскому краю, по Воронежской области, по Краснодорскому краю, по Грозненской области. Таким образом, география вербовочной работы Дальстроя была весьма распространенной и охватывала преимущественно регионы с развитыми традициями добычи полезных ископаемых, черной и цветной металлургии, а также центры подготовки специалистов по этим направлениям.

Важное внимание в формировании устойчивой структуры рабочего населения Северо-Востока уделялось молодым специалистам. Во втором полугодии 1953 г. на предприятия Министерства металлургической промышленности (в т.ч. и в Дальстрой) должно было быть направлено 11700 молодых специалистов, окончивших вузы и техникумы. Молодых специалистов приказывалось использовать по прямой специальности, помогать им в практическом освоении технологических процессов промышленности, принять меры по обеспечению их нормальными жилищно-бытовыми условиями и т.д.[1]

В дальнейшем анализ отчетов, поступавших из горнопромышленных и отраслевых управлений "Дальстроя показал, что хозяйственные и технические руководители ряда управлений и предприятий стали более серьезно относиться к приему, расстановке, использованию и бытовому устройству молодых специалистов. Однако в нарушение соответствующего постановления правительства в некоторых управлениях имелись случаи использования их в аппаратах управлений, а не на основном производстве, а также не по специальности или на заниженных должностях. Жилищно-бытовое устройство молодых специалистов, хотя и заметно улучшилось по сравнению с предыдущими годами, на некоторых предприятиях по прежнему находилось в крайне неудовлетворительном состоянии (прииски «Буревестник», «Орел», «Депутатский» Янского управления, «Галимый» и «Хатарен» Омсукчанского управления и др.). В частности молодые люди вынуждены были жить в неблагоустроенных помещениях, в палатках, не были обеспечены хозяйственным инвентарем, имели место перебои в снабжении водой, топливом, продуктами питания и др.[2]

Социально-бытовое обслуживание вольнонаемных по-прежнему не удовлетворяло потребностей населения (о чем свидетельствовали материалы периодических проверок). В феврале 1953 г. в магазинах прииска «им. Гастелло» и пос. Транспортный Тенькинского управления в продаже отсутствовали соленая рыба, растительное масло, крупы, мясные консервы, ткани, нательное белье и другие товары. При этом все они имелись на базах отдела

[1] Д. 300, Л. 68.
[2] Д. 318, Л. 1-5.

снабжения ТГПУ в достаточном количестве и отпускались без ограничений с баз «Колымснаба». Снабжение рабочих хлебом на предприятиях «им. Буденого» и «им. Матросова» было организовано совершенно неудовлетворительно. Выпечка хлеба производилась только из муки текущего подвоза при наличии большого ее запаса на снаббазе управления, к тому же хлеб выпекался низкого качества с повышенной влажностью. Особенно неудовлетворительно была поставлена работа по организации общественного питания. В столовых предприятия «им. Буденого» пища приготавливалась однообразной, в узком ассортименте. Соцсоревнование среди работников торговли, общественного питания и хлебопечения организована не было[1].

Аналогичная ситуация была и в Омсукчанском управлении[2]. Во многих магазинах этого управления отсутствовали в продаже жиры комбинированные, овощные и мясорастительные консервы, соленая рыба, сельдь, нательное белье, хлопчатобумажные костюмы, чулки, носки, политическая, художественная и детская литература, патефонные пластинки и многие другие товары. Руководители предприятий Омсукчанского управления практиковали распределение товаров повышенного спроса по запискам и спискам. Также отмечалось неудовлетворительное обслуживание населения через сеть общепита, низкое качество выпекаемого хлеба. Имели место случаи, когда в магазинах пос. Хатарен и фабрики №14-бис хлеба не бывало в течение нескольких дней, а в остальные магазины и столовые он доставлялся с большими перебоями.

Результаты проверки жилищно-коммунального хозяйства Индигирского управления в ноябре 1953 г. также показали значительное количество не решенных проблем[3]. Так на прииске «Победа» и его участках жилые дома и общежития к зиме подготовлены не были и находились в «запущенном состоянии». Коммунальные услуги населению не предоставлялись. Качество ремонта жилых домов было низким, и намеченные в сметах работы полностью не выполнялись. В пос. Нера средства на капитальный ремонт жилого и коммунального фонда использовались не по назначению. Из выделенных на эти цели в 1953 г. 2 млн. руб. на ремонт было израсходовано только 902 тыс., вследствие этого многие жилые дома, общежития и гостиницы к зиме остались неподготовленными. Грубо нарушались действовавшие законоположения в части взимания квартплаты за предоставляемые услуги. Сверхплановые убытки Индигирского управления по содержанию жилищно-коммунального хозяйства составили 1408 тыс. руб.

---

[1] Д. 308, Л. 84-86.
[2] Там же. Д. 317, Л. 60-63.
[3] Д. 317, Л. 220-224.

В апреле 1954 г. в связи с изменениями, происходившими в стране, руководство Дальстроя приняло новое положение о льготах[1]. Теперь право на льготы, кроме работников принятых на месте или направленных из других местностей получили реабилитированные и члены их семей. Льготы по-прежнему не предоставлялись лицам, лишенным по суду избирательных прав, а также лицам, высланным в административном порядке или по приговору суда (и совместители за работу по совместительству).

Непрерывный стаж работы на Крайнем Севере исчислялся со дня прибытия работника в район деятельности Дальстроя. При переезде на работу в Дальстрой на Крайний Север, работнику должно было выплачиваться единовременное пособие, а также оплачены суточные, стоимость проезда и провоза багажа. Также за завербованным в Дальстрой работником на время проезда и оформления на работу могла быть сохранена его средняя заработная плата и т.д.

Работникам, имевшим право на льготы на Крайнем Севере, гарантировалась выплата 10-процентной надбавки к тарифной ставке (окладу) по истечении каждых 6 месяцев работы (в приравненных районах - по истечении каждого года). Общий размер процентных надбавок не мог превышать 100% должностного оклада.

Сроки очередного отпуска напрямую зависели от стажа работы на Крайнем Севере. Ежегодный основной очередной отпуск предоставлялся работникам в размере 12 рабочих дней, помимо этого за каждый год работы предоставлялись дополнительные 6-12 дневные отпуска (работникам с ненормированным рабочим днем, с вредными условиями труда, занятым непосредственно на производстве горной, металлургической и т.п.). Также работники могли рассчитывать на оплату времени и стоимости проезда в отпуск и обратно, компенсацию за неиспользованный отпуск.

При увольнении из Дальстроя работнику оплачивался проезд и провоз багажа, выплачивалось двухнедельное выходное пособие. При увольнении в связи с окончанием срока договора или найма могло быть выплачено единовременное пособие и т.д.

Кроме всего прочего в данном приказе были рассмотрены порядок исчисления среднего заработка при оплате отпуска или компенсации за неиспользованный отпуск, для оплаты пособия по временной нетрудоспособности и в других случаях. А также вопросы возможных удержаний из заработной платы. Удержание авансов и подотчетных сумм возможно было по исполнительным листам с лиц, отбывавших исправительно-трудовые работы в возмещение причиненного работником имущественного ущерба предприятию и др.

Основным достижением обновленного положения о льготах работникам Дальстроя стало их распространение на реабилитированных граждан и значительная материальная под-

[1] Д. 339, Л. 1-119.

держка работников, завербованных на «материке» и переезжавших для дальнейшей работы на Северо-Восток. Все остальные льготы в принципе сохранились без изменений.

Жилищно-бытовые условия в условия переходного периода Дальстроя от комплексной организации чрезвычайного характера к специализированной гражданской оставались довольно тяжелыми. Результаты проверки предприятий Чаун-Чукотского управления в июне-июле 1954 г. показали, что общежития рабочих по-прежнему находились «в запущенном», антисанитарном состоянии, особенно на прииске «Красноармейский» и в пос. Певек[1]. Во многих общежитиях не выдавались постельные принадлежности, уборка помещений не производилась, водой проживающие в общежитиях не обеспечивались. Плата за услуги общежитиями взималась в нарушение установленных норм и правил. Территории поселков были захламлены отходами и мусором, коммунальные предприятия работали плохо и в свою очередь находились в антисанитарном состоянии. К ремонту жилого и коммунально-бытового фонда на всех предприятиях ЧЧГПУ по состоянию на конец июня 1954 г. никто не приступал. Столовые №№1 и 2 в поселке прииска «Красноармейский» при обеспеченности всеми необходимыми продуктами работали плохо, пищу готовили невкусную и только на половину контингента столующихся. В этой связи начальнику ЧЧГПУ Лапину было приказано обеспечить немедленное устранение всех отмеченных недостатков.

В начале 1955 г. в результате обследования предприятий торговли и общественного питания отдела снабжения Омсукчанского управления было выявлено, что хлеб в большинстве поселков выпекался низкого качества, а хлебобулочные изделия не выпекались совсем. Санитарное состояние торговой сети было низким. В магазинах было холодно и грязно. Продавцы работали в грязной спецодежде и т.д.[2]

Особенно уязвимы в северных условиях с точки зрения социально-бытовой обустроенности были трудящиеся и члены их семей, впервые приезжавшие на Северо-Восток, а количество их за 1953-1956 гг. насчитывало многие тысячи.

В феврале 1955 г. руководство Дальстроя сообщало, что в 1954г. в Дальстрой по оргнабору прибыло 1410 чел. рабочих, которые были направлены в Геологоразведочное управление. Однако его руководители (в документе приведены Драбкин, Кечек, Ажбалов) не провели соответствующей подготовки к их приему и жилищно-бытовому устройству. Жилые помещения, мелкий хозяйственный инвентарь, кровати, постельные принадлежности и прочее своевременно не были подготовлены. Прибывшие рабочие размещались в палатках. В результате некоторым рабочим удалось расторгнуть трудовые договора и уехать из Дальстроя. В 1955 г. в Дальстрой планировалось прибытие по оргнабору 7 тыс. чел. и не менее

---

[1] Д. 341, Л. 128-131.
[2] Д. 363, Л. 62-64.

15% от общего числа должны были составить семейные работники. Из этого количества для горнопромышленных управлений и геологразведки предполагалось выделить 5800 чел. (82,9%). Начальникам управлений было приказано заблаговременно подготовиться к приему прибывавших[1].

В начале марта 1955 г. и.о. начальника Дальстроя Ю. Чугуев, видимо в связи участившейся практикой расторжения трудящимися трудовых договоров, вернулся к вопросу о неудовлетворительном приеме работников Геологоразведочным управлением[2]. Особенно безответственно, по его мнению, к этому важному мероприятию отнеслись начальник Чаунского районного геологоразведочного управления Чемоданов и начальник Янского РайГРУ Евангулов. Прибывшие в 1954 г. в эти подразделения работники не были обеспечены жилплощадью. В суровых климатических условиях они вынуждены были проживать в палатках и неприспособленных для жилья помещениях, не были своевременно обеспечены кроватями, постельными принадлежностями, столами, тумбочками, табуретками и т.п. Из-за отсутствия кроватей, рабочие вынуждены были спать на топчанах, нередко по 2 чел. на одном топчане. Также они не обеспечивались положенной спецодеждой, с большими перебоями снабжались питьевой водой и топливом. В помещениях отсутствовали сушилки и красные уголки, в результате чего после смены рабочие не имели возможности просушить одежду и провести свой досуг. Неудовлетворительно было организовано и общественное питание, на некоторых предприятиях отсутствовали бани и прачечные.

В результате неудовлетворительной организации работ производительность труда рабочих была низкой, как следствие - низкие заработки, в силу этого рабочие оказались не в состоянии оказывать соответствующую материальную помощь своим семьям. Расчеты по переезду в Дальстрой на многих предприятиях производились неправильно, имели место обсчеты рабочих. Некоторые руководящие работники геологоразведки (Чемоданов, Евангулов, Зинченко, Веденский и др.), исходя из приказов начальника Дальстроя, грубо обращались с рабочими, бездушно относились к нуждам и запросам, предусмотренных трудовым законодательством, хотя имели для этого все возможности. В результате со стороны вновь прибывших работников началось массовое расторжение трудовых договоров через суд. Предприятия стали терпеть убытки и терять рабочую силу. Так Геологоразведочное управление затратило более 500 тыс. руб. для завоза рабочих в Дальстрой и отправку их после расторжения договоров к прежнему месту жительства. Из многочисленных жалоб и заявлений, поступающих во все инстанции видно, что руководители геологоразведки не смогли принять действенных мер к приему, бытовому и трудовому устройству прибывавших работников.

[1] Д. 364, Л. 3-4.
[2] Д. 365, Л. 69-72.

Строительство новых и оборудование имевшихся домов для рабочих, ожидавшихся в 1955 г. еще не было начато, к подготовке инвентаря также не приступали. В результате многие руководящие работники геологоразведочной службы Дальстроя получили выговоры и понижения в должностях. В целях контроля за ходом подготовки к приему новых работников Главное управление Дальстроя командировало 15 чел. на места.

Однако некоторые работники продолжали добиваться расторжения трудовых договоров с Дальстроем, вследствие нарушения последним условий договоров. Между руководством Дальстроя и трудящимися начали возникать конфликты. Так 21 мая 1955 г. по Дальстрою сообщалось, что 24 рабочих Верхне-Индигирского районного геологоразведочного управления расторгли по суду трудовые договоры, однако вышестоящий суд это решение отменил. Тем не менее, рабочие к работе не приступили и отказались выбрать для работы другие предприятия. Такое поведение было расценено как прогулы. И.о. начальника Дальстроя М. В. Груша приказал передать дело на этих рабочих в Народный суд для привлечения их к уголовной ответственности «за самовольное оставление производства»[1].

Таким образом, вместо более качественного улучшения условий труда и быта прибывавших вольнонаемных работников, и соблюдения условий, изложенных в трудовых договорах и трудовом законодательстве, в Дальстрое вновь возобладала политика принуждения, административного прессинга.

Однако несмотря ни на какие жесткие меры, закрепление новых кадров на работе в Дальстрое происходило очень трудно. По неполным данным, из числа рабочих, прибывших в Дальстрой по трудовым договорам и оргнабору в 1955 г., расторгли свои договоры и уехали около 300 чел., что принесло около 1 млн. руб. убытков. Кроме этого с июня по октябрь 1955 г. не менее 90 работников горнопромышленных предприятий отказались от работы, причем многие из них для защиты своих прав выезжали в Магадан[2].

Руководство Дальстроя приказывало возвращать отказывавшихся от работы обратно на прииски и рудники, а в случае дальнейшего отказа от работы, привлекать их как прогульщиков к административной ответственности. В марте 1956 г. и.о. начальника Дальстроя М. В. Груша запретил увольнять рабочих «по каким бы то ни было причинам до истечения сроков трудовых договоров без разрешения Главного управления Дальстроя»[3]. Только увольнения по болезни и инвалидности могли производиться приказами начальников управлений и предприятий, подчиненных непосредственно Главном управлению Дальстроя. В 1956-1957 гг. отказы от работы и попытки расторгнуть трудовые договоры со стороны прибывавших

[1] Д. 367, Л. 193-194.
[2] Там же. Д. 368, Л. 118-121, 209; Д. 369, Л. 56-57, 112; Д. 371, Л. 158; Д. 372, Л. 83, 86.
[3] Д. 380, Л. 194-197.

работников не прекратились, но в результате жестких мероприятий со стороны властей масштабы отказов от работы стали значительно меньше[1].

Руководство Дальстроя в середине 1950-х гг. прилагать усилия по улучшению жилищно-бытовых условий трудящихся и отдавать по этому поводу соответствующие приказы[2]. Хотя со стороны работников все равно не иссякал большой поток жалоб и заявлений о неблагоустроенности и антисанитарном состоянии общежитий, о низких заработках и т.п.

Продолжались проверки состояния социально-бытового комплекса на местах[3]. По-прежнему особенно плохо в Дальстрое обстояло дело с вводом в эксплуатацию новой жилой площади. За 11 месяцев 1955 г. по Янскому управлению по вводу нового жилья был выполнен на 67%, в Чаун-Чукотском - на 23,6%, в Северном - на 38,8%, в Тенькинском - на 66,5%, в Индигирском - на 25% и в «Чукотстрое» - всего на 11%.

Проверкой жилищно-бытовых условий рабочих в ЧЧГПУ, ИГПУ, ТГПУ, «Чукострое» и Янском РайГРУ было установлено, что руководители управлений и предприятий вновь «безответственно» отнеслись к выполнению указаний Главка по подготовке к приему рабочих. Многие рабочие были размещены в неблагоустроенных общежитиях, на некоторых предприятиях общежития содержались в антисанитарном состоянии, не были полностью обеспечены кроватями, постельными принадлежностями, столами, тумбочками, тумбочками и другими предметами домашнего обихода («Ольчан», «Маршальский», «Аляскитовый», «Победа», «Гвардеец», «им. Матросова», «им. Белова»).

Кроме этого на многих предприятиях рабочие были размещены очень скученно, семейные, имевшие детей проживали совместно с одинокими рабочими (рудник «Валькумей», разведучасток «Южный» ЧЧГПУ и рудники «им. Белова», «им. Матросова» ТГПУ). В большинстве общежитий не были оборудованы гардеробные, отсутствовали камеры хранения вещей, в некоторых общежитиях не было радио, электрического освещения, отсутствовали вторые рамы. Смена постельного белья в некоторых общежитиях отдаленных предприятий Яны, Индигирки и Чукотки производилась нерегулярно. Имели место перебои в снабжении трудящихся водой и топливом.

Серьезные недостатки имелись также и в организации труда. Зачастую рабочие не обеспечивались фронтом работ, инструментом, подготовленным рабочим местом. Слабо проводилась работа по созданию комплексных бригад, неудовлетворительно популяризировались передовые методы труда. Наряды и задания зачастую своевременно не выдавались. Кроме этого имели место многочисленные случаи, когда прибывших по индивидуальным

---

[1]ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 379, Л. 96-97; Д. 380, Л. 147.
[2] Д. 372, Л. 41-43; Д. 380, Л. 159-163, 164-167 и др.
[3] Д. 374, Л. 247-256 и др.

трудовым договорам квалифицированных рабочих использовали не по специальности, а на разных подсобных работах.

В 1956 г. в Дальстрой прибыло 16 тыс. чел новых работников, в т.ч. свыше 7 тыс. комсомольцев и молодежи по общественному призыву. Руководство Дальстроя отмечало, что в этой связи была проделана большая работа по подготовке жилой площади и оборудования общежитий, обучению и трудоустройству прибывших, хотя оставалось много нерешенных проблем[1]. Так например, на прииске «Ударник» прибывшие рабочие были размещены в ветхих зданиях бывшего лагеря, в помещениях которого было холодно и грязно. На участке «Хевкандья» не было столовой, и рабочие были вынуждены сами заниматься приготовлением пищи. На прииске «Мальдяк» (участок «Верхний Мальдяк») рабочие проживали в неприспособленных и перенаселеных помещениях, один из бараков не имел окон, тамбуров не было, баня на участке отсутствовала. Медицинское обслуживание осуществлялось медпунктом центрального поселка, находившимся в 12 км от участка. Не были благоустроены общежития и на прииске «Депутатский». В помещениях также было скученно и грязно. Рабочие спали на деревянных топчанах, у некоторых не было подушек. Отсутствовали бачки для питьевой воды, тумбочки, умывальники, тазы, ведра и т.п.

Аналогичные проблемы имели место и на многих других предприятиях Дальстроя. К тому же в результате плохой организации труда и производства «некоторая часть» молодых рабочих не осваивала производственные нормы и имела низкие заработки.

Действительно в середине 1950-х гг. проблема заработной платы в Дальстрое заметно обострилась. Установленные повышенные ставки, северные надбавки и другие льготы должны были способствовать закреплению инженерно-технических работников, рабочих и служащих. Однако, как показали данные комиссии Госплана, положение с заработной платой основной массы рабочих оказалось явно в неудовлетворительном состоянии, поскольку прежде она рассчитывалась на заключенных. Основным стимулом повышения производительности труда заключенных являлось улучшение питания и сокращение сроков заключения, поэтому Дальстрой не был заинтересован в распространении на них ставок заработной платы, установленных для рабочих предприятий Дальнего Востока, Сахалина, Камчатки, Курильских островов и других районов, находящихся в аналогичных с Дальстроем природно-климатических условиях[2].

Ставки рабочих Дальстроя отстали не только от ставок работников на предприятиях Дальнего Востока, но и от других районов страны, где даже не было установлено специальных надбавок. Так, например, дневная ставка забойщика Дальстроя составляла 46 руб. 50

---

[1] Д. 393, Л. 92-98.
[2] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д 425, Л. 34-35.

коп. против 52 руб. 26 коп. на комбинате «Сихали», а навалоотбойщика - 38 руб. 75 коп. против 48 руб. на Сахалине, плотника 5-го разряда - 31 руб. 99 коп. против 45 руб. 70 коп. на Сахалине и Камчатке и 57 руб. 13 коп. на Курильских островах. При этом прожиточный минимум на Северо-Востоке по данным Госплана был примерно на 70% выше, чем в центральных районах страны, что также не способствовало закреплению рабочих.

Одновременно следует отметить, что государственной торговлей в Дальстрое не удовлетворялся спрос населения на такие продукты, как свежее мясо, овощи и т.д. На местном рынке цены на эти продукты были в несколько раз выше, чем в других районах страны, а во многих населенных пунктах Северо-Востока эти продукты вообще отсутствовали. Указанное положение с материальными и бытовыми условиями приводило к значительной текучести кадров вольнонаемных рабочих, которая особенно усилилась в 1955 г., когда были отменены имевшиеся ограничения на выезд за пределы районов деятельности Дальстроя бывших заключенных, спецпоселенцев[1].

По сравнению с рабочими инженерно-технические работники находились в несколько лучшем положении, так как их средняя зарплата по Дальстрою с учетом всех надбавок в 1955 г. составляла 3921 руб. в месяц. Тем не менее, задача дальнейшего привлечения на работу в Дальстрой рабочих и инженерно-технических работников требовала создания более благоприятных материально-бытовых и культурных условий. Для этого необходимо было в первую очередь пересмотреть и упорядочить заработную плату рабочих и ускоренными темпами вести жилищно-бытовое строительство.

2. Заключенные работники

Заключенные оставались основной рабочей силой Дальстроя вплоть до 1953 г. За 1953-1956 гг., в связи с амнистией, число заключенных значительно уменьшилось, и на начало 1956 г. в Дальстрое их оставалось только 35,4 тыс. чел.[2]

Динамика численности заключенных на золотодобыче в первые послевоенные годы характеризовалась некоторым снижением их количества с 45,4 тыс. в 1945 г. до 41,6 тыс. в 1947 г. Однако, в связи с возвратом руководства СССР к политике массовых репрессий в 1950 г. количество заключенных на золотодобыче увеличилось до 54,2 тыс. чел.[3]

С окончанием войны Дальстрой стал пополняться, главным образом, заключенными, осужденными за измену Родине, а также спецпереселенцами. Для особо опасных преступников в 1948 г. был организован Особый (Береговой) лагерь МВД №5. Лагерные отделения

[1] ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 425, Л. 37.
[2] ссД. 425, Л. 4.
[3] Подсчитано по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 11, Л. 5.

Берлага располагались на рудниках им. Матросова, «Бутугычаг» (олово, уран), им. Лазо (олово), на горнорудном комбинате «Аляскитовый» (вольфрам), Утинском золоторудном комбинате, а также в нескольких угольных районах Дальстроя. На тяжелых физических работах широко применялось использование труда женщин-заключенных[1].

В целях повышения заинтересованности заключенных в выполнении и перевыполнении производственных заданий с 1 июня 1945 г. в Дальстрое было введено в действие положение о денежном поощрении труда заключенных. Основной его формой была определена премиальная сдельная оплата (премиальное вознаграждение), которая применялась на всех работах, где было возможно нормирование труда. Расценки за единицу времени определялись делением ставки премвознаграждения соответствующего разряда на 10-часовую норму. Администрация производственных и лагерных подразделений имела право полностью или частично лишить премвознаграждения заключенных «за плохое отношение к порученной работе». За работу в ночное или сверхурочное время никаких доплат не производилось[2].

С 1 января 1949 г. в исправительно-трудовых лагерях Дальстроя была введена система выплаты заключенным заработной платы и гарантированного обеспечение питанием и вещдовольствием[3]. Заключенным-сдельщикам, работавшим в горнопромышленных и геологоразведочных предприятиях Дальстроя, были утверждены месячные ставки от 396 до 950 руб. Заключенным-повременщикам - от 356 до 855 руб. Из заработной платы заключенных в установленных размерах удерживалась стоимость гарантированного питания, выданной одежды, обуви и подоходный налог. Остальная сумма зачислялась на лицевые счета заключенных (для отоваривания, накопления средств к моменту освобождения из лагеря, а также для пересылки средств семьям и родственникам). Гарантированное питание и обеспечение вещдовольствием устанавливалось в соответствии со специальными нормами. Через буфеты, магазины, столовые, киоски организовывалась торговля промышленными и продовольственными товарами сверх гарантированной нормы (из расчета 200 руб. в месяц на одного заключенного).

В соответствии указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. из лагерей Дальстроя началось освобождение большого количества заключенных по амнистии. Кроме этого, снимались ограничения с лиц, досрочно освобожденных из лагерей по зачетам рабочих дней и закрепленных в Дальстрое на работе по вольному найму на половину зачетного времени[4].

---

[1] Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные). // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. – Магадан, 1996. - С. 60, 61, 62.
[2] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 127, Л. 18-21.
[3] Там же. Д. 174, Л. 57-61.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 311, Л. 112.

В этой связи в апреле 1953 г. Министерство металлургической промышленности в целях закрепления квалифицированных кадров и специалистов обязало руководство Дальстроя проводить работу с освобождающимися по заключению с ними индивидуальных трудовых договоров. Лицам, заключившим такие трудовые соглашения, предоставлялось право перевозить свои семьи к месту работы. Стоимость проезда и перевозки имущества оплачивалась Дальстроем в установленном порядке независимо от срока прибытия семьи. Также им предоставлялось право получать ссуды на индивидуальное жилищное строительство, на приобретение скота и хозяйственное обзаведение в размере 10 тыс. руб. на одну семью со сроком погашения в течение 7 лет, начиная со второго года выдачи.

Начальникам ИТЛ, горнопромышленных и отраслевых управлений, начальникам политических отделов и предприятий приказывалось организовать широкую массово-политическую работу среди лиц, освобождающихся из лагерей по амнистии, разъясняя им льготы и преимущества для работников Дальстроя, провести специальные собрания и беседы, использовать радио, печать и наглядную агитацию, широко привлечь партийные, комсомольские и профсоюзные организации[1].

В течение 1953-1957 гг. на предприятиях горнодобывающей промышленности шел интенсивный процесс замены заключенных работников вольнонаемными. Несмотря на то, что завоз заключенных в Дальстрой продолжался и после 1953 г., удельный вес вольнонаемных работников ежегодно увеличивался.

3. Развитие социальной инфраструктуры

В связи с постепенным переходом к условиям жизни мирного времени в Дальстрое уже в июне 1945 г. в целях создания «наиболее благоприятных условий» трудящимся, планировалось увеличение строительства жилищного фонда. На строительство жилых домов был установлен дополнительный план на 10 млн. руб.[2] Для горнопромышленных управлений предусматривалось 41,5% этой суммы, на строительство жилья в г. Магадане - 33%, поселкам рыбпромхозов Управления рыбопромыслового хозяйства - 10%, Аркагалинскому и Тасканскому энергокомбинатам - 8% и Колымскому речному управлению - 7,5%.

В соответствии с указанием наркома внутренних дел Л. П. Берия в Дальстрое планировалось увеличение капитальных вложений в жилищное, культурно-бытовое строительство и в строительство объектов здравоохранения. В 1946 г. они должны были составить 40 млн. руб., в 1947 г. – 50 млн., в 1948 г. – 60 млн.[1]

Развивалась сеть образовательных учреждений. К началу 1947/1948 учебного года в Дальстрое было организовано 9 средних и семилетних школ рабочей и сельской молодежи

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 310, Л. 16-18.
[2] Там же. Д. 127, Л. 105-106.

(ШРМ) с количеством учащихся 598 чел. и по военизированной стрелковой охране (ВСО) еще 540 чел.[2] На следующий 1948/49 учебный год утвержденные постоянные контингенты учащихся по средней школе рабочей молодежи в Магадане составили 250 учащихся, в пос. Палатке – 110, в пос. Усть-Нере – 100. Контингент учащихся в семилетних школах рабочей молодежи в поселках Усть-Омчуге, Ягодном, Оротукане, Сусумане, Зырянке и Эге-Хая должен был составить по 80 чел. На местах руководство Дальстроя приказывало принять все необходимые меры для подготовки школ рабочей и сельской молодежи к новому учебному году.

В первой половине 1948 г. в Дальстрое насчитывалось примерно 82 школы, из них в 56 требовалось провести ремонтные работы[3]. Ремонт средних, семилетних и начальных школ был возложен на начальников отраслевых управлений Дальстроя, 30 школ должны были отремонтировать горнопромышленные и геологоразведочные подразделения. Ремонт школ во всех национальных поселках был возложен на Административно-гражданский отдел Дальстроя (АГО). Кроме ремонта школ на соответствующие управления и предприятия был возложен ремонт квартир учителей.

Финансирование ремонта зданий школ и интернатов, числящихся на балансе предприятий горных и отраслевых управлений, производилось за счет средств амортизационного фонда предприятий на капитальный ремонт и ассигнований по сметам на текущий ремонт жилищно-коммунального хозяйства. Ремонт школьной мебели и инвентаря производился по заказам директоров (заведующих) школ за плату по установленным расценкам за счет смет по содержанию этих школ.

В целях подготовки школ Дальстроя к 1949/1950 учебному году гострест «Колымснаб» должен был обеспечить своевременную отгрузку из Находки и Ванино учебников, учебно-наглядных пособий, школьных принадлежностей и оборудования учебных кабинетов. Затем через торговую сеть обеспечить всем необходимым конкретные школы, обратив особое внимание на доставку в отдаленные школы Якутии, Чукотки, национальных районов Колымы.

Издательство «Советская Колыма» печатало для школ бланки учета и отчетности, дневники учащихся, классные журналы. Маглаг на Промкомбинате (72 км) по заявкам отдела народного образования АГО Дальстроя должен был изготовить парты, классные шкафы и доски, линейки, транспортиры, циркули, кафедры и другие предметы школьного оборудования. Начальник военизированной пожарной охраны обеспечивал проверку противопожар-

---

[1] Д. 123, Л. 109об.
[2] Д. 170, Л. 29.
[3] Д. 191, Л. 184-185.

ных мероприятий во всех школах, интернатах и детских домах, оказать содействие в приобретении недостающего противопожарного оборудования.

Начальникам горных и отраслевых управлений и предприятий, а в национальных районах – председателям районных Советов депутатов трудящихся, до 15 июля 1949 г. было приказано провести во всех поселках учет детей школьного возраста, включая тех, которым на 1 сентября 1949 г. исполнится 7 лет. В связи с переходом к 7-летнему всеобщему обязательному обучению, руководители на местах должны были обеспечить продолжение обучения тех, кто закончил 4 класса начальной школы. При выявлении родителей, уклонявшихся от обучения детей в школах, материалы на них должны были передаваться в следственные органы для привлечения к ответственности на основании Закона о всеобщем обязательном обучении.

Отраслевые управления Дальстроя помогали органам местной власти и в развитии сети медицинских учреждений. Так в сентябре 1950 г. в целях оказания помощи Ольскому райисполкому на Управление подсобных хозяйств было возложено строительство туберкулезной больницы на 30 коек в п. Ола и достройка начальной школы в пос. Армань. Для оказания аналогичной помощи Среднеканскому райисполкому на Северное горнопромышленное управление было возложено строительство районной туберкулезной больницы на 30 коек в пос. Таскан[1].

Однако впоследствии оказалось, что в 1951 г. на строительство больницы в Оле и достройку школы в Армани средств выделено не было, а на строительство больницы в Таскане они были выделены лишь частично. В этой связи в марте 1951 г. начальнику Северного управления Сергееву было приказано из всего комплекса Тасканской туберкулезной больницы закончить строительство только главного корпуса, амбулатории и морга[2].

В начале 1950-гг. население Дальстроя продолжало увеличиваться, и потребность в создании более развитой социальной инфраструктуры становилось все более актуальной. Определенное внимание данной проблеме уделялось центральными органами власти. Так постановлением СМ СССР от 11 апреля 1951 г. был утвержден план строительства в Дальстрое санаториев, домов отдыха, спортивных сооружений, клубов и детских учреждений за счет средств государственного социального страхования. Проведение мероприятий по выполнению постановления правительства в части, касающейся Дальстроя, было оформлено приказом по ГУСДС №475 от 10 июля 1951 г.[3]. Общий объем финансирования составлял 25,2 млн. руб., в т.ч. на строительство более двух десятков объектов социального назначения

[1] Д. 224, Л. 15-16.
[2] Д. 249, Л. 203.
[3] Д. 253, Л. 61-62.

предназначалось 22,6 млн. руб., 1,1 млн. руб. - на проектирование «будущих лет» и 1,5 млн. - на приобретение немонтируемого оборудования[1].

Согласно данной программе в г. Магадане намечалось достроить стадион и городской профилакторий (Дом окружкома), из новых объектов должны были быть построены центральный спортзал и детсад на 100 мест (всего на 5 млн. руб.). В Индигирском управлении должен был быть достроен пионерлагерь с домом отдыха (2 млн. руб.), в Юго-Западном управлении – клуб в пос. Сеймчан (2 млн. руб.), в Тенькинском управлении – детские ясли в пос. Усть-Омчуг (400 тыс. руб.), в Западном управлении – детские ясли в пос. Сусуман (1 млн. руб.), в Омсукчанском управлении – детские ясли и детсад в пос. Омсукчан (по 400 тыс. руб.). По Управления автотранспорта планировалось построить клуб в пос. Берелех (1,8 млн. руб.), по Управлению шоссейных дорог – клуб в пос. Карамкен (1,4 млн. руб.).

Большое внимание было уделено развитию местного курорта «Талая», который планировалось существенно расширить. Финансировалось и строительство переходящих объектов курорта - клуб, водоснабжение питьевой водой, двух квартирный жилой дом, благоустройство территории, озеленение, лестница, теплосеть и т.д. Общий объем вложений в курорт Талая в 1951 г. должен был составить 3,4 млн. руб. В целом указанные объекты являлись первоочередными для центральных промышленных поселков Колымы и г. Магадана, и, видимо, далеко не исчерпывали потребность Дальстроя в объектах социального назначения.

Кроме развития социальной инфраструктуры промышленных поселков, важной проблемой являлось строительство культурно-бытовых учреждений в сельских районах Колымы, программа которого была намечена приказом №654 по ГУСДС от 31 августа 1951 г.[2]

В соответствии с данной программой в 1951 г. в сельских районах предполагалось возвести 21 объект социального назначения, в 1952 г. – 16 и в 1953 г. – 9. Строительные работы вновь были возложены на отраслевые управления Дальстроя. В поселках Ольского района (Ола, Армань, Тауйск, Бараборка, Ямск) возведение социальных объектов должно было проводить Управление подсобных хозяйств, в поселках Нижний Сеймчан и Балыгычан – Юго-Западное управление, в поселках Сусуман и Оротук – Западное управление, в поселках Таскан и Улахан-Чистый – Северное управление.

В течение 1951-1952 гг. в Тауйске предполагалось построить школу на 280 мест, дом культуры на 150 мест, баню на 14 мест и 4-квартирный жилой дом для учителей. В пос. Ола – интернат на 40 мест, детсад на 50 мест, ясли на 30 мест, детский дом санаторного типа, баню на 24 места, по два жилых дома для учителей и медработников. В пос. Бараборка – больницу на 15 коек, баню на 14 мест, жилой дом для учителей. В пос. Ямск – интернат на 40

[1] Д. 253, Л. 64-65.
[2] Д. 254, Л. 319-325.

мест, баню на 14 мест, жилые дома для учителей и медработников. Кроме этого Управление подсобных хозяйств в различных поселках должно было построить 6 бань и 1 роддом в пос. Армань.

На Северное горнопромышленное управление в 1951-1952 г. были возложены следующие задачи по строительству в Среднеканском районе. В пос. Таскан предполагалось построить школу на 280 мест, интернат на 40 мест, детсад на 50 мест, дом культуры на 150 мест, баню на 24 места, два 4-квартирных дома для учителей и один дом для медработников. В пос. Улахан-Чистый – баню на 14 мест.

Западное горнопромышленное управление должно было обеспечить строительство в пос. Сусуман школы на 280 мест и интерната на 40 мест, в пос. Оротук – интерната на 40 мест, бани на 14 мест и родильного дома.

Программа Юго-Западного горнопромышленное управление включала в себя строительство в пос. Нижний Сеймчан туберкулезного санатория на 100 мест, детских яслей на 30 мест, бани на 14 мест. В поселках Нелемное и Балыгычан – строительство бань на 14 мест.

Таким образом видно, что для населения Дальстроя в сельских районах в первую очередь требовалось строительство как минимум 3 школ на 840 учащихся, 5 интернатов на 200 детей, 2 садов и 2 яслей на 160 детей, также необходимо было 7 жилых домов для учителей и 4 для медработников, 16 бань, 2 родильных домов, 2 домов культуры и т.д. Конечно, реальная потребность населения в объектах социальной инфраструктуры была существенно больше.

В дальнейшем обозначенная программа строительства первоочередных объектов социального назначения выполнялась с большими трудностями. В марте 1952 г. строительстве культурно-бытовых учреждений в сельских районах Колымы, как и ранее, было возложено на отраслевые управления Дальстроя. В поселках Ольского района – на Управление подсобных хозяйств, в поселках Северо-Эвенского района – на управление «Промжилстрой», в поселке Таскан – на Северное управление, в пос. Балыгычан – на Юго-Западное управление[1]. Титульный список строительства был «уточнен», в результате чего количество предполагавшихся построить объектов значительно сократилось. В Ольском районе осталось строительство школы (пос. Тауйск), бани (пос. Ола), жилого дома для учителей и инертната (в пос. Бараборка). В Северо-Эвенском районе – детский сад (пос. Гарманда), дом для учителей и баня (пос. Эвенск). в Среднеканском районе – достройка туберкулезной больницы (пос. Таскан-РИК), строительство школы, дома для учителей и бани (пос. Таскан), а также интерната (в пос. Балыгычан). Общий объем финансирования строительства указанных объектов в 1952 г. должен был составить 3,4 млн. руб.

[1] Д. 279, Л. 363.

В марте 1953 г. итоги строительства культурно-бытовых учреждений в национальных сельских районах Колымы были признаны неудовлетворительными[1]. Руководство Дальстроя отмечало недопустимую медлительность начальника СГПУ И. И. Сергеева и начальника управления «Промжилстрой» М. Д. Ахундова. Общее количество объектов снизилось до 15, и в основном они были сосредоточены в поселках Эвенск, Ола и Таскан (от 3 до 5 объектов в каждом), по одному интернату должно было быть построено в Балыгычане и Певеке. Сметная стоимость всех строительных работ составила 8,6 млн. руб., с начала строительных работ до 1 января 1953 г. было выполнено работ на 1,6 млн. руб. (в ценах введенных с 1 июля 1950 г.). Вновь было приказано ускорить темпы строительных работ, выделяемые для этого материально-технические средства, использовать только по прямому назначению, обеспечить стройки рабочей силой и т.д.

Весьма актуальной для Дальстроя оставалась жилищная проблема. Из отчетных данных Главной бухгалтерии Дальстроя и инвентаризационных данных за 1949 г. проживавших в домах квартирного типа было 72,2 тыс. чел., проживавших в общежитиях и бараках было – 66,4 тыс. чел. (или 92%)[2]. Наличие жилой площади в домах квартирного типа в 1949 г. составляло 379,2 тыс. $м^2$, в общежитиях – 302,5 $м^2$. В 1950 г. ожидался ввод площади по домам квартирного типа – 40,2 тыс. $м^2$, по общежитиям – 26,5 тыс. $м^2$. Потребность в жилой площади в Дальстрое к 1953 г. определялась в 706,7 тыс. $м^2$ по домам квартирного типа и 496,4 тыс. $м^2$ по общежитиям, в 1955 г. - 879,0 и 606,6 тыс. $м^2$ соответственно[3]. На 1 января 1950 г. объем бань-прачечных в Дальстрое составлял 44,0 тыс. $м^2$, в дальнейшем ежегодно планировалось строить по 25 тыс. $м^3$ (из расчета 700 $м^3$ на 1000 жителей, как указывалось в Ежегоднике Архитектора за 1947 г.)[4].

По официальным отчетным данным по состоянию на 1 января 1950 г. в среднем по Дальстрою жилая площадь на 1 чел. составила 5,2 $м^2$ в домах квартирного типа и 4,47 $м^2$ в общежитиях[5]. Однако на отдельных предприятиях объемы жилой площади на 1 чел. были ниже. В Западном управлении в домах квартирного типа – 5,0 $м^2$ и в общежитиях – 3,32 $м^2$, по Управлению шоссейных дорог – 5,59 и 2,84 $м^2$ соответственно. На некоторых предприятиях обеспеченность жилплощадью превышала существовавшие нормы: в частности на Комсомольском заводе (г. Комсомольск-на-Амуре) в домах квартирного типа на 1 чел. было 5,2 $м^2$ и в общежитиях – 7,03 $м^2$, в Управлении подсобных хозяйств – 6,03 и 7,03 $м^2$ соответственно. Однако при этом необходимо учитывать, что значительная часть жилого фонда

[1] Д. 309, Л. 3-6.
[2] Д. 1565, Л. 33.
[3] Д. 1565, Л. 34.
[4] Д. 1565, Л. 33-34.
[5] Д. 1565, Л. 62. (Там же приписано от руки « и на 1-1-51 г. составляет: в домах квартирного типа – 4,72 $м^2$, в общежитиях – 3,95 $м^2$)

Дальстроя относилась к постройке периода 1932-1939 гг., и к началу 1950-х гг. пришло в ветхость и подлежало сносу. Кроме этого до 15 тыс. $м^2$ под жилье использовалось в нежилых зданиях, при банях, гаражах, конбазах и т.д.[1] Естественно, что этот жилой фонд не отвечал многим требованиям, но учитывая общий недостаток жилого фонда, снос ветхих зданий также как и переселение из приспособленных под жилье помещений в 1950-х гг. не предусматривались. Мастерские бытового обслуживания (сапожные и пошивочные) в подавляющем большинстве находились в ветхих и небольших помещениях, которые совершенно не удовлетворяли потребности населения и не могли быть расширены без строительства новых зданий[2].

В конце 1951 г. жилой фонд Дальстроя составлял 624 тыс. $м^2$ со средней жилплощадью 4,6 $м^2$ на одного человека[3]. При этом в Западном управлении на 1 чел. приходилось только 4,1 $м^2$, по г. Магадану также 4,1 $м^2$, на прииске «им. М.Расковой» - 3 $м^2$, на прииске «Тангара» - 2,2 $м^2$, в Первомайском угольном районе только 2 $м^2$. Как правило, имела место ситуация, когда чем отдаленнее было предприятие, тем хуже обстояло дело с жильем.

Главная причина необеспеченности жилой площадью руководство Дальстроя считало срыв начальниками управлений плана жилищного строительства и ввода новой жилой площади в 1951 г.[4]

Зачастую жилищная проблема осложнялась тем, что в ряде случаев хорошую жилплощадь занимали лица, не являвшиеся работниками основного производства, в то время как многие инженерно-технические работники проживали с семьями в бараках, палатках, или имели не достаточную по размеру жилплощадь. Руководство Дальстроя подчеркивало, что «ничем нельзя оправдать такое положение дел», когда нужды населения не полностью обеспечивались имевшимися лечебными и культурными учреждениями, когда для детей работников Дальстроя не хватало детских учреждений, когда бани, прачечные, мастерские бытового обслуживания и столовые имели недостаточную пропускную способность. Определенная доля ответственности за неудовлетворительное положение с бытом трудящихся, лежала на гостресте «Колымснаб», который не завозил в Дальстрой достаточного количества посуды, предметов хозяйственного обихода, оборудования для банно-прачечных комбинатов и т.д.

В связи с острой нехваткой жилья, и несмотря на значительную потребность в вольнонаемных кадрах приказом по ГУСДС от 21 мая 1951 г. начальникам управлений и предприятий Дальстроя, а также других организаций города, впредь было приказано производить

[1] Д. 1565, Л. 62.
[2] Д. 1565, Л. 63.
[3] Д. 294, Л. 110.
[4] Д. 294, Л. 109.

прием новых работников только в том случае, если они могут обеспечить нанимаемого жилплощадью[1]. Отделу кадров Дальстроя было запрещено направлять работников в работу на предприятия и учреждения г. Магадана до предоставления руководителем справки об обеспеченности нанимаемого работника жилплощадью. Однако данный приказ вряд ли полностью выполнялся, т.к. предприятиям требовались работники.

Значительная часть населения Дальстроя проживала в общежитиях барачного типа с самыми минимальными удобствами. Но и с жилыми зданиями капитального типа тоже не все было благополучно. Так начальник Дальстроя И. Митраков в своем приказе от 24 марта 1952 г. указывал, что в результате обследования некоторых жилых домов в г. Магадане было установлено, что многие дома имели крупные недоделки, содержание их находилось в неудовлетворительном состоянии[2]. Многие здания капитальной постройки оказались поражены грибком и стали преждевременно разрушаться. В целях выявления количества зданий, разработки мероприятий по ликвидации заражения и выявления лиц, виновных в преждевременном разрушении зданий Митраковым была назначена специальная комиссия. Также была назначена комиссия по разработке мероприятий по противогрибковому ремонту, устранения недоделок и дефектов в жилых домах, комиссия для разработки мероприятий по обеспечению правильной технической эксплуатации и сохранности жилфонда, комиссия для проверки исполнения проектных решений и применения норм, предусматривавших борьбу с грибком в проектах жилых домов.

Одним из возможных способов решения жилищной проблемы являлось поощрение индивидуального жилищного строительства. В апреле 1953 г. в Дальстрое (во исполнение постановления СМ СССР от 27 декабря 1952 г. №5282) были установлены суммы кредитов для индивидуальных застройщиков[1]. Согласно первому списку (приложению №1) на 29 управлений Дальстроя для индивидуального жилищного строительства было выделено 10,8 млн. руб. плюс резерв в 9,2 млн. руб. (итого 2 млн. руб.). При этом один ссудополучатель имел право получить кредит до 5 тыс. руб. со сроком погашения до 7 лет. Согласно второму списку (приложение №2) на 11 организаций Дальстроя было выделено 500 тыс. руб., при этом 1 ссудополучатель имел право получить кредит до 10 тыс. руб. со сроком погашения также в течение 7 лет. Таким образом, этими кредитами могли воспользоваться более 4 тыс. чел., что могло существенно помочь в решении жилищного кризиса Дальстроя.

В течение 1953 г. в связи с переходом Дальстроя преимущественно на использование труда вольнонаемных работников была проделана значительная работа по анализу состояния социальной инфраструктуры Северо-Востока. По данным на 1 января 1953 г. в Дальстрое

[1] Д. 251, Л. 210-212.
[2] Д. 279, Л. 296-298.

имелось 716 тыс. $м^2$ жилого фонда[2], в котором проживало 143574 чел., т.е. в среднем на 1 чел. приходилось 4,9 $м^2$, однако, на отдельных предприятиях только 3,2 $м^2$. Жилой фонд Дальстроя (по материалу стен) подразделялся на каменные и кирпичные дома, рубленные деревянные и каркасно-засыпные. При этом 98% всех каменных и кирпичных жилых домов приходилось на г. Магадан.

В горнопромышленных управлениях и Геологоразведочном управлении 90,8% жилого фонда было представлено деревянными рубленными и 8,88% каркасно-засыпными домами. Средняя обеспеченность жилой площадью по Дальстрою составляла 5,2 $м^2$ на одного проживавшего, но в отдаленных управлениях она была меньше (4,7 $м^2$ в ЯГПУ и 4,1 $м^2$ в ЧЧГПУ)[3]. 14,4% жилого фонда Дальстроя, в котором проживало 29278 чел., составляли постройки временного типа 1940 г., многие из них имели двухъярусную систему нар, пришли в ветхость, были поражены домовым грибком и подлежали сносу.

Качество зданий новой постройки также было невысоким. Имелось не мало случаев брака и переделок. По данным на апрель 1953 г. низкого качества, с местными обрушениями оказались жилые дома и детские ясли, построенные Омсукчанской стройконторой. Жилищная стройконтора управления «Промжилстрой» возвела некачественно даже стены административного корпуса Дальстроя, в результате чего пришлось перекладывать 250 $м^3$. Такие же проблемы обнаружились у здания общежития транзитного городка №4 и т.д. В Чукотстрое еще в 1950 г. развалилась бутовая кладка стен нескольких жилых зданий объемом до 600 $м^3$. При строительных работах зачастую использовалась древесина повышенной влажности, что приводило к быстрому рассыпанию полов, они коробились и требовали преждевременного ремонта. Таким образом, в целом проблема некачественного строительства жилья и производственных объектов в Дальстрое в 1950-е гг. была хронической.

В начале 1950-х гг. Дальстрой активно строил жилье, хотя прирост его замедлялся. В 1950 г. было введено 76 тыс. $м^2$ жилья, в 1951 г. – 47,5 тыс. $м^2$, в 1952 г. – 37,9 тыс. $м^2$. Однако рост населения значительно опережал темпы и объемы жилищного строительства. В результате, по мнению самого руководства Дальстрой испытывал серьезный жилищный кризис. В этой связи на решение жилищной проблемы Дальстрой запрашивал в течение 1953-1956 гг. 233 млн. руб., исходя из стоимости строительства 1 $м^2$ жилплощади в 800 руб.[4]

Однако по-прежнему рабочих, материалы и технику для строительства нового жилья начальники горнопромышленных управлений могли выделить только после выполнения плана по металлодобычи. Даже при самых благоприятных условиях план добычи золота или

---

[1] Д. 310, Л. 123-127.
[2] Там же. Д. 1842, Л. 132.
[3] Там же. (Д. 1842?), Л. 219-220.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1842, Л. 132, 133.

олова не мог быть выполнен ранее осени, следовательно, для строительства жилья и других социальных объектов силами самих горнопромышленных управлений в лучшем случае оставался самый неблагоприятный осенне-зимний период[1].

Центральные поселки горнопромышленных управлений оставались неблагоустроенными (благоустройство остальных промышленных поселков находилось, в еще более худшем состоянии). В них практически отсутствовало озеленение, тротуары, не было общественных уборных и т.д. На минимальное благоустройство только центральных поселков в 1953-1955 гг. Дальстрой запрашивал 3,5 млн. руб.[2] В апреле 1953 г. сообщалось, что в Западном, Северном, Тенькинском и Юго-Западном управлениях по сравнению с другими годами был отмечен резкий подъем заболеваемости дизентерией[1]. Основной причиной было признано игнорирование руководителями управлений вопросов всемерного улучшения жилищно-бытовых условий трудящихся, благоустройства и оздоровления населенных мест, что и привело к вспышке заболеваний. Несколько более благополучной была ситуация в г. Магадане, где было отмечено снижение заболеваемости дизентерией и инфекционным гепатитом, вследствие улучшения санитарного благоустройства города. В этой связи руководство Дальстроя приказало начальникам управлений и предприятий в течение нескольких недель (к празднованию 1 мая) провести очистку территорий города и поселков от зимних накоплений мусора и нечистот, и в дальнейшем обеспечить регулярную очистку населенных мест не реже 1 раза в неделю. В соответствие с санитарными требованиями должны были быть приведены хозяйственно-питьевые источники и водохранилища, обеспечить хлорирование воды, подаваемой населению, обеспечить ремонт наружных уборных, мусоросборников, выгребных ям, а там где их не было, требовалось срочно установить. Руководители предприятий должны были до середины мая 1953 г. заключить договоры с органами санитарно-эпидемиологической службы на проведение плановых профилактических дезинфекционных, дезинсекционных и дератизационных работ.

В 1956 г. комиссия Госплана СССР при комплексном обследовании Дальстроя в отношении жилищного вопроса пришла к выводу о том, что проблема с обеспечением трудящихся жильем стояла особенно остро. Основную причину этого комиссия Госплана видела в преимущественном ориентировании производственной деятельности на заключенных работников, поэтому жилищное строительство осуществлялось в основном временного типа. То есть модель горнопромышленного освоения недр Северо-Востока была изначально нацелена на максимально быстрое извлечение минерального сырья. Вложения в социально-бытововй комплекс были минимальны, чтобы не повышать себестоимость добычных работ. Эксплуа-

---

[1] Там же. Д.195, Л. 241-242.
[2] Д. 1842, Л. 1

тация труда заключенных была оптимальна для данной модели. Для них достаточно было построить дешевые бараки с колючей проволокой; ни школ, ни современных больниц, ни клубов, ни стадионов и т.д. для них строить никакой необходимости не было. Однако когда внутриполитическая ситуация изменилась, и от подневольного труда пришлось отказываться, стало очевидно, что для обычного населения реалии Дальстроя оказались слишком суровыми.

Обеспеченность жильем в Дальстрое в 1956 г., по данным комиссии Госплана, составляла в среднем 3,2 $м^2$ на проживающего, а не 5,3 $м^2$, как следовало из предложенных работниками Дальстроя данных[2]. В связи с тяжелыми жилищными условиями, завербованным рабочим разрешалось вызывать к себе семью только не ранее, чем через год после работы на Крайнем Севере. В результате большое число рабочих вынуждено было жить по сути на два дома. Многие специалисты и квалифицированные рабочие, желавшие работать на Крайнем Севере, зачастую отказывались ехать в Дальстрой без своей семьи. Вследствие острого жилищного кризиса и слабо развитой социальной инфраструктуры, значительная часть договорников по истечении срока трудового договора предпочитала не продолжать работу далее, а покинуть Дальстрой[3].

Острый жилищный кризис в Дальстрое приводил к тому, что постройки в некоторых бывших лагерных зонах переоборудовались под жилье. И.о. обязанности начальника Дальстроя М. В. Груша в сентябре 1956 г. указывал на неудовлетворительные темпы переоборудования под жилье зданий, освободившихся в районе бывших лагпунктов №1, 2 и 3 в г. Магадане[4]. Отдельные организации Дальстроя не контролировали процесс переоборудования, не требовали соблюдения сроков от подрядчиков, в результате чего на неопределенный срок отдаляли предоставление жилья своим работникам.

В 1956 г. фактическая среднегодовая эксплуатируемая жилплощадь промышленными подразделениями Дальстроя (без занимаемой общежитиями коечного типа) составляла 246725 $м^2$ (убытки от эксплуатации составили 24,9 млн. руб.), общежития коечного типа в 1956 г. насчитывали 10176 койко-мест (23,3 млн. руб. убытки). Фактический убыток от эксплуатации 1 $м^2$ жилплощади в 1956 г. снизился против 1955 г. на 32 руб. 76 коп., и составил 100 руб. 92 коп. (убыток от 1 койко-места общежития составил в 1956 г. 191 руб. 91 коп.)[1].

В целом Дальстрою и в середине 1950-х гг. не удалось качественно решить ни жилищную проблему, ни проблему качественно коммунально-бытового обслуживания населения.

---

[1] Д. 310, Л. 137-139.
[2] Там же. Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 425, Л. 35-36.
[3] Там же. Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5542, Л. 10.
[4] Д. 386, Л. 84-89.

Увеличение вольнонаемного населения Дальстроя требовало дальнейшего развития сети народного просвещения. В 1951/1952 учебном году на территории деятельности Дальстроя действовало уже 117 школ[2]. При этом в 83 школах требовалось провести ремонтные работы[3]. Горнопромышленные управления и подразделений геологоразведочной службы должны были подготовить к новому учебному году 43 школы, УПХ – 11 школ, Магаданский горкоммунотдел - 4 школы и 1 дом пионеров, УАТ – 4 школы, КРУДС – 3 школы. Другие управления и подразделения Дальстроя должны были подготовить по 1-2 школы[4]. Также начальникам горных и других отраслевых управлений вменялся в обязанность ремонт помещений, инвентаря и оборудования пионерских лагерей, интернатов и т.д.[5]

По школам рабочей молодежи для 8 ШРМ на 1951/1952 учебный год был утвержден контингент в 900 учащихся. В т.ч. в Магаданской средней школе – 300 чел., в Палаткинской – 200, в Оротуканской – 75, в Сусуманской – 75, в Ягоднинской – 65, в Усть-Омчугской – 65, в Нижне-Сеймчанской и Усть-Нерской школах по 60 чел. Кроме этого в ближайшее время планировалось открытие еще 5 ШРМ на 303 чел. (на Марчекане – 93 чел., в Батыгае – 60 чел., в Спорном, Нексикане и Эге-Хая по 50 чел.)[6]. Как видно по сравнению с 1948/1949 учебным годом увеличился контингент только Магаданской и Палаткинской ШРМ, в отдаленных районах он снизился от 6,25 до 25%. Также в 1951 г. нет упоминаний о ШРМ в пос. Зырянка, а ШРМ в пос. Эге-Хая только предполагалось открыть, хотя на 1948/1949 учебный год их контингенты уже были утверждены.

В целом несмотря на увеличение количества школ и интернатов, все же их было не достаточно (см. таблицу 35). Исходя из анализа сложившейся к 1953 г. ситуации Дальстрою требовалось первоочередное строительство по меньшей мере 14 школ на 2956 мест, в т.ч. 6 школ на 1600 мест необходимо было непосредственно для поселков горнопромышленных управлений[7]. Вместе со строительством новых школ неизбежно возникала проблема привлечения педагогических кадров, которые тоже нуждались в жилье.

Таблица 35

Количество школ в Дальстрое в 1945-1953 гг.[8]

	1945/46	1946/47	1947/48	1948/49	1949/50	1950/51	1951/52	1952/53
начальные	36	36	49	63	66	84	83	86
семилетние	9	9	9	8	10	12	18	18
средние	10	10	11	11	12	14	16	20
в них учащихся	4681	5564	6213	7351	8380	9643	11196	12377

1 Д. 4897, Л. 43-44.
2 ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1842, Л. 226.
3 Д. 251, Л. 274-277.
4 Д. 311, Л. 145-152.
5 Д. 280, Л. 187; Д. 340, Л. 1-5, 132-134.
6 Д. 253, Л. 223-226.
7 Там же. Д. 5542, Л. 228-229.
8 ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1842, Л. 226.

Сеть медицинских учреждений в Дальстрое в начале 1950-х гг. также постепенно увеличивалась, но все же резко отставала от роста населения. Потребности населения и в отношении медицинского обслуживания удовлетворялись не в полной мере. Большинство лечебных учреждений размещалось в помещениях, не отвечавшим санитарным нормам и требованиям.

Санитарно-медицинское обслуживание населения Дальстроя находилось в ведении специализированного Санитарного управления. В 1952 г. организационная структура Санитарного управления включала в себя Центральную объединенную больницу, в состав которой входили психбольница, туберкулезный и венерический диспансеры, станция скорой помощи, городская поликлиника, 5 амбулаторий, 1 врачебный здравпункт, фельдшерский пункт и пункт переливания крови. В ведении Санитарного управления входил ряд детских учреждений - Детская объединенная больница с детской консультацией, отдел детских учреждений города, Эльгенский дом ребенка, дом ребенка Снежная долина, Тасканский дом ребенка. Также в оргструктуру Санитарного управления входили отделение подсобных предприятий, отделение медицинского снабжения с центральной медбазой и 8 аптекобазами при горных и отраслевых управлениях, городская и окружная санитарно-эпидемические станции, судмедэкспертиза, дом санитарного просвещения, поликлиника №2[1].

В 1952 г. на базе детских отделений центральной объединенной больницы с 1 января была организована детская объединенная больница. Также 1 января 1952 г. Сануправлением от управления МАГЛАГа был принят дом ребенка Снежная долина. В августе 1952 г. от Колымо-Индигирского речного пароходства была принята аптека, на основе которой была организована аптекобаза на самостоятельном балансе. Кроме этого были открыты аптеки в поселках 23 км (Снежная долина), Ола, Берелех, им. Чкалова, Усть-Утиная, Победа, Октябрьский и Стрелка. В Магадане в течение 1952 г. была открыта аптека №3, в феврале 1952 г. на Веселой был открыт деткомбинат на 35 детей и в июне 1952 г. в Новых гаражах был открыт деткомбинат на 60 детей[2].

Одной из главных проблем в работе лечебных, детских, снабженческих и торговых учреждений Санитарного управления являлось отсутствие помещений, обеспечивавших нормальную работу. Помещения Центральной объединенной и Детской объединенной больниц, рассчитанные на 493 среднегодовых коек (с учетом ввода в действие строившегося, но не сданного в эксплуатацию инфекционного корпуса деткой больницы), в отдельные периоды вынуждены были держать от 500 до 550 больных. Еще 520 больным в течение 1952 г. во-

[1] Д. 4746, Л. 9.
[2] Д. 4746, Л. 9-10.

обще было отказано в госпитализации из-за отсутствия мест[1]. В целом за 1952 г. через Центральную объединенную больницу прошло 8488 чел., что было на 894 чел. больше предусмотренных планом[2].

Больницы работали с большими перегрузками, что также отрицательно отражалось на обслуживании больных. Особенно напряженно вследствие перегруженности протекала работа терапевтического, гинекологического и психиатрического отделений.

В начале 1950-х гг. оставались значительные проблемы и с санитарно-медицинским обслуживанием населения в отдаленных районов. Так больница центрального поселка Индигирского управления Усть-Нера содержалась в довольно плачевном состоянии[3]. Постельные принадлежности больного состояли из матраца и наволочек, набитых перетертым сеном, давно превратившимся в пыль. Простыни и наволочки подушек длительное время не стирались. Больные были накрыты грязными и пыльными одеялами. Стены в палатах также были грязными. Много больные жаловались и на питание. Щи для них приготовлялось из серо-зеленой капусты, в которой было много песка и других не питательных примесей. 13 марта 1950 г. больные даже отказались от первого блюда из-за его плохого качества. К этим недостаткам прибавлялось и небрежное отношение к больным со стороны медперсонала. Больные жаловались что для того чтобы вызвать санитара или дежурную сестру приходилось долго кричать, и часто безрезультатно.

В марте 1953 г. в ходе проверки медицинского обслуживания населения в Чукотстрое был установлен ряд существенных недостатков, нарушения правил госпитализации и т.д.[4] Особенно неудовлетворительной была работа родильного отделения больницы в центральном поселке управления Эгвекиноте, где имели место случаи заболевания среди матерей и новорожденных. Только после этих случаев начальнику Чукотстроя Карпову было приказано немедленно выделить помещение под родильное отделение. Также должны были быть приняты меры по укреплению аппарата санотдела и руководства больницей.

Существовавшая в начале 1950-х гг. в Дальстрое и г. Магадане сеть детских учреждений также была недостаточна и требовала расширения. Детские учреждения города были не в состоянии удовлетворить прием детей в сады и ясли. На 1 января 1953 г. на очереди стояло 657 детей, нуждавшихся в устройстве в детские учреждения[1]. Требовалось строительство новых и расширение уже существовавших детских учреждений.

На балансе Сануправления Дальстроя находился также и Дом инвалидов, на содержание 122 чел. подопечных в 1952 г. было выделено 726 тыс. руб. Фактические расходы по со-

---

[1] Д. 4746, Л. 10.
[2] Д. 4746, Л. 13.
[3] Советская Колыма. – 1950. - № 76. – 30 марте.
[4] Д. 309, Л. 112-113.

держанию инвалидов в 1952 г. составили 721 тыс. руб. Экономия средств была получена за счет недовыполнения плана по койко-дням, что в свою очередь объяснялось отправкой в 1952 г. в центральные районы страны большой группы инвалидов – 246 чел.[2]

В ходе начавшейся массовой амнистии, расширение медицинской сети для вольнонаемных частично решали за счет сокращения объемов медицинского обслуживания заключенных. Так в целях улучшения медобслуживания трудящихся руководством Дальстроя и Окружкомом профсоюза было признано необходимым открыть на Колыме легочно-туберкулезный санаторий для взрослых. Для этого должна была быть использована больница на Левом берегу, которая ранее обслуживала заключенных. С 1 июня 1953 г. больницу для заключенных на Левом берегу было приказано закрыть, направление заключенных в нее запретить, а все больные заключенные из этой больницы должны были быть вывезены в те лагподразделения, откуда они были направлены[3].

Таблица 36

Лечебные учреждения Дальстроя во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.[4]

	1945	1947	1953
больницы	33	39	66
врачебные здравпункты	65	83	69*
фельдшерские пункты	82	123	207
коек в лечебных учреждениях	1153	1590	2440

*) уменьшение количества здравпунктов объясняется объединением больниц с амбулаторными и врачебными здравпунктами

Таким образом, несмотря на значительный рост лечебных и детских учреждений Дальстроя, медицинское обслуживание отставало от развития промышленности. Больницы были переполнены, что отрицательно влияло на организацию лечебного процесса. Во многих поселках больниц для вольнонаемного населения вообще не было. Перевозка больных в районные больницы производилась на попутном транспорте, а в условиях бездорожья из многих мест больных вывезти вообще было невозможно. В результате в адрес Санитарного управления, Главного управления Дальстроя от населения поступали многочисленные жалобы о недостаточности сети, штатов и коечного фонда по лечебным учреждениям Дальстроя[5].

В начале 1950-х гг. важное внимание стало уделяться санаторному обслуживанию трудящихся Дальстроя причем данный процесс проходил одновременно с усилением внимания к соблюдению техники безопасности на производстве, борьбой с производственным травматизмом, повышенной заботой к работникам с вредными условиями труда и т.д. В 1951 г. в санатории и курорты центральных районов страны было выдано 7814 путевок, в 1952 г.

[1] Д. 4746, Л. 10.
[2] Д. 4746, Л. 15.
[3] Д. 310, Л. 253-255.
[4] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5542, Л. 180.
[5] Там же. Д. 1842, Л. 185, 186, 187.

– 6475. В 1953 г. планировалось выдать 7360 и за 6 месяцев 1953 г. было выдано 3814, кроме этого еще 334 путевки были выданы в дома отдыха ЦРС[1].

Кроме этого на Колыме весьма активно развивались собственные здравницы (см. таблицу 37).

Таблица 37

здравницы Колымского окружного комитета профсоюза за 1951-1953 гг.[2]

	количество			в них коек		
	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
1. Санаторий для взрослых «Талая»	1	1	1	160	170	174
2. Санаторий детский («Левый Берег»)	1	1	1	100	100	100
3. дома отдыха	7	6	5	267	207	182
4. ночные санатории (профилактории)	7	13	13	130	350	345
итого	16	21	20	657	827	801

Об открытии новых здравниц средства массовой информации сообщали как о важном достижении в деле заботы о здоровье трудящихся. Так в январе 1950 г. «Советская Колыма» сообщала об открытии дома отдыха в Индигирском управлении[3]. Хорошо отстроенные и меблированные помещения, библиотека, музыкальные инструменты и настольные игры должны были создать самые благоприятные условия для культурного отдыха горняков Индигирки, приехавших с многих приисков.

В марте 1950 г. в статье завотдела социального страхования Окружкома профсоюза В. Шевченко «Здравницы трудящихся Дальстроя» были подведены некоторые итоги развития санаторной системы на Колыме к началу 1950-х гг.[1] Наиболее известной здравницей Колымы являлся санаторий «Талая» (или «Горячие ключи»). В статье В. Шевченко указывалось, что в документах бывшего церковного архива пос. Ямск упоминалось об открытии в 1860-х гг. русским купцом Бушуевым в верховьях р. Буюнды горячего источника. Вскоре этот источник в долине Талая стал известен многим местным жителям. К нему на исцеление приводили оленей, а позднее распространился слух, что источник является лечебным и для людей. На месте выхода источника был установлен деревянный крест, и там же совершались купания.

В 1940 г. на базе горячего источника минеральной воды был построен санаторий, в котором побывали многие тысячи дальстроевцев. Научная экспедиция Центрального института культурологии, обследовавшая источник в Талой, дала высокую оценку его бальнеологическим свойствам. Благоприятные климатические условия, наличие вблизи источника больших запасов лечебных грязей, позволяли создать в этом месте многопрофильный ку-

---

[1] Д. 1828, Л. 259.
[2] Д. 1828, Л. 258.
[3] Советская Колыма. – 1950. - № 7. – 10 января.

рорт. Осуществление этой задачи и должно было начаться в 1950 г. Здесь должны были быть построены новые корпуса, санпропускник с приемно-диагностическим отделением, грязелечебницы и т.д. (Действительно в начале 1950-х гг. санаторий «Талая» будет по меркам Дальстроя довольно активно развиваться.).

Другим перспективным направлением являлись Мотыклейские хлоридно-кальциевые источники. Сообщалось о ведении работ их освоению и строительству нового санатория.

Дальстрой располагал сетью домов отдыха. В целом, по указаниям В. Шевченко к началу 1950-х гг. для трудящихся Дальстроя было построено 8 домов отдыха. Лучший дом отдыха «Стахановец», располагавшийся на берегу бухты Веселая недалеко от Магадана, планировалось переоборудовать по типу санатория. Значительно расширить предполагалось дом отдыха Индигирского райкома профсоюзов. На строительство и расширение санаториев и домов отдыха в 1950 г. Окружком профсоюза выделял 7 млн. руб. Пропускная способность местных здравниц с каждым годом возрастала. В 1948 г. в них побывало 4 тыс. чел., в 1949 г. отдыхало и лечилось около 5 тыс. В одном только санатории «Горячие ключи» в 1949 г. побывало 2 тыс. чел. (всего с 1940 по 1949 гг. в нем побывало около 9 тыс. чел.). Свыше 6 тыс. работников в 1949 г. побывало в т.н. однодневных домах отдыха. Эти примеры, по мнению В. Шевченко, ярко показывали «сталинскую заботу о советских людях, неуклонный рост культурного и материального благосостояния трудящихся нашей великой Родины».

В начале 1950-х гг. активно развивалась работа ночных санаториев-профилакториев, которые давали возможность для лечения (прежде всего от силикоза) и отдыха практически без отрыва от производства. До 1 июня 1951 г. планировалось организовать не менее 13 таких учреждений, в т.ч. в Западном управлении – 3 ночных санатория-профилактория, в Северном – 4, в Индигирском – 3, в Тенькинском – 1, на Спорненском заводе - 1 (все на 25 койко-мест). В Магадане предполагалось к этому сроку организовать 1 санаторий-профилакторий на 50 мест[2]. Однако в 1951 г. удалось наладить работу только 7 учреждений такого рода.

В 1952 г. сеть ночных санаториев-профилакториев планировалось расширить. В частности в горнопромышленных управлениях для профилактики и борьбы с «силикозными заболеваниями» предполагалось открыть еще 9 санаториев-профилакториев и достроить городской профилакторий в Магадане. На содержание сети этих учреждений предусматривалось израсходовать более 6 млн. руб.[3] В 1952 и 1953 гг. уже действовало 13 санаториев-профилакториев.

[1] Советская Колыма. – 1950. - № 54. - 4 марта.
[2] Д. 248, Л. 267-268.
[3] Д. 279, Л. 403-405.

С образованием Магаданской области и реорганизацией Дальстроя в специализированное горнопромышленное объединение из его ведения стали изыматься многие направления деятельности, не связанные напрямую с добычей и разведкой полезных ископаемых. Так 2 июля 1954 г. последовал приказ о передаче из ведома Дальстроя средних, неполных средних, начальных школ, ШРМ и интернатов Министерству Просвещения РСФСР[1]. С 30 июля 1954 г. (в соответствии с распоряжением СМ РСФСР №1864 от 8 мая 1954 г.) все лечебные и санитарно-профилактические учреждения, расположенные вне территории Магаданской области из ведения Дальстроя были переданы соответственно Министерству здравоохранения Якутской АССР, Хабаровскому и Приморскому крайздравотделам[2]. И, наконец, в марте 1955 г. все конторы медснаба и аптечная сеть гостреста «Колымснаб» были переданы Министерству здравоохранения РСФСР[1].

Таким образом, в 1945-1957 гг. развитие социальной сферы горнодобывающей промышленности Дальстроя осуществлялось по остаточному принципу и требовало качественного решения самых насущных вопросов обеспечения работников жильем, нормальным медицинским обслуживанием, развития учреждений народного просвещения и культуры. Проблемы строительства жилья, подготовки общежитий, коммунально-бытового обслуживания руководство Дальстроя все время пыталось решить путем воздействия на начальников горнопромышленных и других отраслевых управлений, одновременно требуя от них безоговорочного выполнения плана металлодобычи, а это для хозяйственных руководителей было намного важнее. Поэтому рабочих, технику, материалы и т.п. для улучшение жилищно-бытового комплекса руководители производства выделяли ближе к выполнению своей основной задачи (государственного плана), т.е. ближе к зиме, когда ремонтные и строительные работы были весьма затруднены.

Подводя итоги деятельности Дальстроя в 1945-1957 гг. следует отметить, что достижения в промышленной сфере в послевоенный период были достаточно значительными, хотя объемы золотодобычи волнообразно снижались, резко обострились кризисные явления. В 1945-1956 гг. Дальстроем было добыто 582,3 т химически чистого золота и 48,34 тыс. т олова в концентрате, 2,6 тыс. т трехокиси вольфрама (за 1948-1956 гг.) и 398,2 т кобальта в концентрате (за 1947-1955 гг.) и около 150 т уранового концентрата. Динамично развивавшаяся дражная добыча золота за 1950-1956 гг. дала 15,67 т химически чистого золота и имела все перспективы дальнейшего наращивания объемов производства. Вместе с тем Дальстрою к середине 1950-х гг. пришлось оказаться от добычи кобальта и урана. Удельный вес золотодобычи Дальстроя к общесоюзной по данным на 1955 г. составил 37,9%.

[1] Д. 341, Л. 8.
[2] Д. 341, Л. 244-253.

Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. в Дальстрое заметно возросло значение материального стимулирования труда заключенных: введение заработной платы, денежное премирование за перевыполнение плановых показателей, вместо репрессивных мер и «шкалы питания» характерных для предыдущих периодов.

После 1953 г. основной рабочей силой в Дальстрой стали вольнонаемные работники, что потребовало дополнительных усилий по их вербовке, созданию более благоприятных жилищно-бытовых условий. Многие вольнонаемные работники, прибывавшие с «материка», были недовольны условиями труда и быта в Дальстрое, пытались расторгнуть трудовые соглашения. Основными формами протеста были обращение в суд, отказ от работы.

[1] Д. 365, Л. 24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексное исследование истории становления и развития горнодобывающей промышленности Дальстроя за весь период его деятельности (1931-1957 гг.) позволяет сделать вывод о том, что золотодобыча была системообразующим звеном экономического развития всего региона. Вместе с тем отсутствие целостной государственной программы развития Северо-Востока, подчеркивания его перспектив только как сырьевого, но не перерабатывающего и производящего комплекса предопределило складывание в регионе еще в предвоенный период моноотраслевого перекоса. Данная диспропорция явилась основной причиной многих издержек последующего социально-экономического развития региона.

Историю горнодобывающей промышленности Дальстроя можно подразделить на три основных периода. Первый период 1932-1941 г. характеризовался постепенной кристаллизацией структуры горной промышленности. Вскоре она стала основным звеном производственной инфраструктуры региона, в которую с середины 1930-х гг. после создания системы автодорожного сообщения с приисковым районом, был перенесен основной объем капиталовложений. В течение данного периода горные и горно-подготовительные работы проводились преимущественно вручную, основной рабочей силой на золотодобыче были заключенные, удельный вес которых в 1934-1940 гг. в среднем составлял 91% от общего количества. В 1940 г. Дальстроем был достигнут максимум золотодобычи - 80 т химически чистого золота, удельный вес золота Дальстроя составил 46,3% от общесоюзной золотодобычи 1940 г. Колыма уверенно вошла в число крупнейших золотодобывающих районов не только СССР, но и мира. Во второй половине 1930-х гг. горнодобывающая промышленность преодолела монометаллическую специализацию, и с 1937-1938 гг. наряду с добычей золота на предприятиях Дальстроя началась добыча олова - металла, в котором остро нуждалось народное хозяйство страны. Проведенные в это время геолого-поисковые и геологоразведочные работы заложили основы развития горнодобывающей промышленности практически на все последующие годы существования Дальстроя.

В течение второго или военного периода (1941-1944 гг.) основными направлениями развития горной промышленности Дальстроя оставались золото и оловодобыча. В условиях военного времени снабжение Дальстроя с «материка» необходимыми ресурсами и материалами резко сократилось. Тем не менее, в горнодобывающей промышленности началась разработка рудных месторождений золота, а также вольфрама; увеличилась техническая оснащенность приисков и рудников. На золото и оловоносных россыпных месторождениях отрабатывались преимущественно самые богатые металлом участки, что впоследствии привело к серьезным производственным проблемам и снижению объемов металлодобычи. Малоэффективные прииски, рудники и разведки закрывались или консервировались. В среднем в 1941-

1944 гг. Дальстрой добывал более 70 т золота и более 3 тыс. т оловянного концентрата ежегодно. За счет привлечения бывших заключенных к работе по вольному найму, в военный период на золотодобыче значительно повысился удельный вес вольнонаемных работников (с 3,4% в 1940 г. до 46,3% в 1944 г.). В военный период Дальстрой вносил решающий вклад в добычу золота в СССР.

В течение третьего периода 1945-1957 гг. основные россыпные месторождения Дальстроя стремительно истощались, среднее содержание золота ежегодно снижалось, геологоразведка серьезно отставала в обеспечении горнодобывающей промышленности новыми запасами золота. В этой связи в Дальстрой для горных работ в больших объемах завозилась импортная и отечественная техника, значительно повысился уровень механизации основного производства. Вместе с тем попытка на рубеже 1940-х – 1950-х гг. возродить старательскую золотодобычу – определенную альтернативу массовому использованию труда заключенных - несмотря на кратковременный успех, распространения не получила. Более успешным стало использование на золотоносных россыпях Северо-Востока драг. С 1950 г. дражная добыча золота началась в промышленных масштабах. Объемы дражной золотодобычи, несмотря на значительные трудности, связанные с вечной мерзлотой, ежегодно увеличивались и в 1956 г. драгами было добыто 10,2% всего золота Дальстроя. В рассматриваемый период в горнодобывающей промышленности Дальстроя увеличился ассортимент извлекаемых металлов. С 1947 г. началась добыча кобальта, с 1948 г. возобновилась добыча вольфрама, в 1952 г. в промышленных масштабах началась добыча урана. В 1952 г. был достигнут максимум добычи олова (5,3 тыс. т). После 1953 г. в связи с массовой амнистией заключенных горная промышленность Дальстроя вошла в период затяжного структурного кризиса, осложнявшегося истощением месторождений добываемых металлов. Переход Дальстроя к преимущественному использованию труда вольнонаемных работников серьезно осложнялся мало развитой социальной инфраструктурой, что являлось главной причиной значительной текучести кадров.

Район деятельности Дальстроя последовательно увеличивался и вплоть до 1957 г. включал в себя территории Крайнего Северо-Востока СССР площадью 2,8 млн. км^2, в том числе всю Магаданскую область (с Чукоткой) площадью 1,2 млн. км^2, северо-восточную часть Якутской АССР - 1,2 млн. км^2 и северную часть Хабаровского края - 0,4 млн. км^2. В результате проведения на Северо-Востоке широкомасштабных геологоразведочных работ были выявлены крупные промышленные месторождения золота, олова и вольфрама, установлены рудопроявления свинца, цинка, ртути, молибдена, кобальта, урана и других редких металлов, а также выяснены геологические закономерности размещения этих металлов.

В целом за 1932-1956 гг. Дальстроем по отчетным данным было добыто 1187,1 т химически чистого золота, с 1937 по 1956 гг. - 65,3 тыс. т олова в концентрате, 2,85 тысячи

тонн трехокиси вольфрама в концентрате (за 1941-1944гг. и 1948-1956 гг.), 397,5 т кобальта в концентрате (за 1947-1955 гг.), около 150 т уранового концентрата (1948-1955 гг.).

Однако переработка десятков миллионов кубических метров горной породы, эксплуатация крупных россыпных месторождений золота, которые находились преимущественно в долинах рек, нанесла значительный ущерб экологии региона. В результате широкомасштабных работ по извлечению металлов более всего пострадали экосистемы долин рек Чай-Урья, Ат-Урях и Хатыннах, Омчак, Штурмовская и Мальдякская долины, так как именно там находились самые крупные и богатые россыпи золота, аналогию которым трудно подобрать даже во всей истории мировой золотодобычи. Также для строительных работ и отопления вокруг предприятий горнодобывающей промышленности вырубались значительные лесные массивы. Восстановлению экосистем, разрушенных в результате промышленного освоения, Дальстроем практически никакого внимания не уделялось.

До 1953 г. основной рабочей силой в Дальстрое являлись заключенные. За 1953-1956 гг., в связи с амнистией, их количество значительно уменьшилось и на начало 1956 г. составило 35,4 тыс. чел. Режим содержания, условия труда и быта заключенных на объектах горнодобывающей промышленности были чрезвычайно суровыми, что приводило к повышенной заболеваемости и смертности. Вольнонаемные работники Дальстроя вследствие малоразвитости социально-бытового комплекса, находились в дискомфортных жилищно-бытовых условиях, что предопределяло значительную текучесть кадров и постоянную нехватку квалифицированных специалистов.

Отсутствие развитой социальной инфраструктуры долгое время не считалось серьезным препятствием к быстрейшему вводу в эксплуатацию новых промышленных объектов. Проводимая в жизнь Дальстроем модель промышленного освоения Северо-Востока основывалась на том, чтобы одновременно вести добычу золота и других металлов, сооружать типовые промышленные объекты, строить дорожные коммуникации и энергетическую систему осваиваемого района. Развитию социально-бытового комплекса в данной схеме уделялось второстепенное значение.

В связи с внутриполитическими изменениями начала 1950-х Дальстрой перешел в подчинение гражданских министерств и последовательно лишался большинства своих чрезвычайных полномочий. Важное значение в хозяйственной жизни региона стали приобретать договорные отношения, «чрезвычайщина» и «штурмовщина» стали отходить в прошлое. Однако горнодобывающая промышленность Дальстроя несколько лет подряд находилась в глубоком структурном кризисе. Основными факторами, повлиявшими на углубление структурного кризиса, по нашему мнению стали: 1) нехватка трудовых ресурсов, так как в результате массовой амнистии и снятия ограничений на передвижение бывших заключенных и спецпо-

селенцев, начался массовый отток работников, в том числе квалифицированных рабочих основных профессий; 2) децентрализация жесткой административно-управленческой структуры Дальстроя, связанная с процессом переподчинения многих структурных звеньев ГУСДС своим отраслевым министерствам, в результате чего вместо приказов, директив и мобилизационных мер повсеместно приходилось переходить на договорные отношения; 3) усиление роли местных советских и партийных органов власти особенно после смены политического руководства страны и образования Магаданской области (декабрь 1953 г.) также подрывало единоначалие и ограничивало полномочия начальника Дальстроя. Кроме этого, структурный кризис Дальстроя осложнялся отработкой основных разведанных месторождений золота, разлад финансовой системы и многомиллионные убытки.

В 1957 г. последовала реорганизация Дальстроя в Магаданский совнархоз. Однако модель производственной инфраструктуры региона, представленная единственно развитой горнодобывающей промышленностью и обеспечивающими ее нормальную деятельность хозяйствами (автотранспорт, энергетика, снабжение и др.), не подверглась корректировке и продолжала определять экономическое и социальное развитие Северо-Востока на многие последующие десятилетия. На новом витке структурного кризиса в регионе в начале 1990-х гг. вновь было затруднительно проводить более гибкую самостоятельную политику по преодолению депрессивного состояния региона.

Если посмотреть на Северо-Восток с перспективы двух столетий золотодобычи в Сибири, то видно, повторение на новом этапе перекачку богатств осваиваемой территории в пользу центра. В XX в. золото Дальстроя напрямую поступало в распоряжения государства, возможность обращения его в региональной экономике была исключена. Как в XIX в. Сибирь, так в XX в. Колыма и Чукотка затмили своим золотом славу Енисея, Лены, Амура и др., но это не принесло Северо-Востоку ни процветания, ни благополучия. Как в XIX в. для Сибири, так в XX в. для Северо-Востока от добывавшегося золота доставалися минимум, необходимый для поддержания нормальной работы золотодобывающих предприятий.

На рубеже XX-XXI столетий Северо-Восток в целом и Магаданская область в частности так и остались сырьевым регионом в общей системе народного хозяйства страны. Органы центрального уравления государства так и не уделили новым перспективам региона должного внимания, хотя передовые общественные, партийно-политические и хозяйственные деятели Северо-Востока с начала интенсивного промышленного освоения края и на протяжении всего XX в., настаивали на необходимости именно комплексного и сбалансированного развития. Только в конце 1990-х гг. с развитием системы федерализма, когда у местных органов власти, более ясно осознающих проблемы и перспективы региона, появились реальные рычаги экономического и политического влияния, в Магаданской области были сделаны

первые шаги к более комплексному и стабильному развитию. В частности были введены в действие Колымский аффинажный завод, Колымский завод по производству взрывчатых веществ, с огромным количеством проблем, но все же развивается рыбная отрасль, сфера услуг, все более реальной становится начало добычи на близлежащем шельфе Охотского моря нефти и газа (хотя вновь Магаднская область на всю обозримую среднесрочную перспективу останется сырьевой). Реализовать многое из вышеперечисленного имелись все возможность 60-40 лет назад. Таким образом, будь то металлы, биоресурсы или нефть, для достойного развития Северо-Востока необходимо, во-первых, чтобы оин работали в том числе и на региональную экономику, а просто утекали как песок сквовь пальцы, во-вторых, необходимо стараться и дальше развивать перерабатывающие и производящие отрсли производства, сферу услуг, чтобы не оставаться сырьевым, дотационным придатком народнохозяйственного компекса страны.

В целом у современной Магаданской области остаются все необходимые предпосылки для более сбалансированного и успешного развития.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев С. М. Трудный Анюй. // Колыма. – 1978. - №7-8. – С. 39-41.
2. Алексахин И. П. Колымские этапы. // Краеведческие записки. - Магадан, 1989. - Вып. 16. - С.108-117.
3. АльшевскийА.В. Колымские золотоносные дайки: их значение в истории геологического изучения и хозяйственного освоения Верхне-Колымского региона // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. - С.195-205.
4. Анерт Э.Э. Богатства недр Дальнего Востока. – Хабаровск-Владивосток: Акц. об-во «Книжное дело», 1928. – 932 с.
5. Ахназаров Э. Б. О некоторых особенностях развития народного хозяйства Магаданской области // История и культура народов Севера Дальнего Востока. - М.: Наука, 1967. - С. 160-172.
6. Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛаг (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. - Магадан, 1996. - С.46-72.
7. Бацаев И. Д. Динамика кризиса основного производства Дальстроя (1946-1953) // Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н. Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. - С. 234-241.
8. Бацаев И. Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932-1953). Дальстрой. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 217 с.
9. Бацаев И. Д. Хищения золота в Дальстрое в послевоенные годы // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. - С. 95-100.
10. Бацаев И.Д., Козлов А.Г. Дальсрой и Севвостлаг ОГПУ-НКВД СССР в цифрах и документах: В 2-х ч. Ч. 1 (1931-1941), Ч. 2 (1941-1945). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002.
11. Бацаев И. Д. Обострение криминальной обстановки в ИТЛ Дальстроя (середина 40-х – начало 50-х гг.) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. - С. 183-197.
12. Бацаев И. Д. Амнистия 1953 г. и ее влияние на промышленный комплекс Дальстроя // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. - С. 198-208.

13. Берцинская А. «Неотошедшие троцкисты» // Краеведческие записки. - Магадан, 1992. - Вып. 18. - С.32-41.
14. Билибин Ю. А. К истории колымских приисков. // Билибин Ю.А. Избр. тр.: в 3 т. - М.: Изд-во АН СССР, 1961. - т. 3. - С. 195-206.
15. Билибин Ю. А. О перспективах золотоносности колымского района. // Там же. - С. 207-212.
16. Богданов Е. И. Промывочные приборы Колымы. // Колыма. - № 6-7. – 1981. – С. 22-24.
17. Ванеев Н.И. Золото. - М.: Государственное научно-техническое изд-во литературы по черной и цветной металлургии, 1941. - 155 с.
18. Варава Н. А. Первое десятилетие. // Колыма. – 2000. - №2. - С. 11-13.
19. Васильев В.А., Селитренник Э.Е. Промышленность Чукотки. // Преображенный край. – Магадан, 1956. – С. 138 - 144.
20. Васьковский А. П. История геологического исследования Северо-Востока СССР (Дореволюционный период). // Краеведчесие записки. - Магадан, 1959. - вып. 2. - С. 5-19.
21. Владимирова Е. Л. Письмо в ЦК КПСС. // // Краеведческие записки. - Магадан, 1992. - Вып. 18. - С. 112-127.
22. Власенко В. И. Итоги эксплуатации дражного флота на Северо - Всотоке СССР. - Магадан, 1959 г. – 26 с.
23. Время. События. Люди. Исторические очерки об освоении Колымы и Чукотки. 1928 - 1940 гг. - Магадан: Кн. изд-во, 1968. - 352 с.
24. Вронский Б.И. По таежным тропам. Записки геолога. - Магадан: Кн. изд-во,1960. - 130 с.
25. Вронский Б.И. На Золотой Колыме. Воспоминания геолога. - М.: Мысль, 1965. – 280 с.
26. Вспомним всех поименно. Память. – Магадан: Кн. изд-во, 1996. - Кн. 2.
27. Галченко И. И. Геологи идут на Север. - М.: Сов. Россия, 1958. - 245 с.
28. Гехтман Б.Е. Эдуард Петрович Берзин // Краеведческие записки. - Магадан, 1989. - Вып. 16. - С. 71-79.
29. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. - Магадан: Кн.изд-во, 1992. - 733 с.
30. Гранкина Н. Записки вашей современницы // Доднесь тяготеет. - М.: Сов. писатель, 1989. - С.149-174.
31. Гущин И.В., Афанасьев И.А. Чукотский национальный округ. - Магадан: Кн. изд-во, 1956. - 104 с.
32. Груша М.В. 25 лет Дальстроя. – Магадан: Кн. изд-во, 1956.
33. Дальстрой. К 25-летию. - Магадан: Кн.изд-во, 1956. - 239 с.
34. Евангулов Б.Б. Как была открыта Золотая Тенька // Колыма. - 1978. - № 7-8. – С. 28-29.

35. Ефимов С.П. Деятельность Дальстроя в годы Великой Отечественной войны» // Колыма. – 1993. - № 7. – С. 30-34.

36. Жилинский Г. Б. Мирный десант в заливе Креста // Краеведческие записки. - Магадан, 1992. - Вып. 18. - С. 74-85.

37. Жихарев Н. А. Очерки истории Северо-Востока РСФСР (1917 - 1953 гг.).- Магадан : Кн. изд-во, 1961. - 253 с.

38. Зеляк В. Г. Горнодобывающая промышленность «Дальстроя» (1932-1957 гг.) // Колыма. – 2000. - №3 – С. 8-13.

39. Зеляк В. Г. Развитие социальной инфраструктуры Дальстроя в годы Великой Отечественной войны // Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 75-летию со дня рождения чл.-корр. РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. - С. 213-216.

40. Зеляк В. Г. Использование труда заключенных на предприятиях горнодобывающей промышленности Дальстроя в 30-50-е гг. XX в. // Седьмая Дальневосточная конференция молодых историков. Сб. м-лов. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – С. 34-41.

41. Зеляк В. Г. Дражная золотодобыча на Северо-Востоке России в 50-е гг. XX столетия // II Диковские чтения: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Дальстроя – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. - С. 47-51.

42. Зеляк В. Г. Уранодобывающая отрасль Дальстроя (1948-1956 гг.) // Материалы науч.-практич. конф., посвящ. 40-летию Северного Междунар. унив. – Магадан: Изд. СМУ, 2002. - С. 212-124.

43. Златина Н. Периодическая печать Магаданской области. – Магадан, 1956.

44. Золото: прошлое и настоящее / Под ред. В.И. Букато, М.Х Лапидуса и др. – М.: Финансы и статистика, 1998.

45. Золотые месторождения Урала и Казахстана. – М.: Металлургиздат, 1947.

46. Иоффе Г. А., Нестеренко А. В. Волчий камень (Урановые острова архипелага ГУЛАГ). – СПб: «Петербург-XXI век», 1998. – 136 с.

47. Исаков А. Н. История торговли на Северо-Востоке России (XVII-XX вв.). – Магадан: Кн. изд-во, 1994. – 260 с.

48. Историческая хроника Магаданской области. События и факты. 1917-1972. - Магадан: Кн. изд-во, 1975. - 341 с.

49. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. - М.: Мысль, 1989. - 492 с.

50. Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей (1932-1937 гг.) // Краеведческие записки. - Магадан, 1991. - Вып. 17. - С. 61-91.

51. Козлов А. Г. Во времена колымских лагерей // Колыма. – 1992. - № 10-11. - С.31-36.

52. Козлов А. Г. У истоков Севвостлага // Колыма. – 1992. - № 12. - С.27-32.

53. Козлов А. Г. Из истории колымских лагерей (конец 1937-1938 гг.). // Краеведче-ские записки. - Магадан, 1993. - Вып. 19. - С. 117-143.

54. Козлов А. Г. За колючей проволокой Севвостлага. // Колыма. - 1993. - N 1. - С. 33-37.

55. Козлов А. Г. Севвостлаг НКВД СССР (1937-1941) // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. - Магадан, 2000. - С. 77-102.

56. Козлов А.Г. Геологоразведочные работы и старательская золотодобыча на Колыме (1908-1933) // Диковские чтения: М-лы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н.Н. Дикова. – Магадан, 2001. – С. 182-190.

57. Козлов А. Г. Реорганизация горнодобывающей промышленности Дальстроя в 1931-1957 гг. // II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. - С. 41-46.

58. Козлов А. Г. Геологоразведочные работы Дальстроя в первое десятилетие его деятельности (1932-1942 гг.) // II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 144-148.

59. Козлов А. Г. Геологоразведочные работы на Колыме и становление геологической службы Дальстроя (1931-1939) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. - С. 84-106.

60. Козлов А. Г. Лагерная система Дальстроя в период послевоенной реорганизации и последующего распада (1945-1957) // Материалы по истории Севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. - С. 151-182.

61. Костенков В. М. Экономические районы СССР. – М., 1958. – 168 с.

62. Кубиков К. В., Потапенко В.В. Комплексная механизация подземной добычи песков. – Магадан: Кн. изд-во, 1960. – 48 с.

63. Кузнецов И. К. Техника на горных предприятиях Магаданской области. – Магадан: Кн. изд-во, 1955. – 44 с.

64. Кусургашев Г.Д. Колымские записки и зарисовки // Колыма. - 1992. - N 2. - С. 34-36, N 4. - С. 33- 35.

65. Кусургашев Г.Д. Призраки колымского золота. - Воронеж, 1995. - 93 с.

66. Ламин В. А. Золотой след Сибири. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 144 с.

67. Левченко С. В., Мозесон Д. Л. Золотая Колыма. Из истории открытия и освоения Северо-Востока СССР. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - 96 с.

68. Лешков В.Г., Бельченко Е.Л., Гузман В.В. Золото российских недр. – М.: АО «ЭКОС», 2000. – 628 с.

69. Логинов В. П. Пути повышения эффективности горной промышленности Северо-Востока СССР. - М., 1962. – 184 с.

70. Ломако П.Ф. Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. – М.: Металлургия, 1985. – 256 с.

71. Лугов С. Ф. Моя работа на Колыме // Краеведческие записки. - Магадан, 1992. - Вып. 18. - С. 3-14.

72. Лукин И. И. Первостроители: Из истории строительства на Крайнем Северо-Востоке СССР. - Магадан: Кн. изд-во, 1986. - 368 с.

73. Магадан. Конпект прошлого. Годы. Люди. Проблемы. - Магадан: Кн. изд-во, 1989. - 286 с.

74. Малагин А. П. Магаданский экономический район. - Магадан: Кн. изд-во, 1957. - 120 с.

75. Марголин А. Б. Проблемы народного хозяйства Дальнего Востока. - М.: Изд-во АН СССР, 1963. - 255 с.

76. Марфунин А.С. История золота. - М.: Наука, 1987. - 244 с.

77. Мацуев Л. П. Олово Северо-Востока // Колыма. – 1981. - №1. – С. 30-31.

78. Мельников С. М. Дальстрой: страницы истории (историко-социологический аспект). // Колыма. - 1993. - N 9-10. - С.44-47.

79. Мельников С. М. Добыча урана – одно из направлений деятельности Дальстроя // Колыма. – 1994. - № 4. – С. 32-33.

80. Мета В. И., Диденко В. В. Жертвы Колымы. Магадан. – Магадан: ОАО «МАОБТИ», 2000. – 304 с.

81. Миндлин М. Б. Первая зима на Колыме. // Там же. - Магадан, 1992. - Вып. 18. - С. 42-52.

82. Мухачев Б. И. Начало промышленного освоения Колымы (1928-1937 гг.). // Краеведческие записки. - Магадан, 1970. - Вып. 8. - С. 69-79.

83. Навасардов А. С. Из истории строительства Колымской трассы (1928-1940 гг.). // Там же. 1991. - Вып. 17. - С.14-25.

84. Навасардов А. С. Из истории золотодобычи, снабжения и развития транспорта в начальный период освоения района Верхней Колымы (1928-1931 гг.) // Там же. 1993. - Вып. 19. -С. 93-106.

85. Нефедова С.П., Бубнис Г.К. Хроника геологического изучения Северо-Востока СССР // Колыма. - 1978. - № 7-8.- С. 15-20.

86. Николаев К. Б. Тяжелый металл, или Как родился, жил и умирал Дальстрой. // На Севере дальнем. - 1989. - N 2. - С. 54-83.

87. Николаев К. Б. Чудная планета Колыма // Наука и жизнь. - 1990. - N 1. - С. 48-54., N 2. - С. 45-52.

88. Николаев К. Б. К вопросу изучения истории Дальстроя // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский ГУЛаг. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. - С. 29-46.

89. Николаев К. Б. Создание горнодобывающей промышленности. // Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсы в историю. - Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. - С. 58-60.

90. Орловская Л. И. Особенности формирования кадров народного хозяйства Магаданской области. // Проблемы развития производительных сил Северо-Востока СССР. - Магадан: Кн. изд-во, 1964. - С. 21-41.

91. Оноприенко В.И. Геологи на Крайнем Севере. - М.: Недра. 1990. - 137 с.

92. Паникаров И. А. История поселков центральной Колымы. - Магадан: АО МАОБТИ, 1995. - 192 с.

93. Пилясов А. Н. Трест «Дальстрой» как суперорганизация. // Колыма. - 1993. - N 8. - С. 34-37., N 9-10. - С. 37-41., N 11. - С. 28-33.

94. Пилясов А. Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). - Магадан, 1996. - 146 с.

95. Полезные ископаемые Северо-Востока. - Магадан: Кн. изд-во, 1974. - 159 с.

96. Политические репрессии на Дальнем Востоке. 1920-1950-е годы: М-лы первой Дальневосточной науч.-практ. конф. – Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. – 320 с.

97. Потемкин С.В. Благородный 79-й. Очерк о золоте. – М.: Недра, 1988. – 174 с.

98. Преображенный край. - Магадан: Кн. изд-во, 1956. - 400 с.

99. Развитие цветной металлургии СССР (1917-1987 гг.) (обзорная информация). – М.: ЦНИИ ЭИЦМ, 1987 – 56 с.

100. Райзман Д. И. Мальдяк в жизни Королева. – Магадан: «Северная полиграфия», 1999.

101. Раковский С.Д. Богатства недр - на службу Родине // Дальстрой. К 25-летию. - Магадан: Кн. изд-во, 1956. - С. 15-26.

102. Ремизовский В.И. Репрессированные геологи Дальнего Востока (краткие биографические сведения с указанием первоисточников). – Хабаровск: Дальнев. народная академия наук, 2001. – 53 с.

103. Репрессированные геологи. Биографические материалы. – М.-СПб.: Изд-во ВСЕГЕИ, 1995. – 210 с.

104. Репрессированные геологи. – М., СПб: М-во прир. ресурсов РФ, ВСЕГЕИ, росс. геол. об-во, 1999.

105. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1967.

106. Ротфорт М. С. Колыма - круги ада. - Екатеринбург: Урал. рабочий., 1991. - 101 с.
107. Рохлин М. И. Чукотское олово. - Магадан: Кн. изд-во, 1959. - 76 с.
108. Рохлин М. И. Там, где были яранги. Записки геолога. - М.: Сов. Россия, 1961. – 112 с.
109. Рощупкин Г. Г. Роль Чаунской районной партийной организации в промышленном освоении Чукотки. // История и культура народов Севера Дальнего Востока. - М.: Наука, 1967. - С. 150-159.
110. Рощупкин Г. Г. Создание и развитие горнодобывающей промышленности на Чукотке (1917 - 1953 гг.). // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки. - Магадан: Кн. изд-во, 1971. - С. 5-80.
111. Рыбаковский Л. Л. Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. - Хабаровск, 1969. - 201 с.
112. Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. - М.: Наука, 1990. - 168 с.
113. Сандлер А., Этлис М. Современники ГУЛАГа: Книга воспоминаний и размышлений. - Магадан: Кн.изд-во, 1991. - 557 с.
114. Северо-Восточный экономический район. - Магадан: Кн. изд-во, 1965. - 320с.
115. Славин С.В. Северо-Восток Советского Союза как новый формирующийся экономический район. - М., 1958. - 32 с.
116. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. - М.: Экономиздат, 1961. - 305 с.
117. Славин С.В. Освоение Севера Советского Союза. - М.: Наука, 1982. - 207 с.
118. Смолина Т. Последние дни Эдуарда Берзина. // Колыма. - 1988. - N 6. - С. 37-40.
119. Соболевский Т.Ф. О некоторых особенностях образования себестоимости золота. // Колыма. - 1959. - N 1. - С. 37-41.
120. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. – М.: РГГУ, 1997. – Т. 2. Апогей и крах сталинизма. – 761с.
121. Солдатов Л. Л. Алмазы. Золото. Уран. От мастера до генерального директора. – М.: «Алроса», 1998. – 256 с.
122. Справочник дифференцированных окладов для инженерно-технических работников, служащих и младшего обслуживающего персонала по отраслям хозяйства Дальстроя НКВД СССР. – Магадан: Изд.-во «Советская Колыма», 1945.
123. Стариков Г. Ф., Дьяконов П.Н. Леса Чукотки. - Магадан: Кн. изд-во, 1955. - 112 с.
124. Стариков Г. Ф. Леса Магаданской области. - Магадан: Кн.изд-во, 1958. – 224 с.
125. Терентьев Я. М. Рождение прииска // Краеведческие записки. - Магадан, 1992. - Вып. 18. - С. 86-92.

126. Терлецкий П. Е. Проблема заселения Крайнего Севера. - М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1945. - 12 с.

127. Труд в золотой промышленности (сборник важнейших законов и ведомственных распоряжений). – М.: НКТП Главзолото, 1937.

128. Унпелев Г. А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. - Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1972. - 296 с.

129. Уоллес Г. Э. Первые дни на земле Советской Азии // Краеведческие записки. – Магадан, 1992. – Вып. 18. – с. 102-109.

130. Уральцы на Колыме и Чукотке (1937-2000 гг.): Историко-биографический альманах. Книга вторая. – Екатеринбург: УГГГА, 2001. – 386 с.

131. Ушаков В. А. Газогенераторный транспорт Колымы. // Колыма. – 1981. - № 1. – С. 35-39.

132. Фирсов Л. В. Рассказы о золоте. - Магадан: Кн. изд-во, 1957. - 136 с.

133. Фосс Г.В. Золото. – М.: Госгеолтехиздат, 1963. – 174 с.

134. Хатылаев М.М. Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири (1917-1925 гг.). – Якутск: изд. Якутского филиала СО АН СССР, 1983. – 92 с.

135. Хатылаев М.М. Рабочие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири. 1921-1937 гг. - Новосибирск: Наука, 1986. – 175 с.

136. Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 годы. // Свободная мысль. - 1992. - N 13. - С.73-84.

137. Хлыпалов В. М. Из истории строительства Колымской трассы // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. - Магадан : Кн. изд-во, 1976. - С. 115-120.

138. Хотелось бы всех поименно назвать... По материалам следственных дел и лагерных отчетов ГУЛАГа. - М.: Мир и человек, 1993. - 244 с.

139. Цаплин В. В. Архивные данные о числе заключенных в конце 30-х годов. // Вопросы истории. - 1991. - N 4-5. - С.157-163.

140. Цареградский В. А. По экрану памяти. Воспоминания о Второй Колымской экспедиции 1930-1931 гг. - Магадан: Кн. изд-во, 1980. - 168 с.

141. Цопанов О.Х. Геологическая служба Северо-Востока СССР // Колыма. - 1978. - № 7-8. - С. 11-25.

142. Чистяков И.П. Десятилетие местных Советов. // Десять лет Магаданской области. - Магадан: Кн. изд-во, 1963. - С. 36-72.

143. Хроника горнодобывающей промышленности Магаданской области: Часть 1: Горнодобывающая промышленность Дальстроя (1931-1957) / Сост. С.П. Ефимов. – Магадан: Кордис, 2002. – 183 с.

144. Хрюкова Г. М. Геологи Колымы и Чукотки: Библиографический справочник. Помни их имена. - Магадан: Кн. изд-во, 1969. - Вып. 2. - 123 с.

145. Шаповалов В. С., Мамаев Ю. А., Полеванов В. П., Федоров С. Г. Периодизация освоения золотоносных россыпей Северо-Востока. // Колыма. – 1990. - № 12. – С. 2-6.

146. Широков А. И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. – Магадан: Кордис, 2000. – 151 с.

147. Широков А.И. История золотого промысла на востоке России // Колыма. – 2000. - № 3. – С. 2-8.

148. Широков А. И. Государственные монополии как форма колонизационной политики на Севере России в XX в. // Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Н.Н. Дикова. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. - С. 247-253.

149. Широков А. И., Этлис М. М. Советский период истории Северо-Востока России (историография и новые архивные данные). - Магадан: Изд-во МПУ, 1993. - 24 с.

150. Шувалов Л.В. Первая золотодобывающая драга на Колыме // Колыма. – 1981. – №6-7. - С. 74-76.

151. Щербинин Б. Г., Леонтьев В. В. Там, где геологи прошли. - Магадан: Кн. изд-во, 1980. - 176 с.

152. The economic transformation of the Soviet Union, 1913-1945 / edit by R. W. Davies, Mark Harrison, S. G. Wheatcroft. – N. Y., Cambridge University Press, 1994.

153. John J. Stephan The Russian Far East: a history. – Stanford University Press, Stanford, California, 1994.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Основные показатели Дальстроя по добыче золота, олова, вольфрама, кобальта и урана[1]

	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
добыто золота (т)	0,5	0,8	5,5	14,5	33,3	51,4	61,9	66,3	80,0	75,8	74,4	70,1	70,4	69,5	52,6	41,2	43,6	52,4	49,0	49,2	49,1	47,6	45,2	44,1	38,8
среднее содержание (г/м^3)	27,8	36,0	15,2	21,4	24,7	24,6	17,7	12,3	11,1	9,1	10,1	9,8	8,2	6,4	5,7	5,1	4,8	4,7	4,7	4,4	4,52	4,29	3,98	3,79	3,32
коммерч. стоимость 1 г	5,17	7,32	5,13	3,87	4,06	4,99	4,62	6,71	6,55	8,30	8,26	8,76	10,48	13,76	19,88	25,35	28,30	32,05	32,20	30,15	28,05	25,91	26,68	25,0	-
добыто олова (тыс. т)						0,04	0,2	0.5	1,9	3,2	3,6	3,9	3,7	4,5	4,7	4,1	3,3	4,2	3,6	4,59	5,35	4,0	4,0	3,0	3,0
комм. стоимость 1 кг (руб.)						-	-	65,80	48,07	58,09	65,10	56,20	49,21	48,10	46,61	65,31	90,66	105,2	133,9	103,3	124,6	157,7	144,1	112,5	-
добыто трехокиси вольфрама (т)										42	47	100	91	-	-	-	41	87	295	530,6	439,3	515,5	419,0	254,9	261,3
коммерч. стоимость 1 кг										-	-	-	-	-	-	-	-	217,1	98,7	62,8	58,4	51,6	64,9	91,9	109,2
добыто кобальта (т)																0,5	37	71	71	75,5	62,2	45,9	35,1	-	-
комм.ерч. стоимость 1 кг																1308	784,3	578.4	622,2	600,1	617,6	692,2	780,0	-	-
добыто урана (т)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	?	?	~ 20	~ 47	~ 45	~ 21	~ 23	-

[1] Таблица составлена по: ГАМО, Ф-Р23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 4-10; Д. 251, Л. 1, 76; Д. 258, Л. 1-3, 12, 49; Д. 407, Л. 1, 38; 55, 67; Д. 480, Л. 81, 9-10; Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 5606, Л. 177; Д. 5609, Л. 11-12; Д. 5611, Л. 10; Д. 5612, Л. 47; Д. 5616, Л. 163-167, 211; Д. 5620, Л. 125.

Приложение 2

Горнодобывающие предприятия Дальстроя в 1932-1956 гг.[1]

	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
золотодобы-ча:	10	12	11	13	16	17	29	37	38	45	43	35	37	45	46	48	51	55	55	57	49	38	30	30	30
прииски	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	2	3	4	6	7	7	5	4	5	4	3	3	3	3
рудники	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	3	6	8	7	5	5	4	4	3	3	3	?
ЗИФ*																									
оловодобы-ча:						1	2	3	5	9	9	1	1	1	1	1	1	4	9	12	12	9	5	3	
прииски						2	2	3	5	8	10	10	8	8	8	9	9	9	9	9	11	10	10	4	
рудники						-	1	1	4	10	11	13	11	11	11	12	12	12	12	11	11	13	11	5	
фабрики**																									
добыча вольфрама:																									
рудники																		1	1	1	1	1	1	1	1
фабрики																		1	1	1	1	1	1	1	1
добыча кобальта:																	1	1	1	1	1	1	1	-	
рудники																	-	1	1	1	1	1	1	-	
фабрики																									
всего по Дальстрою	10	12	11	13	16	20	34	44	52	73	75	62	61	72	78	86	89	94	98	102	95	80	66	50	

[1] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 17; Д. 484, Л. 14-18.

Приложение 3

Численность работников золотодобывающей промышленности Дальстроя в 1932-1950 гг. (тыс. чел.)[1]

	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950
количество работающих в Дальстрое	13,1	30,8	36,0	50,3	73,2	92,3	113,4	189,8	216,4	210,7	202,4	183,4	176,6	189,1	205,3	207,6	216,8	232,7	258,1
в том числе заключенных	10,0	27,4	32,3	44,6	62,7	80,3	94,0	163,5	176,7	148,3	126,0	90,6	82,3	87,5	91,6	95,5	105,8	120,3	142,8
списочный состав на золотодобыче	1,0	1,4	6,1	11,2	20,4	23,9	50,6	71,0	92,1	95,4	79,0	69,2	72,0	80,5	85,1	80,0	81,5	73,9	74,8
из них вольнонаемных	1,0	1,4	1,0	2,0	1,9	1,3	2,2	2,4	2,9	9,9	21,1	28,5	33,3	35,1	41,7	38,4	32,4	25,6	20,6
заключенных	-	-	5,1	9,2	18,5	22,6	48,4	68,6	89,2	85,5	57,9	40,7	38,7	45,4	43,4	41,6	49,1	48,3	54,2

[1] Составлено и подсчитано по: ГАМО, Ф. Р-23сс, Оп. 1, Д. 4, Л. 52; Д. 11, Л. 5.

Приложение 4

Расходование основных видов ресурсов на 1 кг химически чистого золота, добытого на основном производстве в Дальстрое в 1943-1953 гг.[1]

основные виды ресурсов	ед. изм.	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952**	1953
взрывчатые вещества	кг	70,2	140	157,0	227	272	329,1	324	397	326,7	270	224
детонаторы	шт.	51,4	79	99,5	141	158	187,6	233	267	263,3	217	208
бикфордов шнур	п/м*	61,0	99	130,1	176	183	244,1	313	321	337,5	-	297
лесоматериалы	$м^3$	1,7	1,4	2,1	3,12	2,8	2,9	3,2	3,73	3,46	-	4,2
дрова	$м^3$	4,3	4,6	5,3	4,27	2,7	2,08	1,6	1,95	0,89	-	0,5
уголь каменный	кг	853,1	850	1,058	1,24	1,251	1,106	1,16	1,86	1,278	-	1,1
жидкое топливо	кг	23,1	88	102,8	179	238	246,6	260	248	206,6	-	232
электроэнергия	Квч	434,5	551	687,0	965	1192	1308,3	1372	1525	1711,6	-	2023
сжатый воздух	тыс. $м^3$	1,9	2,9	3,93	6,77	6,92	7,1	8,9	8.1	8,26	7,0	7,5
отработано	человеко-дней	147,4	145,2	158,3	191	193	195,7	187	190,9	163,0	-	116

*) п/м – погонных метров

**) за 1952 г. данные по расходованию некоторых видов ресурсов отсутствуют

[1] Таблица составлена по: ГАМО, ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4247, Л. 14об; Д. 4269, Л. 19; Д. 4299, Л. 18; Д. 4331, Л. 24; Д. 4372, Л. 27; Д. 4432, Л. 23; Д. 4497, Л. 24; Д. 1958, 312; Д. 4570, Л. 23; Д. 4634, Л. 21, Д. 4786, Л. 55.

Приложение 5

Расходование основных видов ресурсов на 1 т олова в концентрате, добытого на основном производстве в Дальстрое в 1943-1953 гг.[1]

основные виды ресурсов	ед. изм.	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
взрывчатые вещества	кг	134,7	134	143	141	164	265.6	283,4	581,7	626,4	557,6	499,5
детонаторы	шт.	226,2	187	178	196	209	337,2	366	578	659,7	509,4	526,1
бикфордов шнур	п/м*	287,8	257	261	251	322	525,0	589	908	1023,0	754	914,6
лесоматериалы	$м^3$	4,8	3,93	3,04	2,65	3,12	4,1	4,7	8	6,77	6,1	7,7
дрова	$м^3$	-	3,48	1,77	1,65	1,71	1,7	1,8	2,9	1,8	1,0	2,1
уголь каменный	т	-	0,32	0,518	0,537	0,441	0,471	1,114	870	515,7	357,4	326,7
жидкое топливо		-	118	71	125,8	234,6	247,5	256,3	1004	805,7	654,3	919,7
электроэнергия	Квч	5069,0	3731	3520	3450	4509	6547	7072	9807	9318,0	7334	9734
сжатый воздух	тыс. $м^3$	35,3	26,0	19,0	17,0	24,63	31,4	32,.8	48,2	40,4	29,6	34,6
отработано	челове-ко-дней	563,0	398	306,3	280	394	514	580	796	697,0	563	552,2

[1] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4247, Л. 21об; Д. 4269, Л. 35; , Д. 4299, Л. 33; Д. 4331, Л. 44; Д. 4372, Л. 48; Д. 4432, Л. 42; Д. 4497, Л. 44; Д. 4570, Л. 41; Д. 4634, Л. 40; Д. 4697, Л. 48; 4785, Л. 46.

Приложение 6

Расходование основных видов ресурсов на добычу 1 т 60-процентного концентрата вольфрама в Дальстрое 1950-1953 гг.[1]

основные виды ресурсов	ед. изм.	1950	1951	1952	1953
взрывчатые вещества	кг	654	482.4	257,0	260,7
детонаторы	шт.	909	684,9	376,3	335
бикфордов шнур	п/м*	1612	1248,0	763,6	690
лесоматериалы	$м^3$	9,3	7,52	2,91	3,3
дрова	$м^3$	2,1	1,60	0,95	0,56
электроэнергия	Квч	6599	5534	3722	2320
сжатый воздух	тыс. $м^3$	105	74,3	46,6	40,6
отработано	человеко-дней	1014	620,0	320,4	278,3

*) п/м – погонных метров

Расходование основных видов ресурсов на добычу 1 т кобальтового концентрата (основное производство в 1948-1953 гг.)[2]

основные виды ресурсов	ед. изм.	1948	1949	1950	1951	1952	1953
взрывчатые вещества	кг	1780	2323	2515	2503	2354	3162
детонаторы	шт.	2766	4158	4452	4066	4576	5486
бикфордов шнур	п/м*	4902	7561	7548	7973	8450	3719
лесоматериалы	$м^3$	46,0	54,0	26	35,9	24	34
дрова	$м^3$	43,3	30,5	-	-	-	-
электроэнергия	Квч	53700	50500	57340	58880	74920	103560
сжатый воздух	тыс. $м^3$	354,8	408,2	394	399	487	617
отработано	человеко-дней	3232	2935	2431	2068	2566	2697

*) п/м – погонных метров

[1] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4570, Л. 53; Д. 4634, Л. 52; Д. 4697, Л. 59; 4785, Л. 57.
[2] Таблица составлена по: ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 4432, Л. 56; Д. 4497, Л. 54; Д. 4570, Л. 53; Д. 4634, Л. 63; Д. 4697, Л. 70; 4785, Л. 68.

Приложение 7

Механизация горных работ на горных предприятиях Дальстроя
(в %% к общему объему)[1]

	1940	1945	1950	1954 за 9 мес.
российные предприятия (золото, олово):				
1. вскрыша торфов				
2. подача песков на промприборы	17,3	82,7	97,2	100
3. транспортировка песков по подземным горным выработкам	4,36	28,0	93,8	99,5
4. погрузка песков в очистных забоях	3,0	16,0	50,0	96,6
погрузка горной массы при проходке выработок	-	-	60,0	98,0
	-	-	20,0	81,0
рудные предприятия (золото, олово):				
1. доставка руды из очистных забоев	-	-	80,0	96,0
2. погрузка горной массы при проходке выработок	-	-	20,0	40,4
3. откатка горной массы по горизонтальным выработкам	-	-	40,0	59,4

[1] ГАМО, Ф. Р-23сч, Оп. 1, Д. 1958, Л. 160.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГО – административно-гражданский отдел
ВЛКСМ – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВСНХ СССР – Высший совет народного хозяйства
горком – городской комитет
горкоммунотдел – городской отдел коммунального хозяйства
горпромрайон – горнопромышленный район
Госплан - Государственный плановый комитет Совета Министров СССР (СНК СССР)
ГРУ – Геологоразведочное управление Дальстроя
ГУСДС – Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД (МВД) СССР (Дальстрой)
ГУЛАГ – Главное управление лагерей ОГПУ-НКВД (МВД) СССР
ДВК – Дальневосточный край
з/к - заключенный
ЗГПУ - Западное горнопромышленное управление
ЗИФ – золото-извлекательная фабрика
ИГПУ – Индигирское горнопромышленное управление
КРУДС – Колымское речное управление Дальстроя
МГТ – Магаданский горный техникум
МГГТ - Магаданский горно-геологический техникум
МВД – Министерство внутренних дел
ММП – Министерство металлургической промышленности
МЦМ – Мниистерство цветной металлургии
НКВД - Народный комиссариат внутренних дел
НКЦМ – Народный комиссариат цветной металлургии
ОГПУ – 1) Объединенное государственное политическое управление; 2) Омсукчанское горнопромышленное управление
окружком – окружной комитет
ОЗРК – Омчакский золоторудный комбинат
ОГПК – Омсукчанский горнопромышленный комбинат
ПВС СССР - Президиум Верховного Совета СССР
райком – районный комитет
райГРУ – районное геологоразведочное упралвление
СГПУ – Северное горнопромышленное управление
Севвостлаг (СЕВВОСТЛАГ) – Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь (лагеря)
СВИТЛ - Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь (лагеря)
СМ СССР – Совет Мниистров СССР
СНК – Совет народных комиссаров
СТО - Совет труда и обороны
ТГПУ – Тенькинское горнопромышленное управление
УАТ – Упралвение автотранспорта
УСВИТЛ – Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (лагеря)
ЧУГПУ – Чай-Урьинское горнопромышленное управление
ЧЧГПУ – Чаун-Чукотское горнопромышленное управление
ЧЧГПК – Чаун-Чукотский горнопромышленный комбинат
ЮГПУ – Южное горнопромышленное управление
ЮЗГПУ – Юго-Западное горнопромышленное управление
ЦИК СССР – Центральный исполнительный комитет Всесоюзного съезда Советов
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ЦК КПСС - Центральный комитет коммунистической партии Советского Союза
ЯГПУ – Янское горнопромышленное управление